Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Материалы XX Всероссийской очной
научно-практической конференции

(29 апреля 2026, г. Липецк)

Воронеж • 2026

УДК 304.4:338.2:34(06)
ББК 60.028+65.050+67я431
Л66

Рецензент:
Шурупова Ольга Сергеевна, профессор кафедры английского языка ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Под общей редакцией
канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой

Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: материалы XX Всероссийской очной научно-практической конференции (г. Липецк, 29 апреля 2026 г.); / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой. – Воронеж: НАУКА - ЮНИПРЕСС, 2026. – 422 с.

УДК 304.4:338.2:34(06)
ББК 60.028+65.050+67я431

© Коллектив авторов, 2026
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ XX ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» (29 АПРЕЛЯ 2026)

СЕКЦИЯ 1
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ

Аксенова М.А.
Демография территорий: состояние, факторы, региональная политика 11

Васильева С.И.
Профессиональная адаптация личности в условиях новой социальной среды 15

Гарифова А.Р., Гильмутдинова А.Р.
Демографический рост через поддержку семьи: эффективность современных мер социально-экономической политики России 23

Зубков С.Д.
Проблемы репродуктивного здоровья населения в России и в Липецкой области 27

Коротаева Е.Ю.
Обзор мер государственной поддержки рождаемости в регионе и оценка их эффективности 34

Лесных Е.В., Шаповалова И.Б.
Трансформация семейных ценностей в молодежной среде 39

Чеботарев Д.Д.
Экономические аспекты «цифровой демографии»: преимущества и недостатки 43

СЕКЦИЯ 2
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ПРИОРИТЕТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Боровков В.С.
Современные подходы и механизмы стратегического развития муниципальных образовательных систем, показатели эффективности деятельности органов управления образованием 48
Галицких В.Н., Преснякова Д.В.
Стратегия финансовой стабилизации в управлении организацией..... 54
Дронова Н.А.
Социально-экономическая политика государства: приоритеты и эффективность..... 59
Иванов А.Г.
Современное государственное управление в Российской Федерации в контексте акторно-сетевой теории Б. Латура..... 61
Ивашинина Т.Б., Малахова О.А.
Организация социальной защиты и поддержки населения в регионе..... 68
Измалкова И.В.
Трехуровневая структура понятийного аппарата социально-экономической политики государства..... 72
Либерман Т.И.
Цифровые инструменты реализации социальной политики в регионе 75
Лопская Д.П.
Пространственная организация России: между централизацией и регионализацией..... 80
Лукерчик С.В.
Системные проблемы реализации государственных программ и проектов в России 87
Морозова Н.С.
Национальные цели развития как мета-регулятор регионального стратегирования: теоретическая модель согласования 92
Преснякова Д.В., Галицких В.Н.
Управление проектами в стратегии развития организации..... 95
Родичева В.П.
Управление устойчивым развитием экономики России в условиях геополитической нестабильности..... 102
Солодовник Ю.А.
Цифровизация финансового менеджмента: трансформация инструментов и методов управления корпоративными финансами..... 102

Степочкин Е.В.
Региональная экономическая политика как инструмент решения проблем социального развития Липецкой области 117
Стюфляев А.Р.
Институциональные барьеры реализации государственных программ развития сельских территорий в Российской Федерации: региональный аспект..... 121
Суханов Е.В.
Влияние ценового дисконта на экономику России при экспорте товаров 126
Толмачев А.А.
Государственная политика цифровой трансформации нефтегазовой отрасли в условиях платформенной экономики 132
Фоминых В.О., Гарифова А.Р.,
Формирование благоприятной деловой среды для малого и среднего предпринимательства как фактора устойчивого экономического роста 137
Хайбуллина Л.Р., Гарифова А.Р.
Последствия введения минимальной заработной платы для экономики..... 141
Шаповалова И.Б.
К вопросу государственного управления развитием социальной сферы в субъекте Российской Федерации 145
Шахватова С.А.
Изменения благосостояния стран в период турбулентности 149
Юшков М.А.
Современные аспекты обеспечения устойчивого развития неурбанизированных территорий России..... 154

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДОРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анютина А.А.
Совершенствование законодательства, регламентирующего ответственность за совершение преступлений по мотивам национальной ненависти или вражды 158
Балмочных С.В., Чуносов В.С.
Проблемы деятельности уполномоченных органов в делах о несостоятельности (банкротстве) и пути их разрешения 161

Газин А.И., Миронова В.И.
Киберпреступность как маркер эффективности государственной политики в сфере информационной безопасности 166
Гарифова А.Р.
Правовая защита личности, общества и государства в современных условиях 171
Дорыданова И.В.
Пути совершенствования правового обеспечения принципа разделения властей в РФ 175
Егоров В.А.
Формирование и совершенствование системы исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных с ограниченными возможностями здоровья 182
Кабанцов В.С.
Роль цифровых технологий и аналитики данных в предупреждении и раскрытии преступлений в городской среде 189
Манасов Р.А.
Частная охранная организация как объект государственного регулирования ..... **ERROR! BOOKMARK NOT DEFINED.**
Ключников А.Ю.
Правовая осведомленность как часть правовой культуры общества . 196
Корнев А.С.
К вопросу о понятии искусственного интеллекта (ИИ) в уголовно-правовом аспекте 201
Лаврова С.В.
Механизм реализации права на самозащиту и цели ее функционирования 206
Лаврова С.В., Борисова Е.А.
Медиация как внесудебный способ разрешения гражданско-правового спора 212
Левашова О.В.
Современные возможности генотипоскопической экспертизы 217
Макаров О.В.
Эколого-правовое регулирование строительства: основные проблемы законодательства и его реализации 222
Мозговая Д.А., Стефанова Е.Ю.
Отдельные следственные действия в стадии возбуждения уголовного дела 226
Набоков Л.В., Половинкина М.Л.
Незаконный оборот наркотиков: новые тенденции изменения законодательства 231

Никонович С.Л., Мозговая Д.А.
Допрос как средство доказывания в условиях новых криминальных вызовов 236
Орлов В.В.
О системе наказаний в уголовном законодательстве Киргизской республики 241
Рыжкова И.Д.
К вопросу о российском криминологическом законодательстве..... 250
Суханова И.Ю.
Меры медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно-опасное деяние в России 256
Тищенко А.О.
Саботаж - пробел законодательства и векторы его решения в условиях специальной военной операции 260
Чуносов В.С.
Правовые аспекты внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в таможенную деятельность 268
Шагунова В.М., Шмелева С.Ю.
Проблема разграничения врачебной ошибки и преступной неосторожности в уголовном праве россии: пути легальной диффернциации..... 274
Шурупова Е.И.
Образовательный кодекс Российской Федерации: миф или реальность?..... 263

СЕКЦИЯ 4
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ, МЕТОДЫ

Бакаева О.Н.
Условия духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения в образовательных организациях..... 283
Билалова А.Р., Гарифова А.Р.
Цифровая среда как фактор формирования личности: вызовы и возможности в условиях новой реальности..... 287
Болгова М.Ю.
Формирование личности в условиях новой реальности современных медиакоммуникаций..... 290

Буев А.К.
Особенности методики преподавания физкультуры в колледже студентов с нарушениями опорнодвигательного аппарата 296
Зайцева О.А.
Проблемы формирования личности студентов российского техникума в условиях новой цифровой реальности 300
Киреева Н.В.
Как использовать опыт ассессмента профессиональных компетенций при планировании курсов повышения квалификации для лиц, занятых в управлении 302
Коновалова И.Н.
От трансляции знаний к наставничеству: развитие личности педагога в условиях реализации ФГОС ВО 3++..... 307
Мещеряков В.Д., Дьякова Л. А.
Становление личности человека через профессиональные и семейные традиции 310
Мещеряков В.Д.
Проблемы формирования физиологических особенностей личности студента ВУЗа в России в новых технологических условиях 314
Тонких А.Г.
Реализация нацпроекта «Семья»: формирование ценностных установок и стратегических целей развития института семьи..... 320
Усачева Е.А., Щегольков И.М.
Влияние чрезмерной зависимости от ИИ на когнитивные способности студентов..... 326
Ханыкин А.Ю.
Религиозное чудо и сверхъестественное в трудах Иммануила Канта, их влияние на человека 330
Чудинова Е.В.
Кризис семьи в современном российском обществе 336
Чурсина Ю.Е.
Образовательная питч-сессия как инструмент совершенствования мотивационно-личностной, исследовательской и коммуникативной компетенций студентов..... 341

СЕКЦИЯ 5
«ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»

Алихаджиева А.С.
«Зелёное финансирование», как средство достижения экологического благополучия: правовые основы и перспективы развития 348
Барашков С.А., Панина Н.Г., Володина И.А.
Экологическая культура как неотъемлемая часть общего культурного развития личности и важнейшее условие устойчивого развития общества 353
Белоусов И.В.
усиление значения семьи при формировании личности ребенка как основа государственной политики 359
Биткина И.К.
Финансовая служба организации в контексте повестки ESG: эволюционный подход 364
Бородина П.О.,Уварова Л.А.
Роль университетов в достижении целей устойчивого развития России 367
Горст Н.А.
Программно-целевые аспекты регулирования сферы образовательных услуг как залог экологичного развития социального общества 372
Дальман А.С.
Влияние ESG-стандартов на инвестиционную привлекательность предприятий 375
Долматова А.Д.
Оптимизация использования оборотных активов предприятия как инструмент внедрения зеленых финансов 380
Зеленькевич П.А., Юшкевич А.Н.
Ответственность за экологические правонарушения в условиях перехода к зелёной экономике в республике Беларусь 383
Колобков Д.О.
Зеленые пенсии: ESG-подход как основа устойчивого пенсионного инвестирования 388

Коломийцев С. В., Печерская Е. А.
Динамика роста Калужского региона в условиях международных санкций как особенность экологически сбалансированного тренда развития экономики 396
Макаров О.В.
Эколого-правовое регулирование строительства: основные проблемы законодательства и его реализации 401
Минакова Е.И., Думнова Н.А.
Государственная поддержка зеленого бизнеса в России 405
Могилевец В.В.
Цифровизация как правовой инструмент развития зеленой экономики: проблемы и перспективы 409
Смыслова О.Ю., Сергеева А.В., Стамова К.С.
Зелёные финансы как фактор повышения инвестиционной привлекательности страны на международной арене 422
Федотов В.И., Дементьева А.С.
Методология формирования оценки рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России 425
Шабанова А.Д.
«Зеленые способы» повышения уровня и качества жизни населения 432
Шибина А.А.
ESG-принципы и их внедрение на предприятиях 436
Яцкевич А.А.
Внедрение на предприятие экологической упаковки 439
Пролыгин А.Н.
Цифровизация исторического образования: роль ИИ-технологий в формировании познавательной активности и ценностных ориентиров личности 418

МАТЕРИАЛЫ XX ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЧНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» (29 апреля 2026 г.)

СЕКЦИЯ 1
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ

Аксенова М.А., канд. экон. наук. доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ДЕМОГРАФИЯ ТЕРРИТОРИЙ: СОСТОЯНИЕ, ФАКТОРЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимосвязи региональных рынков труда и экономических успехов регионов в условиях демографического кризиса, показана роль демографической политики и влияние ее особенностей на региональную социально-экономическую ситуацию территории, рассмотрены тенденции рождаемости по федеральным округам, предложены пути решения проблем демографии во взаимосвязи с рынком труда.

Ключевые слова: экономический рост, демография, факторы формирования, рынок труда, демографическая политика, инновации региональной политики, гендерная занятость, тенденции и прогнозы.

Классики экономической теории установили влияние роста населения на увеличение трудовых ресурсов как фактора экономического роста и повышения уровня и качества жизни всего населения. Вместе с тем, в современных экосистемах количественные показатели экономического роста более всего обеспечиваются знаниями и нововведениями. Инновации и скорость их внедрения в социально – экономические процессы определяют успех в текущем моменте и перспективе. Очевидно, что увеличение численности населения и другие демографические показатели (возрастная и

гендерная структура, рождаемость и смертность и др.) в современных экономических условиях меняет их оценку как наиболее значимых в социально-экономических показателях регионов. Вопросы взаимосвязи демографических процессов и социально-экономического развития регионов России традиционно занимают центральное место в исследованиях по пространственной демографии, региональной экономике и социологии.

Экономика любого государства в целом и ее регионов подвержена влиянию множества факторов, среди которых ключевую роль играет демографический. Подобное утверждение появилось не сейчас, в течение длительного периода времени практика экономического развития демонстрирует множество фактов, когда количественное и качественное состояние трудовых ресурсов, определяемое участием государства в демографической, миграционной, социальной политике, формировало определенный тип социально-трудовых отношений. Примером может служить крепостное право в России, которое сдерживало свободу трудового поведения работоспособного населения и предпринимателей в аграрном секторе экономики. Демографический бонус, возникающий при снижении рождаемости и увеличении доли трудоспособного населения, может обеспечить ускоренный экономический рост, что было продемонстрировано на примере стран Восточной Азии во второй половине XX века.

В последнее время, а также и в текущем периоде состояние демографических тенденций оценивается как критически важный фактор при разработке стратегических и среднесрочных программ экономического развития, отсюда, вытекает необходимость проведения аналитических исследований демографических изменений. Материалы аналитики ложатся в основу планов и программ. Необходимо отметить, что прогнозы могут быть не всегда релевантными в силу неопределенности социально-экономических и политических событий.

В частности, Стратегии научно-технического развития и обеспечения технологического суверенитета четко фокусируют задачи обеспечения реализации разработанных в указанных документах мер, высококвалифицированными научными и инженерными кадрами. Очевидно, что решение данной задачи возможно только применением интегрального подхода в государственной социальной политике (демографической, образовательной) и развитием рынка труда в интеллектуальном сегменте.

Рынок труда чувствителен к изменениям в демографических показателях, особенно в части формирования трудовых ресурсов.

Взаимосвязь тенденций, формирующихся на рынке труда и экономики очевидна. Демография становится фактором давления на экономику. По данным статистики, начиная с 2018 года происходит «сжатие» трудовых ресурсов, потому что численность молодого трудоспособного населения уменьшилась на треть, и в стране сложился реальный дефицит свежей рабочей силы. Современные исследователи в большинстве случаев сходятся во мнении, что в условиях России «пространственная динамика населения и экономики в XXI веке носит неоднородный характер: одни регионы демонстрируют рост населения, сопровождающийся экономической экспансией, другие – устойчивую депопуляцию, сопряжённую со структурными ограничениями развития. Авторы подчёркивают, что демографические факторы необходимо учитывать при формировании пространственных стратегий, поскольку они напрямую связаны с долгосрочной устойчивостью и сбалансированностью региональных систем [2; С.695].

На региональном уровне взаимосвязь демографических и экономических процессов проявляется особенно ощутимо. В России наблюдается значительная дифференциация регионов по демографическим и экономическим показателям. Регионы с более высоким уровнем экономического развития, как правило, характеризуются лучшими демографическими показателями: более высокой продолжительностью жизни, более низкой смертностью, положительным миграционным приростом. В то же время, экономически депрессивные регионы сталкиваются с негативными демографическими тенденциями: старением населения, оттоком молодежи, более высокими показателями смертности.

Именно с 2016 г. начинается снижение экономического роста России. При этом, в 2020 г. по причине пандемии падение экономики возобновилось с новой силой, из-за чего демографический кризис оказывается негативным фактором в обеспечении национальной экономической безопасности [3, С.89-91].

Известный российский ученый-исследователь, профессор, специалист в области социально-экономического развития регионов МГУ Зубаревич Н.В. «выделила три демографические тенденции, влияющие на рынок труда. Во-первых, это снижение численности трудоспособного населения, что способствует сохранению низкого уровня безработицы. Во-вторых, рост стоимости рабочей силы и зарплат. Особенно быстрый отмечен в 2023 году, но с 2025-го он тормозится из-за слабого роста или стагнации экономики. И, в-третьих, сокращение трудовых мигрантов из СНГ — с 4,5 миллиона до пандемии до 3,5 миллиона человек в 2022 году» [1].

Первые два месяца 2026 года принесли тревожные новости для демографов. Почти во всех регионах России коэффициент рождаемости снизился. Где-то падение едва заметно, а где-то цифры обвалились катастрофически быстро. Средний коэффициент рождаемости по России в декабре 2025: 1,374. Средний коэффициент рождаемости по России в феврале 2026: 1,347. Общее снижение за два месяца: -0,027. Казалось бы, цифра небольшая. Но за ней скрывается колоссальная региональная дифференциация.

Таблица 1

Федеральные округа: кто падает быстрее

Федеральный округ	Декабрь 2025	Февраль 2026	Изменение
Северо-Кавказский ФО	1,726	1,684	-0,042
Уральский ФО	1,529	1,498	-0,031
Сибирский ФО	1,371	1,344	-0,031
Дальневосточный ФО	1,454	1,423	-0,031
Южный ФО	1,362	1,336	-0,026
Центральный ФО	1,292	1,267	-0,025
Северо-Западный ФО	1,228	1,204	-0,024
Приволжский ФО	1,311	1,288	-0,023

Северный Кавказ остается самым рожающим регионом, но и там падение самое быстрое. Урал, Сибирь и Дальний Восток теряют темпы одинаково — минус 0,031 [4].

По мнению Н.В. Зубаревич, ситуация с рождаемостью в России крайне неоднородная по не только по федеральным округам, но и по субъектам Федерации и в территориальном разрезе.

Ситуация, несомненно, сложная. И государству, даже при усилении мер материальной поддержки потенциальных родителей самостоятельно изменить её к лучшему не удастся в ближайшем обозримом будущем. Но, рассматривая демографическую проблему на перспективу, аналитики заявляют, что нынешнее состояние демографии не может быть фатальным ограничителем для роста: при повышении производительности труда Россия в ближайшие годы способна выйти на темпы экономического роста выше четырех процентов.

Дальнейшие перспективы не так плохи, учитывая, что скоро в трудовую деятельность вступят представители относительно многочисленного поколения "альфа", которым сейчас от пяти до пятнадцати лет. Также необходимо совершенствование миграционной политики и развитие системы образования для пожилых людей, которые могут переобучиться на новые специальности, актуальные в период шестого технологического уклада. Здесь первую скрипку следует отдать рынку труда, на котором следует не только

отслеживать промышленную и структурную политику, но и предвосхищать события в трудовой сфере на будущее с учетом научно-технологических прогнозов.

Список цитируемой литературы:

1. Зубаревич Н.В. 2026 год будет хуже 2025-го. Экономист Наталья Зубаревич — о том, когда Россия выберется из демографической ямы. [Электронный ресурс]. URL.: https://ngs.ru/text/economics/2026/01/08/76198009/?ysclid=mo4kv5gnec855561708 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Безвербный В.А., Ростовская Т.К., Ситковский А.М., Рославцев С.В. Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 602–617.

3. Богданова А.А. Влияние демографических изменений на развитие экономики Российской Федерации / А.А. Богданова, С.В. Мишина // Экономика и бизнес: теория и практика, 2024.№ 4-1 (110).С. 89-91.

4. Демографическая яма: в каких регионах России рождаемость падает быстрее всего. Данные Росстата, январь-февраль 2026 года [Электронный ресурс]. URL.: https://vc.ru/migration/2802781-demograficheskaya-yama-v-rossii-regiony-s-padayushchey-rozhdaemostyu (дата обращения: 05.04.2026).

Васильева С.И., канд. социол. наук., доцент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые проблемы адаптации молодых специалистов в Липецкой области. Раскрыты содержательные аспекты процедуры адаптации. Определены сильные и слабые стороны системы адаптации персонала в госсекторе и бизнесе. Выявлены основные подходы к процедуре адаптации в реальном секторе экономики. Дана характеристика ключевых этапов адаптации новых сотрудников при поступлении на работу, без которых молодому специалисту, скорее всего, придётся искать новое

место работы. Цель исследования: раскрыть механизмы и стратегии успешной профессиональной адаптации личности в быстро меняющейся внешней среде. В процессе исследования была определена сущность и структура профессиональной адаптации, проанализированы типичные трудности и барьеры адаптации молодых специалистов, предложены практические рекомендации для успешной адаптации молодых специалистов.

Ключевые слова: профессиональная адаптация молодых специалистов, адаптация на рабочем месте, этапы адаптации, факторы внешней и внутренней среды, способствующие адаптации молодых специалистов, трудности и барьеры адаптации молодых специалистов.

Значимость социальной адаптации в современном мире сложно переоценить. Особое значение для успешной деятельности нового поколения специалистов имеет профессиональная адаптация. Интерес к этой теме вызван беспрецедентной скоростью, происходящих изменений во всех сферах жизни человека, которые в 2022 году, после начала специальной военной операции, Марк Розин, известный психолог и консультант в области управления обозначил как SHIVA – крушение старого и нарождение нового мира [1; с.1]. Акроним расшифровывается следующим образом: Split – расщепленный (шаблоны больше не работают и планы рушатся), Horrible – ужасный (люди живут в постоянной тревоге, что мешает принимать верные решения), Inconceivable – невообразимый (строить прогнозы почти бессмысленно), Vicious – беспощадный (смысл событий не понятен, но неизбежно наступит новый этап развития), Arising – возрождающийся (выживет тот, кто первым адаптируется к новым условиям хозяйствования). Очевидно, что автор сравнивает свою концепцию с индуистским божеством Шивой – разрушителем Вселенной с целью создания нового миропорядка. В научной литературе встречается и множество других концепций, описывающих сложность и непредсказуемость этого мира, например, VUCA, BANI, TACI [2]. У предложенных подходов в оценке существующих реалий есть свои отличия, но в целом все они схожи в едином – формируется жесткая реальность, к которой люди должны научиться адаптироваться.

При этом по-прежнему одним из важнейших инструментов сохранения и развития человеческой личности, по крайней мере, для большей части человечества является профессиональная деятельность или, если хотите, труд. Который, по сути, позволяет удовлетворять не только материальные, но и духовные потребности личности, именно поэтому право на труд закреплено в главном законе нашей страны -

Конституции, ст. 37 Конституция - право на труд [3]. Однако, Конституция может гарантировать право, но не может гарантировать успешность адаптации молодого специалиста на новом месте работы.

Прежде чем рассматривать структуру профессиональной адаптации, рассмотрим содержание понятийного аппарата, применяемого в данной работе.

Под профессиональной адаптацией большинство ученых понимают процесс вхождения в профессию, сопряженный с усвоением ее основ, целей и ценностей. Результатом успешной адаптации является успешная профессиональная деятельность на благо общества и/или организации и/или индивидуума [4; с.10]. Отметим, что в данной работе понятия «профессиональная адаптация» и «трудовая адаптация» будут использоваться как синонимичные. Учитывая повторяемость процедуры адаптации, можно выделить как минимум четыре вида адаптации, с которыми может столкнуться личность в процессе профессиональной деятельности:

1) первичная (для новичков, выпускников учебных заведений);
2) вторичная (при смене работы);
3) вынужденная (в случае миграции, военных действий, кризиса);
4) по собственному желанию (при карьерном росте, совместительстве).

Фактически каждый сотрудник вынужден адаптироваться к новой производственной ситуации постоянно. Высокий уровень адаптационных возможностей личности одно из важнейших требований для руководителей любого уровня

Одним из наиболее влиятельных мыслителей, внесших вклад в понимание психологической, а затем и профессиональной адаптации, является Эрих Фромм [5]. В своем фундаментальном труде «Бегство от свободы», изданном в 1941 году, он предложил различать два основных типа адаптации (Табл.1).

Таблица 1

Характеристика типов адаптации по Э. Фромму

Типы адаптации	Особенности данного типа	Пример

Статическая	Предполагает изменение привычек индивида без изменения его характера или глубинных структур личности. Человек приспосабливается к внешним условиям, меняя свое поведение на поверхностном уровне, но его внутренний мир, ценности и установки остаются прежними. является более поверхностной и не ведет к глубинным трансформациям. Ценностное ядро остается неизменным	Сотрудник может петь гимн организации, но при этом отзываться об организации крайне негативно или петь руководителю оды, регулярно не выполняя поручения руководителя, игнорировать общественные поручения
Динамическая	Изменение самой личности и характера человека под давлением обстоятельств. Это глубокий процесс, в результате которого у индивида появляются новые стремления, мотивы и ценности. Такой тип адаптации часто связан с личностным ростом и развитием.	Участники проекта осваивают новые умения и навыки. Заняв место руководителя сотрудник вынужден осваивать новые компетенции.

Из сказанного выше следует, что динамическая адаптация является более продуктивной и устойчивой, поскольку она приводит к фундаментальным улучшениям, проявляющимся во всех аспектах деятельности. Толчком к этим изменениям могут быть внешние обстоятельства: повысили по должности; перевели в другое структурное подразделение; назначили наставником; изменился семейный статус и пр. Другими словами, любой выход из зоны комфорта заставляет сотрудника развиваться, осваивать новые формы и методы работы. Трудовая среда формирует новую личность, в свою очередь, личность может оказать существенное влияние на производственную среду. Опытный работник может обучить и увлечь окружающих, что значительно повысит производительность труда отдельного структурного подразделения или предприятия в целом.

При этом следует помнить и об обратной зависимости. Не все личности имеют позитивную мотивацию. Известны случаи, когда один «злой гений» может разрушить и коллектив, и предприятие в целом. Следовательно, успешная трудовая адаптация требует не только усилий со стороны нового сотрудника, но и готовности организации к системной, целенаправленной работе с новым сотрудником. Специалисты в области HR, линейные руководители должны видеть и адекватно оценивать плюсы и минусы нового сотрудника и в случае необходимости применить административные меры воздействия.

Идеи Фромма были дополнены и раскрыты в работах Пиаже Ж., Колберга Л., Фрейда З, Мида М. и других [6; с.102]. Перечисленные

выше исследователи являются представителями теории социализации. Эта теория объясняет адаптацию как процесс вхождения сотрудников в организацию, в ходе которого они принимают и усваивают ценности, нормы, правила и ожидания, преобладающие в данной корпоративной культуре.

Профессиональная адаптация – это взаимовыгодный процесс, преследующий как стратегические цели организации, так и индивидуальные стремления сотрудника. Возникает закономерный вопрос, а как часто цели организации совпадают с целями сотрудников?

По данным исследования «Экопси», проведенного в первой половине 2025 года, доля увольнений в первые три месяца работы выросла с 8% до 14%, а доля ухода по инициативе кандидатов подскочила с 5% до 13,8%. Эти цифры наглядно демонстрируют, что каждый седьмой новичок в среднем покидает компанию в течение испытательного срока, тогда как годом ранее так поступал лишь каждый двенадцатый.

Данная статистика заставляет задуматься, организации потратили немало усилий на привлечение новых кадров и не смогли их удержать, и это в условиях дефицитного рынка труда, санкций, требующих импортозамещения, оттока молодых специалистов в большие города и пр.

Настоящее качественное социологическое исследование обусловлено интересами выпускающей кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента в Липецком филиале РАНХиГС, оно направлено на выявление специфики профессиональной адаптации выпускников бакалавриата и магистратуры филиала по направлению Менеджмент. В фокусе внимания - содержательные аспекты процедуры адаптации, чтобы, с одной стороны – подготовить выпускника к ней, с другой - увидеть сильные и слабые стороны системы адаптации персонала в организациях различных форм собственности. Основной метод исследования – глубинное интервью. В глубинном интервью приняли участие 30 представителей малого и среднего бизнеса (слушатели на различных программах повышения квалификации в филиале) и 5 преподавателей-практиков, ранее работавших в структурах органов власти и управления и 40 студентов. Всего выборочная совокупность составила -75 человек. Ответы респондентов на предложенные вопросы позволили выявить спектр возможных вариантов ответов и установить определенные закономерности.

По результатам опроса были полученные следующие данные, приведем наиболее показательные, с точки зрения цели исследования (Табл.2).

Таблица 2

Результаты опроса респондентов по проблемам адаптации

Вопрос и варианты ответов	Работодатели (%)	Выпускники (%)
Основные цели и задачи успешной адаптации для организации?		
А) обеспечить максимально плавное и быстрое погружение новичка в рабочие процессы, сократив стресс и дискомфорт	73	70
Б) снижение текучести кадров	44	15
В) сокращение затрат на подбор и обучение, повторный поиск сотрудника	89	27
Г) повышение производительности труда	90	43
Д) формирование лояльности и вовлеченности, каждый новый сотрудник должен почувствовать себя частью команды	49	40
Основные цели и задачи для сотрудника?		
А) освоение новой роли и обязанностей–	89	67
Б) снижение уровня стресса и тревожности	90	91
В) установление социальных связей	34	80
Г) понимание перспектив роста и развития	23	95

Все участники интервью отметили важность интеграции в корпоративную культуру, освоение новичком норм, правил и традиций, что способствует формированию сильной команды.

Исследования показывают, что потенциальные молодые работники и руководители предприятий не всегда слышат друг друга. Молодые сотрудник акцент делают на понимании своих перспектив роста и развития в данной организации (95%), а работодатели - освоение новой роли и обязанностей (89%).

Результаты исследования вполне закономерны – в условиях агрессивной, непредсказуемой внешней среды (SHIVA) шаг планирования предприятия снижается до минимального, предприятие начинает жить «сегодняшним днем». Молодые специалисты живут будущим и незнание перспектив их полностью демотивирует.

В беседах с выпускниками были выявлены барьеры, которые, по их мнению, стоят на пути адаптации новичка:

- несоответствие ожиданий и реальности;
- недостаток поддержки со стороны руководства и коллектива;
- отсутствие четких инструкций по работе;
- наличие неформальных группировок;

- стресс и эмоциональное выгорание.

Для нивелирования перечисленных выше барьеров (более 50% опрошенных совмещали на последнем курсе обучение и работу) они использовали ряд методов:

- использование цифровых инструментов;
- обращение за помощью к коллегам, предложение своей помощи;
- инициирование обратной связи с руководством для оценки прогресса,
- развитие навыков саморегуляции и стрессоустойчивости. По мнению опрошенных выпускников, каждый новый сотрудник

Важную роль в процессе профессиональной адаптации имеет институт наставничества. Практически все опрошенные подтвердили наличие системы наставничества на их предприятиях. Среди других, наиболее эффективных форм профессиональной адаптации молодых специалистов, были названы: обучение на рабочем месте, психологические тренинги, чек-листы, развернутые инструкции, поддержка коллег

Практически совпали результаты опроса двух групп респондентов по отношению к уровню стресса и тревожности 90% (работодатели) и 91% (выпускники). И те, и другие хотят комфортной производственной среды с низким уровнем раздражителей, но по разным причинам. Работодатели говорят о высоком уровне «физической и психологической нагрузки», связанной с повышением уровня цен, изменением системы налогообложения, атаками БПЛА, нехваткой рабочих кадров и пр. В свою очередь «Зумеры / Z» считают работу главным источником стресса. Согласно исследованию Deloitte (2025 год), 40% представителей поколения Z и 34% миллениалов испытывают стресс или тревогу «всегда или почти всегда», при этом более половины называют работу главным источником стресса [7]. Что подтверждают исследования, публикуемые на платформе HeadHunter. В частности, в России 47% молодых соискателей в возрасте до 25 лет готовы отказаться от более высокооплачиваемой должности в пользу позиции, гарантирующей сохранение личного времени и психологического здоровья [8].

Таким образом, профессиональная адаптация - это инвестиция, которая приносит дивиденды и сотруднику в виде комфорта, уверенности, развития, и организации в виде лояльных, продуктивных и вовлеченных кадров, и региону в целом, закрепляя трудовые ресурсы на местах, что подтверждает её фундаментальное значение для долгосрочного успеха. Потенциальным работодателям необходимо научиться слышать новое поколение молодых специалистов и

создавать необходимые для них условия труда, увлекать интересными целями, задачами и перспективами карьерного роста, гарантировать лучшие условия труда даже в условиях турбулентности внешней среды, поскольку конкуренты именно в этих позициях побеждают.

Список цитируемой литературы:

1. Розин Марк. Осознанно жить в SHIVA-мире// сайт ЭКОПСИ Консалтинг. – [Электронный ресурс] – 10 марта. 2026 г – https://www.ecopsy.ru/mark-ozin/publications/articles/osoznanno-zhit-v-shiva-mire/?ysclid=mqdsuo3q2638391486

2. Комолов Максим, VUCA, BANI, SHIVA, TACI: буквы, объясняющие мир// сайт Профдело – [Электронный ресурс] ttps://www.profdelo.com/blog/vuca-bani-shiva-taci-bukvy-obyasnyayushchie-ir/?ysclid=mqdzbtvsmu240892#5

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / издательство «Норма» : «ИНФРА-М», 2024 год.

4. Черникова Е.Г. Управление профессиональной адаптацией бакалавров социальной работы//Научен вектор на Балканите. 2020. Т.4. №1(7)

5. Добреньков В. И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма. Учебное пособие. / В. И. Добреньков. – Москва: Альфа-М, 2006 – 448 с. (серия «Спецкурс»). Источник: https://psychosearch.ru/biblioteka/732-escape-from-freedom?ysclid=mqe53m22690419833

6. Белинская, Е. П. Проблемы социализации: история и современность : учебник для вузов / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 141 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13434-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/588225 (дата обращения: 14.06.2026).

7. Сайт ForPsy.ru https://forpsy.ru

8. Скорых Д. Что стоит знать о «зумерах», чтобы найм был эффективен https://lipetsk.hh.ru/article/chto-stoit-znat-o-zumyerakh?ysclid=mqfi16tlve810120119

Гарифова А.Р., канд. соц. наук, доцент
Гильмутдинова А.Р., студентка группы 25ФиК1

КФ «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Казанский филиал, г. Казань

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РОСТ ЧЕРЕЗ ПОДДЕРЖКУ СЕМЬИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ МЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ эффективности мер государственной поддержки семьи в России, направленных на повышение рождаемости и укрепление института семьи. Оцениваются результаты реализации материнского капитала, льготной ипотеки и иных программ. Представлены сравнительные данные по регионам, выявлены ключевые проблемы и предложены направления совершенствования политики народосбережения. Объём: 592 знака с пробелами.

Ключевые слова: демография; рождаемость; семейная политика; материнский капитал; льготная ипотека; народосбережение; социально-экономическая политика.

Снижение рождаемости и старение населения — ключевые вызовы для современной России. По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в 2023 г. составил 1,41 ребёнка на женщину, что существенно ниже уровня воспроизводства населения (2,1 ребёнка на женщину) [1]. Государственная политика народосбережения включает комплекс мер поддержки семьи, призванных стимулировать демографический рост.

Цель статьи — оценить эффективность действующих программ и предложить пути их совершенствования на основе анализа статистических данных и региональной практики. Задачи:

— проанализировать динамику рождаемости в контексте реализации мер поддержки;

— оценить охват семей программами;

— выявить региональные различия в эффективности мер;

— сформулировать рекомендации по повышению результативности семейной политики.

Основные меры поддержки семьи. Ключевые инструменты семейной политики в России:

1. Материнский (семейный) капитал (введён в 2007 г.) — предоставляется при рождении второго и последующих детей. с 2020 года распространился и на первого ребёнка. В 2024 г. размер выплаты

составляет 833 тыс. руб. на второго ребёнка (если на первого ребенка выплата не назначалась). Средства можно направить на:

— улучшение жилищных условий;

— образование детей;

— накопительную пенсию матери;

— реабилитацию детей-инвалидов.

2. Льготная ипотека — программы с субсидированными ставками:

— семейная ипотека (6 % годовых);

— сельская ипотека (до 3 % годовых, на приграничных территориях — 0,1 % годовых);

— частичное погашение ипотеки (450 тыс. руб.) при рождении третьего ребёнка.

3. Ежемесячные пособия — выплаты на детей в возрасте от 0 до 17 лет для малообеспеченных семей (в среднем 9–18 тыс. руб. в месяц на ребёнка). Выплата составляет 50 %, 75 % или 100 % от регионального прожиточного минимума на ребёнка и зависит от уровня нуждаемости семьи.

4. Региональные программы — дополнительные выплаты и льготы, устанавливаемые субъектами РФ (например, региональный маткапитал в Татарстане — 200 тыс. руб.).

Анализ эффективности мер

Эффективность программ оценивается по динамике рождаемости и охвату семей. По данным Росстата [1], после введения материнского капитала (2007 г.) суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,3 до 1,78 к 2015 г., но к 2025 г. снизился до 1,38-1,4.

Как видно из таблицы, охват программами растёт, но рождаемость остаётся ниже уровня воспроизводства. Это указывает на необходимость дополнительных мер. Региональные различия:

Таблица 1

Динамика рождаемости и охвата мерами поддержки (2015–2025 гг.)

Год	Суммарный коэффициент рождаемости	Охват семей материнским капиталом, %	Доля семей, воспользовавшихся льготной ипотекой, %
2015	1,78	65	12
2018	1,55–1,6	70	18
2021	1,47	75	25
2023	1,41	80	30
2025	1,38-1,4	83-85	35-37

Примечание. Данные Росстата и Минтруда РФ [1, 2]. Показатель рождаемости отражает среднее число детей на одну женщину.

Эффективность мер варьируется по регионам. Лидеры по рождаемости (Чечня, Ингушетия, Тыва) демонстрируют высокие

показатели и без масштабных федеральных программ, тогда как в областях Центральной России (Тверская, Смоленская) даже при активном использовании льгот рождаемость падает.

Факторы региональных различий:

- Традиции и культура. В национальных республиках исторически выше рождаемость.
- Экономические условия. В регионах с высоким уровнем безработицы семьи реже планируют детей.
- Инфраструктура. Доступность детских садов и школ влияет на репродуктивные решения.
- Миграция. Отток молодёжи из малых городов снижает потенциал рождаемости.

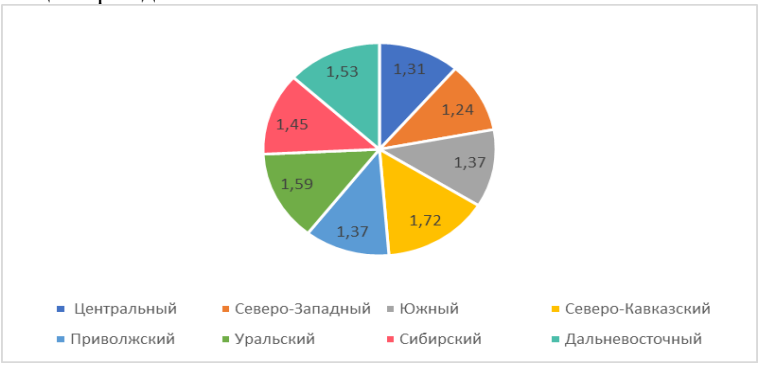

Рисунок 1. Распределение суммарного коэффициента рождаемости по федеральным округам РФ (2023 г.)

Примечание. Диаграмма построена на основе данных Росстата [1].

Проблемы реализации. Ключевые ограничения действующих программ:

1. Финансовая нагрузка. Даже при льготной ипотеке семьи сталкиваются с необходимостью крупных первоначальных взносов (минимальный размер 10%, может достигать до 30%-40% стоимости жилья).
2. Ограниченная доступность жилья. В регионах с низкой застройкой ипотека не решает проблему улучшения условий.
3. Краткосрочный эффект. Пособия стимулируют рождение детей «здесь и сейчас», но не меняют долгосрочные репродуктивные планы.
4. Административные барьеры. Сложность оформления выплат снижает фактическое использование мер. По данным опроса ВЦИОМ [3], около 30% семей не оформляют пособия из-за бюрократии.

5. Неравномерность поддержки. Региональные программы доступны не во всех субъектах РФ.

Сравнительный анализ с зарубежным опытом. Для повышения эффективности полезно изучить опыт других стран:

- Франция. Универсальные пособия на детей, налоговые льготы для многодетных, развитая сеть яслей. Суммарный коэффициент рождаемости — в 2021 году составлял около 1,84 ребёнка на женщину [5].
- Швеция. Гибкий график работы для родителей, щедрые декретные отпуска. Коэффициент рождаемости — в последние годы стабильно превышает 1,5 ребёнка на женщину, что выше среднего по ЕС. [5].
- Южная Корея. Массовые инвестиции в инфраструктуру для семей, но низкий результат (0,78 ребёнка на женщину — это был самый низкий показатель среди развитых стран ОЭСР.) из-за высокой стоимости жизни [5].

Вывод: финансовая поддержка должна сочетаться с социальными гарантиями и инфраструктурой.

Направления совершенствования. Для повышения эффективности семейной политики целесообразно:

— Расширить программы арендного жилья для молодых семей с правом выкупа.

— Ввести налоговые льготы для работодателей, поддерживающих многодетность.

— Упростить процедуру получения выплат через цифровые платформы (единое окно).

— Разработать целевые меры для регионов с низкой рождаемостью (например, дополнительные региональные выплаты).

— Стимулировать развитие частных детских садов через субсидии.

— Продвигать позитивный образ семьи в СМИ и соцсетях.

Современные меры поддержки семьи в России оказали заметное влияние на демографическую ситуацию, но их эффект ограничен структурными проблемами. Повышение рождаемости требует комплексного подхода: сочетания финансовых стимулов с улучшением жилищных условий и созданием благоприятной среды для воспитания детей. Особое внимание следует уделить адресной поддержке регионов с наиболее острой демографической ситуацией.

Перспективным направлением является интеграция семейной политики с рынком труда и образованием, что позволит снизить риски, связанные с рождением детей (потеря дохода, карьерные ограничения). Дальнейшие исследования должны фокусироваться на

оценке долгосрочных эффектов действующих программ и их адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям.

Список цитируемой литературы:

1. Демографический ежегодник России. 2023: статистический сборник / Росстат. — М., 2024. — 268 с.

2. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 606 (ред. от 25.11.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 19. — Ст. 2339.

3. Анализ эффективности программ поддержки семей с детьми в РФ / под ред. Е. В. Тюрюкановой. — М.: Институт экономики РАН, 2022. — 144 с.

4. Федеральная программа «Семейная ипотека»: официальный портал Минстроя РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://minstroyrf.gov.ru (дата обращения: 08.04.2026).

5. European Commission. Support to families in the EU: policies and challenges. — Brussels: Publications Office of the EU, 2021. — 88 p.

6. Захаров С. В. Демографические последствия экономического кризиса 2014–2016 гг. в России // Вопросы экономики. — 2023. Статья

Зубков С.Д., канд. геогр. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы семей в контексте реализации политики репродуктивного здоровья населения в современных условиях. Рассматриваются нормативно-правовые и социальные механизмы регулирования, а также современные демографические вызовы. Особое внимание уделяется роли государственных программ, общественных институтов и индивидуальной ответственности граждан.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье; государственная политика; бесплодие; бездетность; планирование семьи

демографическая ситуация; рождаемость; здравоохранение; социальное взаимодействие.

Рождаемость выступает главным фактором, от которого зависит демографическая траектория государства. Способность к воспроизводству — оплодотворению, зачатию, вынашиванию и родам — составляет биологический фундамент этого процесса. В силу данной причинно-следственной связи охрана репродуктивного здоровья закономерно становится объектом приоритетной государственной политики.

В современных социально-экономических условиях проблема репродуктивного здоровья приобретает стратегическое значение, поскольку напрямую связана с демографической безопасностью государства и устойчивостью общественного развития. Снижение рождаемости, увеличение возраста материнства и распространение заболеваний репродуктивной системы формируют необходимость комплексного подхода к реализации соответствующей государственной политики. Репродуктивное здоровье, согласно определению Всемирной организации здравоохранения, представляет собой состояние полного физического, психического и социального благополучия, связанного с репродуктивной системой [1]. Данное определение отражает многокомпонентный характер проблемы, требующий участия различных социальных институтов.

Государство выступает ключевым субъектом формирования политики репродуктивного здоровья. В Российской Федерации данная сфера регулируется Федеральным законом № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который закрепляет право граждан на медицинскую помощь и профилактику заболеваний [2]. Дополнительно государственная демографическая политика ориентирована на повышение рождаемости, поддержку семьи и развитие системы здравоохранения [3].

Забота о репродуктивном здоровье граждан представляет для государства приоритетную социальную цель. Его сохранение и укрепление приобретает характер стратегической экономической проблемы, от успешного разрешения которой напрямую зависит способность общества к устойчивому воспроизводству и сохранению генетического потенциала.

Бесплодным признается брачный союз, если в нем не происходит зачатия на протяжении определенного срока, несмотря на систематические интимные отношения без контрацепции. Этот временной интервал составляет один год для женщин, не достигших

35-летнего возраста, и сокращается до полугода для тех, кто старше. Причина такого отсутствия беременности может крыться в нарушениях репродуктивной функции у одного из супругов или у обоих одновременно.

Согласно статистике Росстата, за 2024 год, в России от 17 до 24% супружеских пар сталкиваются с проблемой бесплодия. Когда доля бездетных супружеских пар приближается к критической отметке в пятнадцать процентов, вопрос репродуктивного здоровья населения перестает быть частным делом и становится предметом серьезной государственной озабоченности. Следовательно, терапия бесплодия выступает в роли стратегического резерва. Она позволяет реализовать рождение запланированных детей, а в более широком контексте — открывает перспективы для наращивания репродуктивного потенциала общества. Согласно данным медико-социальных изысканий, бесплодие провоцирует выраженный психосоциальный дискомфорт у подавляющего большинства женщин — 93%. Это состояние влечет за собой целый комплекс негативных последствий: ухудшается способность к социальной интеграции, падает профессиональная вовлеченность. Кроме того, данная проблема статистически значимо коррелирует с ростом числа расторжений брака. Следовательно, проблема бесплодия выходит за рамки сугубо личных переживаний, приобретая общественный резонанс. Она ведет к снижению социальной и трудовой вовлеченности данной демографической группы, что, в свою очередь, отражается на обществе в целом.

Современное состояние репродуктивного здоровья населения выявляет четыре наиболее острые проблемы. Во-первых, наблюдается устойчивая тенденция к ухудшению показателей женского здоровья в этой сфере. Во-вторых, аналогичная негативная динамика фиксируется и в отношении мужской репродуктивной функции. В-третьих, широкое распространение получает проблема бесплодия. Наконец, особую тревогу вызывает задача сохранения и укрепления здоровья подрастающих поколений — детей и молодежи.

Причины, разрушающие репродуктивное здоровье женщины включают в себя:

− вредные привычки (курение, наркомания, злоупотребление алкоголем);

− инфекции, передающиеся половым путем (ВИЧ, гепатиты, инфекции, передаваемые половым путем и т.д.);

− экологические причины (загрязнение: атмосферы, воды, а также почвы, генно-модифицированные продукты);

− беспорядочные половые связи, аборты.

Современные данные свидетельствуют о высокой актуальности рассматриваемой проблемы. Так, по результатам диспансеризации, начатой в 2024 году, нарушения репродуктивного здоровья выявлены почти у 12,9% женщин и 2,1% мужчин [5]. В рамках государственных программ только за 2024 год оценку репродуктивного здоровья прошли около 7 млн человек, что позволило выявить более 230 тыс. заболеваний, влияющих на возможность деторождения [6]. В целом к 2025 году подобные обследования охватили свыше 17 млн граждан, что свидетельствует о расширении масштабов государственной политики в данной сфере [7].

Социально-экономический прогресс любого региона неразрывно связан с его демографическим состоянием. Липецкая область, в этом отношении, переживает те же трудности, что и большинство российских территорий, — вызовы здесь носят системный характер и диктуют необходимость взвешенной, научно выверенной стратегии. Без глубокого анализа текущих реалий и четкой идентификации ключевых проблем в сфере народонаселения невозможно сформировать действенную политику.

За последнюю пятилетку в Липецкой области фиксируется тревожная тенденция к ухудшению состояния здоровья женщин, находящихся в детородном периоде (15–49 лет). Уровень бесплодия в этой группе составляет 4,2%. Показатель нормальных родов упал с 33,2% до 25,8%. Среди подростков хронические патологии репродуктивной сферы диагностированы у более чем 5,2%. Параллельно увеличивается количество супружеских пар, столкнувшихся с проблемами зачатия и невынашивания беременности — на текущий момент их насчитывается 13280.

В Липецкой области профилактика здоровья женщин и девочек выстроена в целостную и эффективную систему. Однако аналогичный комплекс мер, направленный на подрастающее мужское поколение, развит крайне слабо. До сих пор вопросам мужского репродуктивного здоровья не отводилось должного места в региональных программах развития здравоохранения. Эта тенденция находит отражение и на семейном уровне, где подобные проблемы зачастую остаются без внимания.

В июле 2024-го в регионе стартовала диспансерная программа, нацеленная на всестороннюю оценку репродуктивного потенциала населения. Следующим шагом, уже в январе 2025 года, на площадке гинекологического отделения ГБУЗ «Липецкая городская больница №4 «Липецк Мед»» начал функционировать Центр репродуктивной гинекологии. Его ключевая задача — оказание комплексной,

высокоспециализированной помощи супружеским парам, испытывающим проблемы с естественным зачатием. Принцип работы основан на междисциплинарном подходе: гинеколог и уролог-андролог ведут пациентов совместно. И мужчина, и женщина проходят расширенный скрининг. По его итогам может быть показан целый спектр вмешательств: консервативное лечение, различные медицинские манипуляции, хирургические операции, последующая реабилитация, а также длительное диспансерное наблюдение. Весь этот маршрут теперь доступен в рамках единого учреждения.

Факторов, обуславливающих рост количества бездетных семейных союзов, существует целый комплекс. К их числу относятся как перенесённые ранее инфекционные патологии, так и прогрессирующее ухудшение экологической обстановки. Нельзя сбрасывать со счетов и прочие негативные обстоятельства, оказывающие деструктивное воздействие на состояние здоровья населения.

Однако аборты, в особенности прерывание первой беременности, включая случаи среди несовершеннолетних, продолжают выступать ведущим фактором, провоцирующим женское бесплодие и общую депопуляцию. Каждый год по этой причине государство утрачивает более миллиона потенциальных граждан. Что касается Липецкой области, то здесь на протяжении последних десяти лет фиксируется устойчивое сокращение количества производимых абортов.

Сокращение числа прерываний беременности в период с 2004 по 2024 годы представляет собой несомненно позитивную динамику. Данный тренд свидетельствует о качественных сдвигах: эволюции общественных установок, совершенствовании медицинских подходов к планированию семьи, а также о растущей информированности в вопросах охраны женского здоровья и реализации репродуктивных прав.

Падение числа абортов служит индикатором расширения доступа женщин к надежным контрацептивным средствам, а также к программам просвещения в сфере сексуального и репродуктивного здоровья. Данная тенденция, кроме того, отражает прогресс в медицинском обслуживании, где приоритет отдается выстраиванию стратегий, повышающих доступность и результативность услуг по планированию семьи и иным репродуктивным практикам.

Снижение числа абортов не стоит напрямую отождествлять с сокращением нежелательных зачатий. Данная статистическая тенденция может отражать и иные процессы: например, расширение практики обращения женщин к альтернативным стратегиям,

позволяющим сохранить беременность, благополучно родить и воспитывать ребенка. К таким стратегиям относятся разнообразные социальные механизмы — от специализированных программ для одиноких матерей до функционирования домов ребенка и иных форм государственной поддержки.

Общественная легитимация и одобрение сокращения числа абортов в период с 2004 по 2025 годы призваны активизировать формирование комплекса мер в сфере репродуктивного здоровья. Этот комплекс предполагает внедрение просветительских программ по вопросам полового воспитания, обеспечение доступности контрацептивных средств, а также коррекцию социально-экономических детерминант, провоцирующих незапланированное зачатие. Параллельно необходима выработка действенных механизмов, мотивирующих к ответственному родительству.

Реализация политики репродуктивного здоровья невозможна без развития институциональной инфраструктуры. Создание перинатальных центров, внедрение программ скрининга и диспансеризации, развитие вспомогательных репродуктивных технологий, включая экстракорпоральное оплодотворение, являются важнейшими направлениями государственной деятельности. Пилотные проекты, реализуемые в регионах Российской Федерации, уже демонстрируют положительное влияние на демографическую ситуацию за счет комплексного подхода, включающего медицинские, социальные и информационные меры [8].

Наряду с государством значительную роль играет общество как совокупность социальных институтов и норм. Общественные организации, образовательные учреждения и средства массовой информации участвуют в формировании ценностей ответственного родительства и здорового образа жизни. Однако исследования показывают, что в обществе сохраняется определенная табуированность вопросов репродуктивного здоровья: около половины граждан не готовы обсуждать данные темы даже с врачами [9]. Это существенно снижает эффективность профилактических мер и требует усиления просветительской работы.

Личность является центральным элементом системы взаимодействия, поскольку именно индивидуальное поведение определяет реализацию репродуктивного потенциала. Уровень информированности, отношение к собственному здоровью и готовность обращаться за медицинской помощью оказывают прямое влияние на демографические показатели. В этой связи важное значение приобретает формирование культуры здоровья, начиная с раннего возраста. В

частности, внедрение профилактических осмотров и образовательных программ направлено на повышение осведомленности населения и раннее выявление заболеваний. Дополнительно следует учитывать влияние социальных установок и семейных ценностей, формирующих отношение человека к вопросам деторождения и сохранения здоровья. Существенную роль также играет доступность качественной медицинской помощи, которая определяет возможность своевременной реализации репродуктивных намерений граждан.

Особую роль в современных условиях играет цифровизация здравоохранения. Использование телемедицины, электронных медицинских карт и цифровых сервисов способствует повышению доступности медицинской помощи и эффективности взаимодействия между государством и гражданами. Кроме того, цифровые технологии позволяют проводить мониторинг состояния здоровья населения и оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Следует отметить, что эффективное взаимодействие личности, общества и государства возможно только при наличии согласованной политики и координации действий. Несогласованность мер, недостаточная информированность населения и ограниченный доступ к медицинским услугам могут существенно снизить результативность реализуемых программ.

Таким образом, политика репродуктивного здоровья представляет собой комплексное направление государственной деятельности, требующее активного участия всех социальных институтов. Государство формирует нормативную и организационную основу, общество способствует распространению соответствующих ценностей и норм, а личность реализует индивидуальные стратегии поведения. Только при условии их эффективного взаимодействия возможно достижение устойчивых демографических показателей и повышение качества жизни населения.

Список цитируемой литературы:

1. Всемирная организация здравоохранения. Репродуктивное здоровье: доклад. – Женева: ВОЗ, 2010.

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

3. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

4. Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» (в рамках национального проекта «Демография»). – 2021.

5. Минздрав России: данные о диспансеризации репродуктивного здоровья населения // РБК. – 2025.
6. В России в 2024 году диспансеризацию репродуктивного здоровья прошли 7 млн человек // Интерфакс. – 2025.
7. Более 17 млн человек проверили репродуктивное здоровье в России // РИА Новости. – 2025.
8. Пилотный проект «Репродуктивное здоровье» улучшил демографическую ситуацию в регионах РФ // ТАСС. – 2024.
9. Исследование отношения россиян к репродуктивному здоровью // РБК. – 2025.

Коротаева Е.Ю., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ОБЗОР МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНЕ И ОЦЕНКА ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация

В статье проанализированы основные меры государственной поддержки рождаемости в Российской Федерации в целом, и Липецкой области в частности. Проведена оценка эффективности предлагаемых мер по повышению рождаемости и направлений преодоления демографического кризиса в России.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, государственная поддержка, регион, демографическая ситуация.

Текущая демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивой глобальной тенденцией снижения суммарного коэффициента рождаемости (СКР), характерной для развитых стран, что в свою очередь ведет к увеличению доли пожилых людей, уменьшению доли молодежи и, как следствие, уменьшению численности рабочей силы. Прогнозируется, что ежегодная смертность будет превышать ежегодную рождаемость, а будущий рост населения может быть обеспечен за счет чистой иммиграции.

В Российской Федерации с 2007 г. осуществляется постоянное совершенствование институциональных условий, способствующих формированию брачных отношений и стимулированию деторождения (первых, вторых, третьих и последующих детей). Региональные программы стимулирования рождаемости в России, включая программы регионального материнского капитала (РМК), начали активно вводиться в отдельных регионах с 2011 года (Таблица 1). Они были разработаны как дополнение к федеральным мерам поддержки, принятым в 2007 году, для поддержания семей в регионах. С 2017-2020 годов программы стали системными, а с 2025 года они ужесточены для 41 региона с низкой рождаемостью [1].

Тем не менее, регистрируемая ежегодная тенденция снижения суммарного коэффициента рождаемости может свидетельствовать о том, что принимаемые меры не могут в полной мере повысить суммарный коэффициент рождаемости и достичь его роста, а лишь замедляют его стремительное падение.

Таблица 1

Ключевые этапы развития региональных программ

Год	Название
2007	Введение федерального материнского капитала.
2011	Начало внедрения регионального материнского капитала в отдельных субъектах РФ.
2012	Указ Президента № 606 «О мерах по реализации демографической политики», закрепивший софинансирование региональных мер
2017-2020	Активное внедрение региональных планов по повышению рождаемости
2019-2024	Реализация нацпроекта «Демография», включающего региональные составляющие
2025-2030	Приняты усиленные меры для 41 региона, где рождаемость ниже среднего уровня, с целевым повышением показателей к 2030 году

Суммарный коэффициент рождаемости в России, согласно официальной статистике, составил на декабрь 2025 года 1,374 [2]. По сравнению с данными по итогам 2024 года произошло снижение показателя — тогда он составлял 1,4. Среднемировое значение составляет 2,0-2,4. За последние 70 лет суммарный коэффициент рождаемости сократился более чем вдвое: если в 1950-х годах на женщину приходилось примерно пятеро детей, то в 2024 году — только двое. Уже более чем в половине стран коэффициент рождаемости опустился ниже простого воспроизводства населения. А к 2100 году двое детей на одну женщину будет приходиться только

в шести государствах. Для естественного воспроизводства населения требуется коэффициент 2,1 и выше.

Росстат сообщил об уменьшении и суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей. В декабре 2025 года он составил 0,362 по стране. Сокращение произошло в 62 регионах из 85. Показатель впервые начал снижаться после многих лет роста. Это может быть связано со снижением рождаемости вторых детей в предшествующие годы.

В Российской Федерации по состоянию на декабрь 2025 года коэффициент рождаемости выше 2 был в Чечне, Тыве и Ямало-Ненецком автономном округе. Стоит отметить, что это разные по устройству регионы, и причины высокой рождаемости тоже различны. Первый — традиционная многодетная семья, где третий ребенок — норма. Второй — молодые мигранты, которые едут на север за деньгами и тут создают семьи, заводят детей. В Ямало-Ненецком автономном округе рост рождаемости продолжается несколько лет подряд: некоторые исследователи связывают это с крупными региональными выплатами за рождение второго и последующих детей. На Ямале при рождении первого ребенка, если маме при этом до 30 лет, семья получит выплату 3 миллиона рублей. При рождении второго и следующего ребенка до 30 лет семья получит полтора миллиона рублей. Эту же сумму получат семьи при рождении первого или последующих детей, если возраст двух родителей или одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет. Также расширили направления реализации сертификатов. Теперь выплату можно использовать не только вместе с ипотечными программами, но и без привлечения кредитных средств.

Интересна практика Нижегородской области. В январе 2025 года СКР составлял 1,275, а к декабрю достиг 1,307. С 1 июля 2025 года в Нижегородской области вступили в силу новые меры поддержки семей с детьми. Инициативы направлена на то, чтобы сделать рождение и воспитание детей естественным и желанным выбором для родителей, а также привлечь в регион семьи из других регионов страны. Так, каждая семья, вне зависимости от дохода, может получить до одного миллиона рублей за рождение или усыновление ребенка в рамках региональной программы «ОСНОВА» [3]. Эта сумма формируется с учетом федерального материнского капитала. За третьего и последующих детей выплаты полностью финансируются из регионального бюджета. За первого ребенка предусмотрена ежемесячная выплата в размере 10 тысяч рублей на протяжении трех лет. При рождении второго ребенка семья может выбрать между двумя

вариантами: получать по 22,2 тысячи рублей ежемесячно в течение трех лет или получить разово 500 тысяч рублей, а затем по 20 тысяч рублей ежемесячно на протяжении 15 месяцев. Для семей с третьим ребенком предложены либо ежемесячные выплаты по 30 тысяч рублей в течение трех лет, либо единовременное пособие в размере 700 тысяч рублей и по 30 тысяч рублей в течение 10 месяцев. На четвертого и каждого последующего ребенка предусмотрены выплаты по 30 тысяч рублей в месяц в течение трех лет или разовая выплата в 1 миллион рублей.

Одни из самых низких показателей СКР в Ленинградской области, Республики Мордовия, Севостополье, Смоленской и Саратовских областях. Тут чаще совпадают сразу несколько факторов: более высокий средний возраст населения, отток молодежи, высокая доля городского населения, а также тенденция откладывать рождение первенца. В итоге растет доля семей с одним ребенком.

Что касается Липецкой области, то суммарный коэффициент рождаемости в регионе составил 1,1698. Существенными факторами, снижающими рождаемость, являются:

1. Снижение женщин репродуктивного возраста (15 - 49 лет.

2. Репродуктивное поведение населения. Негативное влияние на демографические процессы оказывает рост среднего возраста матерей, особенно при рождении первого ребенка. По итогам 2025 года средний возраст матери в Российской Федерации составил 29,6 лет (при рождении первого ребенка - 26,0 лет; при рождении второго - 30,5 лет; при рождении третьего и последующих - 33,1 лет). Очевидно, что чем раньше родится первый ребенок, тем выше потенциал вторых и последующих рождений, поскольку с возрастом женщины осложняются зачатие, беременность и рождение здорового ребенка.

3. Уровень искусственных прерываний беременности и бесплодия.

Для простого воспроизводства населения необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,15. Учитывая половозрастную структуру населения, физиологические ограничения (не все люди могут иметь детей по состоянию здоровья) и социально-поведенческие факторы (не все люди создают семьи), достижение требуемого коэффициента рождаемости возможно, если хотя бы в половине семей будет трое и более детей.

Существует значимый разрыв в уровне информированности семей с детьми о существующих мерах поддержки. Наиболее он ощутим на стадии перехода в статус многодетности: имеющие двух детей часто не осведомлены о преференциях, которые могли бы получить в случае рождения третьего и последующих детей (хотя эти

меры должны выступать стимулом для тех, кто еще не принял такое решение). В связи с этим необходимо повысить качество доставки информации о мерах господдержки семей для принятия ими положительных репродуктивных решений. Помимо материальных мер поддержки важное значение имеет социальный статус семей с тремя и более детьми, который не должен ассоциироваться с бедностью и неблагополучием, а, наоборот, должен подчеркивать привилегированное положение таких семей в обществе, заботливое и уважительное отношение со стороны государства. На желание заводить вторых и последующих детей сильное влияние оказывает опыт, полученный семьями при рождении и воспитании первого ребенка. Поэтому эта категория семей нуждается в особом внимании и задача не должна сводиться лишь к материальной поддержке. Есть очень большой нереализованный потенциал рождаемости в России. Он проявится, если направить усилия на решение жилищного вопроса для молодых семей, семей, в которых уже есть маленькие дети. Конечно, учитывая бюджетные ограничения, одних только мер государственной поддержки недостаточно для кардинального улучшения демографической ситуации. Необходима консолидация усилий органов власти и предпринимательского сообщества. Компании, реализуя просемейные корпоративные практики, должны стать демографическими агентами государства.

Список цитируемой литературы:

1. Андреев Е. М., Чурилова Е. В., Родина О. А., Чертенков К. О. (2025). Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения. Демографическое обозрение, 12 (2), 87-107. https://doi.org/10.17323/
demreview.v12i2.27495 (дата обращения 02.04.2026)

2. Федоров Д. Демографические итоги 2025 года в России //https://www.perspektivy.info/rus/demo/demograficheskij_vyzov_rossii_itogi_2025_goda_2026-02-07.htm (дата обращения: 10.04.2026).

3. https://www.niann.ru/?id=619248 (дата обращения 08.04.2026)

Лесных Е.В., канд. фил. наук, доцент,
Шаповалова И.Б., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация

Статья посвящена обзору научных исследований по вопросам изменения семейных ценностей молодежи. Результаты исследований показывают, что семья для большинства респондентов сохраняет свою значимость, однако брачно-семейные установки претерпевают значительные трансформации.

Ключевые слова: семейные ценности, социальная политика, институт семьи, трансформация семейных ценностей.

Государственная семейная политика на современном этапе включает принципы, задачи, а также приоритетные меры, направленные на поддержку семьи, ведь именно она является фундаментальной основой российского общества. В «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политике и поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» [10] отмечается, что одним из ключевых направлений является укрепление института семьи. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственность поколений россиян определены как приоритетные национальные цели [8]. Национальный проект «Семья» включает самые разнообразные меры по укреплению семейных ценностей, поддержке рождаемости и улучшению качества жизни семей [9].

Однако несмотря на все предпринимаемые меры, направленные государством на стимулирование деторождения, продолжается неуклонное снижение суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Так, по оценке Росстата, СКР за 2022 год составил 1,42; за 2023 – 1,41; за 2024 – 1,4; за 2025 – 1,39. Следует отметить, что только для воспроизводства населения СКР должен быть не менее 2-2,15; а для прироста населения за счет рождаемости этот показатель должен быть выше 2,17 [6].

По мнению исследователей, на демографическую динамику влияет целый ряд негативных тенденций, наиболее существенными среди которых является увеличение возраста вступления в брак, откладывания рождения первого ребенка, ориентация на малодетность или бездетность, большое количество разводов и абортов.

Многие ученые приходят к выводу, что сам институт семьи на современном этапе находится в глубоком кризисе. Основой таких неутешительных выводов является не только частая подмена традиционного брака так называемым «гражданским», а также количество расторгаемых браков, но и невыполнение или откладывание основной функции семьи – деторождения. Более того, многие исследователи используют термин «крах семьи». Так, А.И. Антонов считает, что снятие моральных запретов на добрачные сексуальные связи, на прерывание беременности, ослабление межпоколенческих связей, преобладание индивидуалистических ценностей над семейными ведет к разрушению семьи, результатом которого может быть депопуляция и антисемейная цивилизация [1, с. 3].

Другие ученые более осторожны в своих высказываниях относительно будущего института семьи. Ю.П. Лежнина утверждает, что терминологию кризисной парадигмы можно использовать только для института брака, так как семья по-прежнему для людей является важнейшей ценностью [5, с.75]. С.И. Голод считает, что следует говорить не о кризисе, а об «эволюционных преобразованиях» в институте семьи [3, с. 193]. По мнению Ю.Р. Вишневского, в рамках трансформации семейных ценностей интересы свободного выбора оказались сильнее «демографических интересов общества» [2, с. 21]. С этим исследователем согласна Л.В. Карцева, которая отмечает необходимость «субъектно-центрического» подхода к семье. В соответствии с данной концепцией, семья сохраняет свой престиж, так как именно в ней удовлетворяются жизненно важные потребности индивида от естественно-биологических до индивидуально-психологических [4, с. 87].

Таким образом, следует отметить, что ученые единодушны в том, что современные семейные отношения претерпевают существенные изменения, которые в концепции одних исследователей интерпретируются как кризисные, а у других рассматриваются как модернизация, обусловленная общественными трансформациями.

Всероссийский центр изучения общественного мнения провел ряд опросов, посвященных восприятию семейных ценностей в молодежной среде. Данные этих опросов подтверждают, что для

большинства респондентов в возрасте 18-34 лет (около 70%) семья является важной ценностью. Интересен факт, что многие из опрошенных теоретически поддерживают идею возрождения многодетности в России (68% опрошенных), однако по данным Росстата за 2025 год многодетные семьи составляют примерно 11,8% от общего числа семей с детьми. В 2024 году ВЦИОМ провел опрос о готовности работодателей внедрять социальные программы для семейных сотрудников. Выяснилось, что примерно 36% семейных молодых россиян получает помощь со стороны работодателя. В большинстве случаев это материальная помощь при рождении ребенка; 9% опрошенных отметили полную или частичную компенсацию расходов на детский отдых; 8% указали на такой вид помощи, как дополнительные оплачиваемые выходные в случае важных семейных событий; 4% оказались участниками жилищных программ, направленных на обеспечение сотрудников жильем; 2% сотрудников отметили финансовое содействие в получении их детьми профессионального образования; 1% респондентов отметили предоставление арендного жилья и особые условия для многодетных родителей, в одиночку воспитывающих детей.

Результаты опроса показали, что в целом ожидания и запросы семейных сотрудников относительно помощи работодателей гораздо шире, чем реально получаемая помощь. 75% респондентов до 35 лет отмечают, что руководство не готово идти навстречу при возникновении семейных обстоятельств.

Интерес представляет исследование, проведенное группой ученых Научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой Э.К. Наберушкиной, О.В. Бессчетновой, О.А. Судоргиным среди студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры Финансового университета при Правительстве РФ и Государственного университета управления при Правительстве РФ [7, с. 698]. Всего опрошено 167 студентов, средний возраст респондентов составил 20 лет. Выяснилось, что 75% молодых людей положительно относятся к «гражданскому» браку, однако 56% респондентов считают эти отношения некой временной проверкой чувств. Только 38% опрошенных считают, что необходимо родить первого ребенка в возрасте 20-25 лет; 62% считают, что необходимо отложить деторождение на более поздний срок. 70% опрошенный нейтрально относятся к решению женщины сделать аборт. Следует отметить, что среди жизненных ценностей семья для большинства опрошенных оказалась на четвертой позиции, уступив место таким ценностям, как личная безопасность, социальная стабильность и свобода

выбора. Интересен факт, что на вопрос о социальной роли семьи, только 25% респондентов ответило, что считает главной ролью семьи – воспроизводство населения. Более 50% считает, что роль семьи – личное счастье и благополучие ее членов.

Таким образом, для большинства молодежи семья по-прежнему сохраняет свою значимость, однако происходит переосмысление института семьи, ее роли в новых социокультурных и экономических реалиях, что приводит к необходимости внедрения, наряду с уже действующими мерами поддержки, новых социальных программ, учитывающих ожидания молодых людей от семейной жизни, в том числе и со стороны работодателей, а также социально ориентированных НКО.

Список цитируемой литературы:

1. Ананьина, В. Т. Трансформация современной семьи: современные подходы к исследованию / В.Т. Ананьина // XIX Уральские социологические чтения: региональные особенности разработки и реализации социальной политики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2013. С. 10–12.

2. Бим-Бад, Б. М., Гавров, С. Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ / Б.М. Бим-Бад, С.Н. Гавров: Монография / предисл. Л. С. Перепелкин. М. : Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352.

3. Галкина, Е. П., Кадничанская, М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов / Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. №3. С. 193–200.

4. Демидова-Петрова, Е.В. Институт семьи как основа национальной безопасности Российской Федерации / Е.В. Демидова-Петрова //Искусство правоведения, 2024. №4. С.87-95.

5. Ильиных, С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации / С.А. Ильиных [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-molodezhi-traditsii-i-transformatsii/

6. Милованова, Н.Г. Семейные ценности в представлениях современной молодежи / Н.Г. Милованова [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/

7. Наберушкина, Э.К., Бессчетнова, О.В., Судоргин, О.А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э.К.

Наберушкина, О.В. Бессчетнова, О.А. Судоргин // Журнал исследований социальной политики. 2024. Том 22. №4. С.697-710.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046

9. Паспорт национального проекта "Семья" (утв. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации) (по состоянию на 12 февраля 2025 г.) // [Электронный ресурс]. URL: https://rdk-balaxta.krn.muzkult.ru/media/2025/06/24/1312681890/Pasport-nacional_nogo-proekta-Sem_ya-utv_vom-truda-i-social_noj-zashhity.pdf

10. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р // [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/

Чеботарев Д.Д., аспирант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ЦИФРОВОЙ ДЕМОГРАФИИ»: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация

В статье рассмотрены экономические аспекты внедрения цифровых технологий для улучшения демографической ситуации в государстве. Проанализирован ряд мнений ученых, обозначены преимущества и возможные недостатки «цифровой демографии».

Ключевые слова: демография; экономика; цифровизация; цифровая демография.

Исследование демографических процессов при помощи цифровых технологий и искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последнее время становится объектом изучения большого количества ученых, занимающихся вопросами демографии, государственного и муниципального управления, экономики и так далее. Это в значительной степени коррелирует с национальными целями развития

Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, к которым, согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» относятся «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, «…» цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» [1].

В связи с этим автором поставлена цель разработать классификацию определений, затрагивающих вопросы «цифровой демографии» и обозначить ее экономические аспекты, выделив их преимущества и недостатки.

Рассмотрим определения «цифровая демография», разработанные некоторыми исследователями (или его признаки). Для наглядности представим их в таблице.

Таблица 1

Определения «цифровая демография», разработанные некоторыми исследователями (или его признаки)

Ф.И.О. исследователя	Определение «цифровой демографии» (или его признаки)
А.В. Смирнов	Возникающая область исследований, изучающая демографические процессы с использованием новых цифровых технологий и источников данных, влияние цифровой трансформации на демографическое поведение и благополучие людей и «виртуальное население» цифровой среды демографическими методами [2, с. 135]
Я.А. Скрябина	Область исследования, обеспечивающая информационное поле для демографических исследований, предлагающая механизм сбора, обработки, анализа, использования и распространения полученной с помощью ИКТ демографической информации [3, с. 228]
В.В. Безвербный; Е.В. Погребняк, С.П. Шевчуков, А.М. Ситковский	В отличие от традиционной демографии, опирающейся на переписи и регистрационную статистику, цифровая демография активно использует альтернативные источники данных: большие данные мобильных операторов, записи социальных сетей, поисковые запросы, данные банковских транзакций, геопространственные данные и др. [4, с. 122]

Т.В. Лебедева, А.Р. Акрамова, А.К. Шебанова (исходя из доклада А.А. Субботина)	Эта область исследований изучает демографические процессы с использованием инновационных методов и новых источников данных, анализирует цифровое население и влияние цифровизации на демографическое поведение. Цифровая демография исследует данные, генерируемые пользователями в онлайн-среде, позволяя выявлять демографические характеристики, процессы и тенденции в реальном обществе [5, с. 173].

Проанализировав данные, приведенные в таблице, можно сделать вывод о том, что единый подход к определению «цифровая демография» пока не сформирован, однако все исследователи сходятся в том, что это междисциплинарная область, которая возникла на стыке классической демографии, цифровых технологий и анализа больших данных. В частности, А.В. Смирнов, а также Т.В. Лебедева и ее соавторы делают упор на изучение демографических процессов с помощью цифровых инструментов; Я.А. Скрябина делает акцент на инструментально-инфраструктурной роли цифровой демографии, а В.В. Безвербный с соавторами отмечают альтернативность источников по сравнению с традиционной демографией.

Теперь же рассмотрим экономические аспекты цифровой демографии. Стоит сказать, что цифровая демография и экономика тесно взаимосвязаны между собой, так как демографические процессы определяют трудовой потенциал, потребительский спрос и экономический рост, а применение цифровых технологий и ИИ создает как новые возможности, так и риски их внедрения.

Начнем с преимуществ.

1. Снижение затрат на сбор данных. Цифровые источники дешевле и оперативнее традиционных переписей и выборочных обследований осуществляют сбор данных

2. Повышение точности и актуальности прогнозов. Применение ИИ и анализа больших данных позволяет построить более точные прогнозы численности, состава и миграции населения, что может снизить экономические риски (например, перепроизводство или нехватку социальной инфраструктуры).

3. Оптимизация бюджетных расходов. Цифровые инструменты помогут адресно направлять средства на поддержку семей с детьми, программы занятости, пенсионное обеспечение и так далее.

4. Улучшение функционирования рынка труда. Мониторинг миграционных потоков в реальном времени (по данным геолокации) может помочь оперативно реагировать на дефицит кадров в регионах и отраслях.

5. Стимулирование инноваций и предпринимательства. Бизнес сможет получить более точную демографическую информацию для запуска новых товаров и услуг.

6. Снижение административных барьеров. Интеграция демографических данных с цифровыми платформами госуслуг сможет упростить получение мер социальной поддержки.

Говоря же о недостатках, можно выделить:

1. Высокие первоначальные инвестиции. Создание инфраструктуры цифровой демографии требует значительных бюджетных вложений.

2. Риски монополизации данных. Ключевыми держателями демографически ценной информации становятся операторы связи, банки, IT-гиганты. Их коммерческие интересы могут вступать в противоречие с общественными, а доступ государства или исследователей - быть платным или ограниченным.

3. Угрозы приватности и безопасности. Сбор и анализ геолокации, медицинских данных, перемещений создаёт риски утечек и использования указанных данных.

Таким образом, цифровая демография представляет собой междисциплинарную область, объединяющую классическую демографию, экономику и ИИ. Ее экономическими преимуществами можно назвать снижение затрат на сбор данных, повышение точности прогнозов, адресность бюджетных расходов, улучшение регулирования рынка труда и стимулирование инноваций. Однако существуют и риски: высокие первоначальные инвестиции, монополизация данных частными корпорациями (операторы связи, банки, IT-гиганты) и угрозы приватности. В заключении стоит сказать, что реализация потенциала цифровой демографии возможна только при условии решения указанных проблем и создания прозрачной, защищённой инфраструктуры.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Президент (В. В. Путин). О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584. – Текст : непосредственный.

2. Смирнов, А. В. Прогнозирование миграционных процессов методами цифровой демографии / А. В. Смирнов // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 133-145.

3. Скрябина, Я. А. Цифровая демография как компонент цифровизации государства / Я. А. Скрябина // Цифровая трансформация социально-экономического развития региона. – Уфа : Казенное предприятие Республики Башкортостан Издательство «Мир печати», 2022. – С. 207-230.

4. Безвербный, В. А. Цифровая демография: современные методы исследования демографических процессов / В. А. Безвербный, Е. В. Погребняк, С. П. Шевчуков, А. М. Ситковский // Информационное общество. – 2025. – № 6. – С. 121-128.

5. Лебедева, Т. В. Методы сравнительной и цифровой демографии в характеристике современной демографической ситуации России и ее регионах. Обзор материалов заседания Круглого стола, посвященного 270-летию МГУ имени М.В. Ломоносова и 10-летию кафедры демографии / Т. В. Лебедева, А. Р. Акрамова, А. К. Шебанова // Уровень жизни населения регионов России. – 2026. – Т. 22, № 1. – С. 169-176.

СЕКЦИЯ 2
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ПРИОРИТЕТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Боровков В.С., магистр 2 курса
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Подкутова С.Л., канд. пед. наук, доц.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕХАНИЗМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ, ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ

Аннотация

В условиях динамично меняющегося общества и возрастающих требований к качеству образования, стратегическое развитие муниципальных образовательных систем становится ключевым фактором обеспечения устойчивого развития территорий. Данная статья посвящена анализу современных подходов и механизмов, применяемых в процессе стратегического управления системой образования на уровне муниципалитета. Особое внимание уделяется определению и измерению показателей эффективности деятельности органов управления образованием, как неотъемлемой части процесса стратегического развития.

Ключевые слова: муниципальная образовательная система, стратегическое развитие, местные органы управления образованием, качество образования, местное самоуправление.

В современных условиях, характеризующихся быстрыми технологическими изменениями, глобализационными процессами и растущими социальными ожиданиями, традиционные методы управления образованием оказываются недостаточными. Требуется переход к стратегическому подходу, ориентированному на долгосрочное планирование, инновации и постоянное совершенствование, ведь образование – ключевой элемент человеческого капитала и драйвер социально-экономического роста.

Существует множество различных подходов к определению понятия «управление муниципальной системой образования».

Управление муниципальной системой образования – это деятельность органов местного самоуправления, направленная на организацию, координацию и развитие образовательной сферы на местном уровне [1].

Переломным моментом в изучении муниципальных образовательных систем стали 1980-1990-е годы, когда отечественные исследователи обратили внимание на методологические аспекты управления и начали разработку инновационных подходов того времени. Именно тогда были заложены основы традиционных методов управления муниципальными образовательными системами (табл. 1).

Таблица 1

Традиционные подходы к управлению муниципальной системой образования

Подход к управлению	Представители	Особенности подхода
Системный	Ю.А. Конаржевский, К.Б. Малышев, П.И. Третьяков, В.С. Татьянченко, К.М. Ушаков	Образовательные учреждения рассматриваются как системы, выявляются их элементы, взаимосвязи, системообразующие факторы и результат их взаимодействия
Функциональный	В.М. Зверева, Ю.А. Конаржевский, В.С. Лазарев, П.И. Третьяков, Т.И. Шамова	Управление муниципальной системой образования рассматривается как непрекращающийся процесс, включающий взаимосвязанные виды деятельности, которые определяются как управленческие функции
Проблемно-функциональный	А.А. Орлов, Н.А. Рогачева, П.И. Третьяков	Подход направлен на выявление проблем муниципальной системы образования, постановку целей и задач, а также на определение мер по их устранению. Несмотря на подробное описание объекта управления, технологический уровень решения связанных с ним проблем остался нераскрытым
Программно-целевой	А.Г. Аганбегян, В.М. Архангельский, Б.С. Гершунский, Г.Г. Габдуллин, А.С. Матвеев, А.М. Моисеев, Т.В. Орлова, М.М. Поташник	Для достижения целей анализируют и структурируют объект, разрабатывают программы и создают согласованную систему управления. Подход охватывает все элементы образования на всех этапах внедрения новаций

Ситуационный	Б.С. Гершунский, П.И. Третьяков, Г. Кунц, С.О. Доннел	Эффективность управленческого воздействия зависит от соответствия модели управления реальным условиям. Подход опирается на ограниченные типовые модели, но процессы в образовательной системе сложно свести к стандартам - поэтому он нецелесообразен в долгосрочной перспективе
Рефлексивный	В. С. Лазарев, М. М. Поташник, П. И. Третьяков, Т. И. Шамов	Подход нацелен на определение проблемы управления развитием муниципальной системы образования и стремится трансформировать реальную образовательную среду к существующим проблемам

Вышеперечисленные подходы обладают существенными ограничениями: они не адаптированы к динамике внешней и внутренней среды образовательной системы и не ориентированы на долгосрочное управление. Вместе с тем, традиционные подходы формируют методологическую основу для разработки инновационных подходов к управлению муниципальными образовательными системами [2].

Муниципальное управление образованием играет важную роль в том, чтобы образовательные учреждения – школы, детские сады, центры дополнительного образования – функционировали эффективно и соответствовали установленным стандартам [1].

Стратегическое развитие муниципальной образовательной системы предполагает формирование долгосрочного видения, определение приоритетных направлений деятельности и разработку механизмов их достижения. В связи с этим, современные подходы к данному процессу базируются на следующих принципах:

– системность и комплексность: рассмотрение образовательной системы как единого целого, взаимосвязанного с другими сферами жизни муниципального образования (экономика, социальная политика и культура);

– ориентация на результат, что подразумевает фокусирование не только на образовательном процессе, но и на достижение конкретных, измеримых результатов, отвечающих потребностям рынка труда;

– инновационность, активное внедрение новых образовательных технологий, методик, форм организации обучения, способствующих повышению качества и доступности образования;

– партнерство и сетевое взаимодействие: вовлечение всех заинтересованных сторон (родителей, педагогов, представителей общественности, органов власти) в процесс развития системы;

– гибкость и адаптивность, то есть способность системы оперативно реагировать на изменения внешней среды и корректировать стратегии;

– персонализация образования, которая включает учет индивидуальных потребностей и способностей каждого обучающегося, а также создание условий для его развития.

Концепция стратегического управления применительно к образовательным системам, разработанная такими учеными, как И. Ансофф, П. Друкер, М. Портер, предполагает анализ внешней и внутренней среды, формулирование миссий и целей, разработку стратегий и их реализацию [3]. Применительно к муниципальным образовательным системам, это означает:

– анализ внешней среды: изучение демографической ситуации, социально-экономического положения территории, потребностей рынка труда, законодательных и нормативных изменений, тенденций развития образования на федеральном и региональном уровнях;

– анализ внутренней среды: оценка кадрового потенциала, материально-технической базы, учебно-методического обеспечения, эффективности образовательных программ, организационной структуры;

– определение долгосрочной цели существования и желаемого состояния муниципальной образовательной системы;

– формирование конкретных, измеримых, достижимых, релевантных и ограниченных по времени «SMART» целей;

– разработка стратегических программ с определением комплекса мер и проектов, направленных на достижение стратегических целей.

Оценка эффективности деятельности органов управления образованием является важным элементом стратегического развития. Она позволяет определить, насколько успешно достигаются поставленные цели, выявить проблемные зоны и скорректировать дальнейшие управленческие действия. Показатели эффективности должны быть комплексными, отражать различные аспекты деятельности и соответствовать стратегическим целям. Показатели эффективности деятельности органов управления образованием на муниципальном уровне определяются в рамках Методологии мотивирующего мониторинга деятельности органов местного самоуправления, осуществляющих управление в сфере образования,

утвержденной Распоряжением Минпросвещения России от 29 декабря 2025 года № Р-326.

Показатели можно классифицировать по различным критериям. В их число входят количественные параметры, такие как охват детей дошкольным, общим и дополнительным образованием: доля детей определённого возраста, посещающих детские сады или школы, процент обучающихся, записанных на программы дополнительного образования, а также динамика этих показателей по годам. Важны и данные о доступности образования – например, доля школ, соответствующих современным требованиям инфраструктуры, наличие мест в дошкольных учреждениях для всех желающих, транспортная доступность школ для жителей отдалённых районов.

Существенную роль играют результаты образовательной деятельности. К ним относят средние баллы участников муниципальных, региональных и всероссийских оценочных процедур (ВПР, ОГЭ, ЕГЭ), долю выпускников, успешно сдавших экзамены, количество учащихся, набравших высокие баллы, а также динамику этих результатов. Отдельно отслеживают долю обучающихся, достигших базового и повышенного уровней освоения программ по ключевым предметам.

Кадровые показатели помогают оценить потенциал системы образования: укомплектованность школ педагогическими кадрами, доля учителей с высшей и первой квалификационной категорией, с учёной степенью или званием, уровень их профессионального развития (участие в курсах повышения квалификации, семинарах, конкурсах педагогического мастерства). Учитывается и текучесть кадров – низкий уровень увольнений может свидетельствовать о благоприятной рабочей среде и достойной поддержке педагогов.

Финансово-экономические индикаторы включают объём финансирования образования на душу населения, долю внебюджетных средств в общем бюджете образовательных организаций, эффективность использования бюджетных ресурсов (например, соотношение затрат и образовательных результатов), а также выполнение целевых программ и национальных проектов в сфере образования на территории муниципалитета.

Не менее важны социальные и инклюзивные показатели: доля детей с ограниченными возможностями, обучающихся в инклюзивной среде, доступность адаптированных программ и доля выпускников с ограниченными возможностями, успешно интегрировавшихся в общество или поступивших в образовательные учреждения. К этой категории также относится удовлетворенность участников

образовательного процесса: результаты опросов родителей, учащихся и учителей о качестве образования, безопасности окружающей среды, материально-техническом оснащении, взаимодействии школы и семьи.

К инновационным и развивающим критериям относят внедрение цифровых технологий (доля школ с доступом к высокоскоростному интернету, использование электронных образовательных ресурсов), реализацию экспериментальных и пилотных проектов, участие школ в федеральных и региональных инициативах (например, создание «Точек роста», IT-кубов), а также развитие партнёрств с ВУЗами, предприятиями и НКО.

Наконец, организационно-управленческие аспекты охватывают прозрачность и открытость деятельности органов управления: наличие публичных отчётов, работу общественных советов, оперативность реагирования на обращения граждан, соблюдение законодательства (в т.ч. лицензионных и аккредитационных требований), а также снижение числа нарушений, выявленных в ходе проверок.

Современная система образования местного самоуправления становится все более сложной, ей приходится работать в динамично меняющемся мире, который предъявляет к ней все более высокие требования [5]. Совокупность этих показателей позволяет всесторонне оценить работу муниципальных органов управления образованием, выявить сильные стороны и области роста, а также скорректировать стратегию развития системы образования на местном уровне.

Стратегическое развитие муниципальных образовательных систем – это непрерывный процесс, требующий системного подхода, внедрения современных механизмов управления и постоянного мониторинга эффективности. Организация эффективной деятельности органов управления образованием, основанная на четко определенных и измеримых показателях, является залогом успешной реализации долгосрочных целей, направленных на обеспечение высокого качества образования, отвечающего вызовам времени и потребностям. Мотивирующий мониторинг и система ключевых показателей эффективности дает возможность оперативно выявлять проблемные зоны и масштабировать успешные практики.

Список цитируемой литературы:

1. Дворядкина, Е.Б. Управление муниципальной системой образования: поиск эффективных подходов / Е.Б. Дворядкина, О.Е. Сергеева // Цифровые модели и решения. 2022. №1 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-munitsipalnoy-sistemoy-obrazovaniya-poisk-effektivnyh-podhodov (дата обращения: 16.04.2026).

2. Нарушева, С.Е. К вопросу о муниципальном управлении системой образования // Экономика и социум. 2024. №10-1 (125). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-munitsipalnom-upravlenii-sistemoy-obrazovaniya (дата обращения: 16.04.2026).

3. Никитинская, Е.Ф. Современные подходы к оценке эффективности механизма управления муниципальным образованием / Е.Ф. Никитинская, О.О. Комаревцева // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-otsenke-effektivnosti-mehanizma-upravleniya-munitsipalnym-obrazovaniem (дата обращения: 16.04.2026).

4. Портянская, Л.Л. Стратегическое управление в системе современного образования: концептуализация понятий и подходов // Вестник КГУ. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-v-sisteme-sovremennogo-obrazovaniya-kontseptualizatsiya-ponyatiy-i-podhodov (дата обращения: 16.04.2026).

5. Розанов, Д. А. Эффективное управление образованием на муниципальном уровне в Российской образовательной системе / Д. А. Розанов, А. В. Милушкин // Научная мысль: перспективы развития : Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Армавир, 22 ноября 2024 года. – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2024. – С. 209-214.

Галицких В.Н., канд.экон.наук., доцент
Преснякова Д.В., канд.экон.наук., доцент
АНО ВО Российский новый университет Елецкий филиал, г.Елец

СТРАТЕГИЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Аннотация

Организация управления финансовой стабилизацией обеспечивается на условиях эффективного менеджмента. Для этого проводится анализ хозяйственных и финансовых показателей, которые участвуют в поддержке деятельности организации. Применение интеграции математических методов, регрессионного анализа и моделирования хозяйственных процессов позволяет снизить риски и обеспечивать финансовую стабильностью организации

Ключевые слова: Управление финансовой стабилизацией организации, эффективный менеджмент, хозяйственные и финансовые показатели, конкурентные рынки

Динамика конкурентных рынков заставляет организации привлекать эффективные методы адаптации к требованиям потребителей, для этого переходить на универсальные модели управления хозяйственными процессами. Организации выстраивают коммерческие отношения, регулируют объемы сырья и материалов для производства также привлекают сберегающие технологии с целью роста качества годной продукции и услуг. Формирование логистики хозяйственной деятельности связано с перемещением объемов денежных средств и затратами на изготовление и сбыт готовой продукции, что требует опыта и профессиональных знаний персонала организации. В противном случае можно нарушить финансовое состояние, потерять устойчивость хозяйствования и понизить уровень конкурентных преимуществ. Важным считается обеспечение эффективных мероприятий по финансовой стабилизации, которая позволяет выстраивать финансовые отношения с контрагентами в определенном периоде хозяйствования. Это включает платежеспособность и кредитоспособность предприятия в результате его деятельности на основе эффективного формирования, распределения и использования финансовых ресурсов. [1]

Механизм финансовой стабилизации действует независимо от происходящих хозяйственных процессов, поэтому организация выполняет обязательства по финансированию производства и продвижения готовой продукции. Менеджмент организации использует универсальные инструменты по финансовой стабилизации, которые помогают понизить уровень рисков, в период привлечения кредитных ресурсов или расширения рынка сбыта. Можно установить содержание стратегии финансовой стабилизации в управлении организацией как систему элементов анализа и оценки текущей хозяйственной деятельности (рис. 1).

Рис. 1. Содержание стратегии финансовой стабилизации организации

Использование стратегии финансовой стабилизации помогает сохранять уровень производства и продаж готовой продукции в условиях конкурентной среды, которые связаны с поставками ценных ресурсов, текущими платежами и также организацией управления. Сущность стратегии финансовой стабилизации раскрывается в период обеспечения устойчивости хозяйственной работы, поддержки рентабельности производства, усиления коммерческой работы по привлечению материальных и финансовых ресурсов. Реформирование структуры денежного капитала на условиях самофинансирования хозяйственной деятельности требует проведения анализа конкурентной среды и моделирования процессов производства для того чтобы обеспечить финансовую независимость от внешних заемных источников, хотя обойтись без них сложно. [2]

Обеспечение финансовой стабилизации требует использование инвестиционных ресурсов из собственных и заемных источников, для чего привлекаются сведения о состоянии и структуре капитала, качестве производимой продукции, также динамике денежных и материальных средств в обороте. Управленческий персонал использует методы оценки финансовой устойчивости, которая помогает раскрыть источники денежных средств и объемы расходов на обслуживание процессов по капитализации имущества. При этом, показатели, применяемые в стратегии финансовой стабилизации в управлении организации, могут существенно варьировать как в количественном отношении, так и по методам расчета. [3]

Стратегия финансовой стабилизация в управлении организацией характеризуется состоянием финансовых средств, которое оценивается

в масштабах производства и отвечает стратегии жизненного цикла организации (рис.2).

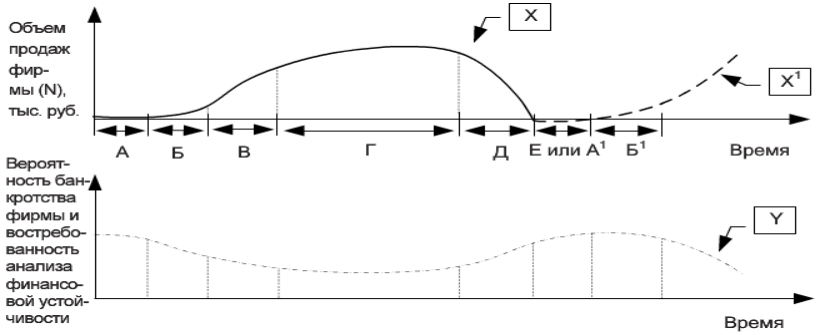

Рис. 2. Проведение оценки стратегии финансовой стабилизации на разных этапах жизненного цикла организации

Стратегия финансовой стабилизации считается важным механизмом управленческой деятельности в условиях конкурентного рынка, ибо получая информацию о текущем состоянии производства и продажах готовой продукции и услуг, есть возможность пересмотреть перечень конкурентных преимуществ и скорректировать финансовое обеспечение организации. Оценка конкурентного рынка на базе оперативных данных позволяет использовать интеграцию математических методов и регрессионного анализа для последующего моделирования хозяйственных процессов. Снижение уровня рисков обеспечивает финансовую стабильностью организации, а принятие эффективных управленческих решений по доходности денежных вложений помогает установить каналы распределения финансовых ресурсов, выявить резервы и рассчитать объемы инвестиций. Финансовое состояние организации будет устойчивым, если присутствует достаточный объем финансового капитала, чтобы обеспечивать непрерывность своей деятельности, связанную с производством и реализацией продукции в заданном объеме. [5]

Стратегия финансовой стабилизации используется как оптимальный метод для сохранения рабочих связей с контрагентами, обеспечения сбыта готовой продукции, и формирования денежных фондов для хозяйственной работы. В результате этого, уровень финансовых операций и состояние производства может вырасти, а мобилизованные финансовые средства будут определять уровень устойчивости организации. Реформирование структуры активов помогает понизить зависимость от кредитных денег и инвестировать

перспективные проекты. Финансовая стабилизация организации характеризуется прежде всего постоянным наличием в необходимых размерах денежных средств на счетах в банках, отсутствием просроченной задолженности… [4]

Итак, стратегия финансовой стабилизации в управлении организацией включает оценку устойчивости в условиях конкурентных изменений на товарных рынках. Поведение мероприятий по страхованию рисков, инвестированию и, кредитованию делает хозяйственную деятельность организаций более оптимальной. Управленческий персонал, привлекая финансовые ресурсы, проводит организованную и профессиональную работу по стабилизации финансового положения, оптимизации денежных потоков и расширению конкурентных преимуществ.

Список цитируемой литературы:

1. Асаул М.А. Управление устойчивостью предпринимательских структур / М.А. Асаул. — Электрон. текстовые данные. — СПб. : Институт проблем экономического возрождения, 2025. 284 с.

2. Гиляровская Л.Т. Анализ и оценка финансовой устойчивости коммерческих организаций : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 080109 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», 080105 «Финансы и кредит» / Л.Т. Гиляровская, А.В. Ендовицкая. — Электрон. текстовые данные. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 159 с.

3. Ковалев, О.Н. Волкова. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Учебник. — М.: ООО «ТК Велби», 2025.— 424 с.

4. Кравченко Л.И. Анализ хозяйственной деятельности в торговле: Учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Мн.: Выш. шк., 2025. 352с.

5. Экономический анализ финансово-хозяйственной деятельности: Учебник для среднего профобразования / Под общ. ред. М.В. Мельник. — М.: Экономистъ, 2025.320 с.

Дронова Н.А., преподаватель
ГОБПОУ Липецкий колледж индустрии сервиса

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ПРИОРИТЕТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Аннотация

В статье рассматриваются предварительные итоги социально-экономического развития государства за 2025 год, общая характеристика прогноза социально-экономического развития, обеспечение устойчивости развития экономики.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономическая политика, социальная политика, прогноз развития, структура экономического роста.

Предварительные итоги социально-экономического развития за январь-июль 2025 года показали, что экономическая ситуация оставалась достаточно нестабильной, наблюдалось снижение мирового ВВП на 3.3%. В мире за этот период было введено 3 тысячи новых торговых ограничений, а транспортные и логистические пути не позволили реализовать экономические планы из-за природных и военных конфликтов. Стоимостной объем экспорта сократился на 4%, на это повлиял рост цен на мировые энергоносители и иные факторы. Импорт товаров возрос в реальном выражении всего 4,3%, хотя в номинальном выражении процент достигал 11 пунктов [2, с.3].

Предварительные итоги социально-экономического развития за январь-июль 2025 года показали, что итоги должны строго соответствовать заранее поставленным целям в разрезе общих, текущих и приоритетных, как показано в таблице 1.

Таблица 1

Цели экономической политики государства

Цели экономической политики государства		
Общие	**Текущие**	**Перспективные**
Постоянные	Важные в данный момент	Направлены на будущее
Ликвидация безработицы, экономический рост и развитие	Необходимость рассчитаться с государственным долгом	Стремление стать страной с социально ориентированной рыночной экономикой

По материалам Минэкономразвития России, прирост ВВП составил всего 1,1 %, хотя в прошлом периоде было увеличение на 4,3 пункта, сейчас же нет такого роста спроса, как на рынке

потребительских товаров, так и на рынке инвестиций. Темп роста промышленного производства так же снизился на 0,8% (рост в 2024 году составлял 5,6%), причина – снижение продаж по всем товарным группам. В сельском хозяйстве отмечено увеличение рост производства на 2.2% из-за увеличения урожайности некоторых видов культур. Рост промышленного производства замедлился на 0,8%, особенно это заметно в обрабатывающей промышленности.

Вышеизложенные итоги, базируются на видах и типах экономической политики, которые охватывают все отрасли и сферы экономики, как показано на рисунке 1, от кредитной политики до внешнеэкономических взаимоотношений между странами, особенно в условиях новых санкций [2, с.4].

Рис.1. Направления экономической политики государства

Таким образом, базовый вариант социально-экономического развития основан на идее сохранить текущий уровень, сохранить способы противостоять санкциям. Однако, при вынесении прогнозов не стоит забывать учитывать уровень критичности и рисков, а также возможность появления непредвиденных обстоятельств и форс-мажорных решений.

Экспорт товаров в 2026 году вырастет в реальном выражении на 3,1 % с учетом эффекта низкой базы 2025 года – наибольшими темпами будет расти ненефтегазовый экспорт, который увеличится на 3,3 % к уровню предшествующего года, нефтегазовый экспорт увеличится на 2,9 %. В 2027- 2028 годах товарный экспорт будет расти

в среднем на 4,9 % в год при опережающих темпах роста ненефтегазовой составляющей. Импорт товаров в 2026 году, по оценке, сохранится на уровне предыдущего года в реальном выражении. В 2027-2028 годах импорт товаров будет расти в среднем на 3,4 % в год [2,с.8].

Условия неопределенности в мировом сообществе стран, увы подвержены протекционистской политике ведущих господствующих стран и возможности ответить на определенные действия у иных стран иногда просто отсутствуют или ограничены. Больше всего в данном случае страдает торговая отрасль любой страны, так как вводятся ограничения на ввоз и вывоз продукции и товаров. Немаловажное влияние имеют также и постоянно меняющиеся пошлины, временные рамки и пункты приема товаров. Несомненно, влияние оказывают и ответные решения других стран на введенные санкции. Как говорится в прогнозе развития на 2026 год волонтильность прогноза не будет постоянной и решения других стран на российские ограничения так же будут меняться к концу года [1,с.23].

Список цитируемой литературы:

1. Арутюнов, А.Д. Экономическая политика в информационном обществе / А.Д. Арутюнов, Г.И. Ловецкий. - Москва: СПб. [и др.] : Питер, 2025. - 288 с.

2. Официальный сайт Министерства экономического развития. Прогноз социально-экономического развития российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroe

Иванов А.Г., д-р филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ Б. ЛАТУРА

Аннотация

В статье основные идеи, изложенные в работе Бруно Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» и связанные с источниками социальной неопределенности и мерами по

преодолению разногласий, применяются к современному российскому государственному и муниципальному управлению. Отмечается, что использование акторно-сетевого подхода в государственном управлении, где в условиях цифровизации учитывается роль новых акторов (так называемых non-humans), дает возможность составления объективного представления о положении дел в обществе.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; государственное и муниципальное управление; цифровизация.

Современное государственное и муниципальное управление в России представляет собой тесное переплетение работы органов публичной власти разных уровней (федерального, регионального, местного), осуществляющих множество функций – администрирование, законодательствование, представительство интересов, судопроизводство, контроль. А если добавить к этому широкое включение в работу политиков и чиновников информационно-коммуникационных технологий, то получается целая сложная разветвленная сеть акторов, осуществляющих известное функциональное аппаратное производство. Конечно, к настоящему времени существует множество определений политико-бюрократических конфигураций для всех существовавших в истории понятий политий, данных в рамках политических, экономических наук. Но мы хотели бы взглянуть на текущие процессы государственного и муниципального управления в России методологически широко, в частности, примеряя к ним оптики акторно-сетевой теории, которые с учетом активной цифровизации управленческих практик, смотрятся многообещающе, тем более с учетом так называемой агентности как кадрового ресурса, так и вещей.

С 10 по 13 февраля 2026 года на площадке Президентской Академии в Москве состоялся первый Международный конгресс государственного управления. Его миссия – стать центром формирования лучших практик, определения ключевых векторов развития и практических задач с целью повышения качества государственного управления. Тон Конгрессу задал первый заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко, который в мотивирующей речи заявил, что система государственного управления в России, благодаря запущенному Президентом России в 2017 году конкурсу «Лидеры России», впервые стала открытой, что оценка госслужащих стала более объективной вследствие включения в нее социологических

показателей и, главное, что изменение культуры управления происходит только по воле первого лица.

В девизе акторно-сетевой теории «идти за самими акторами» нам увиделись перспективы изучения все более расширяющейся отечественной «Вселенной чиновников» – от советской номенклатуры до современных российских технократов, вооруженных гаджетами с дашбордами. При всем существующем в настоящее время многообразии трактовок и понятий в акторно-сетевой теории остановимся на программной работе Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» [3], в которой дается исчерпывающее истолкование ключевых для подхода вещей, выделяются присущие социальному миру в целом источники неопределенности и объясняется, как сделать ассоциации снова прослеживаемыми. Далее обратимся к ключевым латурнианским АСТ-идеям, рассматриваемым нами в контексте коммуникаций внутри и вокруг аппарата чиновников и политиков. Так, Б. Латур зафиксировал пять источников неопределенности и описал три шага на пути в тому, чтобы сделать ассоциации снова прослеживаемыми.

Источники неопределенности:

1) групп нет – есть группообразования. Но в случае с чиновниками (и, возможно, с политиками), этот тезис не работает, так как они должны как бы забыть о своих личных предпочтениях и в работе руководствоваться исключительно административными и должностными регламентами; они должны быть, в терминологии Б. Латура, «проводниками», тогда как «посредники», способные изменять смыслы, – это, очевидно, политики. Но в действительности часто бывает так, как отмечено самим Б. Латуром: «…с точки зрения АСТ не существует предпочтительного типа социальных объединений, а число посредников бесконечно, и если они превращаются в добросовестных проводников, то это не правило, а редкое исключение» [3, с. 60]. Следует добавить, что в выделяемых подходах к классификации моделей и групп интересов в государственном управлении всегда отдается должное гражданскому обществу [2, с. 58-59]. При этом наряду с функционированием классической системы представительства интересов, выделяются их корпоративное представительство, лоббизм, но наиболее близки к латурнианскому представлению о группообразованиях политические сети, работающие следующим образом: «Действуя в условиях относительно открытого политического пространства, когда компетенция различных структур четко не очерчена, а сферы интересов зачастую перекрещиваются, отчасти совпадают или конкурируют друг с другом, группы интересов

могут вступать в потенциальные коалиции и преумножать потенциал своего давления, распадаясь сразу после принятия соответствующего решения» [2, с. 213].

2) действие захватывается. Здесь имеется ввиду, что в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели, при этом природа компонентов, образующих социальные связи, гетерогенна. Одной из ключевых особенностей акторно-сетевой теории является идея, что акторы обязательно должны себя как-то проявлять, производя какие-то действия, оставляя что-то после. Сегодня – это цифровые следы, которые более или менее прослеживаются. Но особенностью Российской Федерации, на наш взгляд, является довольно активное вмешательство чиновников в ход исполнения решений органов законодательной власти, а также то обстоятельство, что в условиях социально-политической турбулентности многие сведения о результатах деятельности органов исполнительной власти публично не обнародуются.

3) объекты тоже активны. Таких активных объектов, которые в современном российском обществе и процессах публичного управления, если присмотреться, становится все больше. Это и единый день голосования, и многочисленные национальные проекты, и конкурсы типа «Лидеры России», и центры подготовки типа мастерской управления «Сенеж», и практики блокчейна, и функционирование портала «Госуслуги» и так называемого электронного правительства в целом. Сюда следует отнести и фактор российского защищенного мессенджера «Max». Все перечисленные инициативы и нововведения являются иллюстрациями того, как все новые объекты становятся участниками действия, а, в широком смысле, совокупности управленческих действий, становясь таким образом примерами тех самых non-humans (акторы-нечеловеки), в нашем случае определяющих политико-управленческой ландшафт современного российского государства. И любой из отмеченных выше примеров объектов можно легко представить в качестве сети, окутывающей государство, проникающей в каждый отделенный его уголок.

4) реалии фактические vs реалии дискуссионные. Природа фактов также провоцирует неопределенности. С одной стороны, в современном российском государственном и муниципальном управлении все чаще имеет место апеллирование к так называемой оценке регулирующего воздействия; с другой стороны, распространенное обращение органов публичной власти к услугам известных учреждений, многие годы проводящих социологические

опросы – таким как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) или Фонд «Общественное мнение», – и последующее предъявление соответствующих результатов общественности привносит в действия властей элементы субъективизма, хотя С.В. Кириенко и утверждает о более объективной оценке государственных служащих вследствие включения в нее социологических показателей.

5) пишем рискованные отчеты. Кончено, графики с красивыми картинками и цифрами на слайдах, нравится руководителям любого масштаба, однако то, как они возникают в результате целой сети взаимоотношений, где могут происходить, как отмечалось ранее, сбои, ошибки, искажения, так называемые контроверзы, остается открытым вопросом. Хотя сегодня, с развитием работы с большими данными, с внедрением в административную работу искусственного интеллекта и т.п. количество «фатальных» ошибок радикально снижается, и на первый план выходят «технократические» навыки. И здесь обратим внимание на то, что в России до совсем недавнего времени сохранялись практики двойного отражения в отчетах данных (например, количество патриотических мероприятий, или число граждан, занимающихся спортом), что с развитием электронного государства не так быстро, но все же уходит в прошлое. С развитием электронного правительства должна решаться и так называемая проблема агентства: ситуация управления между неравными акторами, имеющими разные степени информированности.

После того, как выявлены сложности и неопределенности в социальном, и, в нашем случае, в государственном управлении, следует обратиться к обнаруженным связям, или сделать ассоциации снова прослеживаемыми.

В этом, согласно Б. Латуру, могут помочь три действия:

1) локализуем глобальное. Для понимания данного процесса Б. Латур дает объяснение словосочетанию «актор-сеть», где актор «…раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира» [3, с. 252]. В Российской Федерации в настоящее время таким актором, где вынашиваются и принимаются важнейшие государственные решения, является Президент и его администрация, которые выступают в качестве главных инициаторов государственных решений, на перспективу определяющих дальнейшие конфигурации и действия административного аппарата, включая региональные и отраслевые его звенья, а также депутатов всех уровней системы публичной власти.

2) перераспределяем локальное. И здесь вновь необходимо упомянуть электронное правительство, электронный документооборот и напомнить, что значимость информационно-коммуникационных технологий подчеркивалась самим Б. Латуром: «…информационные технологии позволяют отслеживать ассоциации способом, который раньше был невозможен» [3 с. 289]. В связи с этим отметим, что в первую очередь в поле зрения должны попадать циркуляция, взаимодействие (например, межведомственное), а уже потом – ландшафт, то есть то, где именно происходит взаимодействие такого рода. Но такое современное перераспределение в случае с российской системой государственного и муниципального управления касается, прежде всего, ресурсов – финансовых, материальных и, особенно, кадровых. Так, отдельное значение в деле рекрутирования кадров на госслужбу имеют конкурсы, задуманные как некие социальные лифты. Не случайно С.В. Кириенко на конгрессе государственного управления упоминал об открытости системы государственного управления в России, благодаря конкурсу «Лидеры России». При этом ключевую роль в том, что такое оказывается возможным, играет Президент России, давший жизнь многим таким инициативам. Здесь вновь обратим внимание на еще одну отсылку к словам С.В. Кириенко на конгрессе: культура управления меняется только по воле первого лица.

3) соединяем места. Для, так сказать, соединения мест, мы должны знать, как все упомянутое выше – рекрутирование кадров, функционирование органов власти и учреждений, обмен информацией при принятии государственных решений и т.п. – работает; какую трансформацию претерпели коммуникативные агенты в лице современных чиновников и депутатов. И здесь необходимо отметить задачи, о которых напоминал Б. Латур: «…чтобы сохранить верность эмпирическому пониманию социального, мы должны последовательно решить три разные задачи: развертывания, стабилизации и построения. Сначала мы должны научиться так развертывать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждой будущей сборки (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и, наконец, мы хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе» [3, с. 343]. В России выступление главы государства или даже видных деятелей его администрации следует, таким образом, считать «…неким развертыванием, когда определяется, какому органу власти (или общественной организации) и когда предстоит решать

конкретную задачу» [1, с. 25]. Сглаживание или стабилизация неопределенностей (которые, как правило, восходят к системным проблемам) касается, в первую очередь, работы с тем, что обобщенно можно назвать контроверзами; и одна из ключевых ролей в этом процессе отводится представителям политического класса, так сказать, нового типа – цифровым технократам. Будущая сборка в ситуации современного российского государственного развития, опять же, перемещает фокус внимания на фигуру главы государства или национального лидера.

Можно ли на основе вышеизложенного предложить какие-то новые подходы к государственному управлению? Вероятно, да. Так, следует обозначить акторно-сетевой подход, применение которого уже к современной российской действительности дает возможность для составления объективного представления о положении дел при реализации государственной политики, при осуществлении государственного и муниципального управления.

Список цитируемой литературы:

1. Иванов, А.Г. Мифология светлого будущего: ответ российского государства на общественный запрос на справедливость / А.Г. Иванов // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21. № 1. С. 22–29.

2. Купряшин, Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы / Г.Л. Купряшин. – Москва: Издательство Московского университета, 2012. – 312 с.

3. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию; пер. с англ. / Б. Латур. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.

Ивашинина Т.Б., канд. экон. наук, доцент
Малахова О.А., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Воронежский филиал, г. Воронеж

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация

В статье затронуты актуальные вопросы защиты и поддержки населения на примере Воронежской области, рассмотрены результаты реализации некоторых социальных программ, обозначены недостатки, намечены пути совершенствования.

Ключевые слова: регион, государство, социальная сфера, человеческий капитал, социальная политика, социальные программы.

Государственное управление играет ключевую роль в обеспечении эффективной реализации социальной политики субъектов Российской Федерации. В частности, в Воронежской области активно реализуются программы социальной поддержки населения. Рассмотрим основные механизмы, используемые государством для повышения эффективности государственного управления в указанной сфере.

Направления государственного вмешательства охватывают несколько сфер. Так, Правительство определяет и выделяет средства на реализацию социальных программ, включая пособия и субсидии различным категориям граждан. Речь идет об охране труда и здоровье людей, установлении гарантированного минимального размера оплаты труда, обеспечении поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитии системы социального обслуживания, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты, предоставлении медицинских и образовательных услуг, оздоровлении окружающей среды и др. поддержка семей с детьми осуществляется через федеральные программы, такие как материнский капитал, единовременные выплаты беременным женщинам и семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации. При этом органы власти руководствуются законодательством Российской Федерации, в частности, Федеральным законом № 8-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который определяет принципы организации социальной службы и порядок предоставления услуг населению [1].

Говоря о социальном обеспечении, следует понимать, что оно самым тесным образом связано с государственными финансами, поскольку направлена на поддержку наиболее уязвимых слоев населения, которые по тем или иным объективным причинам не могут полноценно себя обеспечить в материальном плане [2].

Рассмотрим ее реализацию на примере Воронежской области. В 2025 году политика региона была направлена на повышение доходов населения, индексацию пособий и поддержку семей. Прожиточный минимум вырос до 15605 руб. на душу населения, что в процентном отношении составляет 16,1%, при этом для трудоспособных граждан он составил 17009 руб., пенсионеров – 13420 руб. Минимальный размер оплаты труда был установлен на уровне 22440 руб., что автоматически увеличило размеры выплат по больничным листам временной нетрудоспособности и декретных средств. Фактически максимальное пособие по уходу за ребенком достигло 68,9 тыс. руб. в месяц, а больничные за день – до 5,6 тыс. руб.

Почти 130 тыс. детей региона получали единое пособие (50%, 75% или 100% от регионального ПМ), при этом доход семьи рассчитывался с учетом 4 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ). Эти меры в сущности направлены и на улучшение демографической ситуации как в регионе, так и в стране в целом.

В целом социальная политика направлена не на простое выделение трансфертов. Их задача в большей степени поддержать в трудную минуту, когда речь идет о трудоспособном населении. На самом деле важно через эти выплаты стимулировать население к активному участию в производственной и непроизводственной сферах [5].

Статистические данные свидетельствуют о положительном влиянии государственных мер на улучшение качества жизни населения Воронежской области. Согласно отчетам администрации региона, количество обращений граждан за оказанием социальной помощи ежегодно растет, что свидетельствует о повышении доверия населения к органам власти.

Ввиду того, что средства поступают из федерального и регионального бюджетов, за ними необходим тщательный контроль. Государственные органы власти региона координируют деятельность учреждений социальной сферы, контролируют исполнение законов и нормативных актов, регулирующих социальные отношения. Большое значение имеет также квалификация кадров, занятых в социальной сфере. Например, Президентская академия активно готовит специалистов для работы в социальной области, предлагая разнообразные программы и уровни обучения.

Однако, несмотря на принимаемые меры, ряд проблем остается нерешенными, что снижает эффективность системы социальной защиты и поддержки населения [3]. Наблюдается:

- недостаточная информированность граждан о существующих программах и возможностях получения социальной помощи;
- сложность процедуры оформления документов и получение необходимых справок;
- неравномерное распределение ресурсов среди регионов и муниципальных образований внутри субъекта федерации.

Для решения указанных проблем предлагается комплекс разнообразных мер, направленных на расширение государственного участия. К ним можно отнести:

- развитие информационно-коммуникационных технологий - создание единого портала социальной поддержки, что позволит гражданам получать необходимую информацию онлайн, упрощать процедуру подачи заявок и ускорить процесс принятия решений органами власти [6];
- повышение квалификации сотрудников социальных служб. Обучение персонала современным методикам оценки потребностей населения и улучшения взаимодействия с гражданами повысит качество предоставляемых услуг;
- формирование единой базы данных о нуждах населения. Интеграция всех имеющихся баз данных о гражданах, имеющих право на льготы и пособия, позволит сократить бюрократические барьеры и оптимизировать работу социальных служб [4];
- активизация участия общественных организаций и НКО. Привлечение негосударственных структур к решению вопросов социальной защиты населения расширит спектр возможностей для удовлетворения нужд граждан и улучшит взаимодействие государства с обществом.

Таким образом, совершенствование механизмов государственного управления должно включать комплекс мероприятий, направленных на повышение прозрачности и доступности социальной поддержки населения, развитие инфраструктуры социальных служб и внедрение современных технологий. Это обеспечит достижение целей устойчивого развития и повышение уровня жизни жителей не только Воронежской области, но и всех регионов нашей страны.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (последняя

редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 18.04.2026).

2. Васильева, С.И., Шаповалова, И.Б. К вопросу эффективность управления системой социальной поддержки населения в регионе / С.И. Васильева, И.Б. Шаповалова // Защита социальных прав граждан как обязанность государства: материалы XVI Международной научно - практической конференции. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022. – С.20-25.

3. Герсонская, И.В. Государственная социальная политика в России: проблемы и перспективы развития / И.В. Герсонская // Личность, общество, государство: проблемы развития и взаимодействия: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию филиала. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2025. – С.39-44.

4. Гулищьян, А.С., Ивашинина, Т.Б. Организация социальной защиты населения: проблемы и решения / А. С. Гулищьян, Т.Б. Ивашинина // Молодежный вектор развития аграрной науки: Материалы 67-й научной студенческой конференции. – Воронеж: изд-во ВГАУ, 2016. – С.48-52.

5. Решетникова, М.А., Ивашинина, Т.Б. Влияние современных трансформаций на социально-экономические процессы / М.А. Решетникова, Т.Б. Ивашинина // Социально-политические процессы в современном мире: взгляд молодых: материалы 7-й студенческой научно-практической конференции. – Воронеж: РИО Воронежского филиала РАНХиГС, 2025. – С. 148-151.

6. Шурупова, А.С., Воронина, К.О. Совершенствование региональной социальной политики путем создания единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений / А.С. Шурупова, К.О. Воронина // Цифровые платформы: законодательство и практика: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2024. – С. 118-119.

Измалкова И.В., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ТРЕХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы систематизации понятийного аппарата социально-экономической политики государства. Предлагается трехуровневая структура, дифференцирующая базовые дефиниции, операциональные понятия и категории анализа динамической эффективности. Обосновывается, что такой подход дает возможность преодолеть фрагментарность существующих определений и заложить основу для оценки трансформации политики в условиях институциональных изменений.

Ключевые слова: социально-экономическая политика; понятийный аппарат; трехуровневая структура; базовые дефиниции; операциональные понятия; категории анализа; динамическая эффективность.

Понятийный аппарат социально-экономической политики государства остается фрагментированным. Содержание одних и тех же терминов трактуется по-разному, что порождает разобщенность между исследователями, чиновниками и практиками. Подобная ситуация особенно опасна в периоды глубоких технологических и институциональных сдвигов, когда требуется быстрая выработка и согласование управленческих решений. Обращение к работам, посвященным промышленной политике, показывает, что в основе любой государственной стратегии лежат определенные представления о желаемой структуре экономики, причем последние у разных групп могут существенно расходиться. Из этого, однако, не следует, что государственное вмешательство нуждается в постоянном оправдании через «провалы рынка» — сама логика целеполагания уже предполагает активную роль государства [6; 2; 5].

Смена технологических укладов, связанная с четвертой промышленной революцией, заставляет по-новому взглянуть на привычные индикаторы эффективности. Те показатели, которые работали в относительно стабильной среде, оказываются малопригодными для оценки способности экономики к технологической адаптации и структурной перестройке. Статичные критерии

результативности не улавливают главного — готовности производственной системы к самоизменению. Это подводит к необходимости введения в понятийный аппарат особых категорий, фиксирующих процессуальные характеристики политики [4].

Еще более глубокая проблема кроется в состоянии экономической теории. На протяжении последних десятилетий сохраняется разрыв между теоретическими конструктами и эмпирической верификацией. Многие закономерности, выведенные в рамках формальных моделей, оказываются неустойчивыми к небольшим изменениям исходных предпосылок. Эмпирические исследования, в свою очередь, редко подтверждают существование универсальных экономических законов. Этот методологический кризис напрямую затрагивает понятийный аппарат государственной политики, поскольку делает проблематичным превращение абстракций в измеряемые величины [3].

С особой остротой данная проблема проявляется в области ценообразования, где теоретические модели плохо стыкуются с задачами реального управления [1].

Преодоление перечисленных трудностей требует выработки иерархически организованной системы понятий. В таблице 1 представлена структура, различающая три типа понятийных единиц: базовые дефиниции, операциональные понятия и категории динамического анализа.

Таблица 1

Трехуровневая структура понятийного аппарата социально-экономической политики государства

Уровень	Назначение уровня	Примеры понятий
1. Базовые дефиниции	Задают концептуальные рамки анализа, формируют «ядро» понятийного аппарата	Социально-экономическая политика; цели; приоритеты; инструментарий; эффективность
2. Операциональные понятия	Обеспечивают эмпирическую верификацию и перевод абстрактных категорий в измеримые параметры	Индикаторы результативности; критерии эффективности; механизмы реализации; институциональные условия
3. Категории анализа динамической эффективности	Отражают процессуальные и адаптационные аспекты, фиксируют способность политики к изменению	Траектория развития политики; адаптационный потенциал; трансформация целеполагания; устойчивость курса

Источник: составлено Измалковой И.В.

Представленная в таблице 1 группировка понятий по трем уровням отличается от сложившейся практики их разрозненного употребления. В большинстве работ по экономической политике «эффективность» и конкретные индикаторы обсуждаются без различения их уровней, хотя природа этих понятий различна.

В предложенной схеме каждый уровень решает свою задачу. Базовые дефиниции задают концептуальную оптику. Именно здесь коренятся основные расхождения между разными школами и ведомственными подходами: от того, как трактуются цели и приоритеты, зависит вся последующая логика анализа. Операциональные понятия выполняют роль моста между теорией и эмпирией — на этом уровне снимается проблема превращения абстрактных категорий в измеримые показатели. Выделение третьего уровня продиктовано тем, что в условиях технологических и геополитических сдвигов статических оценок результативности недостаточно при этом требуются категории, фиксирующие способность политики к перестройке и адаптации, ее гибкость и адаптивный потенциал.

Такой подход позволяет по-новому структурировать дискуссию о приоритетах и эффективности государственного регулирования. Вместо смешения разных по уровню понятий возникает возможность последовательного анализа: от уточнения базовых целей — к выбору измеримых индикаторов — далее к оценке динамических характеристик политики. Этим предложенная схема отличается от фрагментарных определений, которые преобладают в современной литературе.

Список цитируемой литературы:

1. Горбунов, В. К. Проблема цен в экономической теории и государственном управлении / В. К. Горбунов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 62. – С. 186-209. – EDN WMLBSB.

2. Ленчук, Е. Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы / Е. Б. Ленчук, Ф. Г. Войтоловский, Д. Б. Кувалин // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 6(183). – С. 46-55. – DOI 10.47711/0868-6351-183-46-55. – EDN LIOIWS.

3. Полтерович, В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46-66. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-ekonomicheskoy-teorii-1 (дата обращения: 21.04.2026).

4. Романова, О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Часть 1 // Экономика региона. 2018. № 2. С. 426-439. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-promyshlennoy-politiki-rossii-v-kontekste-vyzovov-chetvertoy-promyshlennoy-revolyutsii-chast-1 (дата обращения: 21.04.2026).

5. Тамбовцев, В.Л. Новая институциональная экономическая теория и менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2006. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-institutsionalnaya-ekonomicheskaya-teoriya-i-menedzhment (дата обращения: 21.04.2026).

6. Тамбовцев, В.Л. Промышленная политика: к новому пониманию // Journal of new economy. 2017. №5 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-k-novomu-ponimaniyu (дата обращения: 21.04.2026).

Либерман Т.И., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Аннотация

В статье представлены особенности применения цифровой платформы для реализации социальной политики в регионе. Автор обобщил информацию о возможностях Единой цифровой платформы, преимуществах ее использования для оказания социальной поддержки населению.

Ключевые слова: социальная политика государства, единая государственная информационная система социального обеспечения, социальный калькулятор.

Система социальной защиты и обеспечения населения играет значительную роль в современном обществе, стремясь обеспечить социальную справедливость, защиту наиболее уязвимых слоев населения и обеспечение их основных потребностей. Проблемы безработицы, бедности, инвалидности, пенсионного обеспечения и

другие аспекты социальной защиты становятся предметом внимания государственных органов, общественных организаций и научного сообщества.

С учетом динамичного развития общества и изменения его потребностей, система пособий постоянно совершенствуется и дополняется новыми видами и формами социальной поддержки. Такие изменения требуют постоянного мониторинга и изучения.

Развитие современного государства требует внедрения цифровых инструментов в систему государственного управления, в том числе в социальную сферу. Сегодня Российская Федерация демонстрирует высокий уровень цифровизации взаимодействия государственных органов с гражданами по вопросам социального обеспечения.

Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. №431-р, определяет направления цифровой трансформации социальной сферы и направлен на совершенствование процессов предоставления мер социальной поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях на базе цифровых технологий. [2]

В Российской Федерации функционирует государственная информационная система «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере», которая позволяет на основе автоматизации процедур обеспечить предоставление мер социальной поддержки, осуществлять социальные выплаты населению.

Единая цифровая платформа позволяет: принимать и обрабатывать заявления и документы, поступившие от граждан; формировать запросов и получать сведения на основе единой системы межведомственного электронного взаимодействия; назначать меры социальной поддержки, принимать решения о выплате мер социальной защиты; обрабатывать сведения от кредитных и доставочных организаций; хранить на единой цифровой платформе электронные документы. [1]

На рисунке 1 представлены категории граждан, которые получают социальную поддержку на территории Липецкой области.

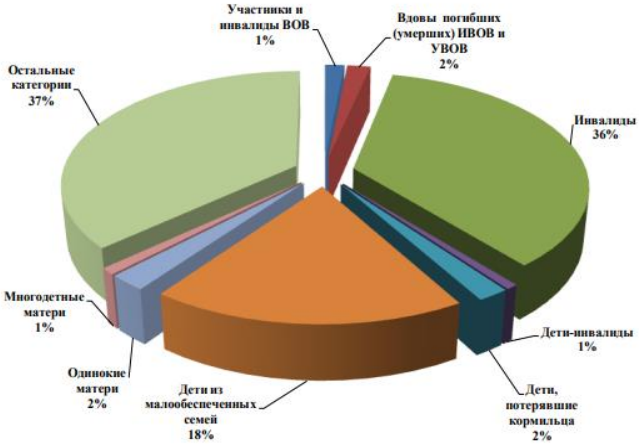

Рис. 1. Структура категорий граждан,
получающих социальную поддержку [3]

Социальная сфера является одной из ведущих областей цифровизации государственного управления. Цифровизацию управления публичными финансами в социальной сфере также следует связывать с началом реализации концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы и переходом к оказанию государственных услуг и осуществлению функций в формате «социального казначейства».

Анализ данных, представленных на рисунке 1, позволяет определить направленность социальной политики в регионе. К основным категориям, получающим социальную поддержку следует можно отнести детей из малообеспеченных семей, инвалидов. К отдельной категории относятся вдовы погибших военнослужащих, дети, потерявшие кормильца.

Дополнительно СФР занимается обеспечением инвалидов техническими средствами реабилитации, предоставлением протезно-ортопедических услуг, а также финансированием предупредительных мер для сокращения производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Все это направлено на повышение качества жизни граждан и улучшение условий их труда.

Практически все услуги Отделения Социального фонда выведены в электронный формат на портале госуслуг (ЕПГУ). Социальную услугу можно получить из любой точки страны, главным условием является доступ к информационно-коммуникационной сети Интернет. Получателю социальных услуг необходимо зарегистрироваться на портале госуслуг и подтвердить свою учетную запись. После этого он

может воспользоваться всеми преимуществами получения необходимых государственных услуг без потери времени и качества. Кроме того, зарегистрироваться на портале госуслуг и подать заявление можно в любом Центре обслуживания, список которых размещен на ЕПГУ, или в клиентских службах.

В клиентских офисах Отделения СФР можно не только подтвердить учетную запись, но и получить услугу в электронном виде. В клиентских офисах можно самостоятельно подать заявление, получить выписки или справки, изучить необходимые нормативно-правовые акты, сканировать или распечатать документы. За первую половину 2025 года региональное Отделение СФР предоставило гражданам более 103 700 услуг в электронном формате.

Динамика социальных выплат показывает рост финансирования социальной политики, увеличение расходов на социальные выплаты, в том числе рост материнского капитала, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет. (рис.2). Ситуация в сфере финансирования показывает актуальность внедрения единой цифровой платформы, так необходимой для повышения качества взаимодействия органов государственной власти с населением.

Внедрение Единой цифровой платформы позволяет совершенствовать систему социальной защиты граждан путем реализации:

1. заявительного подхода предоставления мер социальной защиты гражданам;

2. индивидуализации - учет условий предоставления мер социальной защиты граждан;

3. адресного характера - средства предоставляются с учетом доходов, имущества получателей помощи – в форме субсидии и ежемесячной денежной выплаты на оплату жилищно-коммунальных услуг и др.

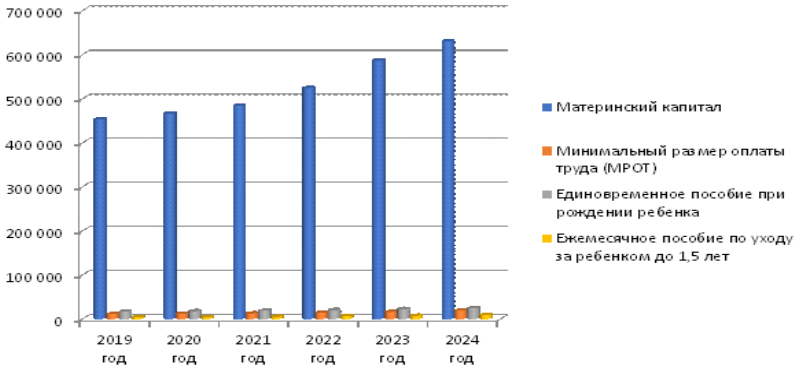

Рис. 2. Динамика размеров социальных выплат населению [3]

Мерами социальной поддержки в соответствии с законодательством являются социальные гарантии отдельным категориям граждан, предоставляемые государством в форме социальных пособий, субсидий, пенсионного обеспечения, компенсаций и иных льгот. Для упрощения и ускорения предоставления социальных услуг в сфере социальной политики в настоящее время применяются цифровые решения, основное из них связано с использованием единой цифровой платформы. Единая цифровая платформа применяется при назначении и предоставлении мер социальной защиты. Более этого Единая цифровая платформа позволяет обеспечивать информационное взаимодействие различных субъектов РФ по вопросам назначения и выплат социальных пособий в том случае, когда регионы сами внедряют разработанные ими информационные системы. В этих условиях Единая цифровая платформа становится важнейшим инструментов цифровизации управленческих решений, способствующих оптимизации документооборота в сфере социального обслуживания населения.

Список цитируемой литературы:

1. Бихдрикер, А.С. Информационное обеспечение управления сферой социальной защиты населения в регионе / А.С. Бихдрикер, Т.В. Лисицина // Социальная работа: современные проблемы и технологии. - 2020. - № 1. - С. 30-37.

2. Кострица, Е.О. Совершенствование управления социальной защитой населения региона: анализ, методика, инструменты / Е.О. Кострица // В сборнике: Аспирантские тетради Сборник научных

статей научно-методического семинара молодых ученых. - 2020. - С. 94

3. Либерман, Т.И., Хоперских, Т.С. Механизмы финансирования социальных выплат в условиях цифрового государства// Взаимодействие власти, бизнес и общества в условиях новой реальности: материалы всероссийской очной научно-практической конференции (г. Липецк, 17 марта 2023 г.) / под общ. ред. М.А. Гуриной, Т.И. Либерман. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. – 368 с. (С.230-234)

Лопская Д.П., аспирант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИИ: МЕЖДУ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЕЙ

Аннотация

В статье анализируется современная пространственная организация России, рассматриваемая через призму диалектики централизации и регионализации. Автор исследует исторические предпосылки, современные вызовы и перспективы развития территориального устройства страны. Особое внимание уделяется роли государства в формировании единого пространственного каркаса, поддержке региональных инициатив и интеграции новых территорий. В работе раскрываются практики успешного взаимодействия федерального центра и субъектов, а также влияние пространственной организации на качество жизни, миграционные процессы и экономическую устойчивость. Статья адресована специалистам в области государственного управления, региональной экономики и пространственного планирования.

Ключевые слова: пространственная организация, централизация, регионализация, региональная политика, федерализм, устойчивое развитие, национальная безопасность, социально-экономическое развитие, цифровая трансформация.

Пространственная организация государства — это не только административное деление, но и сложная система экономических,

социальных, культурных и политических связей, определяющих устойчивость и динамику развития страны. Для России, обладающей огромной территорией и значительным разнообразием регионов, вопрос баланса между централизацией и регионализацией всегда был ключевым. В условиях новых глобальных вызовов эта проблема приобретает особую остроту.

Советский Союз представлял собой уникальное по масштабам и сложности государственное образование, где пространственная организация играла ключевую роль в обеспечении целостности страны и реализации масштабных экономических и социальных проектов. В основе этой организации лежал принцип жёсткой централизации, который определял все аспекты жизни государства — от экономики до культуры.

В СССР все ключевые решения, касающиеся развития территорий, принимались в центре — в Москве. Региональные органы власти и управления выступали в роли исполнителей единой государственной воли. Такая модель позволяла: быстро мобилизовать ресурсы для решения стратегических задач (индустриализация, освоение Севера, создание ВПК); обеспечивать единство экономического и политического пространства; проводить масштабные инфраструктурные проекты (строительство БАМа, создание единой энергетической системы).

Однако централизация имела и обратную сторону - регионы были лишены значительной самостоятельности, их интересы часто приносились в жертву общесоюзным целям. Это приводило к неравномерному развитию, накоплению диспропорций между центром и периферией, а также к снижению мотивации региональных элит и населения.

В 1950-е годы, в период хрущёвской «оттепели», была предпринята попытка реформировать систему управления экономикой через создание совнархозов — советов народного хозяйства. Суть реформы заключалась в передаче части управленческих функций на региональный уровень, чтобы повысить эффективность хозяйствования и учесть местную специфику.

Однако эта инициатива не привела к формированию устойчивых региональных центров развития по ряду причин: совнархозы не получили реальной экономической самостоятельности и оставались под жёстким контролем центра; реформа не сопровождалась развитием институтов гражданского общества и местного самоуправления; сохранялась приоритетность интересов военно-промышленного комплекса и тяжёлой промышленности, что

ограничивало возможности регионов. В результате совнархозы были упразднены, а страна вернулась к централизованной модели управления.

Советская пространственная организация оказалась уязвимой к дезинтеграционным процессам. К концу 1980-х — началу 1990-х годов накопилось много противоречий, Во-первых, нарастали диспропорции между регионами-донорами и регионами-реципиентами, усиливалась зависимость периферии от центра. Во-вторых, слабость федерального центра в условиях перестройки привела к росту самостоятельности региональных элит, которые начали претендовать на большую долю власти и ресурсов. В-третьих, игнорирование этнического и конфессионального разнообразия, попытки культурной ассимиляции вызывали недовольство в ряде республик и автономий. Всё это способствовало фрагментации экономического и политического пространства, росту сепаратистских настроений и, в конечном итоге, распаду СССР.

Опыт СССР показывает, что чрезмерная централизация в пространственной организации государства может привести к накоплению системных противоречий и потере управляемости. Для современной России важно учитывать эти уроки, стремясь к балансу между укреплением вертикали власти и развитием региональной самостоятельности. Только гибкая, адаптивная пространственная политика способна обеспечить устойчивое развитие страны в XXI веке.

Распад СССР сопровождался стихийной регионализацией, вызванной слабостью федерального центра, экономическим кризисом и усилением региональных элит. В 1990-е годы наблюдался рост самостоятельности субъектов Федерации, что привело к фрагментации экономического и политического пространства. Этнический фактор также сыграл значительную роль в усилении неоднородности российского пространства.

С конца 1990-х годов начался обратный процесс — укрепление вертикали власти, унификация законодательства, сокращение самостоятельности регионов. Это позволило повысить управляемость, но породило риски снижения инновационной активности на местах и усиления центробежных тенденций при ослаблении федеральной власти.

В XXI веке формируется «новая регионализация», связанная с появлением культурно-экономических макрорегионов, не совпадающих с административными границами. Эти регионы ориентированы на постиндустриальную экономику и интеграцию в

глобальные рынки. Пространственная интеграция экономики России включает развитие магистрального транспорта, связи, энергетических систем, а также проведение единой внешнеэкономической политики.

В нынешнее время пространственная организация России сталкивается с новыми вызовами, среди которых ключевое место занимают глобализация и цифровая трансформация. Эти процессы оказывают глубокое влияние на экономическую, социальную и культурную жизнь регионов, формируя новые требования к их развитию. Глобализация требует от российских регионов не только интеграции в мировую экономику, но и повышения собственной конкурентоспособности. В условиях открытых рынков и свободного движения капитала регионы вынуждены бороться за инвестиции, квалифицированные кадры и инновационные проекты. Это приводит к усилению межрегиональной конкуренции: регионы с развитой инфраструктурой, высоким уровнем образования и благоприятным инвестиционным климатом получают значительные преимущества, в то время как менее развитые территории рискуют оказаться на периферии экономических процессов. В результате происходит формирование «точек роста», где концентрируется экономическая активность, что усиливает разрыв между центром и периферией. Регионы вынуждены адаптироваться к мировым стандартам, внедряя современные технологии управления, экологические нормы и практики корпоративной социальной ответственности.

Цифровая трансформация, в свою очередь, открывает перед регионами новые возможности для развития, но одновременно усиливает существующие диспропорции. С одной стороны, развитие дистанционных форм занятости и образования позволяет жителям отдалённых территорий получать доступ к качественным услугам, а внедрение «умных» технологий в городское хозяйство, транспорт и энергетику способствует повышению эффективности управления. С другой стороны, наблюдается цифровое неравенство между крупными городами и сельской местностью, выражающееся в различии качества интернет-связи и доступности цифровых сервисов. Концентрация IT-компаний и высокотехнологичных производств в ограниченном числе регионов также способствует усилению этого неравенства, что создаёт риск «вымывания» человеческого капитала из периферийных территорий в пользу центров цифровой экономики.

Демографическая ситуация в России остаётся неоднородной и требует дифференцированного подхода к пространственной политике. Во многих регионах, особенно в сельской местности и на Дальнем Востоке, наблюдается естественная убыль населения и его старение,

что приводит к снижению трудового потенциала и росту нагрузки на социальную сферу. Миграционные процессы также играют значительную роль: наблюдается устойчивый отток населения из малых городов и сельской местности в крупные агломерации, что усиливает депопуляцию одних территорий и перенаселение других. Неравномерность расселения, выражающаяся в высокой концентрации населения в европейской части России и на юге страны при низкой плотности на востоке и севере, создаёт риски для освоения стратегических территорий.

Экологические проблемы становятся всё более значимым фактором пространственной организации. В промышленных регионах остро стоят вопросы качества воздуха, воды и утилизации отходов. Изменение климата, проявляющееся в таянии вечной мерзлоты на севере и участившихся природных катаклизмах, таких как пожары и наводнения, требует адаптации инфраструктуры и систем жизнеобеспечения. Неэффективное использование земель, лесов и водных ресурсов приводит к деградации экосистем и снижению качества жизни.

Таким образом, вызовы XXI века — глобализация, цифровизация, демографические и экологические риски — требуют от России перехода к гибкой, дифференцированной пространственной политике. Только комплексный учёт интересов центра и регионов, внедрение инноваций и устойчивое развитие позволят обеспечить сбалансированное и безопасное будущее страны.

Поиск баланса между централизацией и регионализацией является одной из ключевых задач современной пространственной организации России. Эффективная стратегия развития невозможна без гармоничного сочетания интеграционных процессов, направленных на укрепление единого экономического и социального пространства, и учёта специфики каждого региона. Интеграция предполагает развитие современной инфраструктуры — транспортных коридоров, энергетических и информационных сетей, которые связывают отдалённые территории с центрами экономического роста и обеспечивают равные условия для выхода регионов на внутренние и внешние рынки. В то же время необходимо создавать специальные программы поддержки для территорий с особыми условиями развития, будь то суровый климат, демографические проблемы или экономическая депрессивность. Децентрализация ряда управленческих и финансовых функций позволяет регионам более гибко реагировать на вызовы, разрабатывать и реализовывать собственные проекты, учитывающие местную специфику и потребности населения. Такой

подход способствует не только экономическому росту, но и повышению качества жизни, снижению миграционного оттока и укреплению социальной стабильности.

Роль государства в этом процессе заключается в том, чтобы выступать гарантом территориальной целостности и единства страны, формировать стратегические приоритеты и создавать правовые, экономические и институциональные условия для развития регионов. При этом важно не только сохранять контроль над ключевыми направлениями, но и поощрять инициативу на местах, поддерживать развитие местного самоуправления и институтов гражданского общества. Именно активное участие граждан, общественных организаций и экспертного сообщества в обсуждении и принятии решений по пространственному планированию позволяет сделать политику более прозрачной, ответственной и ориентированной на реальные потребности людей. Взаимодействие власти, бизнеса и общества становится основой для формирования устойчивых моделей развития, способных адаптироваться к быстро меняющимся внешним и внутренним условиям. Только такой комплексный подход, сочетающий интеграцию и учёт региональной специфики, а также активное участие всех заинтересованных сторон, способен обеспечить сбалансированное, безопасное и процветающее будущее для всей страны.

Пространственная организация России представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором переплетаются исторические традиции, современные вызовы и стратегические перспективы. Анализ диалектики централизации и регионализации показывает, что ни одна из этих моделей в чистом виде не способна обеспечить устойчивое развитие страны. Жёсткая централизация, характерная для советского периода, привела к накоплению системных противоречий, снижению мотивации регионов и, в конечном счёте, к дезинтеграции государства. В то же время стихийная регионализация 1990-х годов усилила фрагментацию экономического и политического пространства, поставив под угрозу национальную безопасность.

Современная Россия стоит перед необходимостью поиска нового баланса, при котором федеральный центр выступает гарантом единства, стратегического планирования и развития инфраструктуры, а регионы получают реальные рычаги для учёта своей специфики, реализации инициатив и привлечения ресурсов. Глобализация и цифровая трансформация требуют от российских территорий конкурентоспособности и инновационности, однако эти процессы усиливают неравенство между центром и периферией, что требует

целенаправленной политики по выравниванию условий жизни и развития.

Демографические и экологические риски, неравномерность расселения, отток населения из малых городов и сельской местности — всё это ставит перед государством задачу дифференцированного подхода к пространственному планированию. Только сочетание интеграционных процессов с учётом региональной специфики, развитие институтов гражданского общества и поддержка местных инициатив способны обеспечить не только экономическую устойчивость, но и высокое качество жизни для всех граждан страны.

Будущее пространственной организации России зависит от способности государства и общества выстроить гибкую, адаптивную и справедливую модель взаимодействия центра и регионов. Именно такой подход позволит превратить огромное разнообразие страны из источника рисков в стратегическое преимущество, обеспечивающее национальную безопасность, устойчивое развитие и процветание России в XXI веке.

Список цитируемой литературы:

1. Трейвиш, А. И. Введение: что такое регионализация и надо ли с ней бороться / А. И. Трейвиш, С. С. Артоболевский // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – Москва : УРСС, 2001. – С. 3-9. – EDN VYJPKB.

2. Загороднов, М. А. Приоритетные направления совершенствования индивидуальной программы развития регионов как мезоэкономического инструмента в депрессивных регионах / М. А. Загороднов // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 3(59). – С. 199-202. – EDN VIPAVR.

3. Сергеев, С. С. Особенности пространственной трансформации регионов Российской Федерации / С. С. Сергеев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № 107. – С. 181-193. – DOI 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-181-193. – EDN AHWONR.

4. Бухвальд, Е. М. Институциональные аспекты пространственного регулирования в российской федерации / Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик // Вестник РАЕН. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 22-26. – DOI 10.52531/1682-1696-2023-23-4-22-26. – EDN BXFNJF.

Лукерчик С.В., аспирант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Герсонская Ирина Валерьевна, д.э.н., доцент

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ В РОССИИ

Аннотация

В статье обоснована значимость государственных программ и проектов как элемента государственной политики, а также рассмотрены основные принципы их формирования и исполнения. Исследованы ключевые системные проблемы в процессе реализации государственных программ и проектов на современном этапе развития России. Предложены некоторые рекомендации по совершенствованию публичного управления государственными программами и проектами.

Ключевые слова: государственная политика, государственные программы, национальные проекты, проблемы реализации, публичное управление, социально-экономическое развитие

Государственные проекты и программы представляют собой комплексные стратегические документы, направленные на решение приоритетных задач социально-экономического развития страны. Их реализация осуществляется в соответствии, по мнению Т. Н. Бугаевой, «с долгосрочными целями государственной политики и направлена на достижение устойчивого экономического роста, повышение уровня жизни населения и развитие ключевых секторов системы национальной экономики» [2, с. 35]. Как отмечают ученые, «достижение данной цели сводится к необходимости разработки оптимальной стратегии дальнейшего развития социальной и инвестиционной деятельности для обеспечения экономического роста» [4, с. 57].

Государственные программы и проекты ориентированы на следующие ключевые принципы:

- комплексность – проекты охватывают различные сферы, от здравоохранения и образования до экологии и цифровой экономики, обеспечивая сбалансированное развитие страны;
- системность – интеграция в контур государственного управления, предполагающая участие всех уровней власти в проектном управлении;

- прозрачность – публичная отчетность и общественный контроль в целях обеспечения эффективного использования ресурсов государства;

- инновационность – использование передовых методов государственного управления, в том числе цифровых, для оптимизации реализации проектов.

Осуществление государственных программ и проектов в парадигме устойчивого развития страны связано с эффективным правительственным управлением бюджетом и ресурсами государства с целью развития экономики и повышения качества жизни граждан за счет оптимизации процессов и ликвидации потерь.

В России крупномасштабные государственные программы, реализуемые с целью достижения долговременного и устойчивого социально-экономического развития в практике государственного управления получили название «национальные проекты». Исторически концепция национальных проектов начала формироваться с середины 2000-х годов, когда были запущены, как отмечают М.А. Троянская и А.Д. Троянская, «…приоритетные национальные проекты и государственные программы в сфере здравоохранения, образования, жилищной политики и сельском хозяйстве…» [6, с. 743]. Впоследствии подход был расширен и систематизирован, что привело к созданию современной модели национальных проектов и государственных программ, охватывающей ключевые направления, включая демографию, транспорт, культуру, цифровую экономику и экологию.

Современный портфель приоритетных национальных проектов и масштабных государственных программ охватывает широкий спектр областей – от демографии и здравоохранения до высоких технологий и инфраструктуры. Каждый из них нацелен на решение конкретных задач в рамках долгосрочного видения развития России. В частности, как отмечают отечественные ученые, в России «…в 2019-2024 годах происходил первый этап реализации масштабных национальных проектов по направлениям социального развития, предусматривающим модернизацию систем образования и здравоохранения, улучшение демографической ситуации, развитие общественной инфраструктуры… технологическую трансформацию экономики, направленную на ее инновационное развитие и экономический рост» [3, с. 61].

Региональные органы власти выступают ключевым звеном в претворении в жизнь национальных проектов [1, с. 54]. На них лежит задача подстройки федеральных инициатив под местную специфику, мониторинг исполнения, а также налаживание коммуникации с

муниципалитетами, населением и предпринимательским сектором. От того, насколько слаженно они работают, зависит успех в достижении целей устойчивого развития страны [7, с. 791].

Тем не менее, анализ последних лет выявляет ряд системных недостатков, сопровождающих выполнение государственных программ. Среди основных препятствий, характерных для текущего этапа, можно выделить:

- бюрократическая сложность согласования финансирования и контрактов. Длительные процедуры утверждения бюджетных средств и госконтрактов нередко срывают сроки реализации. Так, перечисление средств на инфраструктурные объекты в регионах зачастую запаздывает, из-за чего тормозится возведение и ремонт дорог, социальных учреждений. Помимо этого, длительные конкурсные процедуры в рамках нацпроектов ведут к неполному освоению выделенных средств к концу финансового года;

- несоответствие стратегических планов реальным запросам территорий. Несмотря на то, что национальные проекты и государственные программы направлены на улучшение качества жизни граждан, в ряде случаев они не учитывают специфику отдельных регионов. Например, при строительстве новых медицинских учреждений не всегда проводится анализ реальной потребности в медицинских кадрах, что приводит к ситуации, когда объект построен, но функционирует не в полной мере из-за нехватки персонала. Также недостаточное участие муниципальных органов власти в стратегическом планировании приводит к неравномерному распределению государственных инвестиций;

- неэффективное распределение государственных ресурсов. В некоторых сферах наблюдаются случаи нецелевого или избыточного финансирования отдельных направлений при недостаточном внимании к достижению результатов и другим критически важным задачам. Например, при модернизировании объектов системы образования наблюдаются диспропорции в оснащенности школ: одни учреждения получают современное оборудование, в то время как другие остаются без должного материально-технического обеспечения. В дорожном строительстве встречаются случаи перераспределения средств в пользу крупных населенных пунктов, тогда как сельские дороги остаются без должного ремонта;

- кадровые проблемы. Острая нехватка квалифицированных специалистов в здравоохранении, образовании и строительстве приводит к невозможности эффективного освоения бюджетных средств. Удаленные районы испытывают острый дефицит

медицинских, педагогических и инженерных кадров, что существенно тормозит выполнение ряда госпрограмм. Ситуацию усугубляет чрезмерная занятость имеющихся специалистов, что неминуемо сказывается на качестве оказываемых населению услуг;

- проблемы межведомственного взаимодействия. Реализация целого ряда госпрограмм требует скоординированных усилий нескольких ведомств, что значительно усложняет управленческий процесс. Например, экологические мероприятия (ликвидация стихийных свалок, очистка водоемов) требуют совместных действий природоохранных, строительных и коммунальных структур, что неизбежно увеличивает сроки выполнения работ.

Недостатки в координации работы органов публичной власти существенно отражаются на качестве и сроках выполнения мероприятий в рамках государственных программ и национальных проектов. В результате:

- возникают задержки в строительстве и модернизации объектов социальной и транспортной инфраструктуры;

- происходит несвоевременное освоение бюджетных средств, что приводит к необходимости их перераспределения в конце отчетного периода;

- ограничивается доступ населения к современным медицинским, образовательным и социальным услугам;

- снижается уровень доверия населения к власти, так как запланированные улучшения реализуются не в полной мере или с задержками;

- повышается нагрузка на региональный бюджет из-за неэффективного использования ресурсов и дополнительных затрат, связанных с административными проволочками;

- увеличивается риск возникновения коррупционных схем в распределении бюджетных средств и проведении государственных закупок, а также усиливается вероятность хищений и злоупотреблений.

Для дальнейшего повышения результативности и эффективности необходимо совершенствование механизмов и инструментов, по мнению Н.С. Сергиенко, «…в системе управления государственными программами и проектами, расширение цифровых технологий мониторинга и усиление общественного контроля…» [5, с. 53].

Внедрение мер по совершенствованию деятельности органов власти в рамках реализации национальных проектов и государственных программ на региональном уровне должно привести к комплексному улучшению социально-экономической ситуации в

регионе. Ожидаемые результаты можно разделить на несколько ключевых направлений: повышение эффективности управления проектами, оптимизация финансирования, кадровое укрепление, усиление общественного контроля и развитие межрегионального сотрудничества.

Таким образом, успешная реализация национальных проектов и государственных программ требует более четкой координации действий всех уровней публичной власти, усиления общественного контроля за исполнением принятых обязательств и оптимизации организационных механизмов проектного управления.

Список цитируемой литературы:

1. Братченко, С. А. Обоснованность целей в государственном управлении, а также причины и следствия ее отсутствия (на примере социальных программ) / С. А. Братченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. – № 1. – С. 49-70.

2. Бугаева, Т. Н. Контроль качества и оценка эффективности государственных программ / Т. Н. Бугаева // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции – 2024. – № 3. – С. 34-43.

3. Герсонская, И. В. Влияние государственной социальной политики на уровень и качество жизни населения в России / И. В. Герсонская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 7 (501). – С. 58-68.

4. Герсонская, И. В. Государственное регулирование экономики: эволюция концепций и современные приоритеты в России / И. В. Герсонская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2024. – № 1 (145). – С. 54-59.

5. Сергиенко, Н. С. Программно-целевое управление в системе публичной власти: особенности и перспективы / Н. С. Сергиенко // Управленческие науки. – 2025. – № 15 (1). – С. 48-61.

6. Троянская, М. А. Роль и значение национальных проектов в современных условиях / М. А. Троянская, А. Д. Троянская // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 6 (65). – С. 741-746.

7. Януров, Н. А. Эффективность реализации государственных программ в России // Н. А. Януров // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 4 (69). – С. 589-594.

Морозова Н.С., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ КАК МЕТА-РЕГУЛЯТОР РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАНИЯ

Аннотация

В статье разрабатывается теоретическая модель согласования национальных целей развития и региональных стратегий. Обосновано понятие «мета-регулятора» как системы высших приоритетов, задающих коридор для региональной стратегической автономии. Выделены этапы трансляции: целеполагание, каскадирование, адаптация, мониторинг. Предложена типология регионов по степени жесткости системных ограничений: регионы-локомотивы, регионы с высокой степенью свободы, регионы жёсткого целеполагания. Результаты могут быть использованы для совершенствования механизмов стратегического планирования в субъектах РФ.

Ключевые слова: национальные цели развития; мета-регулятор; системный ограничитель; региональное стратегирование; согласование приоритетов; типология регионов.

Современная система стратегического планирования Российской Федерации выстроена как иерархическая вертикаль, на вершине которой находятся национальные цели развития, утверждённые Указом Президента. Эти цели выступают не просто ориентирами, а полноценным мета-регулятором – механизмом, задающим обязательные параметры для всех нижестоящих уровней стратегирования. Однако теоретическое осмысление того, как именно национальные цели трансформируются в региональные стратегии, остаётся фрагментарным. Цель статьи – построить теоретическую модель согласования, раскрывающую механизм трансляции приоритетов и обосновывающую дифференциацию региональной автономии.

Под мета-регулятором понимается совокупность нормативно закреплённых целевых установок, которые обладают высшей юридической силой в системе стратегического планирования и обязательны для учёта при разработке документов всех уровней [2, с. 903]. В российском контексте такими установками являются семь национальных целей, определённых Указом Президента РФ № 309 от

7 мая 2024 г.: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы; экологическое благополучие; эффективная и конкурентная экономика (новая цель, конкретизированная в Указе) [1].

Ключевым понятием, связывающим мета-регулятор с региональным уровнем, выступает системный ограничитель – совокупность федеральных целевых показателей (в том числе закреплённых в Едином плане достижения национальных целей), которые задают «коридор» для региональной стратегической автономии [3, с. 310]. Иными словами, регион не может самостоятельно выбирать цели, не входящие в национальный перечень, и обязан обеспечить достижение установленных количественных значений по своему субъекту (например, рост ВРП на душу населения, снижение уровня бедности, увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров).

Процесс согласования включает четыре последовательных этапа.

Первый этап – целеполагание. На федеральном уровне формулируются национальные цели и определяются общефедеральные целевые показатели (как правило, на период 6 лет – до 2030 года, и на перспективу до 2036 года) [1].

Второй этап – каскадирование (декомпозиция). Федеральные показатели распределяются по регионам с учётом их экономического потенциала, демографических и географических особенностей. При этом часть показателей является универсальными (например, снижение бедности), другая – специфическими (например, объём ввода жилья для регионов-лидеров) [2, с. 906].

Третий этап – адаптация. Регионы разрабатывают собственные стратегии и государственные программы, встраивая в них декомпозированные показатели. На этом этапе возникает пространство для региональной автономии: субъекты могут выбирать инструменты достижения целей, дополнять федеральные приоритеты локальными проектами (при условии, что они не противоречат национальным) [3, с. 303].

Четвёртый этап – мониторинг и корректировка. Сопоставление фактических значений с целевыми, выявление рассогласований и, при необходимости, пересмотр инструментов.

Степень жёсткости системных ограничений не одинакова для всех регионов. На основе теоретического анализа предлагается следующая типология.

Регионы-локомотивы (например, Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан). Для них характерны наиболее жёсткие и амбициозные целевые показатели (по росту экономики, производительности труда, инновациям). Системный ограничитель максимально сужает автономию, поскольку от этих регионов ожидают опережающего вклада в национальные цели.

Регионы с высокой степенью свободы (депрессивные, дотационные, с низким экономическим потенциалом). Им устанавливаются минимальные пороговые значения (например, не допустить роста бедности выше среднероссийского уровня). В остальном региональная автономия шире, но ограничена бюджетными возможностями.

Регионы жёсткого целеполагания (новые субъекты РФ, приграничные территории, регионы с особым геополитическим статусом). Для них системные ограничители диктуются не столько экономическими, сколько политическими и оборонными приоритетами. Автономия минимальна, показатели жёстко контролируются федеральным центром.

Предлагаемая теоретическая модель согласования может быть представлена в виде логической схемы (рис. 1).

Рисунок 1 - Теоретическая модель согласования национальных целей развития и региональных стратегий

Модель объясняет, почему при единых национальных целях региональные стратегии столь различны по содержанию и степени детализации. Она также позволяет прогнозировать, в каких регионах вероятны стратегические разрывы (рассогласования) – чаще всего в

группе «регионов жёсткого целеполагания», где федеральные требования не вполне соответствуют локальным возможностям.

Практическая значимость модели заключается в её применимости для аудита региональных стратегий: можно оценить, насколько полно и корректно в них отражены системные ограничители. Теоретическая значимость – в систематизации механизмов трансляции приоритетов и введении понятия «мета-регулятора» в научный оборот региональной экономики.

Список цитируемой литературы:

1. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года : утв. Правительством РФ. – URL: https://legalacts.ru/doc/edinyi-plan-po-dostizheniiu-natsionalnykh-tselei-razvitija-rossiiskoi-federatsii_2/ (дата обращения: 22.04.2026).

2. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимурадов М.К. Согласование глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27, № 11. – С. 900–909. – DOI: 10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.

3. Новоселов А.С. Стратегическое планирование и управление региональным и муниципальным развитием: проблемы и пути решения // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 4(120). – С. 299–320. – DOI: 10.15372/REG20230413.

Преснякова Д.В., канд.экон.наук., доцент
Галицких В.Н., канд.экон.наук., доцент
АНО ВО Российский новый университет Елецкий филиал, г. Елец

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

Управление проектами стратегии развития организации связано с применением механизмов финансирования. Привлечение собственных и заемных источников для финансирования проектов требует проведения анализа производственных условий, особенностей мобилизации финансовых ресурсов и их распределения. Проведение оценки нескольких проектов основано на сопоставлении выгод и расходов при выполнении комплекса проектирования. Управление

проектами осуществляется на основе финансовых коммуникаций, которые обеспечивают уровень конкурентоспособности и устойчивости организации на конкурентном рынке.

Ключевые слова: управление проектами, механизм обеспечения эффективности финансирования проектов, управление собственными и заемными источниками финансирования, инвестиционные фонды, конкуренция, условия производства и развития бизнеса.

Управление проектами в стратегии развития организации требует применения особых способов эффективной организации производства, товародвижения, привлечения инвестиций и формирования приемлемых источников финансирования. Управленческие решения, влияющие на движение ресурсов в процессе создания добавленной стоимости, помогают определить перспективные направления развития организации за счет доходных проектов. Управление проектами также включает принятие эффективных финансовых решений по мобилизации средств и формированию фондов развития производства и сбыта. Учитываются внутренние инвестиции, которые определяют финансовую основу стратегии по обеспечения конкурентных преимуществ и финансовой устойчивости организации в период формирования списка доходных проектов. Управление проектами осуществляется на основе навыков и профессиональных знаний персонала, которые участвуют в определении доходности предлагаемых проектов при координации людских и материальных ресурсов на протяжении жизненного цикла проекта… [4]. В стратеги развития организации учитываются характеристики предлагаемых проектов, особенно при внедрении мероприятий по практической реализации. Для этого устанавливаются цели получения дохода, и временной период, который определяет последовательность и механизмы финансирования этапов работы (рис.1).

Выбор перспективных проектов, обладающих перспективами роста производства и доходности от продаж готовой продукции и услуг, требует финансовых вложений из собственных и заемных источников. Для этого разрабатываются несколько альтернативных вариантов, которые в процессе хозяйственного развития организации ориентируются на минимизацию рисков при долгосрочном финансовом обеспечении. Управленческие решения по оптимизации проектов, принимаются с учетом долгосрочного развития организации, потому направлены на эффективное применение ценных активов, позволяющих повысить доходность бизнеса.

Рис.1 Цели, определяющие степень реализации проекта в стратегии развития организации

Повышение доли ликвидных средств в инвестиционных фондах осуществляется на основе проведения управленческой политики по оптимизации цен на ресурсы и готовую продукцию, которые можно использовать в перспективных проектах. Выбор способов финансирования проектов в стратегии развития организации включает несколько вариантов формирования финансовых ресурсов, которые направляются на осуществление инвестирования в перспективные направления хозяйственной деятельности. Это требует быстрого реагирования на изменения внешних и внутренних условий хозяйствования, что предполагает юридическую и финансовую самостоятельность. [6] Проведение оценки проектов основано на сопоставлении выгод и расходов при выполнении управленческих действий по мобилизации денежных средств, для этого проводятся расчеты на основе отчетных финансовых документов, сформированных в период формирования перспективного проекта. Такие мероприятия обеспечивают эффективность и помогают провести корректировку планов развития производства и товародвижения с учетом требований конкурентного рынка.

Управление проектами в стратегии развития организации основывается на ряде особых принципов (рис.2).

Рис. 2 Особые принципы, определяющие методику финансовой эффективности проектов в стратегии развития организации

Выбор источников внутреннего и заемного финансирования перспективных проектов сопряжено с проведением анализа структуры капитала с целью аккумулирования дополнительных денежных ресурсов. При расширении перечня проектов в стратегии развития организацией рассматриваются задачи по финансовым вливаниям, которые можно использовать в течение длительного периода, если реализация проекта состоит из нескольких этапов. Особыми вливаниями считаются внутренние средства организации, инвестиции акционеров и заемные денежные ресурсы, которые привлекаются на льготных условиях. Часто используется метод долгового финансирования, поскольку такой способ управления проектами носит долгосрочный характер и позволяет установить оптимальные источники инвестиций с учетом рисков. Потенциальные инвесторы могут участвовать в управлении проектами на условиях диверсификации, что позволяет заранее определить объем инвестиций до оптимального значения с учетом сроков возмещения понесенных расходов. Обеспечение проектов осуществляется с помощью заемных

средств, при этом управленческий персонал обязан учитывать негативные моменты, связанные с понижением уровня финансовой устойчивости самой организации. Тогда управление проектами необходимо рассматривать как долгосрочную стратегию достигнутого уровня производства перспективных конкурентоспособных видов продукции с небольшими затратами и последующим расширением собственного производства. [1]

Разработанная стратегия развития организации обязывает менеджеров формировать критерии управления проектами, ибо необходимо определить текущие инвестиционные потребности, разработать и согласовать эффективные управленческие решения по реализации выбранных вариантов развития производства или отдельных направлений бизнеса. Процесс обеспечения проектов может осуществляться на условиях конкретизации в части накопления и распределения материальных и денежных средств с учетом долгосрочного развития организации и возникающих негативных моментов на рынке. С учетом обеспечения проектов нужными ресурсами организации формируют оптимальный инвестиционный портфель, который включает реальные активы и финансовые средства для финансирования хозяйственной деятельности. В стратегию управления организацией на этапе формирования инвестиционных проектов включают перечень альтернативных источников финансирования с целью поддержания равновесия текущего производства и перспективной работы. Финансовое равновесие деятельности организации в период внедрения проектов рассматривается как элемент управления хозяйственными процессами в основном производстве, для этого осуществляется балансировка материальных и денежных средств, направляемых для внедрения перспективных проектов. Формирование свободных денежных средств из заработанной прибыли считается особым элементов управления проектами, потому требует принятия эффективных управленческих решений в части финансирования перспективных проектов при минимальных рисках. Достижение целей управления проектами в стратегии развития организации считается элементом деятельности персонала, поскольку помогает определять промежуточные этапы реализации проектов. [3]

Оптимальная структура используемых ресурсов, направляемых на реализацию проектов позволяет выбор в пользу менее затратных направлений развития организации. Управление проектами позволяет найти уникальный перечень действий, направленных на достижение заявленного результата в конкурентных условиях и рисков

финансирования хозяйственной деятельности организации. Оценка перспективных направлений бизнеса обязывает менеджмент проводить формирование типов проектов с учетом требований рынка и возможностей интеграции с другими организациями на отдельных этапах реализации доходных проектов. Для этого привлекаются информационные системы, которые могут провести генерацию данных по использованию материальных и финансовых средств, трудовых ресурсов и инвестиций. Такой механизм позволяет планировать финансовые результаты от реализации проектов, и также установить объемы денежных средств по временным периодам. Проведение расчетов по определению суммарного эффекта от внедрения проектов может обеспечить нормативный уровень расходов с учетом требований конкурентного рынка. Управление проектами в стратегии развития организации предусматривает формирование фондов денежных средств, составление сметы расходов и установление инвестиционных источников, которые необходимо планировать с учетом положительных потоков и доходов. Такой механизм управления включает контроль за движением денежных средств и принятие управленческих решений по финансированию отдельных этапов реализации проектов. При этом необходимо помнить, что, при количественном изменении той или иной переменной происходит изменение величины денежного потока и соответственно стоимости». [2]

Управление проектами выполняется с помощью механизмов выполнения хозяйственных задач, направленных на поддержание конкурентоспособности организации на каждом временном интервале развития бизнеса. Достижение целей финансирования проектов часто ограничено во времени потребления финансовых средств, потому требует уточнение стоимости проекта. Для этого устанавливают специфические требования по закупкам материалов и сырья, оформления кредитов, покупке механизмов для оборудования. В этом случае стоимость затраченных средств зачитывается при планировании объемов финансовых ресурсов и разработке бюджетов в рамках перспективного проекта. Принимается во внимание влияние рисков и получения финансового убытка в ходе реализации проекта, для чего заранее просчитываются негативные события, которые могут нанести ущерб при проектировании, составлении смет, и также задержках получения ресурсов. Управление проектами вбирает анализ и оценку рисков, что позволяет запланировать мероприятия по уменьшению возможных убытков и распределению ущерба на другие сферы деятельности организации. Механизм управления проектами в стратегии развития организацией имеет процедуры, которые

позволяют понизить уровень финансовой неопределенности на отдельных этапах реализации проекта. Такие события требуют срочных и часто неординарных действий. Появившиеся проблемы и связанный с их решением риск может иметь явный и скрытый характер. [5]

Итак, управление проектами в стратегии развития организации зависит от продуманной деятельности персонала, которая направлена на оптимизацию закупок ресурсов и оборудования, использование современных технологий внедрения инвестиций, также привлечения информационных систем и внутренних коммуникаций. Повышение эффективности управления проектами также предусматривает привлечение технических навыков и специальных знаний персонала организации, также применения методики управления перспективными проектами, в долгосрочной перспективе, что позволяет своевременно привлекать необходимые ресурсы и оптимизировать расходы на протяжении жизненного цикла проекта. Комплексная подготовка нескольких вариантов проектов для последующей реализации проектов направлена на применение современных методов установления объемов финансовых ресурсов, оборудования и материалов, что соответствует техническим и экономическим требованиям собственников организации. Необходимо учитывать ценность проектов и сроки окупаемости, поскольку это влияет на стратегическое развитие организации. Повышение эффективности проектов связано с комплексным подходом по финансированию хозяйственной деятельности организации, потому менеджеры осуществляют серьезную аналитическую работу по определению ценности предлагаемых вариантов проекта.

Список цитируемой литературы:

1. Быкова М.А. Управление устойчивым развитием бизнес-структур: монография / М.А. Быкова, Н.Н. Семе-нов. — Электрон. текстовые данные. — М.: ИД «Экономическая газета», ИТКОР, 2025.366 с.

2. Жигалова В.Н. Оценка стоимости бизнеса : учебное пособие / В.Н. Жигалова.— 2-е изд.,доп. — Томск : Эль Контент, 2025.— 216 с.

3. Лукманова И.Г. Управление проектами в инвестиционно-строительной сфере: монография / И.Г. Лукманова, Е.В. Нежникова, Д.Ю. Кудишин. — Электрон. текстовые данные. — М. : Московский государственный строительный университет, ЭБС АСВ, 2025. — 172 с.

4. Матюшка В.М. Управление проектами : учебное пособие / В.М. Матюшка. Электрон. текстовые данные. М. : Российский университет дружбы народов, 2025. 556 с.

5. Титович А.А. Менеджмент риска и страхования: учебное пособие / А.А. Титович. — Электрон. текстовые данные. — Минск: Вышэйшая школа, 2025. — 287 с.

6. Финансовый менеджмент: учебное пособие / Т.В. Абалакина [и др.]. — Электрон. Текст. данные. М. : ИД «Экономическая газета», ИТКОР, 2025. 518 с.

Родичева В.П., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Брянский филиал, г. Брянск

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье определяется необходимость пересмотра традиционных подходов к управлению экономикой России в условиях геополитической нестабильности, рассматриваются направления устойчивого социально-экономического развития через призму антикризисного управления.

Ключевые слова: экономика, социально-экономическое развитие, цифровизация, экономический кризис.

Экономика разных стран мира, в том числе экономика России, находится под воздействием внешних и внутренних вызовов.

Экономический кризис создаёт существенные препятствия для реализации долгосрочных стратегий устойчивого развития. Основными сдерживающими факторами выступают сокращение инвестиционных ресурсов, снижение потребительского спроса и ограниченность бюджетного финансирования. Эти условия вынуждают организации пересматривать приоритеты в пользу краткосрочной стабилизации, что противоречит принципам устойчивого развития.

Санкционное давление ограничивает доступ к технологиям и международным финансам, необходимым для «зелёных» проектов. Одновременно наблюдается рост социальной напряжённости из-за снижения реальных доходов населения. Данные обстоятельства требуют особых подходов к адаптации стратегий устойчивого развития без потери их долгосрочной ориентации.

Современные кризисные явления высветили системную зависимость российской экономики от внешних факторов, что усиливает потребность в стратегиях, основанных на диверсификации производств и человеческом капитале.

Ситуация в Российской Федерации на 2024-2026 годы характеризуется:

-высокой ключевой ставкой;

-удорожанием кредитных ресурсов;

-ростом издержек (сырьё, логистика, энергоресурсы);

-необходимостью импортозамещения;

-цифровой трансформацией бизнеса.

Предприятия и организации вынуждены адаптироваться к новым условиям: переориентация на внутренний рынок, поиск альтернативных поставщиков, развитие электронной коммерции [1].

В условиях геополитической напряженности кризисные явления в российской экономике приобретают системный характер и обусловлены структурной трансформацией экономических связей, изменением финансовых условий и усилением конкурентного давления.

Для эффективного антикризисного управления необходимо чёткое разграничение и анализ источников кризиса, поскольку методы реагирования на внешние и внутренние угрозы различаются.

В условиях современной Российской Федерации влияние внешних факторов существенно увеличилось, рассмотрим некоторые из них.

1. Макроэкономическая нестабильность**.** Одним из ключевых факторов является инфляционное давление. Рост цен на сырьё, материалы, транспортные услуги и энергоресурсы приводит к увеличению себестоимости продукции.

Дополнительным фактором выступает высокая ключевая ставка Центрального Банка Российской Федерации. Удорожание кредитов приводит к:

-сокращению инвестиционных проектов;

-росту долговой нагрузки;

-снижению доступности оборотного финансирования;

-увеличению риска неплатежеспособности.

2. Санкционные ограничения и трансформация внешнеэкономических связей**.** Современный этап развития российской экономики характеризуется изменением международных торговых связей. Ограничения на импорт технологий, оборудования и комплектующих создали для ряда предприятий серьёзные трудности.

Основные последствия для предприятий:

-необходимость срочного поиска новых поставщиков и покупателей;

-увеличение сроков доставки;

-удорожание логистики;

-сложности с сервисным обслуживанием импортного оборудования.

В то же время санкционная среда стимулирует процессы импортозамещения и развитие внутреннего производства. Однако для реализации этих мер необходимы инвестиции и технологии.

3. Снижение покупательной способности. Рост цен и изменение структуры потребления напрямую отражаются на предприятиях торговли и сферы услуг. При снижении реальных доходов населения потребители:

-отказываются от второстепенных товаров и услуг;

-переходят к более дешевым аналогам;

-сокращают объёмы потребления.

Это приводит к падению оборота, снижению прибыли и росту конкурентной борьбы.

4. Изменение налоговой и регуляторной среды. Предприятия и организации сталкиваются с:

-изменениями требований отчетности;

-усилением контроля;

-увеличением НДС с 20% до 22%;

-необходимостью цифровизации документооборота;

-ростом административной нагрузки.

Регуляторные изменения требуют дополнительных затрат на адаптацию бизнес-процессов [3].

Основные внешние кризисные факторы и их последствия для предприятий отражены в таблице 1.

Таблица 1

Основные внешние кризисные факторы и их последствия для предприятий

Фактор	Проявление	Последствия
Инфляция	Рост цен на ресурсы	Снижение прибыли
Высокая ставка ЦБ	Удорожание кредитов	Рост долговой нагрузки
Санкции	Ограничение импорта	Перестройка производства
Снижение спроса	Падение продаж	Сокращение оборота

Внутренние факторы формируются внутри предприятия и связаны с управленческими решениями, структурой организации (предприятия). К ним относятся:

- недостаточная стратегическая ориентация. Некоторые предприятия функционируют без формализованной стратегии развития. Бизнес строится на краткосрочных целях, что снижает устойчивость в период нестабильности. Отсутствие сценарного планирования приводит к неподготовленности к неблагоприятным изменениям.

- низкий уровень финансового управления. Типичными проблемами являются:

-отсутствие управленческого учета;

-нерегулярный анализ финансовых показателей;

-отсутствие бюджетирования;

-кассовые разрывы.

При ухудшении внешней конъюнктуры такие предприятия быстро теряют ликвидность [2].

- высокая доля постоянных затрат**.** Если предприятие имеет значительные фиксированные расходы (аренда, заработная плата, кредиты), то при снижении выручки финансовая нагрузка резко возрастает. Это особенно характерно для предприятий торговли и общественного питания;

- кадровые проблемы и недостаточная цифровизация. Дефицит квалифицированных специалистов в регионах, текучесть кадров, отсутствие системы мотивации снижают производительность труда и конкурентоспособность.

В современных условиях экономической нестабильности технологическое лидерство становится ключевым фактором, определяющим как глобальную конкурентоспособность страны, так и ее экономическую независимость [5, с. 242-250].

Предприятия, не внедрившие современные информационные системы, проигрывают в скорости обработки заказов, аналитике и управлении затратами. В условиях цифровой трансформации экономики это становится существенным конкурентным недостатком.

Модернизация производственных процессов позволяет сократить издержки и повысить конкурентоспособность отечественной продукции. Особое значение данный подход приобретает в условиях ограниченного доступа к иностранным технологиям и комплектующим. Оптимизация ресурсопотребления способствует укреплению технологического суверенитета государства. Современные производственные решения включают автоматизацию и

цифровизацию основных операций, в том числе: роботизированное производство, «умное» производство и «интернет вещей», выпуск персонализированной массовой продукции, трансформация бизнес-моделей промышленных компаний с интеграций digital-инструментов, диверсификация производства.

Стимулирование несырьевого экспорта требует разработки комплексных мер государственной поддержки. Целевые инвестиционные программы должны быть направлены на развитие высокотехнологичных секторов экономики. Налоговые льготы для экспортно-ориентированных предприятий способствуют повышению их инвестиционной привлекательности. Диверсификация экспортной корзины снижает зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков.

Приоритетными направлениями поддержки выступают машиностроение, химическая промышленность и IT-сектор. Создание специальных экономических зон с благоприятным налоговым режимом ускоряет развитие экспортного потенциала. Совершенствование логистической инфраструктуры повышает доступность новых рынков сбыта.

Этапы разработки программ развития и их влияние на формирование территориально-производственных комплексов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Этапы разработки программ развития

Этап разработки	Основные мероприятия	Ожидаемый результат
Аналитический	Сбор и анализ данных, оценка текущего состояния комплекса	Выявление проблем и потенциала развития
Проектный	Разработка стратегий, постановка целей и задач	Формирование конкретных планов и мероприятий
Реализационный	Внедрение программ, контроль исполнения	Практическое развитие территориально-производственного комплекса
Оценочный	Мониторинг результатов, корректировка программ	Повышение эффективности и устойчивости комплекса

В современных экономических условиях предприятия и организации в Российской Федерации вынуждены одновременно решать задачи оперативной стабилизации и долгосрочной адаптации. Практика показывает, что наибольшую эффективность демонстрирует комплексный подход.

Цифровая трансформация выступает не просто инструментом развития, а элементом антикризисной стратегии. Использование цифровых решений позволяет:

-автоматизировать учет и контроль финансов;

-ускорить обработку заказов;

-повысить прозрачность бизнес-процессов.

Построение цифровой экономики признается одним из приоритетных направлений государственной политики в стране. [4, с. 87-91].

Управление должно быть ориентировано не только на краткосрочную стабилизацию, но и на формирование долгосрочной устойчивости, конкурентоспособности, укрепление экономического потенциала страны.

Список цитируемой литературы:

1. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р). - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/ - Текст электронный (дата обращения: 13.04.2026)

2. Григорьев А.В., Соколова Н.П. Реструктуризация и финансовая стабильность предприятий МСП. - М.: Финансы и кредит, 2021. - 176 с. - Текст: непосредственный

3. Лукина С.А. Методы антикризисного управления на малых предприятиях. - СПб.: Питер, 2020. - 192 с.- Текст: непосредственный

4. Родичева В.П. Модернизация отраслей экономики России через технологии и цифровизацию // Финансовая экономика. Всероссийский научно-аналитический журнал. ISSN 2075-778. - №2 (часть 1) 2026 г. – С. 87-91. - URL: https://finanec.ru/ - Текст электронный (дата обращения: 13.04.2026)

5. Топунова И.Р. Обеспечение экономической безопасности РФ в условиях внешних санкций // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 3А. С. 242-250. - Текст: непосредственный

Солодовник Ю.А., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ФИНАНСАМИ

Аннотация

Статья посвящена исследованию воздействия цифровых технологий на систему корпоративного финансового менеджмента. Рассмотрена трансформация инструментов финансового управления под влиянием облачных вычислений, больших данных, искусственного интеллекта и блокчейна. Проанализирован переход от традиционного бюджетирования к гибким моделям управления эффективностью и сплошному автоматизированному контролю. Выявлены ключевые барьеры цифровизации, включая технологические риски, дефицит компетенций и регуляторные ограничения. Определены перспективные направления развития: формирование интегрированных цифровых экосистем, возрастание роли искусственного интеллекта в принятии решений и трансформация компетентностного профиля финансовых специалистов.

Ключевые слова: финансовый менеджмент, цифровизация, корпоративные финансы, блокчейн, искусственный интеллект, управленческий учёт, финансовые технологии.

Цифровизация охватила практически все функциональные области управления современной корпорацией, и финансовая служба не стала исключением. Традиционные методы бюджетирования, учёта и отчётности, десятилетиями остававшиеся относительно стабильными, в последние годы подвергаются глубокой трансформации под влиянием сквозных цифровых технологий. Автоматизация рутинных операций, внедрение продвинутой аналитики, использование распределённых реестров и технологий искусственного интеллекта кардинально меняют роль финансового директора и всей финансовой функции, превращая её из обслуживающей в стратегическую [1, с. 28].

Актуальность темы обусловлена тем, что скорость технологических изменений опережает способность многих компаний адаптировать к ним свои системы управления. По данным опросов, более 70 % финансовых директоров крупных российских компаний считают цифровую

трансформацию приоритетной задачей, однако лишь около трети из них имеют чёткую стратегию такой трансформации [2, с. 44]. Это порождает разрыв между ожидаемой и реальной эффективностью внедряемых решений.

Цель настоящей статьи — системный анализ трансформации инструментов и методов управления корпоративными финансами в условиях цифровизации, выявление ключевых тенденций и формулирование рекомендаций по эффективному внедрению цифровых технологий в финансовый менеджмент.

Под цифровизацией финансового менеджмента принято понимать процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий во все аспекты управления финансами предприятия, приводящий к качественным изменениям в организации финансовой работы, появлению новых бизнес-моделей и трансформации роли финансовой функции [3, с. 15]. Цифровизация не сводится к простой автоматизации существующих процессов — она предполагает их фундаментальное переосмысление на основе новых технологических возможностей.

В научной литературе выделяют несколько уровней зрелости цифровой финансовой функции: от базовой автоматизации учётных операций до полностью интегрированной цифровой экосистемы, в которой финансовые данные обрабатываются в реальном времени, а решения принимаются с использованием предиктивной аналитики и искусственного интеллекта [4, с. 56]. Каждый последующий уровень требует не только технологических инвестиций, но и изменения организационной культуры, компетенций персонала и подходов к управлению.

Ключевыми драйверами цифровизации выступают: рост объёмов и разнообразия данных, которые необходимо обрабатывать финансовой службе; усложнение бизнес-среды, требующее более быстрых и точных решений; появление на рынке доступных облачных сервисов, снижающих порог входа в цифровые технологии; давление со стороны регуляторов, стимулирующих повышение прозрачности финансовой отчётности [5, с. 72].

Традиционная модель финансового менеджмента, сложившаяся в XX веке, основывалась на иерархической структуре управления, периодической отчётности и ретроспективном анализе. Главными задачами финансового директора считались обеспечение ликвидности, контроль затрат и подготовка достоверной отчётности. Цифровая эпоха радикально меняет эти ориентиры [6, с. 19].

Современный финансовый директор всё чаще выступает в роли стратегического партнёра бизнеса, участвующего в формировании бизнес-модели, оценке инвестиционных рисков и поиске новых источников стоимости. Это требует от него не только финансовых, но и технологических компетенций, понимания принципов работы с большими данными, кибербезопасности и цифрового права [7, с. 88].

По мнению ряда исследователей, можно говорить о формировании новой профессии — «цифрового финансового директора» (Digital CFO), владеющего инструментарием продвинутой аналитики, способного интерпретировать данные в реальном времени и управлять кросс-функциональными цифровыми проектами [8, с. 105].

Одним из наиболее заметных проявлений цифровизации стал массовый переход финансовых служб на облачные платформы. Облачные ERP-системы и специализированные решения для управления финансами позволяют компаниям существенно сократить затраты на IT-инфраструктуру, повысить мобильность сотрудников и обеспечить централизованное хранение данных с возможностью доступа из любой точки мира [9, с. 36].

Облачные технологии кардинально изменили подход к автоматизации рутинных операций. Если раньше внедрение системы автоматизации требовало значительных капитальных вложений и длительного периода адаптации, то современные SaaS-решения позволяют начать работу практически немедленно после подписки. Благодаря этому цифровые инструменты стали доступны не только крупным корпорациям, но и среднему и малому бизнесу [10, с. 52].

Особенно значительный эффект облачные технологии оказали на процессы закрытия периодов. Автоматизация сверки данных, формирования консолидированной отчётности и подготовки пояснений позволила сократить время, затрачиваемое на эти операции, в два-три раза. По некоторым оценкам, компании, полностью перешедшие на облачные финансовые системы, сокращают цикл закрытия месяца с десяти до трёх–четырёх дней [11, с. 78].

Технологии больших данных (Big Data) открыли перед финансовым менеджментом принципиально новые аналитические возможности. Традиционный финансовый анализ оперировал ограниченным набором структурированных данных из учётных систем. Современные аналитические платформы позволяют обрабатывать колоссальные массивы неструктурированной информации — данные социальных сетей, новостные потоки,

геолокационные сведения, показания датчиков Интернета вещей [12, с. 94].

Применение больших данных в финансовом менеджменте реализуется в нескольких направлениях. Во-первых, это прогнозирование денежных потоков и выручки на основе анализа исторических данных с учётом множества внешних факторов — от погодных условий до макроэкономических индикаторов. Во-вторых, выявление скрытых закономерностей в поведении клиентов и контрагентов для более точной оценки кредитных рисков. В-третьих, мониторинг эффективности бизнес-процессов в реальном времени с автоматическим выявлением отклонений от плановых показателей [13, с. 112].

Предиктивная аналитика, использующая методы машинного обучения, позволяет перейти от реактивного управления финансами к проактивному. Вместо того чтобы констатировать уже произошедшие отклонения, финансовый менеджер получает возможность предвидеть их и принимать упреждающие меры [14, с. 67].

Блокчейн, или технология распределённых реестров, представляет собой один из наиболее многообещающих, хотя пока и не получивших массового распространения, инструментов трансформации корпоративных финансов. Базовое свойство блокчейна — неизменность и прозрачность записей — создаёт предпосылки для качественного изменения принципов учёта и аудита [15, с. 41].

В финансовом менеджменте блокчейн может применяться для автоматизации взаиморасчётов с контрагентами с помощью смарт-контрактов, обеспечивающих гарантированное исполнение обязательств при наступлении заданных условий. Это особенно актуально для трансграничных транзакций, где традиционные банковские переводы занимают несколько дней и сопряжены с высокими комиссиями [16, с. 83].

Кроме того, распределённые реестры способны обеспечить непрерывный аудит в реальном времени, при котором проверка транзакций осуществляется автоматически, а заинтересованные стороны (инвесторы, регуляторы, кредиторы) получают доступ к верифицированным данным без необходимости ожидания периодической отчётности [17, с. 29].

Однако широкое внедрение блокчейна в корпоративные финансы сдерживается неопределённостью правового регулирования, высокой энергоёмкостью публичных сетей и недостатком стандартизированных решений для корпоративного сектора.

Применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в финансовом менеджменте выходит далеко за рамки простой автоматизации. Современные системы на базе ИИ способны не только обрабатывать данные, но и обучаться на исторических паттернах, выявлять аномалии и предлагать оптимальные решения [18, с. 56].

В корпоративных финансах ИИ находит применение в следующих областях:

-автоматическое формирование бюджетов на основе анализа исторических данных и прогнозирования рыночных трендов;

-выявление мошеннических операций путём анализа поведенческих паттернов и обнаружения нетипичных транзакций;

-оценка кредитоспособности контрагентов с использованием множества параметров, включая нефинансовые данные;

-оптимизация структуры капитала на основе многокритериального анализа;

-роботизированная обработка первичной документации и автоматическое формирование проводок [19, с. 114].

Особого внимания заслуживают чат-боты и виртуальные ассистенты, способные отвечать на запросы сотрудников о состоянии бюджетов, условиях оплаты и других финансовых параметрах в режиме реального времени. Это позволяет разгрузить финансовую службу от рутинных консультаций и сосредоточиться на аналитических задачах [20, с. 91].

Цифровизация поставила под сомнение эффективность традиционного годового бюджетирования, которое критикуют за трудоёмкость, длительность цикла и быстрое устаревание в условиях высокой неопределённости. В ответ на эти вызовы развиваются концепции «Beyond Budgeting», предполагающие отказ от жёстких годовых планов в пользу гибких скользящих прогнозов и децентрализованного управления эффективностью [21, с. 33].

Цифровые технологии делают возможным переход к динамическому управлению эффективностью, при котором ключевые показатели отслеживаются в реальном времени, а бюджеты корректируются ежеквартально или даже ежемесячно. Специализированные платформы класса Corporate Performance Management (CPM) позволяют интегрировать данные из различных источников, моделировать сценарии развития и оперативно перераспределять ресурсы [22, с. 47].

Такой подход требует перестройки не только IT-инфраструктуры, но и управленческой культуры. Финансовые менеджеры должны быть готовы работать в условиях высокой неопределённости, принимать

решения на основе неполных данных и быстро адаптироваться к меняющейся ситуации [23, с. 72].

Цифровизация финансового менеджмента одновременно и снижает, и порождает новые риски. С одной стороны, продвинутая аналитика позволяет точнее оценивать вероятность неблагоприятных событий и моделировать стресс-сценарии. С другой — цифровая трансформация создаёт новые уязвимости, связанные с кибербезопасностью, зависимостью от поставщиков облачных услуг и алгоритмическими ошибками [24, с. 59].

Киберриски стали одним из главных вызовов для финансовых служб. Переход на облачные платформы и удалённый доступ к финансовым данным повышают вероятность несанкционированного доступа и утечки информации. По имеющимся данным, финансовый сектор является одной из наиболее атакуемых отраслей, а ущерб от успешных кибератак может достигать десятков миллионов рублей для крупной компании [25, с. 104].

Управление этими рисками требует интеграции инструментов кибербезопасности в финансовую инфраструктуру, регулярного аудита защищённости систем, обучения персонала и создания резервных копий данных. Кроме того, финансовые менеджеры должны участвовать в разработке политик управления цифровыми рисками на корпоративном уровне [26, с. 81].

Цифровые технологии существенно расширяют возможности внутреннего контроля. Вместо выборочных проверок, характерных для традиционной модели, становится возможным сплошной мониторинг транзакций с автоматическим выявлением отклонений от установленных политик. Технологии процессной аналитики (process mining) позволяют визуализировать реальные цепочки операций, выявлять узкие места и нарушения регламентов [27, с. 38].

Внешний аудит также претерпевает цифровую трансформацию. Аудиторские компании активно внедряют инструменты анализа больших данных, позволяющие проверять не выборочные, а генеральные совокупности операций. Это повышает достоверность аудиторских заключений и снижает временные затраты на проверку [28, с. 65].

Одновременно меняются требования к компетенциям специалистов по внутреннему контролю и аудиту: помимо знания учёта и права, они должны владеть навыками работы с аналитическими платформами, понимать принципы построения алгоритмов и уметь интерпретировать результаты машинного анализа [29, с. 92].

Цифровая трансформация неизбежно сопряжена с технологическими рисками, среди которых особое место занимают сбои в работе систем, потеря данных и несовместимость различных IT-решений. Переход от разрозненных локальных систем к единой цифровой платформе требует тщательного планирования архитектуры, тестирования интеграций и обучения пользователей [30, с. 48].

Значительной проблемой остаётся качество данных. Эффективность продвинутой аналитики и искусственного интеллекта напрямую зависит от полноты, точности и непротиворечивости исходной информации. Если данные в учётных системах содержат ошибки или являются неполными, алгоритмы будут выдавать некорректные результаты, что может привести к ошибочным управленческим решениям [31, с. 73].

Цифровизация финансового менеджмента требует не только технологических инвестиций, но и изменения организационной культуры. Сопротивление персонала, привыкшего к традиционным методам работы, непонимание преимуществ новых инструментов и недостаток цифровых компетенций являются одними из главных препятствий на пути трансформации [32, с. 55].

Решение кадровой проблемы видится в двух направлениях: повышении квалификации существующих сотрудников (upskilling) и найме специалистов с новыми компетенциями — аналитиков данных, специалистов по цифровым финансам, архитекторов финансовых систем. При этом дефицит таких кадров на рынке труда делает конкуренцию за них крайне высокой [33, с. 86].

Развитие цифровых финансовых технологий сталкивается с регуляторными барьерами, особенно в таких областях, как использование облачных сервисов для хранения финансовой информации, применение электронной подписи в трансграничных операциях и легитимность смарт-контрактов. Отсутствие чётких правовых норм создаёт неопределённость и тормозит внедрение инноваций [34, с. 39].

В то же время нельзя не отметить позитивные сдвиги: в России реализуется программа «Цифровая экономика», в рамках которой разрабатываются стандарты электронного документооборота и формируется правовая база для использования цифровых финансовых активов. Эти меры должны способствовать ускорению цифровизации финансового менеджмента [35, с. 22].

Ближайшее будущее финансового менеджмента связано с формированием интегрированных цифровых экосистем, в которых финансовые данные будут циркулировать без разрывов между всеми

участниками цепочки создания стоимости — от поставщиков до конечных потребителей. Такие экосистемы позволят полностью автоматизировать расчёты, оптимизировать оборотный капитал и обеспечить прозрачность движения средств для всех стейкхолдеров [36, с. 108].

Ключевую роль в построении экосистем будут играть API-интерфейсы, обеспечивающие бесшовную интеграцию различных программных продуктов, и технологии распределённых реестров, гарантирующие целостность и неизменность данных. Финансовая служба при этом будет выполнять роль «дирижёра» экосистемы, координируя информационные потоки и обеспечивая соблюдение регуляторных требований [37, с. 67].

По мере совершенствования алгоритмов искусственного интеллекта их роль в управлении финансами будет возрастать. Прогнозируется, что к 2030 году большинство рутинных операций в финансовом менеджменте будет выполняться без участия человека, а ИИ станет основным инструментом принятия не только операционных, но и стратегических финансовых решений [38, с. 120].

Это не означает полной замены финансовых менеджеров машинами. Скорее речь идёт о трансформации их роли: от обработки данных и выполнения расчётов к интерпретации результатов, постановке задач для алгоритмов и принятию решений в нестандартных ситуациях, где требуется человеческое суждение с учётом этических, социальных и стратегических факторов [39, с. 95].

Успешная цифровизация невозможна без соответствующего изменения профиля компетенций финансовых специалистов. Помимо традиционных знаний в области учёта, налогообложения и корпоративных финансов, востребованными становятся навыки программирования, анализа данных, кибербезопасности, управления цифровыми проектами [40, с. 44].

Образовательные программы подготовки финансистов должны быть пересмотрены с учётом этих требований. Бизнес-школы и университеты уже сегодня включают в учебные планы курсы по цифровым финансам, финансовым технологиям и аналитике данных, однако темпы обновления образовательных стандартов пока отстают от запросов рынка труда [41, с. 78].

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Цифровизация финансового менеджмента представляет собой не просто технологическую модернизацию существующих процессов, а фундаментальную трансформацию финансовой функции, в ходе которой меняются её роль, инструментарий и методы управления.

Основными технологическими драйверами трансформации выступают облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект и блокчейн. Их применение позволяет автоматизировать рутинные операции, повысить скорость и точность финансового анализа, перейти от ретроспективного к предиктивному управлению. Традиционные методы бюджетирования уступают место динамическому управлению эффективностью, основанному на скользящих прогнозах и непрерывном мониторинге показателей. Внутренний контроль трансформируется от выборочных проверок к сплошному автоматизированному аудиту. Сдерживающими факторами цифровизации остаются технологические риски, дефицит квалифицированных кадров, консерватизм организационной культуры и недостаточность нормативно-правового регулирования. Их преодоление требует системного подхода, сочетающего технологические инвестиции с развитием человеческого капитала. В перспективе финансовый менеджмент будет развиваться в направлении создания интегрированных цифровых экосистем, в которых ключевую роль станут играть алгоритмы искусственного интеллекта, а финансовый директор окончательно превратится в стратегического партнёра бизнеса, обладающего уникальным сочетанием финансовых и технологических компетенций.

Список цитируемой литературы:

1. Дмитриев, А.А. Цифровая трансформация корпоративных финансов: теория и практика /А.А. Дмитриев. - М.: Инфра-М, 2022. - 240 с.

2. Иванова, Е.С. Финансовый менеджмент в эпоху цифровизации: вызовы и возможности / Е.С. Иванова. - СПб.: Питер, 2023. - 186 с.

3. Кузнецов, М.В. Теоретические основы цифровизации финансовой сферы /М.В. Кузнецова // Финансы и кредит. - 2021. - Т. 27, № 5. - С. 12–25.

4. Соболева, О.Н. Модель зрелости цифровой финансовой функции / О.Н. Соболева // Управленческий учёт. - 2022. - № 8. - С. 52–63.

5. Григорьев, В.П. Драйверы и барьеры цифровизации корпоративных финансов / В.П. Григорьев// Экономика и управление. - 2021. - № 6. - С. 68–80.

6. Андреева, Л.В. Эволюция роли финансового директора в цифровой экономике/ Л.В. Андреева // Менеджмент в России и за рубежом. - 2022. - № 3. - С. 15–28.

7. Петров, С.К. Цифровые компетенции финансового менеджера: современные требования /С.К. Петров // Кадровик. - 2023. - № 4. - С. 84–92.

8. Николаева, И.Р. Digital CFO: новая роль финансового руководителя / И.Р. Николаева // Финансовый менеджмент. - 2021. - № 2. - С. 102–115.

9. Антонов Д.А. Облачные ERP-системы: опыт внедрения в российских компаниях. Казань: Казанский университет, 2022. 160 с.

10. Смирнова, Е.В. SaaS-решения для финансового менеджмента: преимущества и риски / Е.В. Смирнова // Информационные технологии в экономике. - 2021. - № 9. - С. 48–58.

Степочкин Е.В., аспирант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Герсонская И.В., д-р экон. наук, доцент

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье анализируются подходы к совершенствованию инструментария региональной экономической политики, направленные на решение социально-экономических проблем в субъектах РФ на примере Липецкой области. Выявлены основные факторы, обусловливающие необходимость трансформации существующих инструментов государственного регулирования экономики. Предложены методические подходы к формированию интегрированной стратегии развития, обеспечивающей согласование экономического роста с решением критических социальных вопросов.

Ключевые слова: региональная экономическая политика; социально-экономическое развитие; государственное регулирование; инвестиционные механизмы; эффективность.

На современном этапе развития в Российской Федерации встает актуальная задача поиска оптимального баланса между развитием экономики и улучшением условий жизни граждан. История экономического развития показывает: одностороннее внимание к

увеличению производства без учета социальных последствий неизбежно приводит к дисбалансу. Необходимо одновременно развивать экономику и повышать качество жизни населения, а «применение эффективных инструментов бюджетной политики и создание целевых программ поддержки - это основные компоненты устойчивого регионального развития» [3, с. 116]. Без четкого социального вектора развития производство увеличивается, однако материальное благосостояние граждан растет значительно медленнее.

Липецкая область представляет собой показательный пример такого противоречия между экономическими показателями и социальным развитием. На современном этапе исследуемый нами субъект РФ "…имеет устойчивое социально-экономическое положение, а также достаточно высокий производственный и инвестиционный потенциал…" [1, с. 80]. За последние пять лет регион продемонстрировал значительный прирост инвестиционных ресурсов и существенное расширение производственной базы. Между тем, рост доходов населения существенно отстает от темпов экономического развития региона. Н.Н. Кузнецова отмечает, что "экономическая политика региона должна строиться таким образом, чтобы доходы граждан росли синхронно с экономическим приростом" [4, с. 18]. Здесь проявляется центральное противоречие: объемы капиталовложений растут, промышленные мощности расширяются, предприятия функционируют эффективно, но население ощущает только косвенные выгоды. Накопленный капитал остается в сфере производства либо перенаправляется инвесторам, в то время как население получает лишь ограниченные побочные эффекты от этого развития. Требуется переоценка механизмов перераспределения создаваемого в регионе богатства между различными социальными группами.

Одной из критических проблем региональной социальной политики является неэффективность существующих механизмов поддержки. Семьи, испытывающие наибольшие затруднения, зачастую не получают необходимую помощь. И.В. Герсонская утверждает, что "…многие молодые семьи испытывают недостаток собственных средств и имеют очень стесненные жилищные условия…" [2, с. 62]. При условии направленности на развитие, государственные инвестиции в образование и социальную сферу становятся основой долгосрочного экономического роста. Международный опыт демонстрирует: сочетание универсальных программ с дифференцированными мерами поддержки, адаптированными к местным условиям, обеспечивает значительно более высокую эффективность. Концентрация ресурсов на наиболее уязвимых

группах населения, в частности многодетных семьях, пожилых людях и инвалидах, позволяет максимизировать социальный эффект при имеющихся финансовых возможностях.

Говоря о развитии образовательной и медицинской инфраструктуры, необходимо подчеркнуть настоятельную потребность в усилении внимания к отдаленным муниципальным образованиям. В региональных центрах ситуация в этих сферах выглядит сравнительно удовлетворительной. Совсем иначе дела обстоят в малых городах и на селе. Там наблюдается целый ряд серьезных проблем: недостаток современных, качественно оснащенных школ и детских садов; нехватка высококвалифицированных врачей; отсутствие либо изношенность медицинского оборудования. Как отмечает А.С. Климов, "…в государственное регулирование должно содержать специальные инструменты для развития образования и здравоохранения в удаленных территориях…" [5, с. 152]. В связи с этим телемедицина становится одним из эффективных способом преодоления труднодоступности услуг. Профессиональное образование следует переориентировать на подготовку кадров для периферии и формирование навыков, необходимых для ключевых отраслей региональной экономики.

Важнейшей составляющей повышения эффективности региональной политики является совершенствование межбюджетного механизма. Осуществляемое в настоящее время перераспределение финансовых ресурсов характеризуется значительной концентрацией средств на уровне областной администрации, это обстоятельство существенно ограничивает возможности муниципальных образований в формировании собственных приоритетов. С.И. Васильева и В.М. Шагунова В.М. указывают на необходимость того, чтобы "межбюджетное перераспределение обеспечивало финансовую независимость муниципальных образований с одновременным надзором над результативностью расходования средств" [6, с. 75]. Местные администрации обладают важным преимуществом - лучшей информацией о конкретных потребностях своего населения в благоустройстве, социальной инфраструктуре и поддержке хозяйственной деятельности. Вместе с тем возрастание финансовой самостоятельности должно сопровождаться укреплением прозрачности расходов бюджета и ответственности перед избирателями.

Оценка результативности бюджетных программ требует разработки системы показателей, отражающих не только объемы финансирования, но прежде всего достигнутые результаты в

улучшении социальных условий жизни. С.А. Шахватова и Е.А. Гончарова подчеркивают, что "результативность программ должна измеряться не затратами, а конкретными результатами улучшения социального благополучия населения" [7, с. 24]. Речь идет о введении системы мониторинга показателей младенческой и материнской смертности, уровня трудовой занятости, средней ожидаемой продолжительности жизни и других релевантных социальных индикаторов. Регулярный анализ этих показателей позволяет не только оценить эффективность реализуемых программ, но и осуществлять своевременную корректировку стратегии развития. Подобный подход способствует повышению ответственности органов власти перед избирателями и создает базу для принятия обоснованных управленческих решений.

В условиях современной геополитической ситуации органы региональной власти должны разработать четкую долгосрочную стратегию развития, сбалансированную по экономическим и социальным параметрам. Поэтому эффективной региональная политика будет признана только в том случае, когда возможно достижение баланса между экономическим развитием и удовлетворением общественных потребностей. Процесс разработки программ развития должен предусматривать активное участие представителей различных социальных групп, деловых кругов, профсоюзов и организаций гражданского общества. Только при условии широкого консенсуса и учета интересов основных стейкхолдеров программы получат необходимую социальную поддержку и реальное воплощение. Преобразование региональной экономической политики должно основываться на переоценке приоритетов развития и переходе от декларативных посулов к конкретным результатам в повышении качества жизни населения.

Список цитируемой литературы:

1. Герсонская, И. В. Предпосылки устойчивого социально-экономического развития Липецкой области / И. В. Герсонская // Инновационная экономика и право. – 2022. – № 2(21). – С. 78-86.

2. Герсонская, И. В. Влияние государственной социальной политики на уровень и качество жизни населения в России / И. В. Герсонская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 7(501). – С. 58-68.

3. Динамика развития национальной экономики в условиях цифровизации: стратегические и институциональные факторы / Т. И.

Либерман, Е. Ю. Коротаева, Е. С. Татаринова [и др.]. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – 201 с.

4. Кузнецова, Н. Н. Региональная экономическая политика и социальная справедливость / Н. Н. Кузнецова // Вестник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. - 2024. - № 2(89). - С. 15-28.

5. Климов, А. С. Механизмы государственного регулирования экономики и их влияние на уровень жизни населения / А. С. Климов // Российский журнал управления социальным развитием. - 2023. - Т. 16, № 3(105). - С. 140-165.

6. Васильева, С. И. Межбюджетные отношения и финансовая самостоятельность муниципальных образований в Центральном федеральном округе / С. И. Васильева, В. М. Шагунова // Экономика и финансы. - 2024. - № 1(78). - С. 62-85.

7. Шахватова, С. А. Оценка эффективности бюджетных расходов и социальные результаты региональной политики / С. А. Шахватова, Е. А. Гончарова // Финансы и управление государственными ресурсами. - 2024. - Т. 12, № 4(92). - С. 19-31.

Стюфляев А.Р., аспирант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

Статья посвящена анализу институциональных барьеров, препятствующих эффективной реализации государственных программ развития сельских территорий. Выделены три группы барьеров: размытость полномочий между уровнями власти, административная и межведомственная рассогласованность, кадровый дефицит на муниципальном уровне. Предложены направления минимизации выявленных барьеров – уточнение распределения ответственности, упрощение процедур и кадровое усиление муниципалитетов.

Ключевые слова: институциональные барьеры, сельские территории, государственные программы, межведомственное

взаимодействие, муниципальное управление, социальная инфраструктура.

В Российской Федерации действует ряд государственных программ и стратегических документов, направленных на социальное и инфраструктурное развитие сельских территорий. Ключевыми из них являются государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», а также действующая Стратегия устойчивого развития сельских территорий до 2030 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ № 151-р. На эти цели ежегодно выделяются значительные бюджетные средства, однако на практике фиксируются устойчивые проблемы: медленное обновление инфраструктуры [1], неэффективное расходование выделенных средств [2], длительные сроки реализации и окупаемости проектов [3] и значительная дифференциация между разными муниципальными образованиями [4]. В научной литературе эти явления чаще всего объясняют недостаточным объёмом финансирования [5] или объективными демографическими трудностями [6]. При этом практически без внимания остаётся институциональный уровень – правила, процедуры, распределение полномочий и механизмы координации между разными уровнями власти. Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать институциональные барьеры реализации государственных программ развития сельских территорий на региональном и муниципальном уровне, а также предложить направления их минимизации.

Первый и, пожалуй, наиболее значимый барьер связан с размытостью полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти. Формально ответственность распределена: федеральный центр выделяет средства, регион распределяет субсидии, а муниципалитет обеспечивает софинансирование и реализацию проектов. Однако на практике у большинства сельских поселений собственная доходная база крайне мала, и они не в состоянии выполнить условия софинансирования. В результате средства либо не расходуются целиком, либо направляются на те проекты, где муниципалитет может найти минимальную долю, а не туда, где потребность выше – а значит, применяются неэффективно.

Как отмечает Счётная палата РФ по итогам 2024 года, в рамках аудита реализации государственных программ развития сельских территорий сохраняется динамика оттока персонала и сокращения числа сельских поселений, отмечается недостаточная обеспеченность сельских территорий дорогами и объектами социальной инфраструктуры. Кроме

того, контрольный орган прямо указывает на необходимость совершенствования межведомственного взаимодействия в рамках всех отраслевых госпрограмм, направленных на комплексное развитие сельских территорий. Всего по направлению природопользования и АПК в 2024 году установлены нарушения на общую сумму 102 млрд рублей, из которых возвращено в бюджет 3,3 млрд рублей. Эти цифры свидетельствуют о масштабе системных проблем – значительные объёмы нарушений при относительно небольшом возврате указывают на то, что многие средства либо используются неэффективно, либо теряются безвозвратно [7].

Второй барьер носит административный и межведомственный характер. Реализация одного проекта (например, строительство фельдшерско-акушерского пункта или ремонт дороги) может требовать согласований с несколькими ведомствами на разных уровнях – от местной администрации до профильных департаментов региона. Процедуры затягиваются, дублируются, а ответственность за конечный результат часто размыта между участниками. Отсутствие единой цифровой платформы для сопровождения проектов усугубляет ситуацию: информация теряется, сроки сдвигаются, а чиновники перекладывают ответственность друг на друга.

В научной литературе институциональные барьеры определяются как препятствия, созданные установившейся институциональной средой, которые задают рамки деятельности субъектов [8]. Существуют различные подходы к их классификации. Так, Ковалева и Кабашева выделяют среди институциональных барьеров административные барьеры входа, законодательные ограничения, неформальные институты, финансовые барьеры, а также барьеры, связанные с несовершенной внешнеторговой политикой [9].

Третий барьер – кадровый дефицит на муниципальном уровне. В сельских поселениях часто работают один-два специалиста, которые отвечают за всё: от водоснабжения до отчётности по федеральным программам. Низкая заработная плата, высокая нагрузка и отсутствие профильных компетенций (например, в проектной деятельности или бюджетном планировании) ведут к ошибкам в заявках, срыву сроков и, в итоге, к не полному использованию бюджетных средств. Муниципалитеты с сильной командой показывают результаты даже при скромном финансировании, тогда как соседние сёла с более слабыми кадрами не могут эффективно освоить те же субсидии.

Аналогичные проблемы фиксируются и в исследованиях по кадровому обеспечению органов местного самоуправления в целом. Как отмечает Блинова Е.И., среди ключевых проблем недостаточная

укомплектованность профессиональными и опытными сотрудниками, высокая текучесть кадров, а также дефицит молодых специалистов и повышение среднего возраста муниципальных служащих [10].

Перечисленные барьеры не являются непреодолимыми. Возможные направления их минимизации лежат в трёх плоскостях. Первое – уточнение и законодательное закрепление распределения полномочий. Имеет смысл закрепить за каждым уровнем власти конкретный перечень обязательств с чёткими критериями оценки исполнения. Для муниципалитетов, которые объективно не могут обеспечить софинансирование, следует предусмотреть порядок участия в программах с пониженной долей местного бюджета или её заменой на натуральные обязательства (например, предоставление земли или помещения под объект инфраструктуры). Второе направление – упрощение административных процедур и внедрение проектного подхода. Переход на принцип «одного окна» для сельских проектов, сокращение количества согласований, внедрение региональных цифровых платформ для мониторинга хода реализации позволили бы снизить транзакционные издержки и повысить прозрачность.

В Липецкой области, например, внедрена информационно-аналитическая система администрации, включающая подсистемы для мониторинга исполнения ключевых показателей эффективности и межведомственного взаимодействия [11]. Этот пример демонстрирует принципиальную возможность цифровизации управленческих процессов на региональном уровне.

Третье направление – это работа с кадрами. Нужно выстроить систему регулярного обучения муниципальных служащих, в том числе с использованием дистанционных форматов. Региону стоит оказывать методическую поддержку, а также ввести небольшие стимулирующие надбавки за активное и успешное использование цифровых инструментов и программ. Эти меры не потребуют серьёзных бюджетных затрат, но могут дать эффект за счёт роста компетенций местных управляющих кадров.

По итогу, проблемы с реализацией государственных программ развития сельских территорий носят не только финансовый, но и институциональный характер. Размытость полномочий, слабая координация между уровнями власти и нехватка квалифицированных кадров на муниципальном уровне снижают отдачу от бюджетных средств. Предложенные меры – разграничение ответственности, упрощение процедур и укрепление кадрового потенциала муниципалитетов могут стать шагом к исправлению ситуации.

Дальнейшие исследования могут быть посвящены апробации этих предложений на материалах конкретных регионов и количественной оценке эффекта от устранения отдельных институциональных барьеров.

Список цитируемой литературы:

1. Сочнева, Е. Н. Проблемы обеспечения населения на селе жилищной инфраструктурой / Е. Н. Сочнева, О. В. Старова, В. К. Шадрин // Жилищные стратегии. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 211-226.
2. Барамзин, С. В. Проблемы бюджетной обеспеченности сельских поселений / С. В. Барамзин // Финансы и кредит. – 2010. – № 6(390). – С. 63-66.
3. Мирошниченко, Т. А. Роль государственно-частного партнерства в обновлении инфраструктуры сельских территорий / Т. А. Мирошниченко // Вестник аграрной науки. – 2022. – № 1(94). – С. 122-128.
4. Темченко, Д. П. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий на примере государственных программ / Д. П. Темченко // Молодой ученый. – 2020. – № 7(297). – С. 141-144.
5. Путивская, Т. Б. Научный фактор и развитие АПК / Т. Б. Путивская, Е. А. Моренова // Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий : Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Саратов, 07.12. 2022 года / Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова. – САРАТОВ: ООО "Центр социальных агроинноваций СГАУ", 2023. – С. 216-219.
6. Масалова, Ю. А. Демографические проблемы и стратегия устойчивого развития сельских территорий / Ю. А. Масалова // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 249-258.
7. Отчёт о работе Счётной палаты Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/iblock/d34/r9je39e5z05455o9ksar608z6j12jwad.pdf (Дата обращения 15.04.2026)
8. Макаева, Л. И. Институциональные барьеры инновационного развития: сущность и виды / Л. И. Макаева // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 19-25.
9. Ковалева, Э. Р. Анализ институциональных барьеров инновационного развития российской экономики / Э. Р. Ковалева, И. А. Кабашева // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 2, № 10. – С. 121-126.

10. Блинова, Е. И. Обеспечение кадрами органы местного самоуправления: проблемы и пути решения / Е. И. Блинова // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами : Сборник научных статей IX Международной научно-практической конференции (МИРЭА – Российский технологический университет), Москва, 19–21 марта 2024 года. – С. 58-64.
11. Комплекс подсистем ИАС / ОБЛАСТНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ "ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itc48.ru/is/ias/ (дата обращения: 15.04.2026).

Суханов Е.В., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ВЛИЯНИЕ ЦЕНОВОГО ДИСКОНТА НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ ПРИ ЭКСПОРТЕ ТОВАРОВ

Аннотация

Целью статьи является показ влияния ценовых дисконтов на вывоз из России нефтегазовой продукции и других природных ресурсов. Задача статьи – показ преодоления санкционных ограничений Запада на экономику России. Гипотеза данной работы - показать доходность фонда национального благосостояния (ФНБ) России по другим источникам.

Ключевые слова: экономика, дисконт, цена, нефть, санкции, капитал, баррель, дефицит, бюджет, курс

В российской экономике встречаются ценовые дисконты на продукцию, которая вывозится из страны, то есть экспортируется. При этом, фирмы-экспортёры получают так называемую премию за риски, которую они имеют в случае применения обходных манёвров, перепродавая товары из России, обходя санкции.

Занимаясь такой сферой бизнеса, экспортёры, применяя ценовые дисконты, начали использовать этот вид «партнёрства» на обширный круг товаров, которые продаются в различные, особенно недружественные для России страны. Российская экономика активно применяет дисконты по широкому кругу товаров. Особое место занимает экспорт

углеводородов: нефть и природный газ, уголь, металлы, лес, лесоматериалы.

Как сообщали средства массовой информации в 2022 году, экспорт угля и кокса осуществлялся с дисконтом не выше 50% его стоимости. Были сообщения, что даже золото Россия поставляла за рубеж с ценовым дисконтом. Наибольший объём в абсолютном и стоимостном выражениях приходился на экспорт углеводородов. Основными потребителями таких товаров были восточные страны: Китай, Индия, Вьетнам, Индонезия. Минэкономразвития России в начале 2024 года опубликовало данные, что до 2027 года Китаю будет поставлено российского газа на 28% ниже его стоимости, чем для европейцев и Турции. Что касается углеводородов, то цена на них, как в объёмных так и ценовых цифрах, не была постоянной. В сентябре 2025 года Urals –это превалирующий сорт нефти, который продаётся Россией, вырос на 39%, что в среднем оценивается в 5,13 долларов США за баррель. Данное увеличение дисконта повлияло на установление Западом цены – 47, 6 долларов за баррель. Но уже в декабре 2025 года каждый баррель основного сорта нефти Urals превысил 20 долларов. Это, в большей мере, затронуло экономику двух экспортёров нефти: «Роснефть» и ЛУКОЙЛ [3]. В 2026 году прогнозируется тенденция к снижению цены, при этом сократится и дисконт. Всё зависит не только от того, как Российская экономика сможет преодолеть санкционные ограничения, но и какой будет спрос на углеводороды в мире. Ведь экономические санкции для России наносили и продолжают наносить непоправимый ущерб экономике, поэтому величина ущерба от применяемых Западом дисконтов на экспортируемую российскую нефть носят долгосрочный период. Даже специалисты «Альфа-Банка» утверждают, что российская экономика может не досчитаться 3 млрд. долларов США в месяц, а в годовом исчислении это уже 40 млрд. долларов США. Объём экспорта 2025 года составил 373,7 млрд. долларов США, что на 3,3 % меньше аналогичного периода 2024 года, из которых на долю экспорта минерального продукта приходится 203, 9 млрд. долларов США. На экспортные результаты по нефти повлияли и ценовые дисконты. А эта сумма колеблется в пределах 30-40 млрд. долларов США. Данная демпинговая ситуация продолжается уже четыре года. Санкционные преграды Запада используются, чтобы не допустить российскую нефть на мировой рынок. О чём свидетельствует и борьба внутри ЕС по блокированию поставок нефти через Украину в Венгрию и Словакию, тем самым ухудшая экономическое положение этих стран.

В научной литературе демпинг объявляется продажей товаров и услуг по искусственно заниженным ценам. Цены устанавливаются

ниже себестоимости. В мировой практике это применяется, чтобы войти в новый рынок данного товара с вытеснением конкурента. Государство влияет на демпинговые цены с расчётом на будущее, идя сознательно на текущие убытки, чтобы на рынке продажи данного товара занять лидирующее положение. Кроме этого в экономике встречается и антисанкционный демпинг, которым в настоящее время пользуется Россия, но схема проводится только при серьёзной поддержке государства. Так, в декабре 2022 года принят закон о введении новых налоговых льгот для крупнейших государственных производителей газа и нефти: «Газпром» и «Роснефть» [2]. Ситуация с применением демпинга в России - это не совсем только что появившаяся на рынке российская новация. В этом не совсем «виноваты» Западные страны. Ценовые дисконты применялись Россией не только до 22 февраля 2022 года, а на много лет раньше, но не в широком масштабе, ввиду того, что данное решение было инициировано российскими экспортёрами для получения сиюминутной выгоды для выхода на мировой рынок. Эти деяния осуществлялись, для того, чтобы снизить налоги и платежи по таможенным тарифам, хотя до 2024 года в России осуществлялись пошлины на экспорт нефти и продуктов из неё. Дело ещё и в том, что такое действие применялось для того, чтобы нелегально вывозить капитал за границу. А механизм действия заключается в том, что сырьё вывозится за рубеж по заниженным ценам и продаётся иностранным компаниям, которые перепродавая товар по установленной рыночной цене, имеют сравнительно больший доход, делясь им с российскими продавцами. Чаще всего это происходит с помощью офшорных юрисдикций. Таким способом действуют многие компании, осуществляя крупные и регулярные сделки с российскими нефтепродуктами на рынке топливно-энергетических ресурсов и сырья.

По оценкам экспертов в 1995 году экспортные цены на углеводородное сырьё были ниже мировых в среднем на 7% для сырой нефти, на 20% для нефтепродуктов, на 15% для угля, на 11% для природного газа, на 21% для алюминия, на 13% для меди. Расчёт вывоза капитала осуществлялся разницей между мировой и экспортной ценой, которая уменьшалась за счёт разницы по всем платежам, прописанным в контракте, и поступала на счёт тем компаниям, которые контролировали экспорт.

Ставится вопрос о «правильности» ценообразования не только на углеводородное сырьё в России, но и на другие экспортируемые товары, проходящие через биржу, то есть, те ценовые индикаторы,

которые проходят через биржу и не имеют настоящей цены. На бирже цен, которые проходят через ликвидные биржевые торги не учитывают данные срочного рынка, цен, участников торгов, не биржевые данные, а также данные министерств, ассоциаций, союзов предпринимателей [1]. Таким образом, необходим такой орган, как ценовой агент, который будет способствовать увеличению поступления налогов в федеральный и региональный бюджеты, так как они будут руководствоваться «правильными» ценами. За счёт этого, российская экономика потеряла несопоставимые с сегодняшними цифрами долларов США (это могут быть и триллионы), продавая российские углеводородные нефтепродукты по заниженным ценам. Такая непрозрачность расчёта котировок не создаёт реального представления о рыночной цене товара. Демпинг по-российски не принёс и не принесёт в будущем российской экономике поступательного её развития и будет способствовать дальнейшему обнищанию большинства жителей России и «процветанию » небольшой группы россиян.

Все перечисленные выше негативные явления, длящиеся в России не одно десятилетие, особенно в сфере нефтегазовых доходов, могут привести к исчерпанию ликвидности части Фонда национального благосостояния. Совсем недавно Минфин РФ опубликовал статданные о положении с нефтегазовыми доходами (НГД). За январь 2026 года цифры не впечатляют. Ещё в конце ноября 2025 года спред (расхождение) между российской нефтью Urals (Лукойл, «Роснефть») и Brent (эталонный сорт) быстро уменьшился.

В начале осени 2025 года дисконт Urals составлял 15%, но в ноябре этот разрыв увеличился до 30%, в декабре – 37,5%, а в январе 2026 года он достиг цифры 37,8%. В результате чего, цена на нефть снизилась до уровня 2020 года, когда в мире бушевал ковид. Данные Минфина РФ показывают среднюю цену Urals 39 долларов за баррель, а Brent ставит цену уже в зоне 60-64 долларов за баррель. Если в январе 2026 года цена Urals выросла до 41 доллара за баррель, то котировка нефти Brent выросла до 67 долларов за баррель. Если рассматривать нынешнее ценовое состояние Urals, то оно составляет 59 долларов за баррель. При переводе на российскую валюту, эти цифры выглядят не очень оптимистично: цена Urals в январе составила 31,62 рубля за баррель, в то время, как в бюджете РФ эта цифра составляет 54,40 рублей за баррель (при курсе доллара 92,5 рубля за доллар). В связи с этим, произойдёт недобор НГД (нефтегазовые доходы). Декабрь месяц 2025 года показал 448 млрд. рублей, январь ещё меньше – 393 млрд. рублей. Эта цифра даже меньше, чем в июне

2020 года и вдвое, чем в январе 2025 года. По принятому в России бюджетному правилу, эта цифра компенсируется за счёт продажи юаней и золота из ликвидной части ФНБ (в связи с этим наблюдается, что не смотря на недобор денежных средств ФНБ, рубль не только падает, но и укрепился). в 2026 году с 16 января по 5 февраля на эти цели из ФНБ была продана валюта и золото на сумму 197 млрд. рублей, а за период с 6 февраля по 5 марта будет продано ещё на 227 млрд. рублей.

Как видно, из ФНБ будет изъято 419 млрд. рублей, хотя ликвидная часть ФНБ имеет 40,85 млрд. рублей. Таким образом, ФНБ уменьшается за два месяца 2026 года на 10%. Бюджетные правила имеют своей целью продажу активов, но даже при отсутствии покупок определённые доходы в ликвидную часть ФНБ поступают. Основу здесь составляет переоценка золота, а затем доходы от размещения валютных депозитов в ЦБ РФ. Доходность от этой операции небольшая. Так, в 2025 году проценты по депозитам увеличили ФНБ только на 7,6 млрд. рублей. Доходность ФНБ по другим источникам: в 2025 году был на уровне 646 млрд. рублей. Наибольшая сумма приходилась на переоценку золота. Резкий рост на этот драгоценный металл наблюдался в 2025 году, но начало 2026 года показывает, что переоценка золота в текущем году не может носить положительный характер.

При существующей скорости его расходования, ликвидная часть к концу года может достигнуть опасно низкого уровня. Что будет в последующие годы? Может возникнуть опасная ситуация, которая приведёт к нулевому результату. Как уже отмечалось выше – при существовании бюджетного правила, это невозможно, так как экспортные сделки проводятся в России по ценам ниже мировых на углеводородное сырьё.

Дефицит бюджета нужно чем-то пополнять. Наступает только один путь – заимствовать за счёт размещения Гособлигаций, что приведёт к росту его доходности. Но при этом может наступить ситуация по сокращению расходов бюджета, что повлияет на уровень жизни населения России. Отмена бюджетного правила приведёт к ликвидации поддержки курса рубля, а это уже девальвация рубля. Всё это не решит проблему дефицита бюджета. Невозможно спрогнозировать скорость девальвации, которая может начаться после отмены бюджетного правила. С какой скоростью она пойдёт? В конечном итоге, существенных изменений с бюджетным дефицитом в сторону его улучшения на ситуацию в экономике мало повлияет. При медленной девальвации курс рубля не опустится до уровня недобора НГД

(нефтегазовые доходы). Заложенный в бюджет курс доллара в 92 рубля не принесёт значительного добора НГД, ввиду того, что цена нефти Urals в настоящее время намного ниже заложенной цифры в бюджет РФ. При быстрой девальвации, которая также окажет влияние на рост цен и рост инфляции и цен, особенно на импортные товары, что потянет за собой общее ускорение инфляционного процесса в России. Всё это приведёт к повышению ключевой ставки (КС). В экономике начнётся замедление производственного процесса, а это недобор налогов (нефтегазовые доходы). Вырастут расходы бюджета на компенсацию банкам по льготной ипотеке, сумма которых исчисляется триллионами рублей. В связи со сложившейся ситуацией, в экономике необходимо: во-первых, для пополнения госбюджета, нужно повысить подоходный налог (НДФЛ) на очень богатые семьи. Создать действительно действенную систему налогообложения на доходы от иностранных инвестиций. Большинство состоятельных людей получает основную часть своих доходов не от зарплаты, а от инвестиций (доли компаний, брокерские счета, банковские депозиты). В настоящее время действуют только две ставки НДФЛ: 13% и 15% (от 2,5 млн. рублей дохода в год); во - вторых, ужесточение условий выдачи льготных ипотек, чтобы объёмы их выдачи резко сократились. Такое кредитование должно иметь точечный характер: только на субсидии банкам по льготной ипотеке уходят миллиардные суммы. В 2025 году на эти цели выделено 2 трлн. рублей. Только за два месяца 2026 года совокупный объём льготной задолженности вырос в разы. Должна быть внедрена льготная аренда жилья, которая менее затратна для бюджета, так как денежные ресурсы из бюджета будут направлены на улучшение жилищных условий жителей страны, а не на обогащение банковского сектора и застройщиков.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Федеральный Закон от 28.11.2025 N 426-ФЗ «О Федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». Принят Государственной Думой 20 ноября 2025 года Одобрен Советом Федерации 26 ноября 2025 года

2. Российская Федерация. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года N 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров». Принят Государственной Думой 18 ноября 2003 года. Одобрен Советом Федерации 26 ноября 2003 года

3. Российская федерация. Федеральный закон от 28.11.2025 N 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую налогового кодекса российской федерации, отдельные законодательные акты

Российской Федерации. Принят Государственной Думой 20 ноября 2025 года. Одобрен Советом Федерации 26 ноября 2025 года

Толмачев А.А., аспирант
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Статья анализирует механизмы государственной политики цифровой трансформации нефтегазовой отрасли России в условиях платформенной экономики. На основе анализа регуляторных актов и международного опыта (Норвегия, США, КСА) систематизированы инструменты государственного стимулирования. Предложена матрица инструментов цифровой политики, дифференцированная по уровням платформенной зрелости участников отрасли.

Ключевые слова: цифровая трансформация; нефтегазовая отрасль; платформенная экономика; государственная политика; цифровые платформы; регуляторная среда; промышленный интернет вещей; Индустрия 4.0; операционная эффективность; технологический суверенитет

Нефтегазовый сектор обеспечивает около 20% ВВП России и остаётся стратегической основой федерального бюджета. Вместе с тем логика четвёртой промышленной революции [3] и становление платформенной экономики [2] создают для отрасли императив цифровой трансформации - системного внедрения промышленного интернета вещей (IIoT), искусственного интеллекта, больших данных и облачных платформ с целью качественного изменения операционной модели.

Парадокс ситуации состоит в следующем: именно крупнейшие нефтегазовые компании аккумулируют колоссальные массивы производственных данных и располагают ресурсами для цифровых инвестиций, однако государственная политика в этой сфере остаётся фрагментированной. Национальные программы [5, 6] задают горизонты и приоритеты, но отраслевая нормативная база не формирует системных стимулов для создания платформенных

экосистем. Образно говоря, государство ещё не выступило диспетчером цифровой отраслевой магистрали: правила движения данных и стандарты разъёмов не унифицированы, а каждый участник строит собственную инфраструктуру.

Цель статьи - проанализировать инструменты государственной политики цифровой трансформации нефтегазовой отрасли в контексте платформенной экономики и предложить матрицу инструментов, дифференцированную по уровням платформенной зрелости.

Платформенная экономика строится на сетевых эффектах: каждый новый участник увеличивает ценность системы для остальных [1]. Классическая модель двусторонних рынков [1] применима к нефтегазовому контексту: цифровая платформа создаёт ценность, связывая производителей промысловых данных (оборудование, SCADA-системы), поставщиков аналитических сервисов и управленческих пользователей.

В литературе выделяют три типа платформ [2]: транзакционные (автоматизируют взаимодействие), инновационные (открыты для сторонних разработчиков) и интеграционные (объединяют обе функции). Для нефтегазового сектора наиболее актуальны интеграционные платформы, агрегирующие данные добычи, трубопроводной телеметрии и геологической разведки.

Понятие «платформенная зрелость» оценивается как степень интеграции данных, широта экосистемы и наличие сетевых эффектов. Выделяются четыре уровня: базовый (изолированные системы), развивающийся (частичная интеграция данных), зрелый (межплатформенное взаимодействие) и лидерский (устойчивые сетевые эффекты и экосистемные доходы). По косвенным признакам большинство российских нефтегазовых компаний располагаются на первом–втором уровнях, тогда как крупнейшие международные мейджоры переходят к третьему.

Международная практика свидетельствует: государства, успешно стимулирующие цифровую трансформацию нефтегазового сектора, задействуют четыре группы инструментов, систематизированных в таблице 1.

В Норвегии Нефтяной директорат обязал операторов передавать данные в единый государственный репозиторий DISKOS с 2003 г. [4]. Это сформировало условие для возникновения экосистемы сервисных компаний, конкурирующих за аналитические услуги поверх открытой инфраструктуры. Совокупный коэффициент нефтеотдачи на норвежском шельфе вырос с 43% до 51% за 2003–2015 гг. [4] - хотя

причинно-следственная атрибуция этого роста именно платформенной политике требует дополнительной верификации [интерпретация].

Таблица 1 - Государственные инструменты цифровой трансформации нефтегазового сектора: сравнительный анализ

Группа инструментов	Международный опыт	Инструменты РФ	Регуляторный разрыв
Регуляторные стандарты данных	DISKOS (Норвегия) - единый репозиторий геолого-промысловых данных, обязателен с 2003 г.	Отраслевые стандарты обмена данными отсутствуют; ведомственные форматы несовместимы	Высокий
Финансовые стимулы	Investment Tax Credit (США, 30%); R&D-гранты ЕС в рамках Horizon Europe	Льготы по НИОКР (ст. 262 НК РФ); ускоренная амортизация ИТ-активов с 2021 г.	Средний
Инфраструктурная поддержка	Aramco Digital (KCA) - платформенная «дочка» госкомпании с мандатом на монетизацию данных	Корпоративные ИТ-программы Роснефти, Газпрома; ФГИС в области недропользования	Средний
Экосистемные механизмы	Open Subsurface Data Universe (OSDU) - открытый стандарт API для нефтегазовых данных	Межотраслевой стандарт совместимости платформ отсутствует	Высокий

Составлено автором на основе источников [4, 5, 6, 7].

В США Министерство энергетики поддерживает разработку открытого стандарта Open Subsurface Data Universe (OSDU) - унифицированного API для обмена нефтегазовыми данными между компаниями и облачными провайдерами. Саудовская Аравия в рамках Vision 2030 создала Aramco Digital - платформенную «дочку» с мандатом на монетизацию данных группы и открытие сервисов для третьих сторон.

Российская нормативная база включает: Программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [5]; Указ о национальных целях до 2030 г. [6]; ведомственные программы Минэнерго и Минцифры. Однако ни один из этих документов не содержит требований к стандартизации протоколов обмена данными между нефтегазовыми компаниями. Это препятствует формированию экосистемной архитектуры: компании создают закрытые корпоративные платформы, не взаимодействующие между собой.

Дополнительно, под давлением санкций компании вынуждены замещать зарубежные промышленные платформы (OSIsoft PI,

Honeywell Forge) отечественными разработками при отсутствии унифицированных интерфейсов, что умножает издержки интеграции.

На основе анализа регуляторных документов и зарубежных исследований [4, 7, 8] выявлены четыре группы барьеров платформенной интеграции в нефтегазовой отрасли РФ.

Институциональные барьеры: рассогласованность мандатов Минэнерго, Минцифры и Роснедр в части управления цифровыми данными о недрах; отсутствие единого регулятора отраслевых платформ.

Технические барьеры: дефицит единых протоколов передачи производственных данных (аналог промышленного стандарта OPC-UA не закреплён на уровне отраслевых норм); несовместимость унаследованных SCADA-систем с современными облачными архитектурами.

Рыночные барьеры: конкурентная асимметрия - вертикально интегрированные компании не заинтересованы в раскрытии данных, составляющих их конкурентное преимущество; высокие транзакционные издержки первичной оцифровки производственных процессов.

Кадровые барьеры: дефицит специалистов на стыке нефтегазового инжиниринга и IT; нормы корпоративных культур, замедляющие принятие платформенных подходов.

Преодоление институциональных и технических барьеров является необходимым условием перехода к третьему уровню платформенной зрелости; рыночные и кадровые барьеры носят вторичный характер и устраняются по мере формирования платформенной инфраструктуры.

На основе выявленных барьеров предлагается матрица государственных инструментов, структурированная по двум осям: уровень платформенной зрелости отраслевых участников (горизонталь) и характер государственного вмешательства (вертикаль): регуляторный, стимулирующий или инфраструктурный.

Для компаний базового уровня приоритетны инфраструктурные инвестиции и субсидирование пилотных проектов IIoT. На развивающемся уровне на первый план выходят регуляторные стандарты совместимости и налоговые стимулы для платформенных R&D. На зрелом и лидерском уровнях государство целесообразно позиционировать в роли «архитектора платформы»: формировать экосистемные механизмы (стандарты API, открытые данные о недрах), создавать условия конкуренции платформенных операторов и постепенно выходить из прямого субсидирования.

Ключевым инструментом переходного этапа может стать «отраслевой паспорт данных» - нормативно закреплённый перечень форматов и протоколов передачи геолого-промысловых данных, обязательный для всех участников рынка. Этот механизм аналогичен норвежскому DISKOS, но адаптирован к условиям технологического суверенитета.

Проведённый анализ позволяет зафиксировать следующее.

Прямая верификация причинно-следственной связи между регуляторной поддержкой платформ и операционной эффективностью на российских публичных данных в рамках настоящей работы невозможна. Тем не менее норвежский прецедент - рост коэффициента нефтеотдачи на 8 п.п. в течение двенадцати лет после введения обязательного репозитория данных [4].

Фрагментированность регуляторной среды России выражается в отсутствии единой архитектуры данных нефтегазового сектора, рассогласованности ведомственных мандатов и дефиците отраслевых стандартов совместимости, что создаёт институциональную ловушку, препятствующую переходу от изолированных корпоративных систем к экосистемным платформам.

Список цитируемой литературы:

1. Rochet J. C., Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. - 2003. - Vol. 1, no. 4. - P. 990–1029. - DOI: 10.1162/154247603322493212.

2. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. - New York : W. W. Norton & Company, 2016. - 352 p. - ISBN 978-0-393-24913-1.

3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. - Geneva : World Economic Forum, 2016. - 172 p. - ISBN 978-1-944835-01-9.

4. IEA. Digitalisation and Energy. - Paris : IEA Publications, 2017. - URL: https://www.iea.org/reports/digitalisation-and-energy (дата обращения: 15.03.2025).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"». - URL: http://government.ru/docs/28653/ (дата обращения: 15.03.2025).

6. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». - URL: http://kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 15.03.2025).

7. Министерство энергетики Российской Федерации. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: стратегические ориентиры. - Москва : Минэнерго России, 2023. - URL: https://minenergo.gov.ru/ (дата обращения: 15.03.2025).

8. Evans D. S., Schmalensee R. Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms. - Boston : Harvard Business Review Press, 2016. - 272 p. - ISBN 978-1-63369-186-0.

Фоминых В.О.,
Гарифова А.Р., канд. социол. наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Казанский филиал, г. Казань

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация

В статье рассматривается роль формирования благоприятной деловой среды как ключевого фактора устойчивого экономического роста. Рассматриваются основные направления государственной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в России, оценивается эффективность действующих мер для выявлений основных барьеров, препятствующих развитию бизнеса.

Ключевые слова: благоприятная деловая среда; малое и среднее предпринимательство (МСП); государственная поддержка; социально-экономическая поддержка; административные барьеры; эффективность мер поддержки.

В современных обстоятельствах перехода развития к инновационной модели развития экономики роль малого и среднего предпринимательства (МСП) становится определяющей. МСП выступает не только как источник занятости и налоговых поступлений, но и как катализатор конкуренции, инноваций и социальной стабильности. Однако потенциал этого сектора может быть реализован только при наличии благоприятной деловой среды. В связи с этим статья поможет проанализировать влияние условий ведения бизнеса на устойчивый экономический рост, оценить эффективность государственной политики поддержки МСП в России и выявить ключевые проблемы, требующие решения.

1. Теоретические основы формирования деловой среды и её влияние на экономический рост

Понятие «деловая среда» становится комплексным и имеет в себе сочетание политических, правовых, экономических, и социальных условий. В них осуществляется предпринимательская способность. Значимыми элементами благоприятной среды являются:

- Институциональная среда: стабильность законодательства, эффективность судебной системы, низкий уровень коррупции.
- Финансовая доступность: наличие развитой системы кредитования, венчурного финансирования, государственных гарантий.
- Административная нагрузка: простота регистрации, лицензирования, минимизация проверок и отчётности.
- Инфраструктурная обеспеченность: доступность производственных мощностей, логистических узлов, цифровых сервисов.

Стабильный экономический рост представляется не только количественным увеличением ВВП, но и качественным преобразованием: взлетом производительности труда, внедрением инноваций и повышением благосостояния населения. В отличие от сырьевой модели, устойчивый рост основывается на внутренних драйверах. МСП, обладая гибкостью и способностью быстро адаптироваться к рыночным изменениям, является основным драйвером этих процессов. Оно быстрее крупных корпораций внедряет новые технологии и бизнес-модели. Следовательно, создание комфортных условий для МСП - это прямая инвестиция государства в долгосрочную экономическую стабильность и диверсификацию экономики.

2. Анализ государственной политики поддержки МСП в России

В Российской Федерации поддержка малого и среднего бизнеса провозглашена одним из национальных приоритетов. Реализуется ряд стратегических документов и программных мероприятий.

2.1. Ключевые инструменты поддержки

К основным мерам относятся:

1. Налоговые режимы: Действуют специальные налоговые режимы (УСН, ПСН, НПД), позволяющие существенно снизить фискальную нагрузку на малый бизнес.

2. Финансовая поддержка: Функционируют институты развития (Корпорация МСП), предоставляющие льготные кредиты по сниженным ставкам, а также гарантийную поддержку при недостатке залогового обеспечения.

3. Снижение административной нагрузки: Введён мораторий на проведение плановых проверок для субъектов МСП, реализуется механизм «Регуляторной гильотины», направленный на отмену устаревших и избыточных требований.

4. Цифровая трансформация: Создана единая цифровая платформа МСП. РФ, объединяющая все меры поддержки в «едином окне», что упрощает доступ предпринимателей к информации и услугам.

2.2. Оценка эффективности

Несмотря на наличие широкого спектра инструментов, их эффективность остаётся предметом дискуссий. Смотря на данные Федеральной налоговой службы Росстата, данным Федеральной налоговой службы и Росстата, сектор МСП проявляет умеренный рост, однако его вклад в ВВП России (около 20–22%) всё ещё значительно уступает показателям развитых стран (50% и выше).

Таблица 1

Показатель	Значение (в % к ВВП)	Источник данных
Доля МСП в ВВП РФ	21,6	Росстат, 2025 г.
Доля МСП в ВВП стран ЕС	50-60	Евростат, 2024 г.
Доля занятых в секторе МСП	28	ФНС России, 2026 г.

Анализ выявляет основные барьеры, которые до сих пор присутствуют:

- Высокая стоимость кредитных ресурсов даже с учётом субсидирования.
- Сложности с доступом к рынкам сбыта, особенно для производственных предприятий.
- Сохраняющиеся неформальные издержки ведения бизнеса.

3. Основные проблемы и барьеры для развития МСП

Для обеспечения устойчивого роста необходимо сконцентрироваться на решении системных проблем.

1. Финансовый барьер. Ключевой проблемой является высокая ключевая ставка ЦБ РФ, которая транслируется в высокие ставки по коммерческим кредитам. Льготное кредитование доступно не всем (существуют отраслевые ограничения и требования к заёмщикам), что оставляет значительную часть бизнеса без доступа к «дешевым» деньгам.

2. Кадровый дефицит. Наблюдается нехватка квалифицированных рабочих и инженерных кадров. Система образования не всегда успевает за потребностями рынка, а затраты на переобучение персонала ложатся на плечи самого бизнеса.

3. Неравномерность развития. Существует значительный разрыв в деловой среде между крупными агломерациями (Москва, Санкт-Петербург) и регионами. В субъектах РФ доступ к инфраструктуре, логистике и квалифицированным кадрам значительно хуже.

4. Нестабильность спроса. Зависимость экономики от внешнеэкономической конъюнктуры и санкционного давления создаёт риски для долгосрочного планирования бизнеса.

Заключение

Формирование благоприятной деловой среды является не просто социальной задачей государства, а стратегическим фактором обеспечения устойчивого экономического роста. Анализ показывает, что российская система поддержки МСП движется в верном направлении, однако требует смещения акцентов.

Для достижения качественных изменений необходимо:

- Продолжить работу по снижению стоимости кредитных ресурсов через развитие механизмов синдицированного кредитования и расширение гарантийных продуктов.

- Усилить меры по стимулированию спроса на продукцию отечественных малых предприятий через механизм государственного заказа.

- Активизировать программы по развитию человеческого капитала и созданию промышленных парков и технопарков в регионах для выравнивания условий ведения бизнеса.

Комплексный подход к решению указанных проблем позволит превратить сектор МСП в мощный драйвер инновационного развития и обеспечить стабильность национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

2. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

3. Дорман В.Н. Экономика организации. Ресурсы коммерческой организации: учеб. пособие / под ред. Н.Р. Кельчевской. — М.: Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019.

4. Скрипник К.Д. Лингвистический поворот и философия языка Дж. Локка: интерпретации, комментарии, теоретические источники // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2017. — Т. 27, вып. 2. — С. 139-146.

5. Статистический сборник «Малое и среднее предпринимательство в России». 2025 / Росстат.

Хайбуллина Л.Р., Гарифова А.Р., канд. соц. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Казанский филиал, г. Казань

ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Статья посвящена микроэкономическому анализу последствий введения минимальной заработной платы. Рассматриваются теоретические модели спроса и предложения на рынке труда, а также альтернативные подходы, учитывающие несовершенную конкуренцию. Особое внимание уделяется влиянию МЗП на занятость, уровень безработицы и распределение доходов. Делается вывод о неоднозначности эффектов и зависимости результатов от институциональной среды.

Ключевые слова: минимальная заработная плата; рынок труда; занятость; безработица; спрос и предложение труда; монопсония; неравенство доходов; экономическая политика; микроэкономика.

Минимальная заработная плата (МЗП) — это установленный государством нижний предел оплаты труда, ниже которого работодатель не имеет права оплачивать труд наемного работника. Этот инструмент занимает важное место в системе государственного регулирования экономики и социальной политики, поскольку напрямую влияет на уровень жизни населения, структуру занятости и функционирование рынка труда. Несмотря на очевидную социальную направленность, последствия введения и повышения МЗП остаются предметом активных научных дискуссий.

С точки зрения классической микроэкономики рынок труда функционирует на основе взаимодействия спроса и предложения. Работодатели предъявляют спрос на труд, ориентируясь на предельную производительность работников, тогда как предложение труда формируется под влиянием уровня заработной платы и альтернативных возможностей занятости. В условиях совершенной конкуренции равновесная заработная плата устанавливается автоматически. Если

государство вводит минимальную заработную плату выше равновесного уровня, возникает избыточное предложение труда, то есть безработица.

Однако данная модель упрощает реальность. Современные исследования показывают, что рынок труда характеризуется несовершенной конкуренцией, информационной асимметрией и институциональными ограничениями. В частности, в условиях монопсонии работодатели могут занижать заработную плату ниже уровня предельной производительности труда. В этом случае введение минимальной заработной платы может не только повысить доходы работников, но и увеличить занятость, поскольку стимулирует более эффективное распределение ресурсов.

Одним из наиболее обсуждаемых последствий МЗП является ее влияние на занятость. Традиционно считалось, что повышение минимальной заработной платы ведет к сокращению рабочих мест, особенно для низкоквалифицированных работников. Однако эмпирические данные последних десятилетий показывают, что этот эффект часто оказывается слабым или статистически незначимым. Это связано с тем, что работодатели адаптируются к изменениям: они могут повышать цены, снижать текучесть кадров, оптимизировать процессы или внедрять технологии.

Интересным фактом является то, что в некоторых странах повышение минимальной заработной платы сопровождалось ростом производительности труда. Это объясняется тем, что более высокая оплата стимулирует работников работать эффективнее, а работодателей — инвестировать в обучение персонала и модернизацию производства. Таким образом, МЗП может косвенно способствовать технологическому развитию экономики.

Еще одним важным аспектом является влияние МЗП на структуру рынка труда. Повышение минимальной заработной платы может привести к сокращению числа рабочих мест с низкой квалификацией и одновременно увеличить спрос на более квалифицированных работников. Это явление иногда называют «эффектом вытеснения». Например, работодатели могут предпочесть нанять одного более квалифицированного сотрудника вместо нескольких менее квалифицированных. В результате часть работников оказывается в уязвимом положении.

С другой стороны, существует и противоположный эффект — «эффект формализации». В странах с высоким уровнем неформальной занятости повышение МЗП может стимулировать переход работников в официальный сектор, поскольку разница между формальной и неформальной оплатой сокращается. Однако при чрезмерно высоком

уровне минимальной заработной платы возможен обратный процесс — рост теневой экономики.

Особого внимания заслуживает влияние минимальной заработной платы на малый бизнес. Для крупных компаний повышение МЗП часто является менее чувствительным, поскольку они обладают большими ресурсами и возможностями для оптимизации. Малые предприятия, напротив, могут испытывать значительное давление из-за роста издержек. Это может привести к сокращению персонала, уменьшению часов работы или даже закрытию бизнеса. Тем не менее некоторые исследования показывают, что рост доходов населения увеличивает спрос на товары и услуги, что частично компенсирует негативные эффекты для бизнеса.

Интересным и важным последствием является влияние МЗП на поведение работников. Более высокая заработная плата может снижать уровень стресса, повышать удовлетворенность работой и улучшать общее качество жизни. Существует также связь между уровнем доходов и состоянием здоровья: повышение минимальной заработной платы может способствовать улучшению здоровья населения, снижению преступности и росту уровня образования.

С точки зрения макроэкономики, минимальная заработная плата влияет на совокупный спрос. Низкооплачиваемые работники, как правило, тратят большую часть своих доходов, поэтому их доходы напрямую стимулируют экономическую активность. Это особенно важно в периоды экономического спада, когда государство стремится поддержать потребление.

Однако нельзя игнорировать и возможные инфляционные последствия. Рост издержек производства может привести к увеличению цен на товары и услуги. Этот эффект особенно заметен в трудоемких отраслях, таких как розничная торговля, общественное питание и услуги. В результате часть положительного эффекта от повышения заработной платы может быть нивелирована ростом цен.

Интересным направлением исследований является влияние минимальной заработной платы на автоматизацию. Существует гипотеза, что рост стоимости труда стимулирует работодателей заменять работников машинами и программным обеспечением. Например, внедрение касс самообслуживания в магазинах часто связывают с ростом затрат на труд. Однако этот процесс зависит от уровня технологического развития и стоимости внедрения технологий.

Кроме того, минимальная заработная плата влияет на демографические и социальные процессы. Более высокий уровень доходов может способствовать снижению бедности, повышению

рождаемости и улучшению качества жизни домохозяйств. В то же время чрезмерно высокая МЗП может ограничивать доступ молодежи к первому рабочему месту, поскольку работодатели не готовы нанимать работников без опыта по высокой цене.

Интересный факт: в некоторых странах минимальная заработная плата устанавливается не только на национальном уровне, но и на уровне отдельных отраслей или регионов. Это позволяет учитывать различия в стоимости жизни и уровне экономического развития. Например, в крупных городах уровень МЗП может быть выше, чем в сельской местности.

Таким образом, минимальная заработная плата является сложным инструментом, оказывающим многогранное влияние на экономику. Ее последствия зависят от множества факторов: структуры рынка труда, уровня экономического развития, институциональной среды и государственной политики. Она может одновременно способствовать снижению неравенства и создавать риски для занятости, стимулировать экономический рост и вызывать инфляционное давление.

Вывод: минимальная заработная плата не является универсальным решением всех проблем рынка труда, однако при грамотном применении она способна значительно улучшить социально-экономическое положение населения. Для достижения максимального эффекта необходимо учитывать особенности конкретной экономики, сочетать МЗП с другими инструментами регулирования и проводить регулярный анализ ее последствий.

Список цитируемой литературы:

1. Ивановская, Л.А. Влияние минимальной заработной платы на рынок труда / Л.А. Ивановская. – Москва: Инфра-М, 2018. – 180 с.

2. Капелюшников, Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации / Р.И. Капелюшников. – Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2001. – 309 с.

3. Материалы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по исследованиям рынка труда. – Текст: электронный // НИУ ВШЭ. – URL: [https://www.hse.ru] (дата обращения: 01.04.2026).

4. Экономика труда: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 352 с.

5. Экономическая теория: рынок труда и минимальная заработная плата: учеб. пособие / под ред. А.Г. Грязновой. – Москва: КНОРУС, 2019. – 256 с.

Шаповалова И.Б., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

К ВОПРОСУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Статья посвящена реализации государственной социальной политики в Российской Федерации, необходимости защиты политических свобод и интересов каждой личности, отдельных социальных категории граждан, подтверждая провозглашение страны в качестве истинно правового социального демократического государства.

Ключевые слова: государственная семейная политика; гражданское общество и общественные объединения; социальная сфера.

В современных научных источниках теоретиками, практиками, экспертами различных отраслей знаний особое внимание уделяется исследованию реализации социальной политики в Российской Федерации и в её территориальных образованиях, что обусловлено особенностями их географического расположения, природно-климатических условий, наличием дисбаланса в социально-экономическом развитии.

Социальная сфера является относительно самостоятельной, многоструктурной формой социального обслуживания граждан, социальных услуг, социальной поддержки и помощи, при этом большинство российских исследователей, исходя из системного подхода, относят социальную сферу к общественному институту, выступающему в качестве регулятора и являясь формой организации совместной деятельности людей, их объединений, участвующих в производстве, обмене и потреблении материальных благ [2]. В центре особого внимания социальной сферы находится личность и её потребности, жизненные ценности, национальные традиции, в совокупности формирующие функции воспроизводства человека, семьи, трудовых коллективов, условия труда и отдыха, быта и досуга, социальной защиты, материального благосостояния, образования,

воспитания, здравоохранения, пенсионного обеспечения и других форм социального обеспечения на всей территории России. Непрерывное функционирование и развитие перечисленных инфраструктурных отраслей социальной сферы предусматривает организационную, правовую и финансовую поддержку. В связи с этим в социальную сферу ученые единодушно включают систему государственных и муниципальных органов управления, которые регулируют ключевые социальные процессы. По мнению Г.Н. Комковой и других исследователей, к этим направления относятся федеральная, региональная и муниципальная политика в области социально-трудовых отношений, политика занятости, а также миграционная и жилищная политика. Кроме того, сюда входит и политика межнациональных отношений, реализуемая посредством административно-правовых мер и комплексных отраслевых программ [3, с. 10], поскольку социальная сфера, как отмечалось выше, выступает объектом управляющего воздействия. Понятие «политика», как искусство управления государством, означает деятельность, ядром которой, по мнению А.И. Григорьевой и К.А. Галкина, является завоевание, удержание и использование государственной власти - формы социальных отношений, характеризующейся способностью «влиять на характер и направление воздействия, осуществляемого в рамках экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов». То есть применительно к социальной политике государственная власть выступает инструментом механизма достижения благосостояния или уровня жизни населения как сложной социально-экономической категории, включающей улучшение условий труда и быта, минимизации социальной дифференциации, предоставляя гарантии и соблюдение основных параметров социальной справедливости, как формы проявления соотношения равенства либо неравенства в отношении к нуждающимся в помощи социальным группам.

В условиях современных социально-экономических и общественно-политических изменений в России все больше очевидной становится роль социальной политики по поддержке населения. Эта сфера, напрямую влияющая на регулирование общественных отношений, напрямую влияет на благосостояние граждан. Именно через данные механизмы, направленные на раскрытие потенциала личности и всего общества, формируются прочные связи в экономике, трудовой и производственной сферах. Таким образом, обеспечивается баланс интересов и социальная стабильность российского общества.

С 2024 года основным правовым механизмом государственного регулирования социальной сферы является Указ Президента России

«О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Для достижения национальных целей правовым актом определены приоритеты жизнедеятельности российского социума в части укрепления здоровья и повышения благополучия граждан, поддержки семьи, реализации потенциала каждого человека, его талантов, патриотичной и социально ответственной личности, комфортной и безопасной среды, экологической безопасности, устойчивого и динамичного социально ориентированного хозяйствования, технологического лидерства, цифровизации государственного и муниципального управления, экономики и социальной среды. Экономика инфраструктурных отраслей социальной сферы, выступая в качестве самостоятельного направления и важнейшей функции государства, а также предмета государственной и социальной ответственности органов власти, играет ключевую роль в достижении стратегических целей. Деятельность системы государственного и муниципального управления сосредоточена на реализации приоритетных задач и ориентиров развития.

Определяющим концептуальным и стратегическим направлением развития всех сфер жизнедеятельности российского общества на современном этапе, по нашему мнению, является модернизация государственного и муниципального управления, обеспечивающего достойный уровень жизнедеятельности гражданам России как функции и конституционной гарантии социального государства. Вместе с тем в современной экономике, ориентированной на социальные приоритеты, высокий уровень и качество жизни являются не просто условием для раскрытия человеческого потенциала, но и фундаментом для поддержания общественного порядка и политической устойчивости. Социальная стабильность достигается за счет минимизации или смягчения влияния негативных факторов, способных нарушить существующее равновесие. К таким факторам относятся: социальное неравенство, существенный разрыв в доходах между различными группами населения, наличие граждан, нуждающихся в поддержке или относящимся к слабо защищенным слоям общества. В настоящее время развитие этой сферы и оказание государственной поддержки реализуются через национальные проекты. Их цели соответствуют стратегическим задачам развития страны до 2030 года и на период до 2036 года. В число таких инициатив входят проекты «Молодёжь и дети», «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Инфраструктура для жизни» и другие.

Для оценивания результативности достижения целей национального развития на основе национальных проектов применяется система показателей, среди которых численность населения субъекта РФ, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень бедности, количество семей, улучшивших жилищные условия, обустроенность территорий жизнедеятельности граждан региона и др. Представленная система индикаторов дает возможность отслеживать изменения и тенденции в развитии социальной сферы как на уровне отдельных субъектов Российской федерации, так и по стране в целом. При этом, помимо принципа справедливости выстраиваются и инновационные подходы в модернизации подходов к системе государственного управления и регулирования отношений, включая принципы социальной политики, как важнейшей функции и составляющей деятельности государства, проектируемой и реализуемой на основе совокупности принципов.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Президент : Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года от 7 мая 2024 года № 309 // Официальный сайт Президента Российской Федерации В.В. Путина. Москва/ URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 12.04.2026)

2. Жильцов, Е. Н. Экономика и управление социальной сферой: учеб. / Е. Н. Жильцов, Е. В. Егоров. - Москва ИТК «Дашков и К^0», 2022. - С. 17.

3. Комкова, Г. Н. Социальная защита прав граждан органами публичной власти России. - Москва: Юрайт. 2025. - С. 81.

Шахватова С.А., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ИЗМЕНЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СТРАН В ПЕРИОД ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются изменения благосостояния стран в период турбулентности мировой экономики. Показано, что внешние шоки, инфляционное давление, колебания цен на энергоресурсы и ограниченность бюджетных ресурсов усиливают неравномерность социально-экономического развития и замедляют рост благосостояния. Особое внимание уделяется влиянию турбулентности на бедность, занятость, продовольственную безопасность и устойчивость государственных финансов. Сделан вывод о том, что в условиях нестабильности ключевое значение приобретают адаптационные механизмы, макроэкономическая устойчивость и целевая государственная поддержка.

Ключевые слова: экономика, турбулентность, благосостояние, кризис.

Современная мировая экономика развивается в условиях возрастающей нестабильности, неопределенности и турбулентности. Если в прошлом основными источниками кризисов были войны, Великая депрессия и отдельные финансовые потрясения, то в последние десятилетия к ним добавились глобализация, движение капитала, пандемии, санкции и политические конфликты. Особенно сильное влияние на мировую экономику оказали кризис 2008 года, пандемия COVID-19 и события после 2022 года, усилившие перераспределение глобальных центров влияния.

Пандемия COVID-19 стала не только медицинским, но и экономическим шоком: были нарушены международные цепочки поставок, сократилась деловая активность, пострадали туризм, транспорт, торговля и сфера услуг. В результате традиционные механизмы антикризисного регулирования оказались недостаточно эффективными, а поиск новых инструментов восстановления стал особенно актуальным. На этом фоне авторы статьи рассматривают, какие страны лучше адаптируются к турбулентности и какие меры государственной политики позволяют смягчать ее последствия.

Выделяют три главные группы факторов турбулентности: экономические, эпидемические и политические. Экономическая турбулентность связана с глобализацией, ускорением движения капитала и периодическими финансовыми кризисами. Политические факторы проявляются в росте международной напряженности, санкциях и перераспределении центров мирового влияния. Эпидемические факторы становятся особенно значимыми в условиях глобальных пандемий, когда под удар попадают сразу и производство, и рынок труда, и социальная сфера.

Кризис 2008 года стал примером глобального финансового потрясения, которое повлияло на большинство стран мира. Пандемия 2020 года, в отличие от кризиса 2008 года, затронула уже практически все экономики одновременно. После 2022 года влияние на экономические системы усилилось за счет геополитического конфликта, изменения логистики, роста издержек и санкционного давления. В совокупности эти факторы сформировали новую структуру рисков, которая требует более гибкой и стратегической государственной политики.

Один из главных выводов связан с индексом физического объема ВВП. В 2009 году, как следствие кризиса 2008 года, снижение ВВП было зафиксировано в России, США и Германии. Китай и Индия в этот период сумели избежать спада, что говорит о большей устойчивости их экономических моделей. В 2020 году турбулентность стала глобальной, и ВВП снизился почти во всех странах, однако Китай снова показал рост [2, с 193].

Для России авторы отмечают дополнительные периоды нестабильности – 2015 и 2022 годы, связанные с политическим конфликтом и санкциями. Это подчеркивает, что российская экономика чувствительна не только к мировым кризисам, но и к геополитическим изменениям. В целом по динамике ВВП Китай показал наибольшую способность сохранять рост в условиях внешних шоков.

Турбулентность прежде всего отражается на рынке труда. В кризисные периоды предприятия стремятся снижать издержки, сокращают бонусы, заработную плату или численность персонала. Это приводит к росту безработицы, структурным изменениям занятости и увеличению социальной напряженности.

После кризиса 2008 года безработица выросла в России, США и Германии. В 2020 году аналогичный эффект наблюдался почти во всех странах, хотя в Китае рост был минимальным. Это важно, потому что стабильность занятости напрямую связана с потребительским спросом,

уровнем бедности и социальным благополучием. Таким образом, устойчивость рынка труда становится одним из главных признаков адаптивности экономики [1, с. 13].

ВВП на душу населения по ППС рассматривается как базовый индикатор уровня жизни. После кризиса 2008 года в 2009 году этот показатель снизился в России, США и Германии, тогда как в Китае и Индии продолжился рост. Это снова демонстрирует различие между зрелыми и быстрорастущими экономиками. В России в 2015 году было зафиксировано очередное снижение, связанное с внешнеполитическими факторами.

Пандемия 2020 года ухудшила динамику ВВП на душу населения в США, Германии и Индии. В России и Китае положительную динамику поддержали меры государственной поддержки населения и бизнеса. Таким образом, антикризисная политика способна смягчить негативный эффект даже в условиях сильной турбулентности.

Ожидаемая продолжительность жизни оказалась более устойчивым показателем, чем экономика, но и здесь пандемия нанесла заметный удар. Кризис 2008 года почти не повлиял на этот индикатор, однако COVID-19 привел к его снижению в России, США и Индии. В Китае и Германии показатель остался практически неизменным, что связано с высоким уровнем медицинского обеспечения и жесткими санитарными мерами.

Этот результат показывает, что качество системы здравоохранения напрямую влияет на способность общества переживать внешние шоки. Там, где здравоохранение и профилактика работали лучше, социальные потери оказались меньше. Следовательно, устойчивость благосостояния определяется не только экономикой, но и институциональной готовностью социальной сферы.

Инфляция – еще один индикатор, чувствительный к турбулентности. После кризиса 2008 года инфляция выросла во всех рассматриваемых странах. В 2020 году резкого мгновенного скачка не произошло, потому что правительства сначала использовали меры поддержки, направленные на сдерживание цен. Однако позже инфляционное давление проявилось с задержкой, особенно в 2021-2022 годах.

Рост государственного долга также стал важным следствием кризисов. В США государственный долг после 2008 года рос особенно быстро и достиг рекордных значений в пандемийный период. Германия также увеличила долговую нагрузку в 2020 году, а в России рост долга был связан с несколькими волнами кризисов – финансовым, политическим, пандемическим и санкционным. Долг может

поддерживать экономику в краткосрочном периоде, но в долгосрочной перспективе становится фактором торможения.

Турбулентность негативно влияет на инвестиционную активность. После кризиса 2008 года и в 2020 году в большинстве стран сократилось накопление основного капитала. Это означает, что в кризисные периоды государства и бизнес вынуждены переключать ресурсы с развития на выживание. Для долгосрочного роста это создает риск замедления модернизации и технологического обновления.

Китай оказался исключением: даже в кризисные годы его инвестиционная динамика не опускалась в отрицательную зону. Это показывает высокий запас устойчивости экономики, а также способность государства поддерживать капитальные вложения в сложной ситуации. Поддержание инвестиционного процесса становится одним из ключевых условий послекризисного восстановления [3, с. 101].

Следует отдельно отмечают рост экспорта ИКТ-услуг. В периоды турбулентности все страны увеличивали этот показатель, что связано с развитием цифровых технологий и ростом спроса на дистанционные решения. Цифровой сектор оказался одним из немногих, который не только выдержал кризисы, но и получил дополнительный импульс. Это говорит о его антициклическом характере.

Для современных экономик цифровизация становится не просто техническим трендом, а механизмом адаптации к турбулентности. Развитие ИКТ, электронных сервисов, онлайн-торговли и цифрового управления повышает устойчивость бизнеса и государства. Именно поэтому цифровая трансформация входит в число главных антикризисных приоритетов.

Рассмотрим примеры мер, использовавшихся государствами для смягчения последствий кризиса. В США и европейских странах это были прямые выплаты населению, поддержка медицины и бизнеса, повышение зарплат пострадавшим работникам, а также усиление контроля за соблюдением санитарных ограничений. В России антикризисные меры включали налоговые льготы для бизнеса, хотя они временно увеличили дефицит бюджетов регионов [4, с. 56].

В долгосрочной перспективе такие меры помогают сдержать падение доходов и занятости, но требуют компенсации бюджетных потерь. Поэтому государство вынуждено искать баланс между поддержкой экономики и сохранением финансовой устойчивости. Эффективная антикризисная политика не может быть только

реактивной – она должна сочетать поддержку, инвестиции и институциональные изменения.

Центральный вывод исследования состоит в том, что Китай продемонстрировал наибольший адаптивный потенциал. Это проявилось в устойчивом росте ВВП, стабильной безработице, сдержанной инфляции, относительно низком долге и сохранении положительной инвестиционной динамики. Особенно важно, что Китай сумел сочетать рост экономики с активной государственной поддержкой ключевых сфер.

Можно выделяют несколько факторов китайской устойчивости: развитие международного сотрудничества, цифровизацию государственного управления, поддержку МСП, модернизацию технологической инфраструктуры, активную экспортную политику и развитие банковской системы. Отдельно подчеркивается стратегия перехода от массового низкотехнологичного производства к высокотехнологичной экономике. Такой подход помогает снижать скрытую безработицу и повышать общий уровень научно-технологического развития.

Исследование показывает, что турбулентность в современной экономике имеет комплексную природу и формируется под воздействием кризисов, пандемий и геополитической напряженности. Наиболее уязвимыми к таким шокам оказались развитые страны, особенно США и Германия, тогда как Китай проявил наибольшую устойчивость. Россия показала смешанную динамику: зависимость от внешних шоков была заметной, но антикризисные меры частично сглаживали последствия.

Главный практический вывод состоит в том, что устойчивость экономики обеспечивается не только макроэкономическими ресурсами, но и качеством государственного управления, цифровизацией, поддержкой бизнеса, инвестициями в инновации и технологической инфраструктурой. Опыт Китая авторы предлагают использовать как пример для других стран, стремящихся повысить свою адаптивность к кризисам.

Список цитируемой литературы:

1. Karpunina, E.K., Usanov, A.Y., Trufanova, S.A. and Gubernatorova, N.N. (2022d) «Foreign economic activity as a determinant of Russia’s economic security: assessment of threats and development prospects in the context of sanctions restrictions», Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management, Vol. 12, No. 5, pp.10–26.

2. Mikhina, L.K. (2021) «China's new economic strategy and ways to overcome the state crisis related to the COVID-19 pandemic», Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, Vol. 7, Part 2, pp.192–200.

3. Yiwei, W. (2020) «Way out of the crisis and the advantages of China», Russia in Global Politics, Vol. 18, No. 3(103), pp.100–107.

4. Yussuf, A., Okunkova, E., Ioda, J., Tleptserukov, M., Butova, L. (2022) «Assessment of the risks of transition from a global pandemic crisis to a model of long-term economic growth», Sustainable Development Risks and Risk Management – A Systemic View from the Positions of Economics and Law, Advances in Science, Technology & Innovation – IEREK Interdisciplinary Series for Sustainable Development, pp.75–81, Springer, Cham.

Юшков М.А., аспирант
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»,
преподаватель СПО
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕУРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Аннотация

В статье рассмотрены аспекты обеспечения устойчивого развития неурбанизированных территорий. Определены основные направления обеспечения пространственного развития. Определено значение развития неурбанизированных территорий в рамках реализации пространственной политики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, пространственное развитие, неурбанизированные территории, пространственная политика.

В условиях современной экономики одним из приоритетных направлений государственной политики является достижение сбалансированного пространственного развития. Обеспечение устойчивого пространственного развития является ключевым условием обеспечения экономического роста. Кроме того, особую актуальность имеет необходимость противодействия всем внешним и

внутренним угрозам. Кроме того, необходимо содействовать устойчивому развитию всех типов территорий России.

Особое место в рамках реализации государственной пространственной политики занимают неурбанизированные территории. Их признаками являются «низкая плотность населения и производств различного типа, преобладание сельскохозяйственных видов занятости, профессиональная и социальная однородность населения» [4, с. 57].

Одной из ключевых проблем обеспечения устойчивого развития неурбанизированных территорий является сохранение населения. Население неурбанизированных территорий преимущественно относится к сельскому. Рассматривая динамику населения Российской Федерации, можно отметить ежегодное сокращение сельского населения. Это является серьезной угрозой для обеспечения национальной безопасности.

Сокращение населения неурбанизированных территорий имеет существенное значение в контексте обеспечения устойчивого развития страны. В то же время на демографическую ситуацию оказывает влияние множество факторов развития территорий, прежде всего развитие инфраструктуры. На данном этапе развитие инфраструктуры территорий данного типа основано на базе опорных населенных пунктов (ОНП), который «представляет собой «населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории» [1]. Авторами отмечается, что «комплексное развитие социальной инфраструктуры в рамках национальных проектов должно быть приоритетом региональной политики» [2, с. 57]. Это позволяет сделать вывод о том, что развитие инфраструктуры ОНП является ключевым механизмом обеспечения устойчивого развития неурбанизированных территорий.

Особое место в рамках изучения вопросов развития инфраструктуры занимает региональный уровень. Это обусловлено объективно существующим дисбалансом в уровне инфраструктурной обеспеченности субъектов РФ. Отмечается, что «усиление асимметрии приводит к появлению проблемных регионов, отстающих по экономическим результатам» [5, с. 4]. Так, учет особенностей регионов позволяет оперативно вносить изменения в национальных и региональные проекты. Также необходимо обратить внимание на межрегиональное взаимодействие, на степень развития которого «в

первую очередь влияет наличие заинтересованности регионов» [3, с. 7318]. Кроме того, следует отметить, что формирование единого экономического пространства невозможно без инфраструктурной системы.

Следует отметить, что реализация мероприятий и разработка документов в области обеспечения стратегического планирования должна учитывать особенности различных типов территорий. Реализация механизмов обеспечения социально-экономического развития территорий в рамках обеспечения пространственной политики государства должна предусматривать системный подход.

Таким образом, обеспечение устойчивого развития неурбанизированных территорий является одним из ключевых приоритетов пространственной политики на текущем этапе. Современные аспекты обеспечения устойчивого развития неурбанизированных территорий опираются на действующие документы стратегического планирования.

Список цитируемой литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». Режим доступа: СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/411243583/ (дата обращения: 18.04.2026).

2. Едигарян, А. С. Устойчивое развитие сельских территорий: интеграция экономики, экологии и социума / А. С. Едигарян, В. С. Стахеев, Р. А. Наш // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2025. – № 5. – С. 55-61. – DOI 10.47576/2949-1894.2025.5.5.008. – EDN IGPLEQ.

3. Межрегиональное взаимодействие как фактор пространственного развития неурбанизированных территорий / В. В. Колесников, И. Н. Макаров, В. С. Назаренко [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 12. – С. 7313-7328. – DOI 10.18334/epp.14.12.122178. – EDN NFAXDK.

4. Николаев, М. А. Факторы устойчивого развития неурбанизированных территорий / М. А. Николаев, М. Ю. Махотаева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 53-66. – DOI 10.18721/JE.14604.

5. Финансовые проблемы регионов России в период экономической трансформации: дисбаланс бюджетов, зависимость от федеральных трансфертов и инвестиций / И. Н. Макаров, Ф. Х.

Мамсурова, Т. Я. Александрова [и др.]. – Уфа : Аэтерна, 2025. – 158 с. – ISBN 978-5-00249-332-6. – EDN YUWUPV.

6. Население // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.04.2026).

СЕКЦИЯ 3
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДОРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анютина А.А.,
секретарь судебного заседания Правобережного суда г. Липецка

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОТИВАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ

Аннотация

Актуальность данного вопроса заключается в том, что политические, экономические и социальные изменения в России, переход к гражданскому обществу и развитие правового государства характеризуются двумя тенденциями: с одной стороны, демократизацией и либерализацией всех сфер общественной жизни, а также внедрением соответствующих правовые реформы, а с другой - социальные разногласия и пропаганда культа наркомании, насилия и жестокости и других факторов в обществе, вызывающих повышенную агрессию людей, которая часто принимает криминальную форму.

Ключевые слова: мера пресечения, подозреваемый, обвиняемый, субъект уголовного процесса, преступления против личности, законодательство, насильственное преступление, национальная ненависть, вражда, законодательство.

В российской правовой системе борьба с экстремизмом выстроена по особому принципу. Она реализуется не через отдельную категорию преступлений, а через преследование за совершение так называемых «преступлений экстремистской направленности». Это деяния, которые, несмотря на различную квалификацию по статьям Уголовного кодекса, объединены общей высокой общественной опасностью [3; 43]. Такая юридическая конструкция уникальна: Вот переработанный вариант текста с повышенной оригинальностью, структурированностью и выразительностью.

В российской правовой системе борьба с экстремизмом выстроена по особому принципу. Она реализуется не через отдельную категорию преступлений, а через преследование за совершение так называемых «преступлений экстремистской направленности». Это деяния, которые, несмотря на различную квалификацию по статьям Уголовного кодекса, объединены общей высокой общественной

опасностью. Такая юридическая конструкция уникальна: она охватывает широкий спектр разнородных действий, которые связывает воедино сложный мотив — будь то политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть [2; 134].

Проявления экстремизма могут быть как индивидуальными, так и групповыми или массовыми.

Появление этой категории в российском праве стало ответом на вызовы правоприменительной практики. Законодательство в этой сфере развивалось с 2002 года во многом стихийно. Научное сообщество отреагировало на нововведения неоднозначно. Многие специалисты поддержали расширение антиэкстремистского законодательства, что открыло простор для профессиональных дискуссий и дальнейшего развития правовых механизмов.

Ключевым этапом стал Федеральный закон № 112-ФЗ от 25 июля 2002 года. Он впервые закрепил в УК РФ перечень преступлений экстремистской направленности. Однако этот перечень был составлен без чёткого системообразующего критерия, что вызвало волну обоснованной критики. В список попали такие разные составы, как:

1. Воспрепятствование свободе совести (ст. 148).
2. Воспрепятствование проведению публичных мероприятий (ст. 149).
3. Хулиганство и вандализм (ст. 213, 214).
4. Надругательство над памятниками и захоронениями (ст. 243, 244).
5. Публичные призывы к экстремизму и разжигание вражды (ст. 280, 282).

Известный правовед Н. Ф. Кузнецова критиковала этот подход, указывая на излишнюю политизацию и идеологизацию уголовного закона. По её мнению, это размывает границы между составами преступлений и не добавляет ничего нового в их квалификацию. Более того, такие нормы могут вступать в противоречие с Конституцией РФ и международными стандартами, ведь многие из этих деяний уже квалифицировались как преступления против конституционного строя через признак насилия.

Следующий этап реформ наступил с принятием Федерального закона № 211-ФЗ от 24 июля 2007 года. Законодатель попытался исправить ситуацию, закрепив «системообразующее значение мотива» в примечании к ст. 282[1] УК РФ. Однако это создало новые трудности для следствия и судов: доказывание субъективной стороны — мотива ненависти или вражды — является одной из самых сложных задач в юридической практике [1;32].

Таким образом, понятие экстремизма в российском уголовном праве остаётся объёмным и расплывчатым.

Совершенствование законодательства в этой сфере требует системного подхода. Необходимо пересмотреть структуру Общей части УК РФ, чётко определив роль мотива ненависти (политической, идеологической, расовой и т. д.) как ключевого признака. При этом важно гармонизировать национальное право с международными актами, такими как Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В итоге следует сделать вывод о том, что совершенствование категории преступлений экстремистской направленности в российском уголовном праве может быть осуществлено путем закрепления новой структуры Общей части УК РФ, обусловленной системным значением мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и международным нормативным правовым актом — Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Список использованных источников:

1. Грекова, Б.Д. Правда русская. Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, – 1963. – С. 56.

2. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. [Электронный ресурс]. – СПС КонсультантПлюс – URL: https://goo.su/Co3xPsF (дата обращения: 04.04.2024).

3. Юшков, С. Курс истории государства и права СССР. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Изд-во Юридическая литература, – 1949. – С. 52.

Балмочных С.В., ст. преподаватель,
Россия, ФГОБУ ВО «Российская государственный университет туризма и сервиса. Высшая школа бизнеса, менеджмента и права»
Чуносов В.С., канд. юрид. наук,
Россия, ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ОРГАНОВ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы представления интересов Российской Федерации в делах о банкротстве и процедурах, применяемых в деле о банкротстве

Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, несостоятельность, задолженность

Участвуя в деле о банкротстве, уполномоченный орган анализирует деятельность арбитражного управляющего, так как бездействие последнего может привести к неудовлетворению требований ФНС России. В связи с чем, налоговые органы обращаются с жалобами на действия (бездействия) арбитражных управляющих в СРО, в Росреестр, в арбитражный суд, рассматривающий дело о несостоятельности (банкротстве).

Таким образом, в обязанности уполномоченного органа входит:

– контроль за деятельность арбитражных управляющих, в том числе за взысканием убытков, причиненных неправомерными действиями арбитражных управляющих;

– учет нарушений законодательства Российской Федерации, допущенных саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих и арбитражными управляющими в деле о банкротстве.

В связи с чем в деятельности уполномоченного органа существует ряд проблем, на решение которых направлен основной взор государства.

Во-первых, проблема, которая нередко встречается в деятельности уполномоченного органа заключается в недостаточной квалификации и низкой мотивации арбитражных управляющих в делах о банкротстве.

Исходя из статистики, значительная часть дел о банкротстве, заканчивается без погашения текущих платежей, в том числе вознаграждения арбитражных управляющих. На стадии проведения

арбитражным управляющим финансового анализа предприятия, ввиду отсутствия активов, достаточных для погашения своего вознаграждения и расходов, арбитражные управляющие теряют мотивацию в проведении процедуры и направляют ходатайство о ее завершении (прекращении).

Вместе с тем, помимо реализации активов должника, существуют иные механизмы взыскания задолженности, такие как взыскание дебиторской задолженности, оспаривание сделок, взыскание убытков и привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. В связи с чем, предлагается разработать механизмы оценки эффективности работы арбитражных управляющих, которые будут доступны всем участника дела о несостоятельности (банкротстве).

Следующая проблема в деятельности уполномоченного органа тесно взаимосвязана и вытекает из предыдущей – низкий процент удовлетворения требований по обязательным платежам.

По данным статистики за 2023-2025 года на примере Липецкой области, ФНС России в Лице УФНС России по Липецкой области в реестр требований кредиторов включена задолженность по обязательным платежам: за 2023 год в размере 1 855 164 тыс.руб.; за 2024 год в размере 1 729 625 тыс. руб.; за 2025 год в размере 1 860 091 тыс.руб.

Вместе с тем, удовлетворено требований, включенных в реестр требований кредиторов: за 2023 год в сумме 86 744 тыс.руб.; за 2024 год в сумме 34 359 тыс.руб.; за 2025 год в сумме 115 026 тыс.руб.

На основании приведенных данных, можно сделать вывод, что удовлетворению требований, включенных в реестр требований кредиторов, подлежит порядка 6% от общей задолженности.

Для решения указанной проблемы государству необходимо усилить контроль за деятельность арбитражных управляющих, а также стимулировать их профессиональный рост. В качестве примера предлагается внедрить рейтинг среди арбитражных управляющих, который позволит выявлять результативных специалистов в своей отрасли для их указания в заявлении уполномоченного органа о признании должника несостоятельным (банкротом).

Существенные изменения в законодательстве в сфере несостоятельности были внесены Постановлением Правительства от 22.05.2024 №634 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2024 № 257». Данное постановление подразумевает формирование рейтинга эффективности деятельности арбитражных управляющих и рейтинг

саморегулируемых организаций, который необходим для определения наиболее эффективных арбитражных управляющих для указания в заявлениях о банкротстве, поданных уполномоченным органом.

Рейтинг размещен сети «Интернет» на государственном информационном ресурсе «Регистр арбитражных управляющих», содержащий систематизированные сведения об арбитражных управляющих и о саморегулируемых организациях арбитражных управляющих, на основе которых формируется рейтинг эффективности.

Рейтинг рассчитывается по таким показателям как: размер погашенных требований кредиторов; длительность процедуры; эффективность проведения торгов; наличие удовлетворенных жалоб на действия арбитражного управляющего.

Кроме того, необходимо отметить, что сведения о нарушениях, допущенных арбитражными управляющими в делах о банкротстве, размещены на официальном сайте ФНС России в сервисе «Проверь арбитражного управляющего».

Таким образом, с момента вступления в силу Постановления № 634, изменились правила выбора арбитражных управляющих в случае, если заявление о несостоятельности (банкротстве) подает уполномоченный орган.

Рейтинг формируется на основе бальной системы. Уменьшение количества баллов предусмотрено за привлечение арбитражного управляющего к административной или уголовной ответственности, взыскания убытков или признания действий незаконными.

Вместе с тем, данный механизм имеет риски: преимущество для арбитражных управляющих, специализирующихся на процедурах банкротства физических лиц, а не юридических лиц; ограничение конкуренции между арбитражными управляющими.

Данная точка зрения подтверждается обращением группой арбитражных управляющих в Верховный суд Российской Федерации с заявлением о признании недействительным Постановления № 634 ввиду использования «необъективных критериев». В итоге судебная коллегия по административным делам ВС РФ отказала в удовлетворении требований. [1].

Для предотвращения выявленных рисков, необходимо формирование рейтинга арбитражных управляющих по отраслям деятельности, а также усиление контроля за деятельностью арбитражных управляющих посредством проведения аттестаций и обязательных экзаменов.

Кроме того, необходимо обязательное прохождение повторного обучения и сдачи квалификационного экзамена при вступлении в члены саморегулируемой организации после дисквалификации арбитражного управляющего.

Необходимо отметить, что ФНС России активно взаимодействует с арбитражными управляющими через личный кабинет арбитражного управляющего. Через личный кабинет можно направить запросы в отношении должника и получить необходимые о нем сведения. Кроме того, в нем можно: участвовать в процедуре конкурентного выбора арбитражного управляющего; обмениваться документами с ФНС России; получать уведомления о важных событиях и уведомлениях и другое [2].

Во-вторых, как было указано выше, одним из показателей, отражающих рейтинг арбитражных управляющих, является «нарушения в действиях арбитражных управляющих». Между Росреестром и Федеральной налоговой службой заключено соглашение о взаимодействии и информационном обмене по вопросам осуществления полномочий органа по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, представления интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и процедурах, применяемых в делах о банкротстве, в рамках которого ведомства обмениваются сведениями о нарушениях арбитражными управляющими законодательства Российской Федерации. Согласно пункту 2.5 данного соглашения сведения представляются на бумажном носителе [3].

По нашему мнению, необходимо внедрение цифровых инструментов в виде создания единого электронного сервиса взаимодействия между уполномоченным органом в лице ФНС России, контрольным (надзорным) органом в лице Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) и арбитражными управляющими. Сервис представляет платформу для оперативного обмена информацией, охватывающей сведения о нарушениях, совершенных арбитражными управляющими в деле о банкротстве, а также о решениях арбитражных судов по заявлениям Росреестра о привлечении их к административной ответственности за несоблюдение ребований законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Как итог, создания электронного сервиса взаимодействия позволит повысить достоверность и полноту сведений, размещаемых на официальных информационных ресурсах; уменьшить трудозатраты на выполнение работы, по переносу сведений с программы АИС

«Реестр СРО» на бумажный носитель и с бумажного носителя в единое клиентское приложение АИС «Налог-3»; повысить эффективность представления интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и осуществления полномочий органа по контролю (надзору). Доступ арбитражным управляющим к данному сервис позволит им проверить сведения до их опубликования на информационном ресурсе «Регистр арбитражных управляющих», внести свои аргументированные возражения, а уполномоченному органу своевременно выявлять и оперативно исправлять недостоверные сведения.

Итак, для эффективного представления интересов Российской Федерации в делах о банкротстве и процедурах, применяемых в деле о банкротстве контроль за деятельностью арбитражных управляющих в процедурах банкротства также осуществляет уполномоченный орган, посредством направления заявлений (жалоб) на действия (бездействия) арбитражных управляющих в случае нарушения прав и законных интересов Российской Федерации в делах о банкротстве и составления рейтинга арбитражных управляющих.

Боле того, как было указано ранее, стратегическая целей ФНС России – повышение эффективности процедур банкротства и снижение связанных с ними издержек. В связи с чем, предлагается формирования условий для налогоплательщиков, которые будут способствовать своевременному погашению налогоплательщиками обязательных платежей, а также совершенствование механизмов представления отсрочки и рассрочки по уплате налогов и сборов, например, отложение мер принудительного взыскания для налогоплательщиков, ранее не нарушающих платежную дисциплину, либо для налогоплательщиков, на имущество которых наложены обеспечительные меры.

Список цитируемой литературы:

1. РФ отказал управляющим в отмене бальных правил отбора в дела о банкротстве [Электронный ресурс]. – Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: https://fedresurs.ru/new (дата обращения 27.12.2025).

2. Регистр арбитражных управляющих [Электронный ресурс]. – Федеральная налоговая служба. – URL: ttps://www/rau.nalog.gov.ru (обращения 27.12.2025).

3. Соглашение о взаимодействии и информационном обмене между Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и Федеральной налоговой службой по вопросам осуществления полномочий органа по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, представления интересов Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и процедурах, применяемых в деле о банкротстве : утв. Росреестром № 5-28/004/18, ФНС России № ММВ-23-18/5@ 28.02.2018 [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https:// login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=292137 (дата обращения 15.03.2026).

Газин А.И., кандидат техн. наук, доцент
Миронова В.И., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК МАРКЕР ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В данной статье рассматривается динамика преступлений в информационной сфере как критерий оценки эффективности государственной политики в области информационной безопасности. Работа опирается на статистические данные, включая информацию из WCI и ФКУ «ГИАЦ МВД России», которые демонстрируют структурные изменения в киберпреступности за последние годы. Для комплексной оценки эффективности государственных мер был проведен опрос среди граждан. Анализируются новые виды кибератак, характерные 2025 года, и ответные меры государства.

Ключевые слова: информационная безопасность; киберпреступность; киберпреступления; информационная война; образование в области ИБ

Современный мир поставлен перед чередой сложных вызовов, и в их числе угрозы информационной безопасности занимают особое, критически важное место. Эпоха глобализации и цифровизации превратила информацию в стратегический ресурс, что, в свою очередь, вывело киберпреступность на уровень одной из наиболее значимых

проблем для любого государства, и Россия не является исключением. При этом противодействовать приходится широкому спектру факторов: от разрозненных преступных групп до мощных государств и организаций, которые в своей деятельности опираются на новейшие технологии и высокопрофессиональные кадры [1]. Эта реальность со всей очевидностью указывает на то, что защита национальных интересов и безопасности граждан требует непрерывного отслеживания угроз и своевременной корректировки политики в данной сфере.

Согласно данным World Cybercrime Index (WCI) – рейтинг стран по уровню глобальной кибербезопасности, опубликованным в 2024 году, Россия занимает лидирующие позиции по уровню киберпреступной активности в мире (рисунок 1) [2, 4]. Однако этот показатель учитывает не только то, сколько преступлений происходит внутри страны, но и то, откуда действуют хакерские группы и куда они направляют свои атаки.

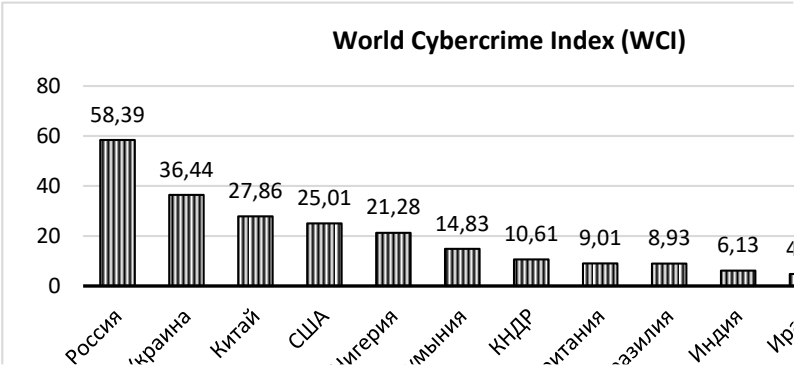

Рисунок 1 – World Cybercrime Index (WCI)

В январе – ноябре 2025 года зарегистрировано 627,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 10,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года (данные ФКУ «ГИАЦ» МВД России) (рисунок 2). Почти две трети таких преступлений (63,4%) совершается путем кражи или мошенничества: 397,4 тыс., почти каждое шестое (17,4%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 109,2 тыс. (+28,5%). В отчете МВД за 2025 год особо отмечен рост числа преступлений, связанных с несанкционированным доступом к информационным ресурсам (взломы) и созданием/распространением вредоносного ПО, что

коррелирует с глобальными трендами на усиление технической составляющей атак [5].

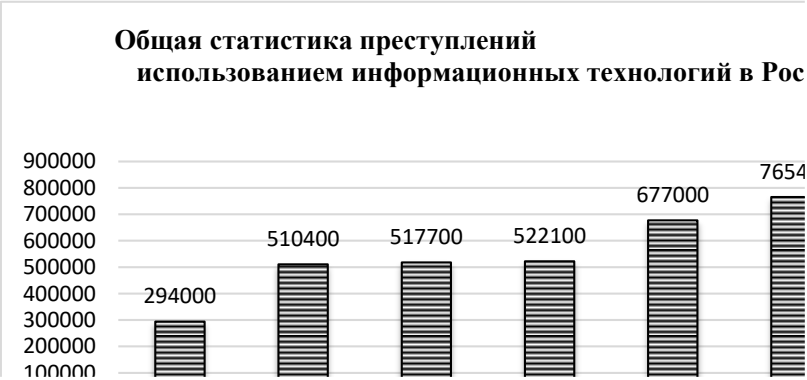

Рисунок 2 – Статистика ФКУ «Главного информационно-аналитического центра» МВД России

Основные способы совершения преступлений с использованием информационной среды включают в себя использование интернета и мобильной связи. [6] Методы социальной инженерии и нейролингвистического программирования становятся все более распространенными. [1] Тем не менее, раскрываемость таких преступлений, по данным МВД России, остается низкой — менее 30%. [5, 6] Одним из наиболее серьезных последствий, на которые стоит обратить внимание, является финансовый ущерб, причиняемый киберпреступниками.

Киберпреступность быстро эволюционирует, адаптируясь к новым технологиям и геополитической обстановке. Преступления в 2025 году напрямую связаны со следующими угрозами [3]:

- Атаки с использованием ИИ (AI-powered attacks). Злоумышленники активно применяют генеративные искусственные интеллекты для создания сверхубедительных фишинговых писем, персонализированных мошеннических сценариев и глубоких подделок (deepfakes) голоса и видео для социальной инженерии, шантажа и дезинформации.
- Атаки на цепочки поставок программного обеспечения (Supply Chain Attacks). Компрометация одного доверенного поставщика программного обеспечения или библиотеки позволяет атаковать сотни и тысячи конечных организаций. Такие атаки приводят к массовым инцидентам, влияющим на статистику.

- Рост активности Ransomware-as-a-Service (RaaS, программы-вымогатели) и целенаправленных атак. Киберпреступные группировки структурируются по бизнес-модели франшизы, что ведет к росту числа атакующих. Участились целенаправленные кампании против госсектора, КИИ и крупного бизнеса с целью хищения данных, шпионажа и вымогательства.
- Эксплуатация уязвимостей в Интернет-вещей (IoT) и операционных технологиях (OT). Рост числа подключенных устройств расширяет поверхность для атак на промышленные системы и объекты КИИ.
- Фишинг и социальная инженерия. Сотрудники получают правдоподобные мошеннические письма или сообщения, которые побуждают их выдать учётные данные или выполнить опасные действия.
- DDoS-атаки и нарушения доступности сервисов. Атаки, нацеленные на отказ в обслуживании, вышли на третье место по распространённости в мире, после ransomware и фишинга.
- Злоупотребление учётными данными и атаки на аутентификацию. Украденные логины и пароли превратились в главный «ключ» ко взлому.
- Атаки на облачную инфраструктуру.

В ответ на усложняющийся ландшафт угроз и рекордный рост преступлений в 2025 году правительство Российской Федерации продолжило совершенствовать свою политику. Ключевые направления включают законодательное и нормативное регулирование (ужесточение требований к операторам КИИ; разработка и внедрение этических и правовых норм, направленных на минимизацию рисков применения ИИ в киберпреступных целях; повышение ответственности за утечки данных и несанкционированный доступ), развитие сил и средств противодействия (создание и усиление специализированных подразделений в рамках МВД, ФСБ и Росгвардии для расследования киберпреступлений; развитие взаимодействия между регуляторами и ведущими компаниями в сфере кибербезопасности для обмена данными об угрозах; проведение масштабных киберучений для отработки взаимодействия при отражении скоординированных атак на критическую инфраструктуру), образовательные и просветительские инициативы (интеграция основ кибербезопасности в учебные программы на всех уровнях образования; расширение программ переподготовки и повышения квалификации специалистов в области ИБ; запуск всероссийских кампаний по информированию населения о новых видах

мошенничества и правилах цифровой гигиены через СМИ и социальные сети).

Результаты показывают, что, несмотря на растущее количество инцидентов, значительная часть граждан по-прежнему считает меры государства эффективными или частично эффективными. Это может свидетельствовать о доверии к действиям властей, положительной оценке их публичной активности и просветительской работы. Однако растущий разрыв между статистикой и восприятием требует усиления информационной открытости о конкретных результатах борьбы (раскрытые громкие дела, предотвращенный ущерб). В условиях растущих угроз необходимо повышать уровень информированности населения.

Активное развитие законодательной базы, специализированных подразделений и образовательных программ показывает осознание проблемы и попытку системного ответа. Сохраняющийся высокий уровень общественной поддержки свидетельствует о доверии граждан к политике властей в сфере противодействия киберугрозам. Вместе с тем, для повышения эффективности этой борьбы требуется не только совершенствовать технические механизмы реагирования на инциденты, но и систематически изучать общественное мнение. Такой подход позволит точечно корректировать государственную стратегию информационной безопасности, делая её более гибкой и адекватной быстро эволюционирующим угрозам цифровой эпохи.

Таким образом, эффективная стратегия национальной кибербезопасности должна быть упреждающей и сбалансированной, интегрируя следующие ключевые компоненты: во-первых, наращивание технологического суверенитета и разработку инновационных защитных систем, в том числе для противодействия атакам с использованием искусственного интеллекта. Во-вторых, создание гибкого и оперативного правового регулирования, способного реагировать на появление новых рискованных технологий. В-третьих, внедрение непрерывной системы образования, направленной на формирование культуры кибербезопасности для всех граждан и подготовку элитных специалистов для отрасли. В-четвёртых, обеспечение прозрачности и постоянного диалога с обществом для точной оценки киберрисков и повышения доверия к мерам государства. В-пятых, углубление международного сотрудничества на устойчивых, деполитизированных площадках для противодействия транснациональной киберпреступности. Лишь такой всеобъемлющий подход позволит превратить вызовы цифровой эпохи в основу для построения устойчивого и безопасного информационного общества.

Список цитируемой литературы:

1. Агаркова А.А., Синицына В.А. Киберпреступность в современной России [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/
article/n/kiberprestupnost-v-sovremennoy-rossii/viewer
2. Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Кибербезопасность современной России: теоретические и организационно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. – URL: https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2021/03/13.pdf
3. Гранкина Я.А., Баймедетов С.Д. Кибербезопасность в современном мире: актуальные угрозы и методы защиты [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-sovremennom-mire-aktualnye-ugrozy-i-metody-zaschity/viewer
4. Miranda Bruce, Jonathan Lusthaus, Ridhi Kashyap, Nigel Phair,Federico Varese Mapping the Global Geography of Cybercrime with the World Cybercrime Index [Электронный ресурс]. – URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0297312
5. ФКУ «ГИАЦ МВД России» Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/75687768/
6. Газин А.И., Трунов Д.Н., Миронова В.И., Фролова Н.С. Анализ количества преступлений в информационной сфере как отражение эффективности государственной политики в области информационной безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80489239

Гарифова А.Р., канд. соц. наук, доцент
КФ «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Казанский филиал, г. Казань

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

В статье исследуются механизмы правовой защиты личности, общества и государства в условиях новых вызовов: цифровизации, геополитической нестабильности и роста киберпреступности. Анализируются нормативно-правовые основы, выявляются пробелы в

законодательстве и предлагаются пути совершенствования системы защиты. Особое внимание уделяется балансу между безопасностью и соблюдением прав человека. Объём: 596 знаков с пробелами.

Ключевые слова: правовая защита; безопасность; права человека; киберпреступность; законодательство; национальная безопасность; цифровая среда.

Современные условия характеризуются ростом новых угроз: киберпреступностью, терроризмом, информационными войнами и социально-экономическими рисками. Это требует совершенствования механизмов правовой защиты личности, общества и государства. Цель статьи — проанализировать действующие правовые инструменты и предложить направления их модернизации.

Задачи исследования:

— изучить нормативно-правовую базу защиты личности, общества и государства;

— выявить актуальные угрозы и их правовые последствия;

— оценить эффективность существующих механизмов защиты;

— сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства.

Нормативно-правовая база защиты

Система правовой защиты в России строится на нескольких уровнях:

1. Конституционный (Конституция РФ, гарантирующая основные права и свободы).

2. Федеральное законодательство (УК РФ, КоАП РФ, ФЗ «О безопасности», «О противодействии терроризму» и др.).

3. Подзаконные акты (указы Президента, постановления Правительства).

4. Международные обязательства (Конвенция о правах человека, соглашения по кибербезопасности).

Ключевые законы:

— ФЗ «О безопасности» (№ 390-ФЗ) — определяет принципы обеспечения безопасности личности, общества и государства;

— ФЗ «О персональных данных» (№ 152-ФЗ) — регулирует обработку и защиту личной информации;

— ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ) — устанавливает меры борьбы с экстремизмом.

Актуальные угрозы и их правовая оценка

Современные вызовы требуют адаптации правовой системы:

1. Киберпреступность. Рост числа атак на критическую инфраструктуру, кражи данных, фишинг. По данным МВД [2], в

2023 г. количество киберпреступлений выросло на 25 % по сравнению с 2022 г.

2. Терроризм и экстремизм. Использование интернета для пропаганды и координации незаконных действий.

3. Информационные войны. Распространение фейков, манипуляции общественным мнением.

4. Экономические риски. Санкции, кибератаки на финансовые системы.

5. Экологические угрозы. Техногенные катастрофы, требующие правового регулирования ответственности.

Механизмы защиты и их эффективность

Действующие инструменты:

— Правоохранительные органы (МВД, ФСБ, Росгвардия) — пресечение преступлений;

— Судебная система — восстановление нарушенных прав;

— Прокурорский надзор — контроль за соблюдением законности;

— Общественный контроль — участие граждан и НКО в мониторинге безопасности.

Таблица 1

Динамика киберпреступлений и эффективность их раскрытия (2021–2025 гг.)

Год	Количество зарегистрированных киберпреступлений, тыс.	Доля раскрытых дел, %	Основные виды преступлений
2021	510	35	Фишинг, мошенничество, DDoS-атаки
2022	620	32	Кража данных, вымогательство, взломы
2023	775	28	Кибершпионаж, атаки на банки, фейки
2025	675	30–32	Кибермошенничества (53% от всех IT-преступлений), фишинг, кража персональных данных, атаки на банки и госуслуги

Примечание. Данные МВД РФ [2]. Снижение раскрываемости связано с ростом сложности преступлений и анонимностью злоумышленников.

Как видно из таблицы, рост киберпреступлений опережает возможности правоохранительных органов.

Пробелы в законодательстве

Основные проблемы:

1. Отставание норм от технологий. Законодательство не успевает за развитием цифровых угроз.

2. Сложности международного сотрудничества. Киберпреступники действуют трансгранично, но экстрадиция и совместные расследования затруднены.

3. Баланс безопасности и прав человека. Меры по борьбе с терроризмом иногда ограничивают свободу слова и приватность.

4. Недостаточная защита данных. Утечки персональных данных происходят из-за слабых требований к операторам.

5. Низкая правовая грамотность населения. Граждане не знают своих прав и способов защиты.

Пути совершенствования правовой защиты

Для повышения эффективности системы защиты необходимо:

— Обновить законодательство. Ввести нормы по регулированию ИИ, блокчейна, метавселенных.

— Усилить международное сотрудничество. Создать единую платформу для обмена данными о киберпреступниках.

— Развивать цифровую грамотность. Включить в школьные и вузовские программы курсы по кибербезопасности.

— Автоматизировать мониторинг угроз. Внедрить системы ИИ для выявления фейков и атак.

— Упростить механизмы защиты прав. Создать онлайн-платформу для подачи жалоб на нарушения.

Заключение

Правовая защита личности, общества и государства в современных условиях требует комплексного подхода. Несмотря на развитую нормативно-правовую базу, система сталкивается с новыми вызовами, особенно в цифровой сфере. Повышение эффективности возможно через:

— модернизацию законодательства с учётом технологических изменений;

— усиление международного сотрудничества;

— повышение правовой и цифровой грамотности населения;

— внедрение инновационных инструментов мониторинга и реагирования.

Ключевой задачей остаётся сохранение баланса между обеспечением безопасности и соблюдением конституционных прав граждан. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на оценке эффективности новых правовых механизмов и их адаптации к меняющимся угрозам.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.04.2026).

2. Состояние преступности в России за 2023 год: статистический сборник / МВД РФ. — М., 2024. — 180 с.

3. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 2.

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3452.

5. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950, с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

7. Международное право и кибербезопасность: правовые вызовы цифровой эпохи / под ред. А. И. Ковлера. — М.: Норма, 2023. — 224 с.

8. European Convention on Cybercrime (Budapest Convention), 2001 // Council of Europe. — URL: https://conventions.coe.int (датаобращения: 08.04.2026).

Дорыданова И.В., преподаватель,
Россия, ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РФ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы организации власти в России и их ориентированность на эффективную трансформацию принципа разделения властей для повышения качества жизни граждан страны.

Ключевые слова: власть, конституция, президент, форма правления.

Решение проблем в конституционном праве является сложным и многоуровневым процессом, который как правило занимает несколько

лет. Это связано с необходимостью апробации предлагаемых изменений, последовательного внесения изменений в нормативные правовые акты, а также подготовки власти и населения к новым структурным сдвигам. Большинство обозначенных в работе проблем решаются комплексно, а некоторые проблемы являются отражением исторических особенностей страны.

Процесс совершенствования правового обеспечения публичной власти за счет принципа разделения властей необходимо с пересмотра правового статуса Президента страны. Полностью отойти от президентской формы правления в России сейчас считаем невозможным. Общество все еще не готово активно участвовать в жизни государства, проявлять активную политическую позицию, конструктивно критиковать и предлагать решение возникающих проблем, но усиление власти Президента и закрепление широких полномочий в Конституции РФ может в последующем привести к кризису разделения властей и их фактической подотчетности главе государства.

В Конституции РФ указано, что в России реализуется республиканская форма правления, но не уточняется ее вид, что вызывает юридическую неопределенность. Полагаем, что на основании произведенных изменений в Конституцию страны, можно говорить уже не просто о президентской республике, а о «суперпрезидентской» республике с функциональным распределением полномочий между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, где Президент выступает в роли гаранта строгого и единого функционирования публичной власти. Подобная форма правления оправдана историческими, культурными, экономическими, правовыми и географическими особенностями государства.

При усилении власти Президента страны необходимо оставлять инструменты контроля и надзора за его деятельностью и деятельностью других органов власти. Эту функцию должен реализовывать Генеральный Прокурор страны, но после изменений 2020 года и это должностное лицо назначается Президентом РФ после «консультаций» с Советом Федерации. А.А. Титова и Е.Г. Лиходаев отметили, что «изменившийся порядок назначения руководителей надзорного ведомства усилил позицию Российской Федерации как президентской республики, создал предпосылку для развития прокуратуры и усиления ее роли как системы органов, способствующей наиболее эффективной реализации полномочий Президента РФ» [1].

Это противоречит сущности и назначению института прокуратуры, который в соответствии с Федеральным законом РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] функционирует в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Существовавший ранее механизм назначения Генерального Прокурора России был отражением ярко выраженного разделения властей, когда именно Совет Федерации принимал или не принимал представление Президента на такую ключевую должность. В настоящее время может сформироваться ситуация, при которой глава надзорного ведомства будет лично обязан Президенту и будет усиливать его власть – это касается любых личных назначений. Нужно отметить, что по Конституции Президент назначает и Генерального Прокурора, и его заместителей, а также прокуроры субъектов, военных и других специализированных прокуратур. Подобная широта полномочий ограничивает институт прокуратуры. С целью соблюдения принципа разделения властей, а также учета интересов субъектов необходимо изменить данную процедуру.

Первым важным изменением является назначение на должность Генерального Прокурора и его заместителей, которых в настоящее время девять человек. Соответственно, сейчас весь высший аппарат Прокуратуры находится в ведении Президента. Для обеспечения баланса сил между исполнительной властью и Президентом, предлагаем предусмотреть правило, в соответствии с которым назначение на должность и освобождение от должности заместителя Генерального Прокурора осуществляется Советом Федерации из числа кандидатов, представленных Президентом РФ. В процессе назначения и освобождения от должности прокуроров субъектов РФ Совет Федерации должен принимать более активное участие чем сейчас. В этой связи предлагаем предусмотреть право Совета Федерации назначить на должность прокурора субъектов, военных и других специализированных прокуратур из числа кандидатур, представленных Президентом РФ при консультации с Генеральным Прокурором страны. Такие меры позволят вернуть баланс власти, а также будут способствовать назначению на ключевые должности лиц, которые хорошо знакомы с проблемами на местах (в субъектах).

Анализ текста Конституции РФ также позволяет сделать вывод о неправовом характере такого института как «консультации», которые проводит Президент при назначении на ключевые посты. В этом

вопросе стоит согласиться с С.Е. Дробот который заключил, что «институт консультаций главы государства с Советом Федерации относительно кандидатур «силовых» министров не обязывает Президента РФ представлять и назначать приемлемых для верхней палаты кандидатов, в случае разногласий между ветвями власти оно разрешается в пользу главы государства» [3]. Такой же «необязательный» характер консультаций проявляется и при назначении Генерального Прокурора РФ. В силу того, что Совет Федерации не относится к числу консультативно-совещательных органов Президента, а представляет законодательную ветвь власти, необходимо упразднить институт консультаций, заменив его на обязанность предоставлять списки кандидатов на ключевые посты от Президента для согласования с Советом Федерации. Это позволит решить проблему вторичности законодательной власти по отношению к Президенту.

Отдельно необходимо исследовать проблемы привлечения исполнительной власти к управлению государством, что прямо предусматривается п. 3 ст. 92 Конституции РФ: «во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации». Совершенствование механизма передачи власти и временного исполнения президентских обязанностей может быть направлено в сторону уточнения конституционного текста в части указания на иное, помимо Председателя Правительства РФ должностное лицо, которому поручается временное исполнение обязанностей главы государства в случае невозможности их исполнения Председателем Правительства РФ. Таким лицом может быть Председатель Совета Федерации.

Здесь же стоит установить срок – до проведения внеочередных выборов, но не более 1 года. Это позволит ограничить власть временно исполняющего обязанности Президента в чрезвычайных условиях отсутствия Президента страны.

Как показывает исследование особенностей формирования Совета Федерации, этот процесс также имеет ряд проблем. За последние годы требования к сенаторам снизились, а сами сенаторы занимают должность два и более срока подряд. В условиях обеспечения демократии и разделения властей на высшем уровне, подобная практика недопустима, т.к. формирует поле для злоупотреблений. Также, требование о проживании на территории субъекта РФ, от которого выдвигается сенатор должно распространяться на всех сенаторов, в т. ч. представителей от законодательного (представительного) органа

государственной власти субъекта РФ, т.к. без этого невозможно представлять интересы субъекта.

В этой связи предлагаем внести изменения в Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», дополнив п. 5 ст. 1 Закона следующим предложением: «Гражданин Российской Федерации не может занимать должность сенатора Российской Федерации более двух сроков подряд за исключением лиц, назначенных на должность пожизненно». Также, изменению подлежит и п. 1 ст. 2 Закона который следует изложить в новой редакции: «Сенатором Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 30 лет, обладающий безупречной репутацией, постоянно проживающий в субъекте Российской Федерации от которого он выдвигается не менее пяти лет подряд непосредственно предшествующих его выдвижению кандидатом для наделения полномочиями сенатора Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Изменению подлежит и правовая регламентация судебной власти. Так, Конституционный Суд РФ относится к субъектам судебной власти, наделенный особыми полномочиями в части толкования Конституции и проверки конституционности норм и действий органов власти. Тем не менее, признания особого статуса Конституционного Суда РФ, как представителя государственной власти нет. К.Ю. Гоглева делает вывод: «недостатком имеющегося конституционного регулирования организации и деятельности конституционного правосудия является отсутствие указания на Конституционный Суд РФ как орган государственной власти в ч. 1 ст. 11 Конституции РФ наряду с Президентом РФ, палатами Федерального Собрания и Правительством РФ» [4]. Полагаем, что в настоящее время, когда статус и значение Конституционного Суда РФ существенно возрастают, а сам суд решает важные проблемы понимания текста и сути Конституции, отдельное упоминание в ст. 11 Конституции Конституционного Суда РФ как субъекта государственной власти является допустимым и даже необходимым.

Помимо государственной власти совершенствованию подлежит и взаимодействие субъектов с муниципалитетами, в частности за счет трансформации муниципального фильтра. Существующий механизм «фильтрации» негативно влияет на избирательную систему страны, т.к. он не адаптирован под российские реалии. По данным Росстата о

количестве муниципальных образований по субъектам РФ от 1 января 2025 г. свидетельствует, что ряд субъектов включает в себя более 300 и даже 500 муниципальных образований (например, Дагестан), в тоже время в Ненецком автономном округе насчитывается только 21 муниципальное образование [5].

В условиях малочисленных муниципальных образований, находящихся в большом удалении друг от друга и от центра, число подписей за кандидата на пост главы региона должно быть дифференцировано. Предлагаем изменить институт «муниципального фильтра» и изложить п. 6 ст. 22 ФЗ «Об организации публичной власти» в новой редакции: «6. Для регистрации кандидата, выдвинутого в порядке самовыдвижения, либо кандидата, выдвинутого политической партией, не представленной в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации или в законодательном (представительном) органе государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, кандидат обязан представить в избирательную комиссию субъекта Российской Федерации подписные листы с подписями депутатов представительных органов муниципальных районов, муниципальных и городских округов и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных районов, муниципальных и городских округов субъекта Российской Федерации, в поддержку своего выдвижения. Одно и то же лицо, вправе поставить свою подпись в поддержку выдвижения не более чем двух кандидатов.

Общее минимальное необходимое количество подписей составляет:

а) 5 (пять) процентов от общего числа указанных лиц, если на территории субъекта Российской Федерации насчитывается менее 100 (ста) муниципальных образований;

б) 7 (семь) процентов от общего числа указанных лиц, если на территории субъекта Российской Федерации насчитывается от 100 (ста) до 300 (трехсот) муниципальных образований;

в) 10 (десять) процентов от общего числа указанных лиц, если на территории субъекта Российской Федерации насчитывается свыше 300 (трехсот) муниципальных образований».

Цель данного изменения связана с необходимостью учитывать региональную специфику и снизить барьер для субъектов с малонаселенными, но многочисленными сельскими поселениями (где общее число муниципальных депутатов может быть невелико, но каждый представляет крошечный населенный пункт). В крупных регионах с развитой сетью муниципальных образований (например,

Башкортостан, Красноярский край) 5% – это уже сотни подписей, что обеспечивает необходимый уровень поддержки.

Таким образом, исследование проблем и очевидных трудностей реализации принципа разделения властей в России свидетельствует, что имеющаяся система публичной власти за последние несколько лет существенно изменилась в сторону усиления власти Президента и ослабления влияния на государственную политику ветвей власти. Сильная президентская власть исторически подходит России, механизм ограничения этой власти должен быть модифицирован для того, чтобы избежать сосредоточения власти в одних руках. Предложенные изменения учитывают особенности организации власти в России и направлены на эффективную трансформацию принципа разделения властей для повышения качества жизни граждан страны.

Список цитируемой литературы:

1. Титова, А.А., Лиходаев, Е.Г. Отдельные аспекты статуса прокуратуры в контексте Конституционной реформы 2020 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 2 (151). – С. 216.

2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

3. Дробот, С.Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Челябинск, 2021. – С. 12.

4. Гоглева, К.Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. – СПб, 2023. – С. 13.

5. Количество муниципальных образований по субъектам РФ от 1 января 2025 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: https://www.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 10.01.2026).

Егоров В.А., к.п.н, доцент кафедры «УП,ПиК»
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация

Современные реформы УИС (далее Уголовно-исполнительная система) России, где за основу принят принцип гуманизма являются неотъемлемой частью современной уголовной политики РФ. Что в свою очередь плодотворно и эффективно отражается на процессе ресоциализации, в период отбытия наказания инвалидов в местах принудительного содержания.

Ключевые слова: ФСИН России, национальная уголовная политика, инвалиды в местах лишения свободы, ресоциализация инвалидов в период отбытия наказания, социальная защита инвалидов.

Исходя из положений действующей Конституции России, наша страна является социальным государством, где жизнь человека является высшей ценностью, при этом власть берет на себя заботу о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Что касается непосредственно темы статьи, где государство взяло на себя обязанность оказывать поддержку инвалидам (ст. 7 Конституции РФ). [1]

Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39). [1]

Учитывая состояние человека, который уже в зависимости от своего физического состояния не может владеть своим телом, инвалидность может быть с рождения, либо полученная в результате аварии, травмы и других случаев. [2. С. 95]

Это приводит к тому, что противоправные действия совершают как здоровые, так и инвалиды по здоровью, по данному факту закон не защищает инвалидов, и относит преступление к нарушению закона, который карает всех без исключения.

Однако места принудительного содержания являются учреждениями закрытого «ограниченного» пространства,

следовательно, условия нахождения в них для инвалидов уже будут создавать определенные сложности, несмотря даже на тот факт, что отечественная пенитенциарная система создает и продолжает совершенствовать условия содержания инвалидов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Также обсуждается вопрос учёта инвалидности при индивидуализации наказания, так как состояние здоровья может влиять на выбор вида наказания, особенно связанного с трудовой деятельностью.

Таким образом, генезис уголовного наказания для инвалидов отражает постепенное осознание необходимости учёта их особенностей, но полный учёт этого фактора в уголовном праве до сих пор не реализован в полной мере.

К инвалидам, которые отбывают наказание в местах принудительного содержания, относятся осуждённые, признанные инвалидами I или II группы в соответствии с результатами медико-социальной экспертизы. [4. С. 18]

Рассматривая генезис развития института содержания инвалидов в местах принудительного содержания, то первым упоминанием в отношении данной группы спецконтингента в МПС связаны с эволюцией законодательства, международных стандартов и подходов к гуманизации пенитенциарной системы.

Отечественная пенитенциарная система делает шаги и на этом не останавливается в сторону улучшения условий содержания осужденных инвалидов, что стало фактором развития национального законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний, но также и ратификация международных Конгрессов и Конференций в данной области.

Отечественная система уголовных наказаний прошла длительный путь развития от погребов и ям, как временного содержания подозреваемого, после вынесенного судебного решения, как правило осужденных подвергался незамедлительной казни. Время становления Руси как государства было сложным и содержать преступника на деньги государства было очень разорительно.

Но государство крепло и власть начало обращать внимание на осужденных, что выразилось в построении учреждений, в которых содержались преступники.

Однако, потребовалось достаточно времени, чтобы условия не только осужденных, которые были здоровые, но также и инвалиды могли в нормальных условиях отбывать наказание.

В дореволюционной России отношение к осуждённым с ограниченными возможностями было мало дифференцированным.

Инвалидность не рассматривалась как основание для особого режима содержания или льгот. Изменения произошли после отмены «Крепостного права» и проведения большого количества реформ, которые затронули все сферы жизни общества, что отразилось на институте исполнения уголовных наказаний.

В это время появляться отдельные инициативы по улучшению условий содержания больных и инвалидов в местах принудительного содержания, но они были скорее одиночным проявлением милосердия, чем узаконенным правилом.

После свержения монархии и установления Советской власти, молодая республика Советов встала на путь реформирования и принятия новых законов.

При этом советское законодательство постепенно стало учитывать состояние здоровья осуждённых.

Примером может служить, тот факт, что в 1920-х годах были предприняты попытки создать специализированные учреждения для больных и инвалидов, однако система оставалась недостаточно развитой.

Победа в ВОВ и огромные людские потери, потребовала восстанавливать народное хозяйство, которое находилось практически уничтоженным на 80%.

Власть обращает внимания на социальную защиту населения, начали формироваться нормы, направленные на обеспечение особых условий для осуждённых-инвалидов.

Основополагающим моментом стало принятие в 1995 году Федерального закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который закрепил принцип обеспечения равных возможностей для инвалидов, включая тех, кто находится в местах лишения свободы. [7. С. 28]

Кроме того, СССР после ВОВ стало доминировать в международной политике, что стало основание участия в международной политике.

Правоприемником СССР выступила после 1991 Российская Федерация, которая как государство-участник международных договоров обязана была соблюдать стандарты, касающиеся прав инвалидов.

Необходимо учитывать, международные Конвенции, которые были ратифицированы Россией:

1. Медицинские и реабилитационные гарантии. Осуждённые-инвалиды имеют право на проведение реабилитационных мероприятий, получение технических средств и услуг, предусмотренных федеральным перечнем. Администрация исправительного учреждения (ИУ) обязана обеспечить их в соответствии с индивидуальной программой реабилитации.

2. Жилищно-бытовые условия. Инвалидов I и II групп размещают в отрядах на первых этажах зданий. Им создаются улучшенные жилищно-бытовые условия, устанавливаются повышенные нормы питания.

3. Материальные льготы. Питание, одежда, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены предоставляются бесплатно. Осуждённые-инвалиды могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счёт средств на лицевых счетах без ограничений.

4. Конвенция о правах инвалидов 2006 года, которая обязывала государства обеспечивать разумное приспособление для инвалидов, технические, включая тех, кто отбывает уголовное наказание в местах принудительного содержания. [12. С. 94]

В прошлом до выхода России из многих международных организаций, например, из Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), который также учитывал состояние здоровья заявителя при рассмотрении жалоб (обращений) на условия лишения свободы, рассматривая его как фактор, влияющий на кумулятивный эффект нарушений.

На вопрос современного состояния УИС в отношении осужденных инвалидов, где основные нормы, регулирующие исполнение наказаний в отношении осуждённых-инвалидов, содержатся в:

1. Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ). Статья 88 позволяет инвалидам I и II групп приобретать продукты и предметы первой необходимости без ограничений; статья 90 предусматривает дополнительные посылки и передачи по медицинскому заключению; статья 99 гарантирует бесплатное питание, одежду, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены, а также улучшенные жилищно-бытовые условия.

2. Федеральном законе № 181-ФЗ. Определяет общие принципы социальной защиты инвалидов, которые распространяются и на лиц, отбывающих наказание в местах принудительного содержания. [5. С. 25]

Недискриминация. Инвалидность не должна становиться основанием для лишения свободы. Если инвалид осуждён, он имеет право на гарантии прав человека наравне с другими заключёнными.

Разумное приспособление. Необходимо создавать условия, которые позволяют инвалидам-заключённым участвовать в жизни учреждения, получать медицинскую помощь, доступ к образованию и трудовой терапии с учётом их потребностей.

Защита от пыток и жестокого обращения. Запрещено подвергать инвалидов медицинским или научным опытам без их согласия, а также проводить эксперименты, которые могут привести к физическому или психическому вреду.

Медицинская помощь и реабилитация. Осуждённые-инвалиды должны иметь доступ к квалифицированной медицинской помощи, включая психиатрическое лечение при необходимости. Рекомендуется обеспечивать их вспомогательными средствами (коляски, трости, протезы) в соответствии с индивидуальной программой реабилитации.

Улучшенные условия содержания. В ряде стран для инвалидов-заключённых предусматриваются улучшенные жилищно-бытовые условия, повышенные нормы питания, адаптированные санузлы, пандусы, поручни.

2. Работающим осуждённым-инвалидам I и II групп может быть увеличен ежегодный оплачиваемый отпуск с 12 до 18 рабочих дней (ч. 5 ст. 104 УИК РФ).

3. Инвалиды I группы не переводятся в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа (ч. 7 ст. 117 УИК РФ).

4. При освобождении осуждённые-инвалиды I и II групп по их просьбе и представлению администрации учреждения могут направляться органами социальной защиты в дома инвалидов и престарелых (ст. 180 УИК РФ). [8. С. 60]

В процессе работы над темой нашего исследования, как может показаться на первый взгляд, что сегодня осужденный инвалид содержится в хороших условиях, однако, не все пенитенциарные учреждения УИС в России, могут предоставить такие условия, значит существуют еще проблемы, которые необходимо решать.

Несмотря на наличие законодательных норм, на практике возникают сложности:

- обеспечение техническими средствами реабилитации (коляски, трости, костыли);
- создание доступной среды (пандусы, лифты);
- организация медицинского обслуживания;
- трудоустройство желающих работать инвалидов при отсутствии рабочих мест. [4. С. 26]

В этом наступившем году будет 10 лет, как был принят в 2016 году и вступил в законную силу Федеральный закон от 01.12.2014 года № 419-ФЗ, который распространил требования о социальной защите инвалидов на исправительные учреждения. Это потребовало перестройке или изменение конструкций, инфраструктуры и процедур, но пока не все учреждения смогли оперативно реализовать эти изменения.

Таким образом, историко-правовые аспекты исполнения наказаний в отношении осуждённых-инвалидов отражают эволюцию от отсутствия специальных норм до комплексной системы гарантий, сочетающей национальные и международные стандарты. Однако реализация этих норм на практике продолжает сталкиваться с организационными и ресурсными трудностями.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Антонов, В. И. Проблема согласования гуманизма и наказания в современной российской уголовной политике /В.И. Антонов // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В. Ф. Лапшина. - Рязань: Академия ФСИН России, 2016. - С. 94-101. – Текст: непосредственный.

3. Гужва, О. В. Практические проблемы разрешения судом вопроса освобождения от наказания в связи с болезнью /О.В. Гужва // Медицинское право. – 2012. – № 5. – С. 25-28. – Текст: непосредственный.

4. Заборовская, Ю. М. Проблема формирования доступной среды в отношении осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в исправительных учреждениях ФСИН России /Ю.М. Заборовская // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 2. – С. 17-27. – Текст: непосредственный.

5. Лукин, В. А. О положении в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина в Иркутской области в 2015 году: доклад Уполномоченного по правам человека в Иркутской области – 2016. – № 2. – С. 17-27. – Текст: непосредственный.

6. Филиппов, Ю. Н. Проблемы реализации прав осужденных в связи с плохим состоянием здоровья /Ю.Н. Филиппов, А.С. Полянцева, О.П. Абаева // Медицинское право. – 2009. – № 1. – С. 11-16. – Текст: непосредственный.

7. Ережипалиев, Д. И. К вопросу о понятии «социально незащищенные категории граждан» / Д.И. Ережипалиев // Социальное и пенсионное право. 2015. – № 4. – С. 27-31. – Текст: непосредственный.

8. Заборовская, Ю. М. Реализация принципа гуманизма в отношении тяжело больных осужденных инвалидов, отбывающих наказание в виде лишения свободы /Ю.М. Заборовская // Вестник Кузбасского института. –2016. – № 4. – С. 58-66. – Текст: непосредственный.

9. Круглый стол «Совершенствование порядка освобождения от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью» / Юридический факультет МГУ им. Ломоносова. - 2016. - № 4. - С. 58-66. – Текст: непосредственный.

10. Харитонович, Е. Д. Исполнение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы: проблемы, возникающие в связи с заболеваниями осужденных / Е.Д. Харитонович // Юрист Юга России и Закавказья. – 2017. – № 4 (20). – С. 68-73. – Текст: непосредственный.

11. Чубраков, С. В. Законодательное регулирование и практика применения обязательных работ в свете международных стандартов обращения с осужденными С.В. Чубраков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 4. – С. 89-94. – Текст: непосредственный.

12. Маркова, Т.А. Влияние инвалидности на смысложизненные ориентации и удовлетворенность жизнью осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы /Т.А. Маркова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – № 1. – С. 93-99. – Текст: непосредственный.

Кабанцов В.С.,
Помощник Арбитражного управляющего Богомоловой Ю.Е.
Союз СРО «ГАУ» - Союз «Саморегулируемая организация
«Гильдия арбитражных управляющих»

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И АНАЛИТИКИ ДАННЫХ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация

В статье рассмотрена роль новейших цифровых технологий в предупреждении и раскрытии преступлений в городской среде. Проведен анализ влияния системы «Безопасный город» на борьбу с преступностью в условиях крупнейших Российских городов, таких как Москва и Санкт-Петербург.

Ключевые слова: цифровизация, мегаполис, преступность, прогнозирование, правоохранительные органы, данные, видеонаблюдение, распознавание лиц, аналитика, кибербезопасность, искусственный интеллект, эффективность, правовое регулирование.

В условиях мегаполиса, где преступность отличается латентностью, скоротечностью и сложностью, традиционные методы сыска и патрулирования зачастую оказываются недостаточно эффективными. Цифровизация городской среды и внедрение интеллектуальных систем анализа данных открывают принципиально новые возможности для трансформации деятельности правоохранительных органов от реактивной модели к проактивной и предиктивной (прогнозной) [1]. Ядром этого перехода в России стала федеральная программа «Безопасный город», преобразующая инфраструктуру мегаполисов в единую цифровую экосистему безопасности.

Инициированная в 2014 году и получившая мощный импульс для развития в последнее десятилетие, программа представляет собой комплексную систему, интегрирующую аппаратно-программные средства, информационные ресурсы и силы реагирования [2]. Ее ключевыми компонентами в Москве и Санкт-Петербурге являются:

1. Единый центр хранения и обработки данных (ЕЦХД): объединяет потоки информации с тысяч городских датчиков и камер.

2. Интегрированная система видеонаблюдения: Сеть из сотен тысяч камер, оснащенных алгоритмами компьютерного зрения. В Москве по состоянию на 2024 год действует свыше 220 тысяч камер, подключенных к системе [3].

3. Система распознавания лиц и автомобильных номеров: позволяет в режиме реального времени идентифицировать разыскиваемых лиц, устанавливать маршруты их передвижения, выявлять угнанные автомобили. Эффективность системы была продемонстрирована при задержании участников массовых беспорядков и серийных грабителей по «цифровому следу».

4. Ситуационные центры: Оперативные штабы, где на основе агрегированных данных принимаются управленческие решения. Например, Московский ситуационный центр обрабатывает до 300 тысяч событий в сутки, координируя действия МВД, МЧС, скорой помощи и коммунальных служб.

Следующим шагом после сбора данных является их аналитическая обработка. Внедрение систем предиктивной аналитики позволяет перейти от реагирования на уже совершенные преступления к их прогнозированию. Алгоритмы, анализируя исторические данные о времени, месте и типе преступлений, погодных условиях, графике массовых мероприятий и даже активности в социальных сетях, строят «тепловые карты» криминальных рисков. Это позволяет оптимально распределять патрульные наряды и ресурсы участковых уполномоченных, концентрируя их в зонах с высокой вероятностью совершения правонарушений (например, карманных краж в метро в часы пик или краж из автомобилей на окраинных парковках в выходные дни) [4].

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация правоохранительной деятельности сопряжена с серьезными вызовами. Так, массовое видеонаблюдение и распознавание лиц вызывают дискуссии о допустимых пределах вмешательства в частную жизнь. Необходимо строгое соблюдение Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ и разработка отраслевых этических кодексов. Имеются технические уязвимости, так, сама инфраструктура «Умного города» становится целью для хакерских атак. Взлом системы видеонаблюдения или управления светофорами может парализовать работу города и создать условия для совершения преступлений.

Помимо перечисленного, критике подвергаются затраты, которые ушли на создание и на данный момент выделяются на поддержку работы системы. Так, с 2021 года, подключение 890 вокзалов РЖД к системе могло обойтись в более чем 2,2 млрд рублей единовременно и около 1 млрд рублей ежегодно на аренду каналов связи.

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, систему «Безопасного города» пытаются создать во многих регионах страны. Часто, в отдельно

взятом регионе уже существует система городского наблюдения, состоящее из камер и центра, который занимается сбором и анализом данных. Так, в Липецкой области, единая региональная платформа видеоаналитики и фотовидеофиксации разработана в сотрудничестве с компанией «Ростелеком». К ней подключено более 22 тысяч камер, из которых 12 тысяч оснащены системой биометрической идентификации «Визирь». В мае 2025 года губернатор Липецкой области Игорь Артамонов поручил Минцифры подключить к системам «Безопасный город» и комплексам видеонаблюдения модуль распознавания самокатов и питбайков. Камеры должны фиксировать нарушения: пересечение пешеходных переходов на самокате, езду вдвоём или втроём, использование электротранспорта несовершеннолетними. Данные о нарушениях будут передаваться в прокатные сервисы для применения штрафных санкций [6].

При обращении к статистике, можно увидеть, что в Московской области по данным на 2024 год, внедрение системы привело к снижению уровня уличной преступности на 31% с 2018 по 2024 год. В 2024 году с помощью видеодоказательств было раскрыто более 3,5 тысячи преступлений. Система включает свыше 160 тысяч камер видеонаблюдения, из них 53 261 камера охватывает придомовые территории. За 2024 год с использованием данных видеонаблюдения в Санкт-Петербурге было выявлено 715 преступлений, раскрыто — 1 449. Число преступлений в общественных местах снизилось на 15,2% (с 19 116 до 16 209 случаев), а на улицах города — на 15,4% (с 8 468 до 7 161 случая).

Таким образом, цифровые технологии и аналитика данных перестали быть вспомогательным инструментом и становятся системообразующим элементом стратегии противодействия преступности в мегаполисе. Российская программа «Безопасный город» создает мощный технологический фундамент для этого перехода. Однако, технологический прорыв должен сопровождаться адекватным правовым регулированием, инвестициями в человеческий капитал и вниманием к этическим рискам. Будущее эффективной правоохранительной деятельности лежит в синергии трех компонентов: «умной» инфраструктуры), интеллектуальных алгоритмов и профессионально подготовленного, критически мыслящего сотрудника.

Список цитируемой литературы:

1. Яшин В. Н. Киберпреступность в условиях цифровизации мегаполисов. – Москва : Проспект, 2022. – 58 с.

2. Распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.04.2026).

3. Департамент информационных технологий города Москвы. Годовой отчет за 2023 год. – Москва, 2024. – 45 с. – URL: https://www.mos.ru/dit/documents/reports/view/ (дата обращения: 16.10.2025).

4. Овчинский В. С. Стратегия борьбы с преступностью в мегаполисах: организационно-правовые аспекты. – Москва : Норма, 2020. – 201 с.

5. Анализ уязвимостей систем «Умного города» / под ред. С. П. Расторгуева. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2021. – 112 с.

6. Петров И. С. Безопасный город в Липецкой области: как камеры помогают раскрывать преступления // Комсомольская правда — Липецк. — URL: https://www.lipetsk.kp.ru/daily/27701/5090225/ (дата обращения: 12.04.2026).

Манасов Р.А., студент магистратуры
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Екатеринбург

ЧАСТНАЯ ОХРАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается правовое положение Росгвардии как основного регулятора частной охранной деятельности. Анализируются нормативные основания полномочий ведомства, процедуры лицензирования, формы контрольной работы. Обосновывается необходимость уточнения законодательных норм и развития профилактических механизмов взаимодействия с лицензиатами.

Ключевые слова: Росгвардия, частная охранная деятельность, лицензирование, государственный контроль, лицензионно-разрешительная работа.

Частная охранная деятельность в Российской Федерации представляет собой значимый сегмент рынка услуг безопасности. По данным на апрель 2024 года, в России зарегистрировано более 17

тысяч частных охранных организаций, в которых трудятся почти 700 тысяч охранников [6]. Масштаб отрасли обусловливает необходимость эффективного государственного регулирования, ключевая роль в котором отведена Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

Правовую основу регулирования составляет Закон РФ № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», который закрепляет требования к соискателям лицензий и условия осуществления охранной деятельности. Как отмечают исследователи, данный акт «закрепляет правовые положения взаимодействия юридических лиц и контролирующих органов, их права и обязанности» [1, с. 196]. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики показывает, что отдельные положения закона требуют уточнения в связи с изменением структуры органов исполнительной власти.

Передача полномочий по лицензированию и контролю от МВД России к Росгвардии в 2016 году изменила практику правоприменения. Указ Президента РФ № 157 возложил на ведомство функцию «осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности» [5]. Данная функция реализуется через систему лицензионно-разрешительной работы, включающую рассмотрение заявлений, проведение проверок, ведение реестров лицензиатов.

Процедура лицензирования детально регламентирована Федеральным законом № 99-ФЗ и Административным регламентом Росгвардии. А.С. Раджабова выделяет основные этапы лицензирования: прием и регистрация документов, проверка их полноты, документарная и выездная оценка соответствия, принятие решения о предоставлении или отказе в услуге [2, с. 66–67]. При этом важно отметить, что бланк лицензии не выдается - сведения содержатся в реестре на официальном сайте Росгвардии, что обеспечивает прозрачность информации для потребителей услуг.

Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 внесло определенные коррективы в сложившуюся практику лицензирования. В числе предусмотренных документом новелл — возможность предоставления услуг без предварительной оценки соответствия, применение дистанционных форм контрольных мероприятий, а также освобождение от уплаты государственной пошлины вплоть до завершения 2029 года. Указанные послабления, как показывают данные, объективно стимулировали рост числа обращений со стороны

соискателей. Так, в Республике Дагестан количество рассмотренных заявлений в 2023 г. достигло 49, тогда как за предыдущий аналогичный период их насчитывалось лишь 30 [2, с. 68]. Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что снижение административных барьеров может идти вразрез с поддержанием должного уровня контроля — риски, связанные с возможным незаконным оборотом оружия, отнюдь не нивелировались.

Обращение к материалам судебной практики лишь подтверждает необходимость дальнейшего уточнения нормативной базы. В 2021 г. Арбитражный суд Республики Дагестан рассматривал иск ООО ЧОО «Альфа» по поводу незаконности, по мнению заявителя, отказа в пролонгации лицензии. Суд, однако, встал на сторону территориального органа Росгвардии, констатировав, что истцом были нарушены установленные регламентом сроки представления документов. Обращаясь к анализу данного прецедента, А.С. Раджабова высказывает предложение, которое видится не лишенным рационального зерна: дополнить п. 18 административного регламента (АР) самостоятельным основанием для отказа в приеме документации — «подача заявления о продлении срока действия лицензии на осуществление частной охранной деятельности с пропуском установленного срока» [2, с. 69].

Еще одним важным вектором совершенствования правового регулирования, на наш взгляд, выступает институционализация профилактической составляющей в надзорной работе. В частности, Т.М. Занина и А.С. Раджабова обосновывают целесообразность закрепления в Законе РФ № 2487-1 такой формы контрольной деятельности, как «профилактическая работа», предполагающей проведение регулярных консультационных мероприятий с представителями охранных структур [1, с. 199]. Показателен в этом отношении опыт Москвы: созданный при столичном управлении Росгвардии Координационный совет на деле демонстрирует эффективность диалоговых площадок. В ходе заседаний совета, как правило, удается своевременно выявлять различные нарушения — как в трудовой, так и в налоговой сферах, - а кроме того, получать необходимую обратную связь от самого профессионального сообщества.

Резюмируя изложенное, следует признать, что Росгвардия объективно выполняет центральную, системообразующую роль в механизме государственного регулирования частной охранной деятельности. Дальнейшее же повышение результативности этой работы едва ли возможно без применения комплексного подхода: речь

идет об уточнении отдельных положений законодательства, налаживании более тесного межведомственного взаимодействия и, конечно, о внедрении современных цифровых инструментов контроля.

Для повышения эффективности контроля на федеральном уровне необходима стандартизация правоприменительной практики, активное внедрение риск-ориентированного дистанционного мониторинга через ИС «СЦУО Росгвардии», усиление требований к учебным центрам и развитие межведомственного электронного взаимодействия. Предлагаемые меры направлены на устранение субъективизма, переход к превентивной модели надзора, повышение профессионального уровня охранников и получение комплексной оценки рисков, что позволит оптимизировать использование кадровых ресурсов Росгвардии.

На региональном уровне (на примере Московской области) для решения выявленных проблем целесообразно разработать и внедрить специализированную программу профилактики, усилить кадровый потенциал подразделений ЛРР, запустить пилотный проект по риск-ориентированному подходу, наладить систему анонимной обратной связи с гражданами и активизировать практику совместных проверок с прокуратурой.

Баланс между упрощением административных процедур и обеспечением должного уровня надзора позволяет достичь главной цели - защиты прав граждан и законных интересов общества в сфере частной безопасности.

Список цитируемой литературы:

1. Занина Т. М., Раджабова А. С. Особенности осуществления контроля за частной охранной деятельностью // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 196–200.

2. Раджабова А. С. Лицензирование частной охранной деятельности в Российской Федерации // Общество и право. 2024. № 1. С. 66–70.

3. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 // СПС «КонсультантПлюс».

4. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Численность охранников в России продолжит расти [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2024/04/15/chop-s-nimi.html?ysclid=mn0piwocx1907602615 (дата обращения: 17.03.2025).
7. Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ «О частной охранной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».3 источника Примечание: Данный закон пришел на смену Закону РФ от 11.03.1992 № 2487-1 и закрепил новую модель правового регулирования рынка охранных услуг, существенно обновив требования к лицензированию, подготовке персонала и контролю за деятельностью ЧОО.
8. Постановление Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» (в актуальной редакции) // СПС «КонсультантПлюс».

Ключников А.Ю., канд. юр. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРАВОВАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация

Автором изучена проблема правовой осведомленности граждан в современном обществе, надлежащей правовой образованности, выявлены свойственные ему качества и входящие в него институты. В контексте обеспечиваемого государством права на справедливое судебное разбирательство каждый участник должен знать о гарантиях на доступ к правосудию, соответствующих правах, иметь право на обеспечение и соблюдение надлежащей процедуры, эффективность исполнения судебных решений. В работе обосновывается тезис, что частью института правовой осведомленности является право на получение квалифицированной юридической помощи, образовательные мероприятия, направленные на распространение знаний о правах и обязанностях граждан.

Ключевые слова: правовая осведомленность; культура; правосознание; общество.

Под правовой осведомленностью (включая неразрывно связанный с ней институт правового (юридического) образования) следует понимать различные виды мероприятий и инициатив, адресованных различным социальным группам, которые направлены на повышение знаний в этой области. Правовое образование в сочетании с правовой информацией, юридическим консультированием создают единую систему правосознания общества. Юридическая образованность граждан как членов социума достигается за счет информирования об их правах и обязанностях и предоставления правовой информации, например, через интернет-ресурсы, руководства, брошюры.

Правовая осведомленность является одним из ключевых факторов становления права и основным условием его эффективности в государстве. Органы государственной власти действуют на основе и в границах права, установленных, прежде всего, законами, влияя на развитие общества в рамках возложенных на них функций. Закон выполняет множество функций - гарантирует различные льготы, включая социальные, обеспечивает функционирование социальных служб и учреждений, гарантирует соблюдение прав человека.

Наряду с правовой осведомленностью следует упомянуть правовую культуру. Она понимается как совокупность привычек и ценностей, связанных с принятием, оценкой, критикой и реализацией действующего законодательства. Уважение закона должно быть главной целью каждого человека. Это, с одной стороны, подает пример другим, с другой - формирует общество, осознающее не только свои права, но и обязанности. Правовая культура имеет первостепенное значение, так как закон необходим человеку. В обществе, лишенном права, продолжалась бы изнурительная борьба всех против всех.

Важным вопросом правовой осведомленности является привлечение различных институтов к продвижению, популяризации, активным действиям по оказанию помощи отдельным лицам в юридических вопросах [1, с. 210]. Это напрямую влияет на индивидуальную правовую безопасность каждого гражданина.

Органы государственной власти, так или иначе задействованные в системе отправления правосудия, обязаны должным образом, всесторонне информировать стороны о фактических и юридических обстоятельствах, которые могут повлиять на установление их прав и обязанностей, являющихся предметом разбирательства. Они следят за тем, чтобы участникам судопроизводства не был причинен ущерб из-за незнания законов, для чего предоставляют необходимые разъяснения и рекомендации. Это включает предоставление должной и

исчерпывающей информации о фактических и правовых обстоятельствах, которые могут повлиять на установление прав и обязанностей сторон, являющихся предметом разбирательства. Такая информация вписывается в сферу оказания помощи гражданину, поскольку, получая разъяснения и указания, он защищается от вреда, вызванного незнанием закона.

Юридическая осведомленность позволяет лучше подготовиться к участию в судебном процессе, понять принципы, на которых он основан. Правосознание в обществе не рождается в течение одного поколения. Для его пробуждения и укрепления необходимо передавать знания об основных правах и обязанностях, последствиях предпринимаемых действий, «отрабатывать» контакты с государственными учреждениями (ведомствами, полицией, судами).

Право на доступ к правосудию является одной из основных гарантий защиты прав и свобод личности [2, с. 151]. Обязанность государства заключается в создании необходимой организационной структуры, обеспечивающей бесперебойную работу системы правосудия и исполнения судебных решений, вынесенных по конкретным делам.

В демократическом правовом государстве право на справедливое судебное разбирательство является фундаментальным правом каждого человека. Каждый имеет право на справедливое рассмотрение дела компетентным, независимым, беспристрастным судом. Проведение закрытых судебных разбирательств может происходить по соображениям морали, государственной безопасности и общественного порядка, а также по соображениям защиты частной жизни сторон или других важных частных интересов.

В этом контексте каждый должен знать о гарантиях на доступ к правосудию, соответствующих правах, вправе требовать обеспечения и соблюдения надлежащей процедуры, эффективности исполнения судебных решений.

Граждане должны владеть информацией о праве на справедливое судебное разбирательство, которое должно соблюдаться в гражданском, уголовном, в административном процессе. Любое дело должно быть рассмотрено в разумные сроки. При этом нет принятых сроков, сколько должен длиться процесс. Конечно, насколько это возможно, - в максимально короткие сроки, с учетом степени сложности дела, количества исследованных доказательств, активности позиции стороны процесса.

Знание основных принципов судебного процесса позволяет участнику лучше подготовиться к участию в нем, знать права и

обязанности, которые он имеет, роль, которую он будет выполнять в нем, и знать принципы, которые его формируют.

Другим компонентом правовой осведомленности выступает право на получение бесплатной юридической помощи. Действие таких институтов и учреждений не освобождает органы государственного управления от выполнения определенных в законодательстве задач в области юридического консультирования и правового образования.

Это право «скроено» законодателем из различных институтов, чтобы обеспечить на безвозмездной основе социальную помощь, предоставляемую профессионалами физическим лицам.

Включим сюда также образовательные мероприятия, направленные на распространение знаний о правах и обязанностях граждан, деятельность национальных и международных органов правовой защиты, посредничество и способы урегулирования споров, возможность участия граждан в публичных слушаниях и законодательном процессе.

Важно здесь и то, кто может оказывать эту помощь де-факто. Сюда относятся не только представители общественных организаций, но и профессионалы в области юриспруденции - адвокаты, юрисконсульты, что значительно повышает качество информирования.

Чрезмерное количество принимаемых законов приводит к снижению правовой культуры из-за сложностей в получении знаний о том как действует закон. Количество консультаций, предоставляемых профессионалами, велико, что только подчеркивает масштабы юридических проблем, с которыми сталкиваются граждане.

Проблема правовой осведомленности, надлежащей правовой образованности не может быть сведена только к знанию права, закона обществом. Правовая осведомленность – часть системы и комплекс институтов, куда входят правовая культура, юридическая педагогика, образование и информированность. Юридическое образование сопутствует человека в течение всей жизни, в какой бы сфере общественной жизни он не был бы занят.

Гражданин существует в правовой системе независимо от того, осознает он это или нет. Адресатом правовых норм будет как только что родившийся ребенок, так и пожилой человек. Однако подготовить людей к существованию и участию в жизни общества, передать им знания основных принципов действующего законодательства непросто.

Само юридическое образование не должно ограничиваться только изучением права в школе. Познание элементов права является неразрывной частью социализации: человек приобретает знания о нормах права, составляемые параллельно с познанием многих других

социальных норм, вытекающих, например, из обычаев. Быстро меняющиеся условия, в которых развивается общество, вызывают как рост ожиданий в отношении соблюдения закона другими гражданами, так и в отношении контроля над правосудием. Правильное функционирование системы правосудия связано, в том числе, с уровнем юридического образования граждан [3, с. 1060-1061].

Чем глубже эти знания, тем правильнее они могут оценить функционирование системы правосудия. Тогда им не нужно строить свое мнение на сомнительного качества сообщениях в СМИ или мнении знакомых.

Также важна система изучения права. Подготовка к юридической профессии требует не только высокого уровня образования в вузах, но и ориентации на практические навыки. Эффективному оказанию юридической помощи сопутствует не только качественное знание теории, но и прикладной (практический) опыт, приобретаемый в ходе практик в среде профессионалов. Самосовершенствование необходимо, поскольку закон изменчив.

Таким образом, правовая осведомленность выступает частью правовой культуры общества, целью которой является повышение знаний, как один из факторов становления права и основное условие его эффективности в государстве.

Список цитируемой литературы:

1. Чернова Э.Р., Давлетбердина Р.Р. Роль правового воспитания в формировании правовой культуры // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 7 (24). С. 209-211.

2. Ключников А.Ю. Границы свободы при принятии решения международным судом: приемлемость и легитимность // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 2. С. 150-157.

3. Петручак Л.А. Проблемы понятия и структуры правовой культуры // Lex Russica (Русский закон). 2009. Т. 68. № 5. С. 1056-1075.

Корнев А.С., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Аннотация

В научной статье рассматриваются вопросы о понятии искусственного интеллекта. Данное понятие необходимо в уголовном праве, для правильной квалификации деяний при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Так, в сфере уголовного права встречаются множество понятий ИИ и их необходимо закрепить на законодательном уровне. Приводятся примеры использования ИИ в зарубежных судебных системах.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, искусственный интеллект, расследование, квалификация преступлений.

Искусственный интеллект (ИИ) стал важным аспектом современного общества, на государственном уровне, преобразуя различные сферы жизни, включая здравоохранение, финансы, образование и т.д. Однако его влияние на правовую сферу, в частности, на уголовное право, вызывает значительные дискуссии и необходимость в формулировании четких определений и понятий. Автор в данной статье пытается рассмотреть основные аспекты определения искусственного интеллекта и его применение в уголовно-правовом контексте, а также специфику общественных отношений, связанных с ИИ.

Так, определения понятия «общественные отношения» не содержится в тексте УК РФ, что, с одной стороны, создает риски неодинаковой трактовки данного явления, а с другой – вызывает необходимость изучения и учета положений правовой доктрины. Более того, это влияет на неоднозначность при признании общественных отношений в качестве объекта преступления, поскольку является, с одной стороны, центральным в теории уголовного права, с другой – на протяжении длительного времени находится на острие научной полемики. Традиционно большинство ученых придерживаются точки зрения, согласно которой объектом преступления являются соответствующие общественные отношения, на которые посягает общественно опасное деяние.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года указано, что «искусственный интеллект является одной из самых важных технологий, которые доступны человеку в настоящее время: уже сейчас благодаря искусственному интеллекту происходит рост мировой экономики, ускорение инноваций во всех областях науки, повышение качества жизни населения, доступности и качества медицинской помощи, качества образования, производительности труда и качества отдыха» [1]. Вместе с тем, как отмечено в Стратегии искусственный интеллект несёт с собой и новые вызовы, в том числе необходимость обеспечения безопасности при разработке и использовании технологий искусственного интеллекта, необходимость обеспечения защиты персональных данных и иной информации ограниченного доступа, объектов интеллектуальных прав при создании и обучении моделей искусственного интеллекта, возникновение в сфере разработки, создания и использования технологий искусственного интеллекта новых типов угроз информационной безопасности, нехарактерных для других сфер применения информационных технологий и др [1]. Данная Стратегия определила направление в правотворческой деятельности ряду ученных в данной сфере.

Искусственный интеллект можно определить, как область компьютерных наук, занимающуюся созданием систем, способных выполнять задачи, требующие интеллекта, такие как восприятие, рассуждение, обучение и принятие решений. Технологии ИИ включают машинное обучение, нейронные сети, обработку естественного языка и другие подходы, позволяющие системам адаптироваться и оптимизировать свои функции на основе анализа данных. ИИ может быть классифицирован на несколько уровней, включая:

-узкий ИИ: системы, способные выполнять конкретные задачи (например, распознавание лиц);

-общий ИИ: гипотетическая система, обладающая способностями, сравнимыми с человеческим разумом;

-сверх интеллект: идея о том, что ИИ может превзойти человеческий интеллект во всех аспектах [6].

Системы ИИ используются для анализа больших объемов данных, что позволяет правоохранительным органам более эффективно выявлять тенденции и прогнозировать преступления. Использование алгоритмов машинного обучения может помочь в обнаружении «аномалий» и предсказании потенциальных преступлений на основе исторических данных [2].

ИИ может быть внедрен в процессы уголовного правоприменения, включая автоматизацию сбора и анализа доказательств, что в принципе на сегодняшний день, происходит, то есть идет постепенное внедрение. Это поднимает вопросы о правомерности и этике применения таких технологий, а также об ответственности за принятие решений на основе алгоритмов.

С возникновением ИИ в уголовно-правовой практике встает вопрос о том, кто несет ответственность за действия, совершенные с использованием ИИ. Это может быть, как разработчик технологии, так и оператор, использующий ИИ для принятия решений. Главный вопрос в правильной квалификации преступлении для следователя и судьи.

Использование ИИ в уголовном праве может угрожать правам человека, если алгоритмы имеют предвзятость или принимают решения на основе неполных данных. Необходимо разработать нормативные акты, регулирующие использование ИИ, чтобы избежать дискриминационных последствий.

В Государственную Думу РФ внесён законопроект об изменениях в Уголовный кодекс РФ, направленный на комплексное совершенствование мер противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) или в области компьютерной информации, которые в нынешнее время приобрели исключительную актуальность, а также на смягчение рисков, связанных с оборотом и применением цифровой валюты в незаконной деятельности [3].

ИИ представляет собой важное явление, которое, несмотря на свою многообещающую природу, требует вдумчивого и ответственного подхода в уголовно-правовом поле. Определение и понимание ИИ на различных уровнях позволят создать основу для его безопасного и этичного применения в правоприменительной практике. Важно, чтобы законодательство развивалось вместе с технологиями, гарантируя защиту прав человека и минимизацию рисков, связанных с использованием ИИ.

Согласно Российскому институту стандартизации, который дал понятие искусственного интеллекта; ИИ: Способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [4].

Искусственный интеллект (ИИ) все чаще используется в судебной практике для оптимизации процессов, повышения эффективности и улучшения качества принимаемых решений. Ниже представлены несколько примеров применения ИИ в зарубежных странах, как примеры.

1. Прогнозирование результатов дел.

Один из ярких примеров использования ИИ в судебной системе — это инструменты, которые анализируют исторические данные судебных процессов для прогнозирования результатов новых дел. Например: COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) — система, используемая в США для оценки вероятности рецидива преступников. Она анализирует данные о ранее совершенных преступлениях, социально-экономическом статусе и даже демографической информации, чтобы помочь судьям принимать более обоснованные решения о мере наказания.

2. Автоматизация правового анализа.

Современные системы ИИ могут использоваться для автоматизации анализа правовых документов и помощи в подготовке судебных решений.

Примеры включают: ROSS Intelligence — платформа на основе ИИ, которая позволяет адвокатам и судьям быстро находить релевантные прецеденты и юридические документы, минимизируя время на исследования и учитывая специфику конкретных дел.

3. Поддержка в принятии решений.

ИИ также может быть использован для оказания помощи судьям при вынесении решений по делам. Например, Lex Machina — инструмент, который использует аналитику для оценки шансов на успех в судебных разбирательствах, основываясь на предыдущих делах. Это помогает судьям увидеть возможные исходы и принять более обоснованные решения.

4. Повышение доступа к правосудию.

Системы ИИ могут быть применены для улучшения доступа к юридической помощи, предоставляя автоматизированные консультации для лиц, не имеющих возможности нанять адвоката.

Примеры: DoNotPay — чат-бот, который помогает пользователям оспаривать штрафы, получать консультации по различным правовым вопросам и даже генерировать юридические документы, облегчая процесс получения правовой помощи.

5. Системы распознавания и анализа речи.

ИИ также находит применение в судебных заседаниях, где используются технологии распознавания речи для автоматической

транскрипции судебных процессов. Это позволяет создать точные записи изложения аргументов и судейских решений, сохраняя при этом необходимую прозрачность.

Использование ИИ в судебных решениях открывает новые горизонты в области юриспруденции. Однако, несмотря на очевидные преимущества, такие как повышение эффективности и более точные прогнозы, необходимо учитывать риски, связанные с предвзятостью алгоритмов и защитой прав человека. Поэтому важно обеспечивать грамотный подход к интеграции ИИ в судебные процессы, контролируя его влияние на правоприменение и соблюдение справедливости.

В настоящее время технологии искусственного интеллекта используются в широком спектре общественных отношений. Например, работу следователя, уже сложно представить без справочно-поисковых систем. В будущем с развитием различных технологий и возрастанием их возможностей число областей применения искусственного интеллекта будет только увеличиваться. Так и в сфере уголовного права возникают новые риски и проблемы. Вопрос, кто будет нести ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом. Тем самым, по мнению автора, формирование и закрепление новых уголовно-правовых предписаний должно быть исследовано и обусловлено на законодательном уровне.

Автор считает, что под рассматриваемым явлением применительно к настоящему вопросу, следует понимать наличие в обществе социального запроса и объективной необходимости на регулирование и охрану общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом от общественно опасных посягательств.

Как отметил в одном из своих выступлений Президент РФ В.В. Путин с внедрением искусственного интеллекта в науку, в образование, в здравоохранение – да во все сферы нашей жизни, человечество начинает новую главу своего существования. Искусственный интеллект делает более простыми и удобными многие повседневные процессы, улучшает качество управления, механизмы предоставления государственных услуг, всё шире применяется в организациях, на предприятиях, в работе регионов [5].

Список цитируемой литературы:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на

период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения 12.05.2025.

2. Рассел С., Норвиг П. (2010). Искусственный интеллект: современный подход.

3. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (не внесен в ГД ФС РФ) https://www.consultant.ru/law/hotdocs/90567.html//. Дата обращения 01.10.2025.

4. Технологии искусственного интеллекта в образовании. ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Варианты использования. Издание официальное. Москва. Российский институт стандартизации. 2023. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ РФ ИИ ГОСТ Р 70949 —2023.

5. Президент принял участие в пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2023 на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности» //http://www.kremlin.ru/events/
president/transcripts/72811. Дата обращения 12.05.2025.

6. Биннс, Р. (2018). Справедливость в машинном обучении: уроки политической философии. В материалах конференции 2018 года по справедливости, подотчетности и прозрачности (стр. 149-158).

Лаврова С.В., старший преподаватель
ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМОЗАЩИТУ И ЦЕЛИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизма реализации права на самозащиту. Определены формы, способы и меры самозащиты. Устанавливается зависимость роли самозащиты к совершаемому или совершенному правонарушению и выделяются охранительная, функцию самозащиты, целью которой является поддержание нормального состояния гражданско-правовых отношений; предупредительная функцию самозащиты, которая заключается в то,

что создаются необходимые правовые условия, с помощью которых могут защищаться права субъектов гражданских правоотношений; и пресекательную функцию, которая осуществляется, когда для предотвращения нарушения недостаточно других мер защиты.

Ключевые слова: защита; самозащита; субъективные гражданские права; меры самозащиты; способы самозащиты; правонарушение.

Гражданское законодательство устанавливает возможность реализации права на самозащиту как особую форму активного противодействия неблагоприятным обстоятельствам и их последствиям. Однако на современном этапе развития правового регулирования реализовать в полной мере право на самозащиту достаточно сложно. Прежде всего, это вязано с тем, что в законодательстве недостаточно норм для урегулирования отношений, возникающих при реализации права на самозащиту. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [1]. праву на самозащиту посвящена статья 14, которая носит общий характер и используется для регулирования отношений, связанных с самозащитой любого вида гражданских прав. Однако, в соответствии со статьей 12 ГК РФ право на самозащиту закрепляется как один из способов защиты гражданских прав, что вызывает определенную путаницу в правоприменительной деятельности и для устранения требуется разрешения в теории, что позволит устранить возможные ошибки и на практике.

Реализация права на самозащиту субъективных гражданских прав имеет собственный правовой механизм, состоящий из средств, способов и мер самозащиты. Средствами самозащиты выступают правовые инструменты, закрепленные источниками гражданского права с целью защиты субъективных гражданских прав собственными действиями управомоченного лица. Меры самозащиты определяются смыслом гражданского законодательства, принципами гражданского права, а также конкретными нормами как возможности лица по выбору гражданско-правовых средств для восстановления своего права и обеспечения способа его применения. Способ самозащиты - это модель поведения управомоченного лица по самостоятельной защите права, закрепленная нормативно либо соглашение сторон или определяемая с учетом принципов и пределов права.

Говоря о субъектах гражданского правоотношения, в частности об обязанном лице, отвечающим на требование о защите права, невозможно обойти стороной вопрос судебной защиты. Так, в

процессуальном законодательстве имеются статьи, регулирующие возможность замены ненадлежащего ответчика (статья 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статья 47 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Указанные правовые акты допускают возможность переадресовать заявленные требования надлежащему ответчику, действия которого подлежат принудительному моделированию поведения. Именно лицо, от которого требуется надлежащее поведение, может отвечать на требования о надлежащем поведении. Действия по самозащите права также должны быть адресованы именно к лицу, которое нарушает право. Не имеет значения в какого рода гражданских правоотношениях реализуется правомочие защиты (право на защиту). И в абсолютных правоотношениях, и в относительных правоотношениях право на защиту с точки зрения своей сущностной природы и направленности будет одинаковым. При этом, главным является то, что основанием требования защиты и самозащиты будет являться либо совершенное правонарушение, либо реальная возможность (угроза) его совершения. Повсеместно утверждается, что правовым основанием применение защиты является правонарушение.

Для достижения правового эффекта в виде возникновения, изменения либо прекращения гражданских прав и обязанностей от совершаемых действий, необходимо чтобы эти действия совершались в правовой форме правоотношения либо, например, гражданско-правового договора. Так, возмездное приобретение права собственности на вещь, у которой уже имеется собственник, возможно лишь форме заключения договора купли-продажи или мены. Причем, законодатель, определяя правовую форму приобретения права собственности на такую вещь, определяет и порядок осуществления действий в рамках такой правовой формы (предварительная или постоплата приобретаемой вещи, передача вещи покупателю (статья 223 ГК РФ), и др.). Аналогичная ситуация обстоит и с правовыми формами защиты гражданского субъективного права.

Если действия субъектов гражданского права не соответствуют нормативной модели поведения, должны включаться особые правила и особые приемы, рассчитанные на осуществление защиты права или защиты интересов субъектов. Такие приемы и правила должны осуществляться в заранее установленных правовых рамках, и только там, где принудительное осуществление допустимо. Представляется, что такими рамками является правовая форма защиты субъективных гражданских прав.

Право на защиту и самозащиту является правомочием, входящим в состав субъективного гражданского права, и может быть реализовано не иначе как совершением активных действий. Также, не подлежит сомнению, что в силу установления принципов автономии воли участников гражданских правоотношений, свободного осуществления гражданских прав защита не может быть осуществлена не иначе как по воле участника, который обладает правомочием защиты своих гражданских прав и использует его для восстановления нарушенного положения, либо недопущения совершения гражданского правонарушения. Принудительная защита прав помимо воли и действий пострадавшего лица - это прерогатива публичного права, но не частного. В частном - право на самозащиту реализуется как право, принадлежащее пострадавшему субъекту.

Представляется верным, что осуществление права его использованием характерно для отношений гражданского оборота при нормальном осуществлении прав и исполнении обязанностей всеми его участниками. Так, в обязательственном правоотношении по поставке товара его участники действуют так, как первоначально установлено их модельными рамками поведения. Например, поставщик осуществляет досрочную доставку товара, используя своё возможное правило поведения, и действует, используя это право. Либо, покупатель отказывается принять товар, используя своё право на такой отказ, поскольку такое правило предусмотрено их моделью поведения, заключённой в форме договора поставки. Для совершения таких действий достаточно одного установления, и осуществление закреплённого установления (права) возможно, лишь путём использования.

Использование права на защиту или самозащиту не происходит при нормальном течении гражданского оборота. Одного лишь использования права в виде совершения действий, направленных на защиту, зачастую недостаточно для защиты нарушенного права либо предотвращения нарушения, и соответственно нельзя сказать, что «использование» права на защиту приводит к его реализации (осуществлению). При этом, реализация права на защиту возможна исключительно при соблюдении определённой, установленной законом, процедуры совершения действий. Так, самозащита права допускается, если она соответствует нормам действующего законодательства и не должна причинять вред другим лицам либо их имуществу, правам и законным интересам. Судебная защита осуществима при условии соблюдении норм процессуального законодательства, а при вынесении решения суд должен применять те

нормы, которые действуют на дату рассмотрения спора, а при определённых обстоятельствах в соответствии с законом, который действовал в период рассматриваемых отношений.

Для реализации права на защиту и самозащиту необходимо не просто совершить определённые действия, а действия особого рода, предусмотренные законом, и в особом порядке. Как правило, такие действия не устанавливаются самими правоотношениями, а осуществляются на основании закона, имеют определённое правовое регулирования и порядок их осуществления, т. е. имеют определённую правовую форму защиты. Тем самым, будем исходить из того, что правомочия самозащиты, будучи элементом субъективного гражданского права, могут быть реализованы при использовании этого правомочия путём совершения действий, направленных на защиту. В свою очередь, последняя осуществима, если совершается в установленной законом правовой форме защиты.

В научной юридической литературе называются различные формы защиты. Традиционным делением является разделение на формы: юрисдикционную и неюрисдикционную. Г.А. Свердлык и Э.Л. Страунинг: «босновывают существование трех форм защиты: судебной, административной и самозащиты: [2, с. 156]. Основанием классификации форм защиты, как правило, является субъектный критерий разграничения, а виды форм обусловлены законодательным установлением. При этом, для развития науки видится недостаточным разделение форм защиты по одному названному критерию, поскольку не охватывает всего существа гражданско-правовой формы.

Форма защиты права является правовой формой осуществления действий субъекта, чьи права нарушены или могут быть нарушены в будущем. Классификация форм должна происходить с учётом всех особенностей гражданско-правового регулирования действий, связанных с такой защитой. Следует различать правовую форму реализации права на защиту (материально-правовую форму или гражданско-правовую форму) и процессуально-правовую форму.

Действия по защите субъективного права не однородны и выбор формы защиты зависит от характера правонарушения, причём как совершаемого или совершенного, так и потенциально возможного совершения правонарушения в будущем. Поэтому, гражданское законодательство предусматривает различные возможности защиты субъективного права.

Всё это характеризует самозащиту как особое гражданско-правовое явление, требующее детальной научной разработки. При этом, отнесение самозащиты к гражданско-правовой форме защиты

субъективного права позволит в последующем развивать нормативно-правовое регулирование порядка осуществления защиты субъективного гражданского права лицом, чьи права нарушены или требуют совершения превентивных мер для предотвращения совершения гражданского правонарушения.

Активное исследование самозащиты в гражданско-правовых отношениях «началось уже давно, поскольку обращение к самозащите, ее востребованность и применимость обусловлены простотой и доступностью этого способа защиты, который осуществляется без юрисдикционных органов и отличается высокой оперативностью ее применения» [3, с. 103].

В юридической литературе определения самозащиты субъективных гражданских прав обладают схожими признаками, характерными для действий, направленных на самозащиту. Самозащита, прежде всего – это допустимые в силу общих начал и смысла гражданского законодательства самостоятельные действия, осуществляемые управомоченным лицом, без использования государственного аппарата, направленные на пресечение или восстановление нарушенных прав и обеспечение баланса имущественных и иных социально-значимых интересов, соразмерные нарушению и влекущие для управомоченного лица, а также лица, к которому обращены указанные действия, юридические последствия.

Функциональное предназначение объективного права заключается в правовом регулировании общественных отношений, то и правовое воздействие может осуществляться в различных направлениях. Поэтому, отдельные правовые явления играют свою определённую роль в таком регулировании, а соответственно, отдельное правовое явление функционирует с определённой целью, в зависимости от той роли, которую выполняет.

Подводя итог, следует отметить, что самозащита субъективных гражданских прав функционирует с определённой целью. При этом, в зависимости от того, какую роль она выполняет по отношению к совершаемому или совершенному правонарушению, следует выделять: охранительную функцию самозащиты, целью которой является поддержание нормального состояния гражданско-правовых отношений; предупредительную функцию самозащиты, которая заключается в то, что создаются необходимые правовые условия, с помощью которых могут защищаться права субъектов гражданских правоотношений; – пресекательную функцию, которая осуществляется, когда для предотвращения нарушения недостаточно других мер защиты и выражается в совершении определённых

действий относительно данного правоотношения, посредством устранения последствий в случае нарушения обязательств; восстановительную функцию, которая нацелена на возвращение нарушенных прав и законных интересов в прежнее (то есть до нарушения) положение; обеспечительную функцию самозащиты, которая проявляется в возможности создания определённых благоприятных условий для получения возмещения за потерянное право; компенсационную функцию, преследующую восстановление нарушенного состояния и/или имущественного положения субъекта.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. [ред. от 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Свердлык, Г.А., Страунинг, Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав: учебное пособие. / Г.А. Свердлык, Э.Л. Страунинг - Москва: Лекс-книга, 2002. – 208 с.

3. Григорянц, С. А. Некоторые аспекты совершенствования института медиации / С. А. Григорянц, А. В. Суховенко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 6(85). – С. 114-116.

Лаврова С.В., старший преподаватель, **Борисова Е.А.,** студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

МЕДИАЦИЯ КАК ВНЕСУДЕБНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СПОРА

Аннотация

В статье анализируются актуальные вопросы, возникающих в судебной практике при рассмотрении споров, вытекающих из договоров займа. Исследуются проблемы, связанные с доказыванием факта заключения договора, определением существенных условий, основных характеристик и его формы. Предлагается путь совершенствования законодательства в части предоставления и оформления расписки как формы договора займа.

Ключевые слова: договор займа; расписка; односторонний договор; форма договора займа.

Развитие промышленности и распространение цифровых технологий вызвали рост числа и усложнение гражданских правовых конфликтов, что приводит к увеличению нагрузки на судебную систему. Однако даже после принятия судебного вердикта проблемы у стороны, выигравшей дело, не исчерпываются, поскольку часто возникает проблема исполнения судебного акта ответчиком. Все это диктует острую потребность в разработке новых способов разрешения разногласий внесудебными способами. В связи с этим на современном этапе развития правосудия важная роль отводится альтернативным способам разрешения споров частноправового характера.

Альтернативные методы урегулирования конфликтов играют ключевую роль в совершенствовании правовой системы. Доступность и эффективность защиты прав граждан и юридических лиц значительно повышаются благодаря возможности использовать внесудебные способы решения споров. Во многих странах широко применяются разнообразные легитимные механизмы преодоления правовых разногласий не за действующие судебную систему: переговоры сторон, процедуры медиации, примирительные процессы, досудебные консультации, независимая экспертиза и другие. Среди множества способов разрешения конфликтов медиация выделяется как наиболее действенный способ, позволяющий выйти далеко за рамки первоначальных претензий и достичь практического решения

Процедура медиации получила нормативную базу с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ [1], который был разработан в целях создания правовых условий для применения в России альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица - медиатора, содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Процедура медиации позволяет сторонам самостоятельно определять порядок проведения переговоров, место и время встреч, открыто заявлять свою позицию, подробно рассматривать доводы друг друга и искать взаимоприемлемые пути выхода из конфликтной ситуации. Ожидаемый результат внедрения процедуры медиации в российскую правовую систему заключается в значительном сокращении расходов. Учитывая огромное число судебных дел, поступающих

каждый день в российские суды разных инстанций, для их оперативного и эффективного рассмотрения необходимы не только высококвалифицированные судьи, но и большие финансовые вложения в административное и техническое обслуживание судебной системы. «Применение процедуры медиации ведет к снижению издержек, которые участники спора обязаны нести при его рассмотрении в судебном порядке. В случае, если стороны спора принимают решение не обращаться в суд и применяют процедуру медиации, уровень этих издержек снижается до нуля» [2, с. 17].

Таким образом, использование механизма медиации позволяет существенно сократить сроки разрешения споров. Обращение к медиации освобождает стороны конфликта от риска затяжного судебного процесса, который может быть искусственно продлен действиями одной из сторон путем многократного переноса заседаний суда.

Законом устанавливается процедура разрешения споров, соответствующая интересам участников. Решения принимаются самими сторонами конфликта, роль посредника заключается в содействии сторонам четкому формулированию позиций и достижению взаимоприемлемого результата через обсуждение сути спора.

С принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ [3], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [4], Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ [5], и Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ [6], были внесены нормы, устанавливающие возможность и порядок обращения сторон по рассматриваемому делу в целях урегулирования спора к посреднику – медиатору. Медиаторы включены в перечни лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей.

Следует также отметить Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» от 20 декабря 2015 г. № 382-ФЗ [7], в котором глава 10 «Соотношение арбитража и процедуры медиации» посвящена разграничению осуществления третейского разбирательства и медиации.

Медиация является общим понятием, включающим разнообразные методы примирительного характера с участием посредника - от переговоров по политическим вопросам до решений бытовых и

гражданских конфликтов. Из-за такой широкой сферы применения трудно однозначно определить ее сущность, ведь процедура объединяет большое количество разных способов и инструментов решения конфликтных ситуаций, теряя свою уникальность среди прочих похожих практик.

Если урегулирование разногласий ориентировано исключительно на взаимные интересы участников, а правовые нормы выполняют второстепенную функцию, оформляя согласованные решения в рамках действующего законодательства, придавая им юридическую силу и способствуя исполнению обязательств, тогда медиация выступает в роли общего термина («рамочного понятия»).

Медиатор организует сотрудничество сторон, помогая находить компромиссы, отвечающие интересам каждой из них, реалистичные и осуществимые. В роли официальных медиаторов выступают сертифицированные специалисты, тогда как неофициальными могут становиться руководители организаций, разрешающие конфликты среди сотрудников одновременно исполняя свои административные обязанности. Основная цель медиатора - способствовать достижению сторонами мирного урегулирования споров посредством диалога, оформляемого чаще всего в письменной форме.

«Медиация предполагает возможность разрешения спора с участием нейтральной незаинтересованной стороны, авторитетной для всех участников – медиатора. Привлечение третьей стороны для решения споров, разногласий, применялось с момента появления общества. В настоящее время содержание данной традиции значительно изменилось. Оглядываясь назад в историю, можно увидеть, что к третьей стороне обращались для урегулирования конфликта как внутри крестьянской общины, так и в высшем обществе. В древней Руси при помощи посредника пытались разрешить княжеские междоусобицы. Посредниками нередко выступали представители духовенства. Были созданы различные социальные институты, призванные к тому, чтобы согласовывать интересы различных социальных групп российского общества: Вече, Земский Собор, Земства» [8 с. 232].

Обобщив имеющиеся формулировки, можно утверждать, что медиация - это процедура, в рамках которой конфликтующие стороны, пользуясь поддержкой нейтрального посредника, идентифицируют проблему, находят возможные варианты ее урегулирования, оценивают альтернативы выхода из конфликта и согласовывают оптимальный способ разрешения гражданско-правового спора, отвечающего интересам каждой из сторон.

По итогам проведения процедуры медиации стороны вправе оформить достигнутые договоренности либо в устной, либо в письменной форме, однако само составление соглашения осуществляется самими сторонами без прямого вмешательства третьей стороны. Таким образом, медиация выступает методом, при котором стороны контролируют весь ход процесса и конечный результат самостоятельно.

Таким образом, медиация позволяет сторонам самостоятельно определять порядок проведения переговоров, место и время встреч, заявлять свою позицию, подробно рассматривать доводы друг друга и искать взаимоприемлемые пути выхода из конфликтной ситуации. Медиация закрепляет высокий уровень конфиденциальности, обеспечивая надежную защиту интересов сторон конфликта, желающих исключить участие посторонних лиц в урегулировании своих разногласий. Суть процедуры медиации заключается в том, чтобы конфликтующие стороны добровольно вступили в переговоры друг с другом при участии независимой третьей стороны -медиатора, минуя судебные инстанции. Важнейшей характеристикой данной процедуры является стремление сторон создать психологический контакт друг с другом посредством участия посредника, смягчить эмоциональный фон диалога и совместно выработать наиболее целесообразное решение, позволяющее эффективно разрешить имеющиеся противоречия. Медиатор представляет собой независимого человека, выступающего посредником в урегулировании конфликтов.

Список цитируемой литературы:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июл. 2010 г. (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 31. - Ст. 4162.

2. Шумова, К.А Принципы медиации: дисс. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – С.17.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. (в ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят

Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 30 октября 2002 г. (в ред. от 15 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч 1: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1996 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

6. О третейских судах в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.

7. Об арбитраже (третейском разбирательстве): федер. закон Рос. Федерации от 20 декабря 2015 г. № 382-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 декабря 2015 г. (в ред. от 8 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 301 (часть 1). – Ст. 2.

8. Лаврова, С. В. Проблемы и перспективы развития медиации // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия: материалы XIX Всероссийской очной научно-практической конференции, посвященной 25-летию филиала, Липецк, 27 мая 2025 года. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2025. – С. 231-235.

Левашова О.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕНОТИПОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация

Генотипоскопическая экспертиза, базирующаяся на уникальности структуры дезоксирибонуклеиновой кислоты, заняла особое место в системе доказательств, позволив устанавливать причастность лица к преступлению в ситуациях, где традиционные методы бессильны: при исследовании микроскопических следов биологического происхождения, фрагментированных останков или материалов, подвергшихся термическому воздействию.

В статье рассматриваются правовые и этические аспекты проведения генотипической экспертизы, включая вопросы защиты персональных данных и допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве.
Ключевые слова: уголовный процесс, генотипическая экспертиза, криминалистика, фенотипирование.

В соответствии с положениями уголовно-процессуальной теории, процесс раскрытия и расследования противоправных деяний являет собой структурно упорядоченный комплекс, включающий в себя совокупность процессуальных актов и следственных действий. Непосредственное осуществление указанных мероприятий возлагается на надлежащих участников уголовного судопроизводства, причем подобные действия подразделяются как исходя из их сущностного наполнения, так и в зависимости от их процессуально-правовой характеристики. Функционирование данного правового инструментария подчинено задачам уголовного процесса и протекает в формах, подвергнутых исчерпывающей законодательной регламентации. «В раскрытии и расследовании преступлений применяются идентификационные экспертизы, к числу которых относится и генотипоскопическая, или молекулярно-генетическая» [4, с. 43].

Указанное обстоятельство предопределяет присутствие у лица, производящего расследование, совокупности знаний, охватывающей как осведомленность о потенциале современных экспертных методик, так и строгое соблюдение процессуальных норм в ходе назначения и выполнения соответствующих исследований. В круг обязанностей следователя вменяется формирование тактических приемов при подготовке объектов, передаваемых на экспертизу, а также умение надлежащим образом интерпретировать заключения специалистов и включать полученные данные в общую канву уголовного судопроизводства. Подобная активность реализуется в контексте обеспечения неотвратимости наказания для субъектов, совершивших преступные деяния.

Использование технологий ДНК-анализа обретает особую актуальность при производстве по уголовным делам, касающимся посягательств на личность, а равно отдельных иных разновидностей противоправных действий. В определенных ситуациях генотипоскопическое исследование занимает не главенствующее положение среди процессуальных действий, а применяется в качестве вспомогательного компонента доказательственной базы.

Обобщение опыта правоприменительной деятельности свидетельствует о наличии случаев, когда данные генетических

экспертиз обуславливали формирование у органов предварительного расследования некорректных предположений о характере произошедших криминальных событий.

«Одним из направлений поиска серийного убийцы являются геноскопические исследования. В принципе это верно, так как сейчас в каждом регионе собрана база ДНК всех осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Но, по данным судебной практики, многие серийные убийцы несудимы и, следовательно, образцов ДНК в базе данных нет. Валерий Сидлер на местах происшествий, где были найдены трупы малолетних, оставлял презервативы с биоматериалами, собранными на пляжах Таганрога, пуская следствие по ложному следу, когда у тысяч таганрогцев были взяты образцы ДНК для проведения геноскопических исследований, и лишь спустя несколько лет благодаря мастерству следователя убийца был разоблачен. Таким образом, экспертиза ДНК не всегда является гарантом раскрытия серийных убийств, в связи с чем российские криминалисты находятся в поиске эффективных методов раскрытия убийств на сексуальной почве. Одним из новых предложенных направлений является использование дерматоглифических исследований методики построения поисковой криминалистической модели» [1, с. 3].

Интенсивность обращения к генотипоскопической экспертизе дифференцируется в зависимости от специфики уголовного дела. При производстве по преступлениям против собственности, сопряженным с противоправным изъятием имущества, применение рассматриваемого метода носит эпизодический характер и считается допустимым исключительно при наличии аргументированных предположений об обнаружении биологических следов. Назначение ДНК-идентификации также признается целесообразным по делам, связанным с летальным исходом, а равно по иным составам, включая хулиганство либо осквернение останков умерших.

Обобщая вышесказанное, допустимо сформулировать следующий вывод: инициирование генотипоскопической экспертизы является оправданным по тем уголовным производствам, в материалах которых присутствуют биологические образцы, с высокой степенью вероятности происходящие от подозреваемого или потерпевшего, при условии их удовлетворительной сохранности, обеспечивающей возможность проведения идентификационных процедур.

В ходе расследования уголовных дел о террористических актах, реализованных посредством взрывных механизмов, а также по фактам аварий на транспорте, сопровождавшихся детонацией и последующим воспламенением, либо при выяснении обстоятельств поджогов,

повлекших гибель людей, перед следствием возникает настоятельная потребность в назначении целого ряда экспертных исследований.

Приоритетная роль в обозначенных ситуациях отводится взрывотехнической экспертизе. Вместе с тем границы профессиональной компетенции специалистов соответствующего профиля ограничены разрешением сугубо технических аспектов и не распространяются на идентификацию погибших. Преодоление указанного затруднения обеспечивается задействованием генотипоскопических методик. Применение ДНК-анализа представляет собой единственно доступный способ установления личности, поскольку реализация дактилоскопического либо габитоскопического исследования блокируется термической деструкцией, необратимо трансформирующей трупный материал и обусловливающей его непригодность для перечисленных видов экспертной деятельности.

«Считается, что отдельные фрагменты не могут служить самостоятельными объектами экспертной идентификации или опознания, и, рассматривая вопросы организации судебно-медицинской экспертизы фрагментированных трупов в случаях их массового поступления рекомендуется проводить идентификацию трупов только после реконструкции тел» [3, с. 85].

В отдельных ситуациях для обеспечения исчерпывающего характера экспертного исследования, предполагающего не просто установление принципиальной возможности отождествления личности по биологическим следам, но и персонификацию их происхождения, проведению экспертизы предшествует обособленное процессуальное действие, а именно получение образцов, необходимых для сравнительного анализа. Специфика указанной процедуры детерминирована тем, что изъятие биоматериала производится у живых индивидов, выступающих носителями идентифицирующих признаков. Примечательным является также тот факт, что сравнительные образцы, в отличие от вещественных доказательств, не характеризуются свойствами исключительности и невосполнимости.

Процесс получения сравнительных образцов может протекать в двух вариациях: непосредственное осуществление следователем либо производство экспертом в рамках экспертизы, когда изъятие образцов выступает в качестве обязательного элемента исследовательских процедур. При реализации второго варианта произведенные манипуляции находят отражение в экспертном заключении. В ходе изъятия следователь наделен правом привлекать сведущих лиц,

функции которых обычно выполняют представители медицинской профессии либо специалисты в области биологии или химии.

Процессы преобразования, охватывающие научно-техническую, информационную и экономическую сферы, детерминируют эволюционное движение криминалистики, перед которой с неизбежностью возникают усложняющиеся задачи. Преодоление указанных вызовов требует расширения тактического инструментария, выработки оригинальных методических решений и обновления технологической базы криминалистической практики, ориентированной на нейтрализацию криминальных угроз.

Учитывая тот факт, что генетическая идентификация в Российской Федерации затрагивает конституционные права гражданина, то более детально и конкретно она урегулирована нормами федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 12.03.2008 №242–ФЗ [2] Вступление в силу данного законодательного акта существенным образом расширило потенциал обработки массивов генетической информации, аккумулируемой в ходе изучения биологических образцов. Тем самым обозначенным законом была придана легитимность новой категории криминалистического регистрационного учета в структуре государственной базы данных геномной информации, предполагающей внесение в нее и дальнейшее использование ДНК-профилей отдельных групп лиц, отличающихся повышенной степенью общественной опасности, равно как и тех индивидов, которые с высокой вероятностью могли оставить биологические следы в процессе реализации преступных деяний.

Помимо императивной процедуры, законодателем предусмотрена также вариативность прохождения геномной регистрации в добровольном порядке. Указанный режим распространяется на российских граждан, а равно на иностранцев и апатридов, постоянно проживающих либо временно находящихся на территории РФ. Добровольное включение в регистр осуществляется на платной основе и требует представления заинтересованным субъектом письменного ходатайства.

Список цитируемой литературы:

1. Грибунов, О. П. Актуальные вопросы теории и практики раскрытия и расследования серийных убийств / О.П. Грибунов// Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 3.

2. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : Федеральный закон от 3.12.2008 № 242-ФЗ (в ред. от

08.08.2024). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82263/856b6aa7481e4adff8c72e4d43400e82544de974/ (дата обращщения 11.04.2026)

3. Пучков, А.А. Методика безрасчетной судебно-генетической идентификации применительно к чрезвычайным ситуациям / А.А. Пучков // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2016. – № 3. – С. 85-89.

4. Старченко, А. В. Современные возможности использования метода генотипоскопии в биологической экспертизе при расследовании преступлений / А.В. Старченко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 2-2. – С. 43.

Макаров О.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрены концептуальные основы создания эколого-правового регулирования строительства и его реализации в различных организационно-правовых формах охраны окружающей среды. Отстаивается идея эколого-правового обеспечения гарантированного завершения объектов строительства.

Ключевые слова: экологическое право, строительство, эколого-правовые требования, формы охраны окружающей среды при осуществлении строительства.

Структурно-логический и содержательный анализ источников позитивного права позволяет выделить общие и специальные эколого-правовые требования к строительству. Если общие эколого-правовые требования носят родовой характер и относятся ко всем случаям строительства, то специальные эколого-правовые требования появляются в результате учета разнообразных предпосылок, факторов и форм строительно-монтажного процесса: вида строительства; вида

объекта, в отношении которого осуществляются строительно-монтажные и реставрационные операции; вида территории, на которой осуществляется строительство, реконструкция, воссоздание, реставрация объекта; вида или формы предполагаемой хозяйственной деятельности на строящемся, реконструируемом, ремонтируемом, воссоздаваемым или реставрируемым объектом Таким образом, в области установления и реализации эколого-правовых требований сложился и действует приличный нормативно-правовой массив, стержневая роль в котором принадлежит Федеральному закону от 10.01.2002. - № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" [1].

Статья 751 Гражданского кодекса РФ безнадежно устарела как с точки зрения существа, так и формы. Изложенные в ней правовые нормы носят не частно-правовой, а публично-правовой характер, поскольку регулирование осуществляется в императивной форме, по отношению ко всем субъектам деятельности и направлено на обеспечение обязательных требований. Хотя в самой ст.751 Гражданского кодекса РФ отсутствует ссылка на Федеральный закон от 31.07.2020. № 247-ФЗ "Об обязательных требованиях в Российской Федерации" [2], его действие в данном случае подразумевается, поскольку строительство не подпадает под случаи исключения действия Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ "Об обязательных требованиях в Российской Федерации".

Согласно п.1 ст.751 Гражданского кодекса РФ подрядчик обязан при осуществлении строительства и связанных с ним работ соблюдать требования закона и иных правовых актов об охране окружающей среды и о безопасности строительных работ. Подрядчик несет ответственность за нарушение указанных требований. Субъекты договора строительного подряда, как известно, - заказчик и подрядчик. Для подрядчика обязанность по охране окружающей среды и безопасности работ почему-то устанавливается, а для заказчика – нет. Кроме подрядчика и заказчика, в строительно-монтажном процессе либо в предшествующих строительно-монтажному процессу формах участвуют и другие субъекты: изыскатели и проектировщики, технические заказчики и поставщики материально-технических ресурсов, - однако, в ст.751 Гражданского кодекса РФ об их обязанностях и ответственности в области охраны окружающей среды и безопасности строительных работ. Требования в области охраны окружающей среды и безопасности строительных работ лишь частично представляют собой обязательные требования: естественно, что существуют и иные обязательные требования, отражающие особенности

производства различных видов строительно-монтажных, реставрационных и иных работ.

Далее в соответствии с п. 2. ст.751 Гражданского кодекса РФ подрядчик не вправе использовать в ходе осуществления работ материалы и оборудование, предоставленные заказчиком, или выполнять его указания, если это может привести к нарушению обязательных для сторон требований к охране окружающей среды и безопасности строительных работ. Содержание и объем критики в адрес данной правовой нормы, по сути, дела совпадает с объемом и критикой в адрес п.1 той же статьи Гражданского кодекса РФ: почему-то не указаны иные субъекты предоставлений, например, поставщики материально-технических ресурсов и изготовители различной применяемой в строительстве технической документации. Нарушения со стороны субъектов инвестиционно-строительного процесса могут касаться не только требований в области охраны окружающей среды и безопасности строительных работ, но и любых обязательных требований.

Естественно, что в параграфе 3 главы 37 Гражданского кодекса РФ эти взаимосвязи должны быть надлежаще отражены.

Собственно, эколого-правовое регулирование строительства содержится в ст. ст. 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды", начиная от стадии территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий и заканчивая вводом в эксплуатацию и выводом из эксплуатации различных объектов. Анализируемую группу статей Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" нельзя назвать ни нормой права, ни группой взаимосвязанных норм. В теории права предлагается и обосновывается различная классификация норм права: исходные (отправные, учредительные), бланкетные, отсылочные правовые нормы [3]. Однако, структурно-логический и содержательный анализ ст. ст. 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" не позволяет отнести их ни к одному из перечисленных видов. В сущности, анализируемые статьи Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" (или нормы, если статьи нормативно-правового акта считать совпадающими с правовыми нормами), повторяют имеющееся общее эколого-правового регулирование отношений, складывающимся в сфере организации, планирования и осуществления строительства. В системе эколого-правового регулирования известны формы охраны окружающей среды:

восстановление природной среды, рациональное использование природных ресурсов, недопущение негативного воздействия. Статьи 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" к этим формам охраны окружающей среды ничего не добавляют и никак их не раскрывают применительно к строительству.

Определенные критические замечания вызывает и теоретический уровень разработки эколого-правовых проблем строительства.

Известна, например, научная работа, посвященная эколого-правовым основам регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России [4]. Изучение структуры и содержания данной научной работы показывает, что собственно эколого-правовому регулированию строительства посвящена лишь одна, четвертая глава, что доказывает объективные трудности в выявлении и исследовании эколого-правового регулирования строительства.

Примерно такая же картина наблюдается в учебно-методических изданиях. Имеются такие, в которых эколого-правовые проблемы строительства вообще не выделяются и не освещаются [5]. В других при освещении и раскрытии эколого-правового регулирования строительства повторяется гражданское и градостроительное законодательство [6], что явно недостаточно для эколого-правовых исследований и экологического образования.

Таким образом, основной вывод состоит в признании отсутствия надлежащего эколого-правового регулирования строительства, в необходимости поиска и установления критериев и механизмов эколого-правового режима создания объектов недвижимости и их развития, и совершенствования.

Список цитируемой литературы:

1. Собрание законодательства РФ - 2002. - № 2. - Ст. 133; 2024. Часть 1. - № 53. - Ст. 8507.

2. Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 31. – Часть 1. - Ст. 5006.

3. См.: Теория государства и права, Курс лекций. Под ред. Н.И.Матузова и А.В.Малько // М.: Юристъ, 2001. – С.369-372.

4. См.: Болтанова, Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России / Е.С.Болтанова. – Дисс. … доктора юрид. наук. – Томск, 2014.

5. См.: Саркисов, О.Р. Экологическое право. Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О.Р.Саркисов, Е.Л.Любарский. – Казань: Центр инновационных технологий, 2014.

6. См.: Экологическое право. Учебник для вузов. Под ред. С.А.Боголюбова. Восьмое издание / М.: Юрайт,, 2025. – С. 146-151, 156-159.

Мозговая Д.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент
Стефанова Е.Ю., канд. юрид. наук, преподаватель
30 кафедры (уголовного процесса)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация

В настоящей статье авторы опускают дискуссию относительно того, относятся ли получение образцов для сравнительного исследования и производство экспертиз к процессуальным или следственным действиям. Внимание сосредоточено на проблеме необходимости, обоснованности и реальной возможности их производства в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: следователь; эксперт; следственные действия; образцы для сравнительного исследования; назначение экспертиз; возбуждение уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела является значимой с точки зрения принятия процессуальных решений на основе собранных первичных доказательств. Законодатель, несмотря на ограниченность времени, в течение которого проводятся проверочные мероприятия, наделяет должностных лиц полномочиями по производству трудозатратных процессуальных действий: получения образцов для сравнительного исследования и назначения экспертиз.

Наделение правоприменителя такими полномочиями в стадии возбуждения уголовного дела [1] повлекло за собой проблемы при их реализации и, несмотря на более чем десятилетнее существование нормы, некоторые вопросы не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

Как известно, эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы [2]. Следовательно, он работает только с теми объектами, которые ему представляет инициатор ее назначения. Если необходимость в назначении экспертизы

возникла в ходе предварительного расследования, то в арсенале следователя и дознавателя, как правило, уже имеется необходимый материал для исследований или процессуальная возможность изъятия такового в ходе производства обыска, выемки, получения образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ). Иначе обстоит дело на этапе доследственной проверки, когда не определён процессуальный статус лиц, от которых следует получить образцы, когда возникают сложности с реализацией процессуальных гарантий на ознакомление с постановлением о назначении судебных экспертиз, когда ограничены средства обнаружения и изъятия тех объектов, которые необходимо исследовать. Кроме того, в стадии возбуждения уголовного дела изъятия не могут осуществляться путем производства таких следственных действий как выемка и обыск, что существенно ограничивает инициаторов производства экспертизы в получении объектов, подлежащих исследованию.

Процессуальная нерешенность обозначенных проблем приводит к тому, что практические сотрудники при всей очевидной необходимости получения образцов и назначения идентификационных судебных экспертиз в ходе проверки сообщения о преступлении ограничиваются либо предварительным исследованием объектов, либо назначением экспертиз, но без представления сравнительных образцов, что сужает круг решаемых экспертных задач.

Кроме того, несмотря на то, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует прямая норма, устанавливающая обязанность следователя повторно назначать судебную экспертизу в случае, если она была проведена до возбуждения уголовного дела, системное толкование отдельных положений (статей 195 и 198 УПК РФ) свидетельствует о том, что при назначении экспертизы в рамках уже возбужденного уголовного дела следователь обязан обеспечить реализацию процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, включая право заявлять отвод эксперту, формулировать вопросы, подлежащие разрешению, а также знакомиться с постановлением о назначении экспертизы.

По поводу неопределенности процессуального статуса и, как следствие, возможного нарушения прав неоднократно высказывали свои суждения ученые и практические сотрудники. Одни указывали на недостатки правового регулирования и реального обеспечения прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела [8, с. 151]. Другие, разделяя приведенное мнение, отмечали, что процессуальная норма нуждается в уточнении в части разъяснения участникам порядка проведения и обеспечения морально-этических норм [6, с. 87].

Авторы указывали на нерешенность вопросов не только при получении образцов для сравнительного исследования при рассмотрении сообщений о преступлении, но и при назначении экспертиз. Так, С.Г. Загорьян пишет, что в некоторой степени можно считать нарушением прав лиц, которые впоследствии могут стать участниками уголовного судопроизводства знакомиться с постановлением о назначении экспертизы на вышеуказанной стадии. Это право реализуется впоследствии при предъявлении заключения эксперта указанным лицам как участникам уголовного процесса [4, с. 308].

Анализ приведенных и ряда других научных работ позволил нам прийти к выводу о том, что неоднозначность законодательного формулирования ч. 1 ст. 144 УПК и ч.1 ст. 202 УПК РФ в части касающейся процессуального статуса лиц в стадии возбуждения уголовного дела их процессуальных прав и обязанностей при получении образцов для сравнительного исследования и назначении экспертиз порождает осторожное отношение правоприменителей к указанным нормам.

Обоснованно осторожное отношение еще и тем фактом, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению (ч. 2 ст. 144 УПК РФ). А в случае, если при производстве судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела исследуемые объекты (например, патроны) были исследованы в полном объеме, то выполнить названное положение УПК РФ уже будет невозможно.

Что же касается ограниченности средств обнаружения и изъятия объектов экспертного исследования, то это заключается в отсутствии прямого указания на возможность производства выемки в ходе рассмотрения сообщения о преступлении. В процессе производства этого следственного действия к следователю, дознавателю поступают такие образцы для сравнительного исследования как оттиски печатей, штампов, рукописные записи и подписи, фонограммы голоса, речи. Получение перечисленных и иных образцов в ходе допустимого ч. 1 ст. 144 УПК РФ процессуального действия – истребования документов и предметов является не равнозначным по своей природе, поскольку в этом случае мы не в полной мере можем убедиться в источнике происхождения объектов и их достоверности. А как мы знаем, именно несомненность происхождения образцов стоит во главе угла при производстве любой экспертизы. Для обеспечения надлежащего

способа получения образцов и процессуальной фиксации мы присоединяемся к тем авторам, которые на основе анализа судебно-следственной практики по различным соображениям выступают за дополнение ч. 1 ст. 144 УПК РФ таким следственным действием как выемка [7, с. 66; 5, с.39].

Некоторым правоприменителям представляется препятствием в реализации в полной мере средств рассмотрения сообщения о преступлении прямое указание законодателя на то, что только следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 202 УПК РФ). Названное обстоятельство создает препятствие, по их мнению, не только в стадии возбуждения уголовного дела, но и в процессе предварительного расследования. Так, в апелляционной жалобе адвокат Волков в защиту интересов осужденного, выражая несогласие с приговором, считает его незаконным и необоснованным ввиду, существенных нарушений уголовно-процессуального закона, указал на то, что правом выносить постановление о получении образцов для сравнительного исследования наделен следователь, а не дознаватель [3].

Однако полагаем, что данное обстоятельство не может рассматриваться как препятствие, так как в главе 32 УПК РФ, регламентирующей порядок производства дознания, указано, что предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24-29 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными главой 32 УПК РФ (ч. 1 ст. 223 УПК РФ).

Что еще является помехой в получении образцов для сравнительного исследования и назначении «полноценной» экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? Указание в ч. 1 ст. 202 УПК РФ на то, что образцы могут быть изъяты у физических лиц и представителей юридических лиц только в случае необходимости проверки факта оставления ими *следов* в определенном месте или на вещественных доказательствах. Сформулированная законодателем в таком варианте цель получения образцов приводит к возникновению сложных ситуаций, при которых, буквально трактуя эту норму, лица отказываются от предоставления образцов, ссылаясь на то, что речь идет о следах, а не собственноручных записях или оттисках штампов, печатей, а также речи или голосе. Исходя из изложенного, полагаем целесообразным исключить из ч.1 ст. 202 УПК РФ фразу «в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах».

Значение получения образцов для сравнительного исследования невозможно переоценить, поскольку производство

идентификационных судебных экспертиз, которое возможно только при наличии сравнительного материала, позволит ответить на важный вопрос: происходят ли следы от конкретного человека. В стадии возбуждения уголовного дела это влияет на принятие ключевого решения: будет ли возбуждено уголовное дело в отношении этого лица или по факту совершенного преступления, в отношении неустановленных лиц.

Как видим, несмотря на необходимость получения образцов для сравнительного исследования и значимость результатов идентификационных экспертиз сами сотрудники правоохранительных органов предпочитают проводить их только в стадии предварительного расследования. В этой связи, нельзя не согласиться с автором, называющим получение образцов до возбуждения уголовного дела исключительным случаем [9, с. 79].

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 04 марта 2014 г. № 23-ФЗ «О внесение изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета № 48 от 06.03.2013.

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 31871.

3. Апелляционное постановление № 22-1544/2023 от 7 ноября 2023 г. по делу 1-24/2023 // URL: https:vs.mor.sudrf.ru

4. Загорьян С.Г. Некоторые вопросы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 307-314.

5. Кустов А.М., Дульцев М.В., Кокорев Р.А., Кокорева Л.В. Выемка или изъятие: проблемы теории и правоприменительной практики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 36-44.

6. Косенко А.М. О получении образцов для сравнительного исследования // Вестник РПА. 2019. № 2. С. 84-89.

7. Лебедева М.А., Хорьяков С.Н. Истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, как иные процессуальные действия на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Государство и право. 2023. № 2 (37). С. 64-67;

8. Машинская Н.В. Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении// Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 1. С. 147-151.

9. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1(69). С. 78-84.

Набоков Л.В., старший преподаватель
Половинкина М.Л., канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация

В настоящем исследовании освещены вопросы возможного снижения санкций за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Проанализированы статистические данные и точка зрения Верховного суда РФ.

Ключевые слова: преступления, незаконный оборот наркотиков, санкции, изменение законодательства, снижение санкций.

Динамично меняющиеся все сферы жизни общества и государства всегда несут отражение этой деятельности в области законотворчества и правоприменения.

Разумеется, также меняются все отрасли законодательства, в том числе и уголовно-правовая политика Российской Федерации. С трансформацией российской государственности в конце XX века Россия получила самостоятельность, и образовала Российскую Федерацию, в состав которых вошел ряд республик. Демократизация и вектор развития, направленный в сторону европейских ценностей, обусловили необходимость изменения уголовного закона, и в 1996 году был принят Уголовный кодекс, редакция которого постепенно обновляется.

Законодатель всегда стоял на страже здоровья и общественной нравственности наших граждан, проводя политику уголовно-правовой охраны в области защиты граждан от посягательств, связанных с

незаконным оборотом наркотиков. Актуальная редакция уголовного кодекса содержит в себе ряд уголовно-правовых норм, связанных с такими преступными посягательствами: ст. 228 УК РФ – Незаконное приобретение, хранение, перевозка… наркотических средств…; ст. 228.1 УК РФ регламентирует вопросы привлечения к ответственности за производство и сбыт наркотиков; ст. 228.2 – нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ; ст. 228.3 – незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ; ст. 228.4 – незаконный сбыт прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ; ст. 229 – хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ; ст. 229.1 – контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов; ст. 230 – склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; ст. 231 – незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры; ст. 232 – организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; ст. 233 – незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ [2].

Относительно новой является норма статьи 234.1 УК РФ [2], которая призвана привлекать к уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ, которая появилась с вступлением в силу Федерального закона от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ, что было обусловлено появлением в продаже на территории РФ различного рода курительных смесей и т.п. (так называемых «спайсов»), которые по действующим веществам изначально не попадали под действие вышерассмотренных норм, и которые ввозились на территории РФ под видом различного рода химическим средств, не предназначенных для употребления, и не позиционирующих себя как наркотические вещества.

В условиях проведения Специальной военной операции по защите жителей Донбасса Россия столкнулась с множеством вызовов недружественных стран, которые стараются оказать негативное влияние на суверенитет РФ, экономику страны, а также на благосостояние и здоровье населения.

В связи с этим общество и государство консолидировали все свои усилия, и во главе с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было принято решение переформатировать отдельные

общественные отношения с целью повышения роли РФ как участника мирового сообщества, а также качества жизни наших граждан. 09 ноября 2022 г. вышел Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В положениях Указа отмечается угроза западных стран: «Деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, способствующая распространению деструктивной идеологии, представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации» [3].

В рамках антинаркотической политики были отмечены некоторые риски: «Распространение деструктивной идеологии влечет за собой следующие риски: внедрение антиобщественных стереотипов поведения, распространение аморального образа жизни, вседозволенности и насилия, рост употребления алкоголя и наркотиков» [3].

Данные положения не являются новизной, поскольку деятельность Российской Федерации также всегда была подчинена противодействию обороту наркотиков.

Учитывая, что большинство граждан Российской Федерации активно пользуются информационно-телекоммуникационными сетями, в том числе сетью «Интернет», для защиты от негативной пропаганды Федеральным законом от 08 августа 2024 г. в Особенную часть Уголовного кодекса была введена норма об ответственности за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 230.3 УК РФ) [2].

И все же отечественное законодательство в рамках ответственности за незаконный оборот наркотиков, по сравнению с законодательством ряда зарубежных стран (к примеру, КНР), является достаточно лояльным.

В ст. 20 УК РФ указано, что возраст привлечения к уголовной ответственности по «наркотическим статьям» составляет шестнадцать лет, за исключением статьи за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ), где к ответственности привлекаются лица, достигшие возраста четырнадцати лет [2].

При этом 04 апреля 2026 г. председатель Следственного комитета А. Бастрыкин указал: «Прорабатывается наша инициатива о законодательном снижении возрастного порога привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере сбыта

наркотических средств с 16 до 14 лет. Но это необходимо делать только в комплексе с иными мерами» [8].

Самой распространенной в правоприменении является статья 228 УК РФ – незаконный оборот наркотиков, связанный с приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением и переработкой наркотиков. Если обратиться к данным портала «Судебная статистика», можно увидеть количество осужденных лиц по данной статье: 2024 г. – 47430 осужденных; 2023 – 50194; 2022 – 93591; 2021 – 55623; 2020 – 53043; 2019 – 59018. При этом к реальному лишению свободы, по данным портала, за каждый год было осуждено менее 20% [7].

Санкции за данное посягательство достаточно серьезные. По ч. 1 за ст. 228 за оборот в значительном размере наказание может составить до трех лет лишения свободы; крупный размер – по ч. 2 ст. 228 – до десяти лет лишения свободы; особо крупный размер по ч. 3 ст. 228 – от десяти до пятнадцати лет лишения свободы [2].

При этом Верховный Суд Российской Федерации обратился к Государственной Думе с законопроектом о снижении санкцией в рамках этой статьи: «В нем предложено не применять лишение свободы для лиц, впервые попавшихся на приобретении и хранении наркотиков в значительном размере (ч. 1 ст. 228 УК РФ), что позволит судам назначать им обязанность пройти курс лечения, а также снизить верхние пороги санкций по ч. 2 и ч. 3 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление наркотиков в крупном и особо крупном размере без цели сбыта), достигающие 10 и 15 лет лишения свободы, которые не применяются судами» [6].

Представители Генеральной прокуратуры, в лице генерального прокурора И. Краснова, выразили несогласие с таким законопроектом о сокращении санкций.

Очевидно, такая точка зрения является более логичной, поскольку антинаркотическая политика Российской Федерации должна не смягчать, а наоборот, ужесточать меры ответственности, т.к. данные деяния являются преступлениями повышенной степенью общественной опасности и связаны с нанесением урона здоровью населения.

Подтверждается такое мнение и закрепленным Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»: «Стратегическими целями антинаркотической политики являются: а) сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления; б) снижение тяжести последствий незаконного потребления наркотиков; в)

формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте» [4].

В то же время, А. Ахмадуллин наоборот считает, что следует смягчить санкции ч. 1 ст. 228 УК РФ и привлекать лицо к уголовной ответственности лишь только в том случае, если в течение года он уже ранее привлекался к административной ответственности [5].

Полагаем, очевидным будет являться то, что смягчение санкций за такие преступные посягательства будут противоречить вышеуказанной Стратегии, что, в конечном счете, приведет к повышению количества осужденных лиц, а, следовательно, к повышению уровня преступности по наркотическим статьям.

Подводя итог, следует отметить, что в условиях противодействия преступности в целом, и наркопреступности в частности, уголовно-правовая политика Российской Федерации должна строиться по принципу ужесточения наказаний в данной области посягательства, а меры карательного воздействия окажут влияние на граждан России в рамках принятия решения о совершении таких деяний.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 года № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 года № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 года № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – Текст : непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [ред. от 29 декабря 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

3. Российская Федерация. Подзаконные акты. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977. – Текст : непосредственный.

4. Российская Федерация. Подзаконные акты. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской

Федерации на период до 2030 года : Указ Президента от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 48. – Ст. 7710. – Текст : непосредственный.

5. Ахмадуллин, А. Сложности применения статьи 228 УК РФ / А. Ахмадуллин // Законность. – 2018. – № 11. – С. 26-33. – Текст : непосредственный.

6. Верховный суд внес в ГД законопроект о смягчении наказаний для наркопотребителей // ТАСС. – URL : https://tass.ru/obschestvo/23595185. – Текст : электронный.

7. Данные о назначенном наказании по статьям УК / Портал «Судебная статистика». – URL : https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17. – Текст : электронный.

8. СК предложил снизить возраст уголовной ответственности за наркотики до 14 лет // ТАСС. – URL : https://tass.ru/politika/24057481. – Текст : электронный.

Никонович С.Л., д-р юрид. наук, доцент
Мозговая Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г.Москва

ДОПРОС КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация

Авторы рассматривают допрос как одно из средств доказывания. В зависимости от характеристик личности допрашиваемого такое средство доказывания может быть не всегда надежно. Это касается участников уголовного судопроизводства, относящихся к пожилой возрастной группе.

Ключевые слова: средства доказывания**,** пожилые лица, допрос, участники уголовного судопроизводства.

Как известно, основным средством доказывания являются следственные действия. Но если результативность осмотра, обыска, выемки в большей степени зависит от своевременности производства и применяемых технико-криминалистических средств, то результат допрос в большей степени зависит от характеристик личности допрашиваемого. Возраст, память, внимание, состояние здоровья: вот

те характеристики, которые способны оказать влияние на процесс восприятия, запоминания и передачи информации в процессе допроса.

В настоящее время лица пожилой возрастной группы все чаще выступают участниками уголовного судопроизводства. Участившиеся случаи мошенничества в отношении пожилых лиц подталкивают к необходимости разработок предложений и рекомендаций правового и криминалистического направления. Так, еще в 2015 году на сайте Законодательного собрания Санкт-Петербурга размещен законопроект, в котором предлагалось внесение изменений в УПК РФ путем внесения новой статьи 446.1, посвященной работе с пожилыми подозреваемыми. Справедливо заметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве до настоящего времени отсутствует норма, предусматривающая дополнительные гарантии получения и фиксации доказательств с участием пожилых лиц, при этом многие авторы указывают, что такие следственные действия как допрос и предъявление для опознания с участием пожилых лиц обладают определенной спецификой.

По нашему мнению, возраст лиц и общее состояние здоровья оказывают первостепенное значение на результативность следственных действий. Как пишет В.Ю. Стельмах, применительно к идеальным и материальным следам: «Практически всегда имеются обстоятельства, могущие привести к искажению следов преступления в процессе их изъятия и фиксации... в законе предусмотрены частные особенности отдельных следственных действий, призванные повысить достоверность их результатов». И это утверждение верно, но, к сожалению, в законе нет «частных особенностей» относительно производства следственных действий с участием лиц пожилого возраста.

Используя термин «пожилой» возраст, следует заметить, что здесь есть определенная градация: 55-75 лет пожилой возраст, 75 – 90 лет старческий возраст и свыше 90 лет долгожительство. Некоторые проблемы восприятия, переработки, хранения и передачи информации, возникающие в возрасте 65–75 лет, как отмечают авторы, не играют существенной роли при определении тактики получения вербальной информации. Поэтому при проведении следственных действий с указанными лицами можно использовать весь тактический инструментарий, который применяется для получения объективных показаний от взрослых людей. Однако после 75 лет происходят существенные изменения, как в физическом, так и в эмоциональном и интеллектуальном состоянии коммуникатора, которые требуют специфического подхода, что и диктует необходимость

дополнительных процессуальных гарантий и специально разработанных тактических подходов.

Большинство вопросов возникает при проведении такого следственного действия как допрос. Во-первых, допросы проводятся по каждому уголовному делу; во-вторых, при получении следователем новой информации как процессуальным, так и непроцессуальным путем, возникает необходимость в дополнительных допросах; в-третьих, информация, полученная в результате допроса, является основой для производства иных следственных действий, чаще проверки показаний на месте, опознания, обыска, выемки. В связи с названным, можно констатировать, что допрос участников процесса является важным средством доказывания. Но не менее значимо сохранение психического и физического состояние здоровья участников процесса пожилой возрастной группы, поскольку для них сам факт участия в следственном действии может быть серьезным стрессом.

Подготовка к допросу лиц пожилого возраста должна включать выбор способа вызова, места допроса, времени и его продолжительности, а также в ряде случаев, обязательное применение видеозаписи. Эти обстоятельства необходимо учитывать исходя из состояния здоровья, предшествующей трудовой деятельности и образования, социальной роли, которую выполнял прежде допрашиваемый, уровня включенности в социальную жизнь. Не учитывать эти характеристики невозможно, поскольку они влияют на объективность показаний и ситуацию расследования.

На эффективность допроса может оказать влияние присутствие третьих лиц, например, специалистов-геронтопсихологов. Нами предлагается перевести их в разряд обязательных участников этого следственного действия. Их основная задача состоит в предоставлении следователю сведений о типичных особенностях восприятия, памяти, мышления допрашиваемого. Авторы, рассматривая возможность участия третьих лиц при допросе пожилых людей, предлагают допускать любого родственника, способного помочь и поддержать во время допроса. На наш взгляд, такое предложение небесспорно. К сожалению, увеличение продолжительности жизни не тождественно сохранению психического и соматического здоровья, что не может не сказаться на процессах запоминания, воспроизведения и припоминания. Как известно, основным психическим процессом во время допроса является припоминание и воспроизведение. Далеко не каждый близкий человек способен оказать помощь и не только успокоить, но и настроить

на припоминание отдельных обстоятельств преступления, не вызывая дополнительного стресса.

Важной процессуальной гарантией является применения технических средств фиксации показаний. Но возможно ли использовать видео-фиксацию применительно к допросу пожилых лиц. Не будет ли сам факт применения видеозаписи дополнительным сбивающим фактором? Полагаем, что опыт применения технической фиксации допроса несовершеннолетних следует распространить на допрос лиц пожилой возрастной группы. С тактической точки зрения отметим, что важно фиксировать не только общее состояние допрашиваемого, но и его реакцию на разъяснения следователя самой сути следственного действия, его процессуальных прав и обязанностей. Если планируется предъявление вещественных доказательств, то видеосъемку следует вести таким образом, чтобы видеть предъявляемый объект и реакцию допрашиваемого. В дальнейшем это позволит исключить предположения о неверной интерпретации показаний.

В заключение отметим, что допрос, являясь одним из средств доказывания по уголовным делам требует дальнейшей процессуальной регламентации. В настоящее время возникла необходимость предусмотреть особенности проведения допроса с участием лиц пожилого возраста, включив в УПК РФ статью 191.1, в которой в качестве обязательного участника этого следственного действия указать специалиста-геронтопсихолога, определить его продолжительность, способы технической фиксации.

Список цитируемой литературы:

1. Герентопсихология : учеб. пособие / О.И. Дорогина, Ю.В. Лебедева, Л.В. Токарская, Е.В. Хлыстова ; под общ. Ред. Ю.В. Лебедевой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 131 с.

2. Бертовский Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник РУДН. - Серия : Юридические науки, 2020. Т. 24. № 4. С. 1100-1121.

3. Лебедев Н.Ю. Совершенствование тактики допроса людей пожилого возраста как мера предупреждения конфликтов // Закон и право. 2017. № 4. С. 75-78.

4. Меркулова М.В., Мозговая Д.А., Скороделова Е.И. Порядок применения следователями и дознавателями фото- и видеосъемки хода и результатов следственных действий: учеб.-практ. пособие / под общ.

ред. д-ра юрид. наук, доцента И.В. Тишутиной. Тула: Изд-во Тул ГУ, 2022. – 52 с.

5. Никонович С.Л., Мозговая Д.А. К вопросу о рекомендациях о тактике допроса пожилых лиц на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики и Луганской народной Республики // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 226 – 230.

6. Пожилых людей предложили допрашивать исключительно в присутствии врача // https://www.garant.ru/news/607031/?ysclid= mnh1i7fzac 623909439 (дата обращения 27 марта 2026).

7. Сретенцев А.Н. Некоторые проблемы расследования мошенничеств, совершенных в отношении пожилых лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 3 (72). С. 84-86.

8. Стельмах В.Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном Вестник Оренбургского государственного университета 2016 № 6 (194). С. 90-95.

9. Пожилых людей предложили допрашивать исключительно в присутствии врача // https://www.garant.ru/news/607031/?ysclid= mnh1i7fzac623909439 (дата обращения 27 марта 2026).

10. Сретенцев А.Н. Некоторые проблемы расследования мошенничеств, совершенных в отношении пожилых лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 20-17. № 3 (72). С. 85.

11. Стельмах В.Ю. Понятие и система средств доказывания в уголовном Вестник Оренбургского государственного университета 2016 № 6 (194). С. 91-92.

12. Герентопсихология : учеб. пособие / О.И. Дорогина, Ю.В. Лебедева, Л.В. Токарская, Е.В. Хлыстова ; под общ. Ред. Ю.В. Лебедевой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 11-12.

13. Бертовский Л.В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник РУДН. - Серия : Юридические науки, 2020. Т. 24. № 4. С. 1105 -1106.

14. Никонович С.Л., Мозговая Д.А. К вопросу о рекомендациях о тактике допроса пожилых лиц на освобожденных территориях Донецкой Народной Республики и Луганской народной Республики // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 226 – 230.

15. Бертовский Л.В. Указ. соч. С. 1108.

16. Лебедев Н.Ю. Совершенствование тактики допроса людей пожилого возраста как мера предупреждения конфликтов // Закон и право. 2017. № 4. С. 77.

17. Меркулова М.В., Мозговая Д.А., Скороделова Е.И. Порядок применения следователями и дознавателями фото- и видеосъемки хода и результатов следственных действий: учеб.-практ. пособие / под общ. Ред. д-ра юрид. наук, доцента И.В. Тишутиной. Тула: Изд-во Тул ГУ, 2022. С. 21.

Орлов В.В., канд. юр. наук, доцент
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт», филиал г. Липецк

О СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

В статье дана характеристика системы уголовных наказаний Киргизской Республики, раскрыто содержание видов наказаний, определены особенности порядка применения и размеры уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовное наказание, общественные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, штраф, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, лишение специального, воинского, почетного звания, дипломатического ранга или классного чина, лишение государственных наград, конфискация имущества, выдворение.

Уголовный кодекс Киргизской Республики (далее УК КР) от 28 октября 2021 года [1] и введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126 [2] по истечении пятнадцати дней со дня официального опубликования и с этого момента начала применяться система уголовных наказаний установленная УК КР.

Система уголовных наказаний состоит из ограниченного числа элементов, которые необходимы для успешной реализации ее целей и задач. Поэтому законодатель ограничивает суд закрытым перечнем наказаний и не допускает применение в отношении преступника

альтернативных мер государственного принуждения в качестве наказания [3, с. 45]. В соответствие с указанным положением полная система уголовных наказаний и их виды определены в Главе 11 УК КР. Согласно части 1 статьи 60 УК КР к лицам, признанным виновными в совершении преступления, судом могут быть применены такие виды основных наказаний – с их градацией от менее строгого до более строгого:

1) не связанные с изоляцией от общества:

а) общественные работы;

б) ограничение свободы;

в) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

г) исправительные работы;

д) штраф.

При этом строгость исправительных работ и штрафа определяется их конкретным размером;

2) связанные с изоляцией от общества:

а) содержание в дисциплинарной воинской части;

б) лишение свободы на определенный срок;

в) пожизненное лишение свободы.

Таким образом наказания изложены от менее тяжких к более тяжким, при этом законодатель выделяет наказания, не связанные с изоляцией от общества и связанные с изоляцией от общества.

Согласно части 2, названной статьи УК в качестве дополнительных видов наказания судом могут быть применены:

1) в случае совершения преступления, с использованием служебного положения или возможностей, предоставленных служебным положением – лишение специального, воинского, почетного звания, дипломатического ранга или классного чина;

2) в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления – лишение государственных наград.

Лицо также лишается судом специального, воинского, почетного звания, дипломатического ранга, классного чина, государственной награды, если соответствующие звание, чин либо награда были присвоены в результате служебного подлога или иного преступления;

3) конфискация имущества;

4) выдворение.

При этом, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью могут применяться в качестве не только основных видов, но и дополнительных видов наказаний.

Таким образом, уголовные наказания, составляющие систему, можно разделить на три группы:

1) основные наказания;

2) дополнительные;

3) наказания, которые имеют двойственную юридическую природу, то есть могут применяться как основные, также как дополнительные наказания.

За одно преступление может быть назначено лишь одно основное наказание, предусмотренное в санкции статьи (части статьи) Особенной части УК КР. Вместе с тем, к основному виду наказания могут быть присоединены одно или несколько дополнительных видов наказаний в случаях и порядке, предусмотренных уголовным законом.

За умышленные преступления, повлекшие смерть человека, исходя из положений части 4 статьи 60 УК судом могут устанавливаться и применяться как основные виды только наказания, связанные с изоляцией от общества.

Касаясь порядка применения и размеров наказаний следует отметить следующее:

Общественные работы, согласно статьи 61 УК, состоят в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время в пользу общества бесплатных работ, конкретный вид которых определяется органами местного самоуправления совместно с органами пробации в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Киргизской Республики.

Общественные работы назначаются продолжительностью от сорока до трехсот часов. Отбываются осужденным бесплатно в свободное от основной работы и учебы время не свыше четырех часов в день, а неработающим – не свыше восьми часов в день.

Наказание в виде привлечения к общественным работам назначается с учетом состояния здоровья, профессии, квалификации, уровня образования, осужденного.

Общественные работы не назначаются военнослужащим, лицам, признанным инвалидами I и II групп, беременным женщинам, женщинам и мужчинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, лицам, достигшим пенсионного возраста, а также лицам, которые должны достичь пенсионного возраста ранее окончания срока общественных работ.

Ограничение свободы, как определено статьей 62 УК, заключается в наложении судом на лицо, признанное виновным в совершении преступления небольшой тяжести или менее тяжкого преступления, определенных обязанностей, ограничивающих его

свободу сроком от шести месяцев до трех лет и отбывается по месту его жительства без изоляции от общества под надзором органа пробации.

На осужденных к ограничению свободы судом возлагаются следующие обязанности:

1) явиться в органы пробации по месту жительства в течение десяти дней с момента вступления приговора суда в законную силу;

2) являться два раза в месяц в органы пробации для регистрации и участия в профилактических беседах;

3) не выезжать за пределы страны;

4) уведомлять органы пробации о месте жительства, работы и учебы, а также об их изменении;

5) получать разрешение органов пробации на краткосрочный выезд с места жительства;

6) не употреблять психоактивные вещества;

7) участвовать в программах ресоциализации, назначаемых органами пробации.

Суд при назначении наказания в виде ограничения свободы вправе возложить на лицо одну или более из следующих обязанностей:

1) не посещать определенные места;

2) воздержаться от определенного рода действий или занятий;

3) находиться в определенное судом время суток по месту жительства;

4) поступить на работу или учебу к установленному судом сроку;

5) возместить в определенный судом срок ущерб, причиненный потерпевшему;

6) не контактировать с определенными лицами;

7) пройти курс лечения от алкогольной, наркотической, психотропной, токсической зависимости или от болезни, представляющей опасность для здоровья других лиц, на что им предварительно было дано согласие;

8) по требованию органа пробации извещать его об исполнении обязанностей, возложенных судом.

Ограничение свободы не назначается лицам, не имеющим постоянного места жительства, иностранным гражданам и лицам без гражданства, временно проживающим в Киргизской Республике, а также военнослужащим.

В статье 63 УК указано, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью означает, что лицу, совершившему преступление, запрещается занимать должность на государственной службе или

муниципальной службе либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается в качестве основного вида наказания на срок от одного года до трех лет.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается в качестве дополнительного вида наказания на срок от шести месяцев до трех лет в случаях, когда это наказание не предусмотрено статьей (частью статьи) Особенной части настоящего Кодекса, исходя из характера, совершенного лицом преступления, которое лицо не смогло бы совершить, не занимая определенную должность или не занимаясь определенной деятельностью.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания обязательно назначается судом в случаях совершения специальным субъектом умышленного преступления против жизни и здоровья либо половой неприкосновенности ребенка, совершенного с использованием служебного положения. При этом максимальный срок этого вида наказания увеличивается в четыре раза, но на общий срок – не более чем двенадцать лет.

При назначении общественных работ или штрафа в качестве основного вида наказания, а также при освобождении от наказания с применением условий пробации срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенного в качестве дополнительного вида наказания, исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу.

При назначении этого наказания в качестве дополнительного к лишению свободы, содержанию в дисциплинарной воинской части оно распространяется на все время отбывания основного наказания, но при этом его срок исчисляется с момента отбытия наказания в виде лишения свободы и содержания в дисциплинарной воинской части. В случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к другим основным видам наказания, а также при отсрочке отбывания наказания или применении пробации его срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу.

Таким образом, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может

назначаться как в качестве основного, так и – дополнительного наказания, при этом его действие распространяется на весь период отбывания основного наказания, связанного с изоляцией от общества, а его срок начинает течь после отбытия основного наказания.

Согласно статьи 64 УК исправительные работы – вид наказания, назначаемый судом по преступлениям небольшой тяжести и менее тяжким преступлениям сроком от двух месяцев до трех лет, который отбывается по месту работы осужденного, а в случае работы по совместительству – по основному месту работы.

Из суммы заработка (денежного довольствия) осужденного к исправительным работам осуществляется отчисление в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от 10 до 25 процентов.

Исправительные работы не назначаются лицам, признанным нетрудоспособными или обучающимся в учебных заведениях с отрывом от производства, военнослужащим, лицам, которые должны достичь пенсионного возраста ранее окончания срока исправительных работ, беременным женщинам, а также женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, мужчинам, являющимся единственными родителями в возрасте детей до трех лет, инвалидам I и II групп и лицам, не имеющим постоянного места жительства или места работы.

Особенностью применения исправительных работ является то, что они назначаются за совершение преступлений небольшой тяжести и менее тяжких.

Штраф, как указано в статье 65 УК, наказание, назначаемое судом в денежной форме в случаях, размере и порядке, установленных настоящим Кодексом.

Штраф устанавливается в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления с учетом имущественного положения обвиняемого, осужденного.

Штраф, за исключением совершения преступлений, предусмотренных статьями 225, 238, 239, частями 2-4 статьи 240, частью 1 статьи 242-1 УК КР, исчисляется в расчетных показателях и устанавливается в размере от 200 до 2000 расчетных показателей.

Штраф за совершение преступлений, предусмотренных статьями 225, 238, 239, частями 2-4 статьи 240, частью 1 статьи 242-1УК КР, устанавливается в размере от 3000 до 25000 расчетных показателей.

В Статья 66 УК определено, что содержание в дисциплинарной воинской части применяется к военнослужащим срочной службы на срок от трех месяцев до одного года в случаях, предусмотренных УК КР.

Как видно из положений указанной статьи данный вид наказания может применяться только к военнослужащим срочной службы.

Лишение свободы, как определено Статьей 67 УК, заключается в принудительной изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительную или воспитательную колонию различного вида режима.

Лишение свободы устанавливается на срок от шести месяцев до пятнадцати лет.

В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений и по совокупности приговоров максимальный срок лишения свободы не может быть более двадцати лет.

Следует обратить внимание на то, что согласно части 5 Статьи 67 УК осужденным к лишению свободы мужчинам в возрасте более пятидесяти пяти лет и женщинам в возрасте более пятидесяти лет срок наказания не может превышать трех четвертей максимального срока лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК КР.

Положениями Статьи 68 УК определено, что пожизненное лишение свободы заключается в принудительной изоляции осужденного от общества путем направления его в исправительную колонию особого режима и устанавливается за совершение преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 122, частями 3, 4 статьи 154, частями 3, 4 статьи 155, частью 3 статьи 156, частью 3 статьи 252, статьями 402, 403, 405, частью 3 статьи 410 УК КР, в случае если суд Пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, мужчинам, достигшим в момент совершения преступления шестидесятилетнего возраста.

Вместе с тем, часть 2^1 указанной статьи указывает, что пожизненное лишение свободы может быть назначено мужчинам, достигшим на момент совершения преступления шестидесятилетнего возраста, совершившим преступление против половой неприкосновенности и половой свободы ребенка или инвалида.

Пожизненное лишение свободы в порядке помилования может быть заменено лишением свободы сроком на двадцать лет.

Важно подчеркнуть, что пожизненное наказание применяется, только в случае, если суд не находит возможным применить лишение свободы на определенный срок.

Согласно положений части 1 статьи 69 УК конфискация имущества есть безвозмездное изъятие с последующим обращением в

собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества:

1) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления;

2) денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования совершения преступления;

3) денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были частично или полностью превращены либо преобразованы;

4) орудий, оборудования или иных средств совершения преступления.

Также в статье 69 УК указано, что, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, конфискации подлежит та часть имущества, которая соответствует стоимости приобщенного имущества и доходов от него.

Кроме того, имущество, указанное в пункте 3 части 1 статьи 69, переданное лицом, совершившим преступление, другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или по обстоятельствам дела должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

Если конфискация определенного предмета, входящего в имущество, указанное в части 1 статьи 69, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи, невозможности выделения из приобретенного законным путем имущества или по иной причине, то суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен предмета, входящего в имущество, указанное в пунктах 1–3 части 1 статьи 69, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание.

Согласно статьи 70 УК иностранный гражданин или лицо без гражданства после отбытия наказания выдворяются за пределы Киргизской Республики в порядке, предусмотренном международными договорами, вступившими в силу в соответствии с законодательством Киргизской Республики.

Таким образом, наказание в виде выдворения применяется к специальному субъекту, в качестве которого выступает иностранный гражданин или лицо без гражданства, является дополнительным и применяется после отбытия основного наказания.

Согласно статьи 103 УК к детям в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, совершившим преступления, могут быть применены только следующие виды наказаний:

1) общественные работы; 2) штраф; 3) ограничение свободы; 4) исправительные работы; 5) лишение свободы.

Кроме того, размеры применяемых в отношении детей наказаний снижены, а штраф применяется к детям, достигшим шестнадцатилетнего возраста и при наличии у осужденного ребенка самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Исправительные работы назначаются трудоустроенным детям в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет по месту работы от одного месяца до одного года, то есть для применения исправительных работ в отношении ребенка, необходимо чтобы он был трудоустроен.

В заключении следует отметить, что законодатель, формируя систему наказаний в уголовном законодательстве Киргизской Республики учел положение о том, что «наказание не только правовое явление, и его нельзя применять одинаково ко всякому однородному преступлению. Оно должно соответствовать нормам общественной нравственности и учитывать все обстоятельства дела. В связи с этим законодатель предоставил суду достаточно широкий спектр в избрании вида наказания, определении его меры в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного деяния, а также степени общественной опасности лица, совершившего преступление»[4, с. 19].

В целом систему уголовных наказаний УК КР составляют двенадцать видов наказаний из которых три наказания связаны с изоляцией от общества, при этом в отношении несовершеннолетних система наказаний ограничена и может применяться в целом только пять видов наказания, с изоляцией от общества только одно, размеры наказаний снижены, применение штрафа возможно только если несовершеннолетний осуществляет трудовую деятельность, а к лицам в возрасте до 16 лет не применяются исправительные работы и штраф.

Список цитируемой литературы:

1. http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309
2. http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112305?cl=ru-ru

3. Серебренникова А.В. Нравственное обоснование системы уголовных наказаний // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 41 - 46.
4. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовного наказания // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 18 - 20.

Рыжкова И.Д., канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОМ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация

В статье рассматривается состояние и перспективы развития криминологического законодательства в Российской Федерации. Отмечается, что в России уже сложился значительный массив криминологических норм, направленных на профилактику преступности, борьбу с коррупцией, безнадзорностью несовершеннолетних, терроризмом и киберпреступностью, однако эти нормы децентрализованы, не систематизированы и часто смешиваются с уголовно-правовыми актами. Подчеркивается необходимость теоретического и законодательного выделения криминологического законодательства в качестве самостоятельной отрасли законодательства, что позволит отделить профилактические меры от уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: криминологическое законодательство, профилактика преступности, уголовное законодательство, система профилактики правонарушений, противодействие коррупции, противодействие терроризму, семейно-бытовое насилие, домашнее насилие.

Современное российское криминологическое законодательство представляет собой некодифицированный, но фактически сложившийся комплекс норм, направленных преимущественно на профилактику преступности и предупреждение правонарушений. В отличие от уголовного законодательства, реализуемого через институты уголовной ответственности и наказания, криминологическое регулирование носит профилактический,

организационно-правовой и частично административный характер. Его особенность заключается в том, что оно охватывает непосредственно предпреступные состояния и социальные условия, способствующие совершению преступления, а не уже совершенные общественно опасные деяния. Рассмотрим кратко основные нормативные правовые акты криминологической направленности.

Профилактика правонарушений и безнадзорности

К числу ключевых актов, формирующих правовую основу системы профилактики правонарушений, относится Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Данный закон устанавливает общие принципы и организационно-правовые рамки профилактической деятельности, закрепляя такие важные принципы, как комплексность, системность, гуманизм, раннее выявление и индивидуальный подход к лицам и группам, находящимся в социально опасном положении. В законе определен круг субъектов профилактической деятельности (государственные органы, органы местного самоуправления, образовательные, медицинские и социальные учреждения, общественные объединения, СМИ, родители и др.), а также категории граждан, подлежащих профилактическому воздействию.

Важной составляющей закона являются нормы о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, нормы, регулирующие выявление и сопровождение детей и подростков, находящихся в социально опасном положении, а также деятельность органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Эти акты не носят уголовно-правового характера, но прямо влияют на уровень преступности и агрессивности в подростковой среде, поскольку ориентированы на предупреждение формирования преступной субкультуры и своевременную коррекцию девиантного поведения.

Противодействие коррупции

Криминологический аспект профилактики преступности ярко проявляется в законодательстве о противодействии коррупции, в частности в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и подзаконных актах. Доминирующей идеей является не только установление ответственности за коррупционные преступления, но и создание системы профилактических механизмов, направленных на предупреждение злоупотребления служебным положением и использования властных

полномочий в личных (корыстных) целях. К таким механизмам относятся требования к антикоррупционному просвещению, антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, внутреннему контролю, проверке сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также к формированию антикоррупционной культуры.

Антикоррупционное законодательство сочетает в себе уголовно-правовой и криминологический компоненты: в Уголовном кодексе РФ закреплены нормы ответственности за коррупционные преступления, а в специализированном законе о противодействии коррупции реализуется профилактическая модель, ориентированная на предупреждение возникновения условий, способствующих коррупции.

Противодействие терроризму и финансированию терроризма

В сфере противодействия терроризму и финансированию терроризма криминологическое воздействие проявляется в организационно-правовых и профилактических актах, призванных создать систему раннего выявления, контроля и нейтрализации угроз. Сюда относятся Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Эти нормативные акты устанавливают режимы мониторинга, контроля и проверки операций, а также полномочия специализированных органов и комиссий, при этом значительная часть норм посвящена предупреждению террористической деятельности через организацию финансового, информационного и оперативного контроля.

Особенность этого блока заключается в том, что он сочетает правовые категории (определение террористического акта, подготовки к террористическому акту и др.) с широким спектром профилактических и административно-правовых мер, включая ограничение операций, замораживание активов, контроль за благотворительными и иными фондами, а также создание специальных институтов финансового мониторинга.

Противодействие экстремистской деятельности

В сфере противодействия экстремистской деятельности криминологическое воздействие реализуется через организационно-правовые и профилактические нормы, направленные на предупреждение формирования и распространения экстремистского сознания, а также на ограничение возможностей экстремистских групп и

движений. К числу основных актов относятся Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также ряд связанных с ним федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих, к примеру, порядок признания материалов экстремистскими, а также порядок мониторинга и контроля за информационным пространством.

Эти нормативные акты устанавливают порядок выявления и противодействия экстремистской деятельности, определяют полномочия правоохранительных органов, органов исполнительной власти и специализированных комиссий, при этом значительная часть норм носит профилактический характер и направлена на предотвращение разжигания межнациональной, межконфессиональной и социальной ненависти и вражды, а также на профилактику вовлечения граждан в экстремистские организации.

Особенность федерального закона заключается в том, что он сочетает декларативно-определительные правовые категории (экстремистская деятельность, экстремистские материалы, экстремистские организации) с широким спектром административно-профилактических мер, включая приостановление и запрет деятельности организаций, ограничение распространения экстремистских материалов, контроль Интернет-ресурсов и информационных платформ, а также формирование специализированных систем мониторинга и анализа экстремистских угроз.

Противодействие наркопреступности

В сфере противодействия наркопреступности криминологическое воздействие реализуется через правовые акты, направленные на профилактику потребления наркотиков, контроль за их оборотом и реабилитацию зависимых лиц. К числу основных нормативных актов относится Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также связанные с ним подзаконные акты. Эти нормы устанавливают режимы государственного контроля, лицензирования, мониторинга и учета, а также предусматривают меры профилактики.

Противодействие киберпреступности

В сфере противодействия киберпреступности криминологическое воздействие реализуется через комплекс норм, направленных на профилактику и предупреждение цифровых угроз, а также на формирование системы обеспечения информационной безопасности. К числу ключевых актов относится Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о

защите информации», а также нормы, регулирующие кибербезопасность, ответственность операторов связи и информационных систем, в том числе порядок обращения с критической информационной инфраструктурой. Эти акты устанавливают правовой режим защиты информации, вводят обязательные меры по предотвращению несанкционированного доступа, искажения и уничтожения данных, а также закрепляют обязанности по локализации и устранению киберугроз.

Особую значимость имеет профилактическая функция данных норм: они ориентированы не только на квалификацию и уголовно-правовое реагирование уже совершённых киберпреступлений, но и на предупреждение возникновения условий, способствующих таким деяниям. В рамках системы кибербезопасности установлена обязанность проведения регулярных проверок защищённости информационных систем, внедрения средств мониторинга и обнаружения инцидентов, а также применения профилактических мер, включая технологическое и организационное блокирование ресурсов, используемых для распространения вредоносных программ и экстремистских материалов.

Реагирование на киберпреступность в России сочетает уголовно-правовые санкции с развитой системой административно-профилактических и организационно-технических мер, осуществляемых на основании закона о защите информации и актов о кибербезопасности. Это позволяет перенести акцент на предварительное предупреждение цифровых угроз и создание устойчивой системы профилактики киберпреступности.

Семейно-бытовое насилие и отсутствие специального криминологического акта

Особый интерес для криминологического анализа представляет ситуация с противодействием семейно-бытовому (домашнему) насилию. В России к настоящему времени не принят специальный закон о противодействии домашнему насилию, несмотря на наличие обращений граждан, инициатив НКО и законопроектов [1],[2] (в частности, проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»). В 2017 году были внесены изменения в УК РФ и КоАП РФ, в результате которых часть деяний, связанных с побоями в семейно-бытовых отношениях, была переведена из уголовно-правовой сферы в область административного правонарушения, что фактически снизило степень правовой защиты жертв.

В результате отсутствует целостная криминологическая модель противодействия домашнему насилию:

- не предусмотрены единые профилактические механизмы, направленные на выявление и сопровождение семей, входящих в группу риска;

- недостаточно развит институт защитных мер;

- нормы основываются преимущественно на репрессивной логике уголовно-правовой ответственности, при недостаточном внимании к социальной профилактике, реабилитации, как агрессоров, так и их жертв.

Общие особенности и проблемы российского криминологического законодательства

Систематизация вышеуказанных актов позволяет выделить ряд характерных особенностей современного российского криминологического законодательства: во-первых, выраженную децентрализацию и разрозненность норм, которые рассредоточены по многочисленным федеральным законам, кодексам и подзаконным актам; во-вторых, отсутствие теоретически выверенного и законодательно закреплённого разделения между уголовным и криминологическим законодательством, что приводит к смешению профилактических мер с уголовно-правовой сферой; в-третьих, слабую институциональную и правовую интеграцию профилактических механизмов с системой образования, здравоохранения, социальной защиты и общественных организаций.

В то же время в России уже сформирован достаточно обширный массив криминологических норм, которые, в случае осознанного выделения в отдельную законодательную отрасль и систематизации в рамках комплексного закона о криминологическом регулировании, могли бы существенно повысить эффективность противодействия преступности и социальной дезадаптации. Подобная систематизация позволила бы не только разграничить уголовно-правовую и криминологическую сферы регулирования, но и обеспечить единую криминологическую парадигму профилактической деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и общественных институтов.

Список цитируемых литературы:

1. Российская Федерация. Законодательные проекты. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации : Федер. закон (проект) № 111716-6 : внесен в Государственную Думу 18 дек. 2019 г. ; // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://sozd.parlament.gov.ru/bill/111716-6.

2. Российская Федерация. Законодательные проекты. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации : Федер. закон (проект) № 91511-8 : внесен в Государственную Думу 11

апр. 2023 г. ; // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://sozd.parlament.gov.ru/bill/91511-8.

Суханова И.Ю, старший преподаватель кафедры УППиК
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ В РОССИИ

Аннотация

В данной статье представлен анализ материально-правовых оснований принудительных мер медицинского характера, а также процессуальные аспекты их назначения и исполнения. Особое внимание уделено ключевым нововведениям, а также широкому использованию современных способов участия для взаимодействия суда и субъектов данных правоотношений.

Ключевые слова: нормативное регулирование, уголовный процесс, судебная экспертиза, заключение эксперта, общественно-опасное деяние, принудительное наблюдение, лечение.

Проблематика применения принудительных мер медицинского характера к лицам с психическими расстройствами, совершившим общественно опасные деяния, является в России одной из наиболее сложных в сфере уголовного и медицинского права. Конституционный Суд РФ подчёркивает, что меры уголовно-правового характера должны реализовывать конституционно значимые задачи – одновременно защищать права и свободы граждан и обеспечивать общественную безопасность. В то же время Суд отмечает, что ограничения, связанные с принудительным лечением, соразмерны цели охраны здоровья пациента: они соответствуют праву на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции) и требованиям международных стандартов в области защиты психически больных [2, с. 105].

Институт принудительных мер медицинского характера закреплён в главе 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и представляет собой систему правовых средств, применяемых судом в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния [4].

Основания применения указанных мер закреплены в статье 97 УК РФ. Согласно данной норме, принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом строго определённому кругу лиц. К ним относятся:

1. лица, совершившие общественно опасное деяние в состоянии невменяемости;

2. лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, исключающее возможность назначения или исполнения наказания;

3. лица, совершившие преступление и страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости;

4. лица старше восемнадцати лет, совершившие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних до четырнадцати лет и страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

При этом законодатель устанавливает дополнительное условие назначения принудительных мер медицинского характера: психическое расстройство должно быть связано с возможностью причинения лицом существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Иными словами, применение принудительного лечения допустимо только тогда, когда существует реальная общественная опасность, обусловленная состоянием психического здоровья лица.

В российском уголовном праве понятие невменяемости закреплено в статье 21 УК РФ. Невменяемым признаётся лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

В теории уголовного права принято выделять два критерия невменяемости: медицинский и юридический. Юридический критерий выражается в неспособности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Таким образом, даже при наличии психического расстройства лицо может быть признано вменяемым, если оно сохраняло способность понимать характер своих действий и контролировать их. Для признания лица невменяемым необходимо одновременное наличие обоих критериев. Если хотя бы один из них отсутствует, лицо признаётся вменяемым и подлежит уголовной ответственности на общих основаниях [1, с. 35].

Система принудительных мер медицинского характера закреплена в части 1 статьи 99 Уголовного кодекса Российской

Федерации. Законодатель предусматривает четыре вида таких мер, различающихся по степени ограничения прав лица и по уровню медицинского контроля. Эта система построена по принципу постепенного усиления контроля за поведением лица и условий его содержания. Выбор конкретного вида меры зависит от степени выраженности психического расстройства, уровня общественной опасности личности и необходимости медицинского наблюдения.

Наименее строгой мерой является принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Оно применяется в отношении лиц, которые по своему психическому состоянию не нуждаются в помещении в стационар и способны находиться в обществе без постоянного контроля медицинского персонала [6, с. 85]. Данная мера применяется в отношении лиц, представляющих особую общественную опасность, как правило, совершивших тяжкие или особо тяжкие общественно опасные деяния. В таких учреждениях обеспечивается максимальный уровень контроля за поведением пациентов. Медицинское наблюдение осуществляется круглосуточно, а режим содержания предполагает значительные ограничения свободы передвижения и контактов с внешним миром. Специализированные стационары с интенсивным наблюдением выполняют функции не только медицинских, но и охранительных учреждений. Их задача заключается в лечении пациента и одновременно предотвращении возможных опасных действий с его стороны.

Выбор конкретного вида принудительной меры медицинского характера осуществляется судом с учётом заключения судебно-психиатрической экспертизы и обстоятельств дела [7, с. 79].

В уголовном процессе назначение судебно-психиатрической экспертизы регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, прежде всего статьями 195–207 УПК РФ, а также положениями главы 51 УПК РФ, посвящённой производству о применении принудительных мер медицинского характера. В соответствии с законодательством, экспертиза назначается следователем или судом в случаях, когда возникают сомнения в психическом состоянии подозреваемого или обвиняемого. Экспертное заключение является важнейшим доказательством по делу, однако оно не имеет заранее установленной силы. Суд оценивает выводы экспертов в совокупности с другими доказательствами, руководствуясь принципом свободной оценки доказательств.

Согласно статье 434 УПК РФ, по данной категории дел подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

1. время, место, способ и иные обстоятельства совершённого деяния;
2. факт совершения деяния данным лицом;
3. характер и размер причинённого вреда;
4. наличие ого расстройства и его характер;
5. степень опасности лица для себя или окружающих.

В отличие от обычного уголовного процесса, производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера не ставит вопрос о виновности лица. Суд устанавливает факт совершения общественно опасного деяния и оценивает психическое состояние лица.

По итогам рассмотрения дела суд выносит постановление о применении одной из принудительных мер медицинского характера либо об отказе в их применении. Если суд приходит к выводу, что лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или после совершения преступления заболело психическим расстройством, он освобождает его от уголовной ответственности и назначает соответствующую медицинскую меру [5, с. 75].

Исполнение принудительных мер медицинского характера осуществляется в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь. Порядок функционирования таких учреждений регулируется законодательством о здравоохранении и законом Российской Федерации от 02.07.1992 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» № 3185-1.

Важной особенностью правового регулирования является возможность изменения, продления или прекращения применения принудительных мер медицинского характера. Данные вопросы регулируются статьёй 102 УК РФ и статьёй 445 УПК РФ.

Таким образом, несмотря на достаточно детальную регламентацию института принудительных мер медицинского характера в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, практика их применения сопровождается рядом существенных проблем.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, А. И. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера / А.И. Алексеев // Российский следователь. — 2021. — № 7. – С. 35-39.

2. Борисов С. В. Судебно-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе / С.В. Борисов // Законность. — 2020. — № 10. – С. 105-108.

3. Кибальник А. Г. Невменяемость и ограниченная вменяемость в уголовном праве России / А.Г. Кибальник // Журнал российского права. — 2019. — № 12. – С. 65-68

4. Спасенников Б. А. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера в уголовном праве России. — М.: Юридическая литература, 2016.

5. Бабаян Э. А. Судебная психиатрия. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020.

6. Серебрякова Е. А. Невменяемость в уголовном праве России: монография. — М.: Юрлитинформ, 2017.

7. Пудовочкин Ю. Е. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве России. — М.: Норма, 2018.

Тищенко А.О., соискатель по кафедре уголовного процесса
«Военного университета им. князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

САБОТАЖ – ПРОБЕЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ВЕКТОРЫ ЕГО РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация

Статья содержит анализ возникновения саботажа, его исторические аспекты, определения и области возникновения.

Ключевые слова: саботаж, обструкция, контрреволюционный саботаж, коммуникативный саботаж.

Цитата: «Мы призываем граждан к всеобщему саботажу!» – М. Ходорковский (03.03.2022г.) [1].

М. Ходорковский вскоре после начала специальной военной операции Россией, призывает к дестабилизации общества и государства путем проведения всеобщего саботажа в различных сферах деятельности государства и общества, начиная с военных комиссариатов, государственных органов и заканчивая обычной работой водителя общественного транспорта.

Почему М. Ходорковский делает это свободно, а в призывах указывает на отсутствие последствий исполнения саботажа? Вероятно, по той причине, что уголовная и административная ответственность за призыв и осуществление саботажа в настоящее время в законодательстве России не предусмотрена.

Ранее, в Уголовном кодексе СССР и РСФСР действовала ст. 58, которая в 1958 году была декриминализована, поскольку подобная категория преступлений полностью утратила свое значение.

Любопытна история появления слова "саботаж". Слово заимствовано из французского языка и в переводе на русский буквально означает "башмак".

В эпоху массового появления мануфактур и ткацких станков, люди всерьез стали опасаться того, что их вскоре заменят машины. Поэтому работники стали умышленно ломать станки, подкладывая под них деревянные башмаки — сабо. Явление стало массовым и впоследствии было названо «саботажем».

С течением времени значение слова «саботаж» стало синонимом плохо выполненной, невыполненной работы. Из французского языка это слово перекочевало не только в русский, но и в немецкий [2] и английский.

В английском языке слово *sabotage* означает диверсию, вредительство.

В статье 105 Кодекса США *sabotage* описывается как умышленное повреждение, уничтожение, загрязнение или заражение, либо попытка этого в отношении оборонных (военных) сооружений, материалов или приспособлений с намерением причинить вред или помехи обороне США (в мирное время), причинить вред или помешать США или какой-либо ассоциированной нации в военных приготовлениях, в ведении войны или оборонных действий (в военное время или в период действия чрезвычайного положения), а также производство неисправных оборонных (военных) сооружений, материалов или приспособлений [3].

Саботаж как метод политической борьбы получил широкое распространение в начале XX века, когда в условиях бурного экономического роста подобные действия начали наносить серьёзный ущерб владельцам крупных предприятий и государству, заставляя их идти на переговоры с саботажниками.

Следующим методом саботажа, который широко используется до сих пор, стала так называемая обструкция, или итальянская забастовка. В 1905 году в Италии рабочие, выступавшие за улучшение условий труда, нашли оригинальный способ давления на работодателей, заключавшийся в абсолютно точном соблюдении всех норм и правил работы.

Как показал опыт, подобная практика неизменно ведёт к снижению темпов производства и заставляет владельцев предприятий идти на уступки сотрудникам.

Саботаж как понятие и как действие в нашей стране появился сразу после революции 1917 года. С этого времени саботаж часто встречается в статьях и выступлениях В.И. Ленина, наряду со словами саботировать, саботирование и обретает конкретное

определение: злостный, преднамеренный срыв работы путем открытого отказа от нее или скрытого противодействия.

Важно отметить, что своими историческими корнями термин «саботаж» уходит в советский период, когда в Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 году и действовавшем вплоть до 1958 года, этим термином обозначалось «контрреволюционное» преступление, предусмотренное ст. 58 УК, которое определялась, как «сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата» [4, с. 310].

Наказания, предусмотренные за «контрреволюционный саботаж», были весьма серьезными, такими как конфискация всего или части имущества и тюремное заключение не менее одного года, с возможностью повышения меры наказания, особенно при отягчающих обстоятельствах, вплоть до смертной казни с конфискацией всего имущества виновного.

В годы Великой Отечественной войны в работе советских судов, в связи с непростой военной ситуацией, участившимися случаями саботажа в различных отраслях производства, произошли существенные изменения.

8 августа 1941 г. была прията Директива НКВД СССР № 314/9404 «Об организации работы экономических отделов НКВД – УНКВД по оперативному обслуживанию предприятий оборонной промышленности», кроме прежних задач, таких как: «пресечение попыток антисоветских элементов путем вредительства, диверсии, саботажа нарушить нормальную работу предприятий оборонной промышленности и связи, и выявление шпионов иностранных разведок» [5].

Согласно справке Министерства государственной безопасности о количестве осужденных за контрреволюционные преступления и бандитизм, которые находились в лагерях и колониях по состоянию на 1 июля 1946 г., из 1 371 986 заключенных 516 592 отбывали наказание за контрреволюционные преступления, из которых по статье «Контрреволюционный саботаж» были привлечены к ответственности 30 944 человека [6]. Многие осужденные за контрреволюционные преступления были приговорены к различным срокам тюремного заключения за измену Родине и антисоветскую агитацию (в современном понимании – дискредитация вооруженных сил посредством «фейков» и участие в антигосударственной деятельности, направленной на подрыв исправного функционирования

государственного аппарата на местах, вооруженных сил и производственных предприятий) [7].

Следует отметить, что помимо известного нам саботажа отдельными статьями наказывались такие преступления, как вредительство и диверсия. По статье «Контрреволюционный саботаж» осуждались и лица, которые отказывались от работы в местах лишения свободы или совершали побег из мест отбывания наказания. В уголовном законодательстве СССР саботаж относился к тяжким преступным деяниям, однако с течением времени изменился подход к его квалификации.

В настоящее время в Российской Федерации саботаж перестал быть «самостоятельным преступлением» (т.е. в особенной части Уголовного кодекса РФ в перечне всех преступных деяний отсутствует состав, характеризующий саботаж).

Вместе с тем, часть норм, ранее трактуемых как саботаж, отказ от выполнения работ осужденными, перешли в современное законодательство, в частности в уголовно-исполнительный кодекс, а именно, за нарушение заключенными порядка отбывания наказания, они несут административную ответственность, включающую в себя ужесточение режима, лишение поощрительных привилегий [8].

Как показывает практика данные меры являются весьма действенными.

Не стоит забывать и о том, что привело законодателя советского периода к трактовке закона в изложенной форме. Из отечественной истории, известно, что в период революции 1905–1907 гг. в Тобольский тюремный замок ссылались в большом количестве политические заключенные. В условиях концентрации «политиков» различных партий, последние несмотря на ранее имевшиеся разногласия, стали объединяться в оппозицию тюремному режиму. В то время подобному естественному процессу подверглись и другие тюрьмы, но именно в Тобольском замке был организован «мозговой центр», который реализовал методы ненасильственного сопротивления власти, в частности в отношении тюремной администрации.

Известный американский политолог и главный идеолог «цветных революций» Джин Шарп умер в 2018 г. Считается, что именно он разработал наиболее эффективные методы «борьбы народов» с авторитарными режимами. Его рекомендации отчетливо прослеживаются в революционных сценариях множества стран мира не только в XX в., но и в XXI в., чем заслужили славу «методичек ЦРУ». В процессе создания своей теории Джин Шарп использовал

разработанные и апробированные российскими революционерами методы психологической борьбы.

Для американского политолога ненасилие – это сознательный вызов власти, хорошо спланированная тактическая борьба, как ни странно, не исключающая жертв.

Так, при создании теории «ненасильственных революций» исторический опыт России должен был иметь для Шарпа важнейшее значение, так как разработанные им формы борьбы уже применялись революционерами и оказались достаточно эффективными для смены государственного строя в России, в 1917 году.

Члены тобольской тюремной коммуны находились в постоянном поиске, политической дискуссии и апробации методов сопротивления, – именно там рождалась новая теория политической борьбы.

Центральной фигурой этой борьбы, стал лидер коммуны – большевик, дворянин Дмитрий Тахчогло, попавший в Тобольскую тюрьму в 1907 г. [9]. Там он успешно апробировал методы психологического давления на тюремную администрацию.

В результате, на первый взгляд, незначительных действий, коммуникативных баталий, проводимых обструкциях, пострадало целое структурное подразделение государства – Тобольская тюрьма. Вследствие чего безопасность государства была подорвана, а в массы народа ушло лживое наречие «Могилевщина».

В основе приведенных методов, теории ненасильственных революций, по сути лежит саботаж.

В современном экономическом словаре под саботажем понимается сознательное, умышленное неисполнение или небрежное исполнение лицом либо группой лиц своих служебных или иных обязанностей, или скрытое противодействие осуществлению нежелательных мероприятий.

Саботаж имеет место как в коммерческих организациях, так и в государственных структурах. Причем применительно к государственным учреждениям саботаж может осуществляться и в высших органах власти, если чиновники не исполняют указы и поручения Президента РФ и Правительства РФ. Вместе с тем следует отметить, что не считается саботажем противостояние работников незаконным действиям работодателя. Например, когда работников заставляют трудиться сверхурочно или отправляют в административный отпуск против их желания.

Современное общение невозможно представить без конфликтных ситуаций. Понятием «конфликт» оперируют многие области знания – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика и

другие. Противоречия возникают практически во всех сферах жизни и деятельности человека, они привлекают внимание ученых и становятся предметом изучения.

В рамках лингвистики и психолингвистики - это коммуникативный конфликт, определяемый К. Ф. Седовым как «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами». Столкновение может быть, как открытым, эксплицированным, так и скрытым. К последнему виду, имплицированному, скрытому столкновению, следует отнести коммуникативный саботаж. Это своего рода мини-конфликт. Цель его – «срыв идеально прозрачного обмена информацией», внутреннее противодействие речевым действиям партнера по коммуникации. Поскольку при игнорировании содержательной части высказывания происходит срыв кооперативной коммуникации, следовательно, коммуникативный саботаж можно рассматривать как коммуникативный сбой в общении, своего рода разновидность коммуникативного конфликта [10].

Например, в условиях боевых действий, рядовой военнослужащий намеренно выводит закрепленную за ним военную технику из строя, путем засыпания в бензобак сахара. Утром техника не заводится, боевая задача сорвана и не выполнена. Другой пример, военнослужащий «делает вид», что не понимает командира, который сообщает ему координаты для ввода и дальнейшей передачи, чем совершает коммуникативный саботаж против военной службы, срывает боевую задачу.

Любой вид саботажа это умышленные действия с прямым умыслом, направленным на сбой, блокировку какого-либо процесса как общественного, так и государственного. Однако, проблема состоит в том, что саботажные действия зачастую прикрываются делом случая, стечением невинных обстоятельств. Данное деяние чаще всего совершается эмоционально, именно поэтому лицо может прикрыть себя «случайностью», т.е. указать на неумышленное совершение действий либо бездействие.

В тоже время в «неслучайных» закономерностях можно выделить длительную систему четких, прямолинейных действий, направленных на дестабилизацию, подрыв, неэффективное функционирование той или иной системы, а в случае «встраивания» саботажа в обыденность процесса, последний становится искривлённой нормой поведения либо деятельности.

Во всех перечисленных примерах совершенных деяний, военнослужащего можно привлечь к уголовной ответственности, за

порчу имущества, неисполнение приказа, и другие составы действующего уголовного законодательства. Однако, в ряде случаев, последствия совершения преступления не всегда охватываются инкриминируемым составом преступления.

Например, военнослужащий осуждается за порчу вверенного ему военного имущества, а за то, что по его вине не выполнена боевая задача, никакого решения суда нет. Этот вопрос остается вне юридического поля рассмотрения, однако именно это последствие и является следствием саботажа военнослужащего, который действовал с прямым умыслом (вывел из строя технику, так как не хотел или боялся выполнять боевую задачу).

Именно это обстоятельство, по нашему мнению, необходимо в данном случае понимать, как саботаж, который всегда предшествует какому-либо более тяжкому преступлению. Следовательно, саботаж необходимо, после криминализации, вменять в нераздельной совокупности с другим совершаемым преступлением.

Исследуя кодексы зарубежных стран, нами установлено, что в большинстве своем законодатели указывают на неоспоримый факт «призыва» к совершению того или иного вида саботажа (диверсии, мятежа, насилия).

С учетом указанного, в Уголовный кодекс РФ необходимо внести статью, предусматривающую ответственность за «Призыв либо исполнение саботажа».

Разрушительный потенциал саботажа может быть направлен на любые сферы жизнедеятельности общества и государства, поэтому необходимо определить вектор совершения саботажа, его цель (например, подрыв деятельности государственных органов, разрушение основ конституционного строя, либо цивилизационных основ общества).

Определить столь высокую планку целей совершения саботажа необходимо для естественного отсеивания мелких и неконструктивных действий, не повлекших значительных последствий для общества и государства.

Область, в которой состав саботажа может применяться, как системное или единичное преступление, направленное на подрыв нормальной жизнедеятельности общества и государства, достаточно обширна. Поэтому возможно разделение саботажа на виды:

- коммуникативный - срыв прозрачного обмена информацией;

- обструктивный - намеренный срыв чего-либо, противодействие нормальной работе путем ее блокирования;

- экономический - умышленное неисполнение или небрежное исполнение лицом либо группой лиц своих служебных или иных обязанностей, или скрытое противодействие осуществлению желательных для общества мероприятий;

Также необходимо выделить в отдельные виды: информационный (цифровой, кибернетический) и бюрократический (документальный) саботаж.

В свою очередь, виды могут быть подразделены на:

1. воинский (совершенный военнослужащим);
2. общественный,
3. должностной,
4. совершенный иностранцем (зарубежный).

Учитывая вышеизложенное, предлагаем определение саботажа – это любые, совершаемые с прямым умыслом обструктивные действия лица, направленные на дестабилизацию, торможение системной работы предприятия, совершенные не общественно опасным способом, но с перспективой причинения тяжких последствий.

Векторы решения определены и будут являться дальнейшими шагами более глубокого анализа исследуемого преступления.

Список цитируемой литературы:

1. https://t.me/khodorkovski/5542.
2. Саботаж // Большая советская энциклопедия : в 66 т. (65 т. и 1 доп.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. — М. Советская энциклопедия, 1926—1947.
3. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. – Москва: Новое издательство, 2005. – С. 84.
4. Вышинская З., Меньшагин В., Трайнин А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. – 2-е изд. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946.
5. Демидов А.М. Деятельность органов госбезопасности в сфере сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войн проблемы исследования и сохранения исторической памяти: материалы междунар. науч.- практ. конф. – 2018. – С. 84–88.
6. Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953). – Москва: Алгоритм, 2016.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон: [от 13 июня 1996 г. (ред. от 3 апреля 2023 г.)]. – Ст. 207.3. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2023). – Текст: электронный.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) от 08.01.1997 № 1-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

9. Комаров Н.Я. Государственный комитет обороны постановляет...: документы, воспоминания, комментарии. – Москва: Воениздат, 1990. – 430 с.

10. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М.: Советская Энциклопедия, 1971. – Т. 22. – С. 627.

Чуносов В.С., канд. юрид. наук,
ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Липецкий филиал

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТАМОЖЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы внедрения и использования информационных систем и технологий для совершения таможенных операций, обеспечение защиты информации, электронный обмен данными, а также развитие и применение технических средств таможенного контроля цифровых технологий в таможенной деятельности.

Ключевые слова: цифровые технологии, таможенный контроль, информация, автоматизация.

Внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта в таможенную деятельность регулируется законодательством Евразийского экономического союза и Российской Федерации. Основные направления включают использование информационных систем и технологий для совершения таможенных операций, обеспечение защиты информации, электронный обмен данными, а

также развитие и применение технических средств таможенного контроля.

Таможенное законодательство, в частности Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее - ТК ЕАЭС) и Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закладывает правовую основу для использования цифровых технологий в таможенной сфере.

Таможенные операции могут совершаться с использованием информационных систем и технологий как таможенных органов, так и иных заинтересованных лиц. Разработка, внедрение и эксплуатация таких систем должны соответствовать законодательству государств-членов. Таможенные органы используют информационные системы для обмена информацией с другими органами, предоставления государственных услуг, а также для формирования и ведения информационных ресурсов.

Электронный обмен документами и сведениями, Ст. 281-282 Федерального закона № 289-ФЗ устанавливают порядок электронного обмена документами и сведениями между таможенными органами и заинтересованными лицами через сеть «Интернет», в том числе с использованием личного кабинета. Электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, приравнивается к документу на бумажном носителе [1].

Технические средства таможенного контроля, Статья 249 Федерального закона № 289-ФЗ регулирует порядок применения технических средств таможенного контроля. Результаты, полученные в ходе таможенного контроля с использованием таких средств, могут быть признаны доказательствами по делам об административных правонарушениях, гражданским и уголовным делам (статья 223 Федерального закона № 289-ФЗ).

Защита информации, Статьи 367 ТК ЕАЭС и 306 Федерального закона № 289-ФЗ устанавливают требования к защите информации, используемой в информационных системах таможенных органов, и прав лиц, участвующих в информационных процессах.

Взаимодействие, Статьи 307-308 Федерального закона № 289-ФЗ регулируют взаимодействие таможенных органов с органами государств-членов ЕАЭС, а также с органами иностранных государств, не являющихся членами Союза, и международными организациями, в том числе с использованием информационных систем и технологий. Информация, полученная в рамках такого взаимодействия,

используется исключительно для выполнения задач таможенных органов и подлежит защите.

Хотя прямое упоминание «искусственного интеллекта» в приведенных статьях отсутствует, внедрение ИИ в таможенную деятельность будет осуществляться в рамках существующих правовых норм, регулирующих использование информационных систем, технологий и технических средств. Например, ИИ может применяться для анализа данных, прогнозирования рисков, автоматизации процессов, что подпадает под общие положения об использовании информационных систем и технологий.

Глобальная цифровая трансформация государственного управления привела к формированию принципиально новой модели функционирования фискальных органов — «Интеллектуальной таможни». В Российской Федерации этот процесс институционализирован в «Стратегии развития таможенной службы до 2030 года», где приоритетом провозглашена автоматизация принятия решений на основе искусственного интеллекта (ИИ) и анализа больших данных (Big Data). Однако внедрение высокотехнологичных инструментов в такую консервативную и жестко регламентированную сферу, как таможенное администрирование, порождает комплекс сложнейших правовых проблем. Они касаются легитимности автоматизированных актов, распределения ответственности за «алгоритмические ошибки» и обеспечения прозрачности государственного управления в условиях работы «черных ящиков» нейросетей.

В современной административно-правовой доктрине переход к цифровой таможне рассматривается как парадигмальный сдвиг в теории государственного управления.

Один из ведущих специалистов в области таможенных ИТ-технологий, вводит понятие «технологической парадигмы таможенного контроля». По его мнению, цифровизация — это не просто замена бумажного носителя электронным, а переход к «когнитивному администрированию», где субъектом предварительного анализа становится не должностное лицо, а информационная система. Профессор О. Ю. Бакаева подчеркивает, что цифровая трансформация таможни детерминирована требованиями наднационального права ЕАЭС. Ученый отмечает, что создание единого цифрового пространства Союза требует унификации не только программных кодов, но и правовых стандартов электронного документооборота, что превращает цифровизацию в фактор международно-правовой интеграции [2].

Правовой статус автоматизированных решений и «электронных актов».

Одной из главных новаций ФЗ-289 «О таможенном регулировании» стала легализация автоматического совершения таможенных операций (ст. 118). Речь идет о ситуациях, когда регистрация и выпуск декларации происходят без участия инспектора.

Возникает вопрос о правовой природе автоматизированного решения. Является ли оно классическим административным актом?

Профессор Ю. Н. Старилов в своих работах указывает на необходимость сохранения «антропоцентричного подхода» в праве. По мнению ученого, любое решение, принимаемое алгоритмом, должно иметь юридическую привязку к конкретному должностному лицу или органу, который «легитимирует» действия машины своим регламентом. Автоматизированное решение — это акт органа власти, совершенный опосредованно через программное средство.

А. Ф. Ноздрачев обращает внимание на то, что использование алгоритмов сужает сферу «административного усмотрения» (дискреции). С одной стороны, это минимизирует коррупцию, с другой — лишает систему гибкости в нестандартных ситуациях, что требует закрепления в законе права субъекта на «человеческое вмешательство» (human-in-the-loop) [3].

Применение ИИ в СУР — наиболее перспективное и одновременно наиболее проблемное направление. Нейросети способны анализировать миллионы деклараций для выявления скрытых схем уклонения от платежей.

Д. В. Чермянинов отмечает, что ключевым правовым аспектом здесь является принцип прозрачности. Если ИИ относит компанию к категории высокого риска («красный сектор»), участник ВЭД имеет право знать причины. Однако специфика работы нейросетей часто не позволяет объяснить логику конкретного вывода (проблема «черного ящика»). Исследователь обосновывает необходимость установления правового стандарта «объяснимости ИИ» в таможенной сфере, чтобы избежать произвола алгоритмов.

С. В. Халипов указывает на риски «цифровой дискриминации». Если алгоритм СУР будет обучаться на предвзятых данных, он может систематически ущемлять интересы определенных групп импортеров, что требует создания механизмов административного аудита алгоритмов ФТС [4].

Вопрос о том, кто несет ответственность за материальный ущерб, причиненный незаконной задержкой груза по вине программного сбоя, остается открытым.

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ, вред, причиненный госорганами, подлежит возмещению. Однако доказать «незаконность» действий ИИ крайне сложно. Ученые предлагают концепцию «алгоритмической вины» государства. Если ошибка произошла в штатном режиме работы системы ФТС, ответственность должно нести ведомство как владелец и оператор ИИ-системы, независимо от наличия умысла конкретных сотрудников [5].

В случае масштабного технического сбоя в информационных системах ФТС (как это имело место в апреле 2023 года), возникают массовые иски о простое транспорта. Правовые аспекты внедрения ИИ должны включать создание резервных «ручных» протоколов и страховых механизмов покрытия убытков от цифровых рисков.

Таможенные системы аккумулируют огромные массивы коммерческой и государственной тайны.

П. Н. Афонин подчеркивает, что в условиях цифровизации «информационная безопасность становится формой существования таможенного права». Любая утечка из ГИС ФТС подрывает доверие бизнеса к государству. Правовой статус цифровых технологий в таможне должен включать жесткие регламенты доступа к Big Data и протоколы шифрования, соответствующие уровню «критической информационной инфраструктуры».

В цифровой таможне юридическим фактом, порождающим права и обязанности, становится не бумажный документ с печатью, а запись в базе данных, сформированная алгоритмом. Это требует изменения процессуальных норм таможенного права в сторону признания «электронных доказательств» приоритетными.

Административное законодательство должно гарантировать участнику ВЭД право на получение мотивированного обоснования решения, даже если оно принято ИИ. «Цифровая непрозрачность» СУР не может быть оправданием для ограничения прав собственности.

Обоснован переход к модели объективной ответственности ФТС за убытки, возникшие вследствие ошибок ИИ. Государство, внедряющее технологии для повышения фискальной эффективности, должно нести риски их технического несовершенства. Необходимо создание системы регулярного независимого правового и технического аудита алгоритмов, используемых в таможенном администрировании, для исключения цифровой дискриминации и системных ошибок. Несмотря на эффективность ИИ, за человеком (должностным лицом) должно оставаться исключительное право принятия окончательного решения в спорных ситуациях и по делам об

административных правонарушениях. «Автоматическое правосудие» в таможенной сфере недопустимо.

Внедрение ИИ и цифровых технологий в деятельность ФТС России — это неизбежный процесс, обеспечивающий конкурентоспособность экономики. Однако правовая оболочка этого процесса пока отстает от технологического содержания. Совершенствование правовых аспектов цифровизации должно идти по пути гуманизации технологий: машина должна помогать инспектору, а не заменять закон, а алгоритм должен быть так же подвластен суду, как и решение чиновника. Только через создание прозрачной правовой среды «Интеллектуальная таможня» сможет стать инструментом развития, а не барьером для международного сотрудничества.

Список цитируемой литературы:

1. Войниканис, Е. А. Правовое регулирование информационных отношений в сфере защиты информации с ограниченным доступом : учебное пособие для вузов / Е. А. Войниканис ; под редакцией М. А. Федотова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 54 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21161-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559476 (дата обращения: 10.01.2025).

2. Бакаева, О. Ю. Таможенное право России: учебник / О. Ю. Бакаева. — 3 е изд., перераб. и доп. — М: Юристъ, 2022. — 456 с.

3. Ноздрачёв, А. Ф. Таможенное администрирование в России: теория и практика: монография / А. Ф. Ноздрачёв. — М: Проспект, 2020. — 342 с.

4. Халипов, С. В. Таможенное право: учебник для вузов / С. В. Халипов. — 6 е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2023. — 398 с.

5. Матвеева, Т. А. Таможенное право: учебник для вузов / Т. А. Матвеева. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 244 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16782-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/587916 (дата обращения: 17.01.2026).

Шагунова В.М, канд. юрид. наук, доц.
доцент кафедры Уголовное, право, процесс и криминалистика
Шмелева С.Ю., магистрант
ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ И ПРЕСТУПНОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПУТИ ЛЕГАЛЬНОЙ ДИФФЕРНЦИАЦИИ

Аннотация

В настоящей статье рассматривается актуальная проблема уголовно-правовой квалификации ятрогенных деяний, связанных с причинением вреда жизни или здоровью пациента. Проводится анализ доктринальных подходов к разграничению добросовестной профессиональной врачебной ошибки и преступной неосторожности (халатности). Автор приходит к выводу об отсутствии в действующем законодательстве критериев такого разграничения, что приводит к правовой неопределенности в следственно-судебной практике. На основе комплексного анализа предлагается внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации путем введения легальных дефиниций.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, врачебная ошибка, преступная неосторожность, уголовная ответственность медицинских работников, халатность, дифференциация ответственности, квалификация преступлений.

Современное развитие медицины, с одной стороны, открывает новые возможности для спасения жизни и здоровья, а с другой – объективно увеличивает риски причинения вреда в процессе оказания медицинской помощи. Уголовные дела, возбуждаемые в отношении медицинских работников по фактам причинения смерти или вреда здоровью пациентов (так называемые ятрогенные преступления), носят резонансный характер и выявляют системную проблему правового регулирования. Ключевой вопрос, с которым сталкиваются правоприменители, – это необходимость отграничения ненаказуемой добросовестной профессиональной врачебной ошибки от уголовно наказуемой преступной неосторожности, чаще всего выражающейся в форме халатности или небрежности.

В отечественной правовой доктрине отсутствует единое понимание врачебной ошибки. Классическое определение, данное И.В. Давыдовским, трактует ее как «добросовестное заблуждение врача,

основанное на несовершенстве современной медицинской науки, неочевидности симптоматики или особенностях организма пациента» [1, с. 45]. Данное определение смещает акцент на отсутствие вины медицинского работника, относя причинение вреда к сфере профессионального (медицинского) риска.

В уголовном праве ключевым критерием ответственности является вина. Причинение вреда по неосторожности регламентировано статьями 109 и 118 УК РФ. Согласно законодательству, неосторожность проявляется в виде легкомыслия или небрежности. Применительно к медицинской деятельности, как справедливо отмечает А.В. Тихомиров, преступная неосторожность возникает тогда, когда медицинский работник «не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть (небрежность), либо самонадеянно рассчитывал на их предотвращение (легкомыслие)» [5, с. 112]. Таким образом, сердцевиной разграничения становится степень соблюдения профессиональных стандартов и меры профессиональной предусмотрительности.

Ряд авторов, таких как Л.В. Канунникова и М.Н. Малеина, предлагают использовать для разграничения критерий «грубости» нарушения правил и стандартов [2, с. 78; 3, с. 91].

Врачебная ошибка, по их мнению, имеет место при действиях в рамках стандартов, но с неблагоприятным исходом, а преступная неосторожность – при существенном (грубом) отступлении от этих правил. Однако сам термин «грубое нарушение» в уголовном законе применительно к данной категории дел не определен, что оставляет широкий простор для судебного усмотрения.

Анализ судебной практики по делам, возбужденным по ст. 109 и 118 УК РФ в отношении медицинских работников, демонстрирует устойчивые проблемы.

Во-первых, смешение объективных и субъективных критериев. Следствие и суд часто констатируют наличие причинно-следственной связи между действиями врача и наступившим вредом, автоматически приравнивая это к виновности, без глубокого анализа, находились ли действия в границах приемлемого профессионального риска. Как отмечает С.В. Назаров, «установление прямого причинения вреда еще не свидетельствует о наличии состава преступления, необходимо исследовать субъективную сторону – форму вины» [4, с. 34].

Во-вторых, переоценка роли результата (экспертного заключения о причине смерти) в ущерб анализу процесса оказания помощи.

Судебно-медицинская экспертиза отвечает на вопрос «от чего наступила смерть?», но часто не в состоянии дать оценку тому, «были ли действия врача адекватными и соответствующими стандартам в конкретной клинической ситуации». Это приводит к ситуации, когда неблагоприятный исход сам по себе становится основанием для обвинения.

В-третьих, отсутствие единообразных методик оценки «стандарта помощи». В условиях быстрого развития медицины клинические рекомендации носят часто обновляемый характер. Отсутствие четкого алгоритма, какую именно версию стандарта применять к действиям врача, совершенным несколько лет назад, создает дополнительные сложности.

Все это приводит к правовой неопределенности, порождая как необоснованные уголовные преследования, так и «оборонительную медицину», когда врач в первую очередь думает не об оптимальной тактике лечения, а о юридической безопасности своих решений.

Для преодоления указанных противоречий необходима законодательная конкретизация. Предлагается следующий комплекс мер:

1. Введение легальных дефиниций в Уголовный кодекс РФ. Целесообразно дополнить статьи 109 и 118 УК РФ новым примечанием, содержащим четкие определения:

«Примечание.

1. Добросовестной профессиональной медицинской ошибкой признается причинение вреда жизни или здоровью пациента в результате действия (бездействия) медицинского работника, совершенного при оказании медицинской помощи в соответствии с действовавшими на момент оказания помощи клиническими рекомендациями (стандартами) и современным уровнем медицинских знаний, если вред наступил вследствие непредсказуемых индивидуальных особенностей организма пациента, атипичного течения заболевания или диагностической неочевидности при использовании всех доступных в данной ситуации диагностических возможностей. Добросовестная профессиональная медицинская ошибка не влечет уголовной ответственности.

2. Преступной неосторожностью в профессиональной медицинской деятельности признается причинение вреда жизни или здоровью пациента вследствие непринятия медицинским работником достаточных и явно предписанных правилами и стандартами мер предосторожности, которые он был обязан и мог принять в силу своей квалификации и условий оказания помощи».

Данное примечание позволит отделить сферу профессионального риска от сферы уголовно наказуемого поведения на уровне закона.

2. Введение специального квалифицирующего признака. Для выделения именно преступной, а не просто профессиональной неосторожности, предлагается дополнить части вторые статей 109 и 118 УК РФ новым пунктом «в» следующего содержания:

«в) вследствие грубого нарушения обязательных правил, стандартов и протоколов оказания медицинской помощи».

Это создаст более строгий состав для случаев явного пренебрежения профессиональными обязанностями и упростит квалификацию, отделив ее от ситуаций «пограничной» неосторожности.

3. Косвенное законодательное закрепление через процессуальные нормы. В Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 196) следует внести изменение, обязывающее назначение по делам данной категории не только судебно-медицинской, но и комплексной судебной медико-правовой экспертизы. Предметом такой экспертизы должен стать именно анализ соответствия действий медицинского работника клиническим стандартам и оценка степени отклонения от них. Это обеспечит суд необходимым специальным знанием для применения предлагаемых легальных дефиниций.

Проблема разграничения врачебной ошибки и преступной неосторожности носит не только теоретический, но и практический характер, затрагивая основы справедливости уголовной ответственности и безопасность системы здравоохранения. Изменения в законодательстве позволят сформировать единые и предсказуемые критерии оценки, обеспечить защиту прав пациентов при реальной халатности, гарантировать защиту добросовестных медицинских работников от необоснованного уголовного преследования, создать правовые условия для развития медицины, основанной на анализе ошибок, а не на их сокрытии из-за страха перед ответственностью.

Список цитируемой литературы:

1. Давыдовский, И. В. Врачебные ошибки / И. В. Давыдовский // Судебная медицина и экспертиза. – М.: Медицина, 2020. – С. 40-52.

2. Канунникова, Л. В. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. … докт. юрид. наук / Л. В. Канунникова. – СПб., 2018. – 458 с.

3. Малеина, М. Н. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: частноправовые аспекты / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 85-98.

4. Назаров, С. В. Причинная связь в уголовном праве: теория и практика установления / С. В. Назаров // Законность. – 2021. – № 3. – С. 30-36.

5. Тихомиров, А. В. Уголовная ответственность медицинских работников за преступления против жизни и здоровья, совершаемые по неосторожности : монография / А. В. Тихомиров. – М.: Проспект, 2019. – 176 с.

Шурупова Е.И., студент магистратуры
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк
Научный руководитель – Жуковская Н.Ю., канд. ист. наук, доцент кафедры ГПД

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Аннотация

В статье рассматривается проблема создания Образовательного кодекса РФ в условиях трансформации образовательной системы. Анализируются недостатки действующего Закона об образовании, включая межотраслевые коллизии, проблемы понятийного аппарата и дисбаланс между федеральным и региональным регулированием. Исследуются аргументы сторонников и противников кодификации образовательного права, а также зарубежный опыт. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей систематизации образовательного законодательства при сохранении баланса между централизацией и гибкостью системы.

Ключевые слова: образовательное право, образовательный кодекс, система образования, правовое регулирование образования.

Современная образовательная среда развивается в условиях перманентной трансформации: стремление к ускоренной цифровизации, развитие онлайн-обучения, развитие академической мобильности и все увеличивающиеся требования к качеству подготовки педагогических кадров провоцируют необходимость своевременного обновления правовой основы отечественного образования. На данном этапе базовым нормативным актом в сфере образования является, как известно, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) [1], который по своему охвату, по оценкам экспертов, претендует на роль кодифицированного источника. Однако, учитывая масштаб регулирования и необходимость детализации

многих аспектов сферы образования, юридическое сообщество все чаще поднимает вопрос об актуальности разработки комплексного систематизированного акта, а именно − о создании российского Образовательного кодекса.

В основе создания Закона об образовании лежала цель формирования комплексного акта, призванного упорядочить разрозненное образовательное законодательство. В реальности же акт лишь способствовал созданию коллизий, снижающих эффективность правового регулирования и одновременно сохраняющих большое число пробелов в регулировании.

В первую очередь необходимо выделить межотраслевую коллизионность. Образовательные отношения находятся в тесной связи с административными (управление системой образования), трудовыми (статус педагогических работников), гражданскими (оказание платных образовательных услуг) и бюджетно-финансовыми павоотношениями. Закон об образовании не содержит существенного разграничения сфер регулирования, что приводит к конкуренции норм. Например, при совершении педагогическим работником дисциплинарного проступка в силу вступают не только меры трудового законодательства, но и специальные положения Закона об образовании, что создает неопределенность в правоприменении.

Во-вторых, к разночтениям ведет недостаточная проработанность понятийного аппарата образовательного права. Например, по наблюдению И.Ю. Гольтяпиной, «такие базовые категории, как «качество образования», «образовательная услуга», «академическая свобода», не имеют однозначного юридического содержания, что затрудняет формирование единой судебной и административной практики» [3, 112].

В-третьих, Закон ограничивает гибкость системы из-за дисбаланса между федеральным и региональным регулированием. Хотя регионы и обладают определенными полномочиями, значительная часть вопросов централизована, что не позволяет учитывать особенности субъекта и потребности локализованных образовательных рынков.

Наконец, пробелы в процедурных нормах вынуждают правоприменителей обращаться к подзаконным актам, что снижает прозрачность и предсказуемость регулирования. Многие важные процедуры (например, порядок проведения аттестации, лицензирования, аккредитации) детально урегулированы приказами Министерства. просвещения и Минобрнауки, а не законом, что противоречит принципу верховенства закона.

Изложенное позволяет заключить, что системные противоречия Закона об образовании свидетельствуют о необходимости дальнейшего упорядочения образовательного законодательства. Однако сами по себе эти проблемы не предопределяют выбор кодификации как единственно возможного способа их решения.

Оценить перспективу кодификации образовательного права позволит осознание и оценка специфики текущего этапа его развития [4]. Традиционно теория государства и права выделяет следующие критерии для обоснования самостоятельности отрасли права: предмет и метод правового регулирования, устоявшая система принципов и институтов [6, 18].

Общественные отношения, связанные с реализацией права на образование, организацией образовательного процесса, управлением образовательной деятельностью и обеспечением качества образования формируют предмет образовательного права [1]. Метод представляет собой комбинацию из императивных и диспозитивных начал, что обосновывает двойственную природу образовательных отношений: с одной стороны, они носят публично-правовой характер (госгарантии и лицензирование образовательных организаций), с другой – частноправовой (договорные отношения в сфере оказания платных образовательных услуг) [6].

Рассмотрим этапы становления отрасли, которые образовательное право уже преодолело: образовательные отношения выведены в самостоятельную категорию – сформирован специфический предмет регулирования; выработан комбинированный метод регулирования; накоплен объемный массив ном (включая Закон об образовании, подзаконные акты, региональное законодательство и широкий спектр локальных актов образовательных организаций); сформирована система принципов образовательного права с закреплением ее в законе и правовой доктрине (доступность, бесплатность, светскость, академическая свобода); значительная научная и учебная база по образовательному праву.

Однако все это еще не говорит об институциональной зрелости ввиду фрагментарности регулирования и сохраняющейся зависимости от подзаконных актов. При этом юридическая наука не достигла консенсуса относительно создания кодифицированного акта изучаемой комплексной подотрасли права, несмотря на предпринимаемые попытки его создания в 2002 и 2007 гг.

Сторонники кодификации, например, С. Баранова, подчеркивают, что подобный шаг поможет создать инструмент управления системой, а не «заплаточный» закон: «это обобщение, систематизация и

нормативное закрепление основных юридически значимых понятий сферы образования и образовательных отношений, четкое обозначение в соответствии с канонами юридической науки институтов образовательного законодательства» [2, 79].

Противники кодификации Е.А. Суханов, Д.Е. Петров, ссылаясь на динамичность и разнообразие сферы правового регулирования, указывают на риски чрезмерной бюрократизации и централизации системы. Существует опасность «размывания» специфики отдельных уровней образовательной системы (дошкольное, общее, профессиональное, высшее образование) и утраты гибкости, необходимой для оперативного реагирования на изменения. Справедливым остается предложение по совершенствованию действующего Закона об образовании в первую очередь в части уточнения основных понятий и расширения их перечня.

Анализ зарубежного опыта кодификации образовательного права показывает, как данная процедура позволяет создать единую и прозрачную систему норм, охватывающую все уровни образования, что было сделано к 2000 году во Франции, Германия ограничивается рамочным законом, а основное регулирование отведено местным учреждениям, такой подход обеспечивает баланс между едиными принципами и региональной автономией [3, 3].

Таким образом, идея создания Образовательного кодекса Российской Федерации не является ни чистым мифом, ни безусловной необходимостью «здесь и сейчас». С одной стороны, системные противоречия Закона № 273-ФЗ, межотраслевые коллизии и пробелы в регулировании свидетельствуют о потребности в дальнейшей систематизации. С другой стороны, образовательное право ещё не достигло полной зрелости самостоятельной отрасли права, а сопряженные с созданием кодекса риски чрезмерной бюрократизации и утраты гибкости в управлении системой образования остаются значительными.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г. [ред. от 25 апреля 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7598.

2. Барабанова С. Законодательство и образование (быть ли в России кодексу об образовании?) / С. Барабанова // Высшее образование в России. – 2008. – № 2. – С. 79-82.

3. Гольтяпина И.Ю. Правовое содержание качества образования / И.Ю. Гольтяпина // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №12 (168). С. 112-117.

4. Жуковская, Н.Ю. Глобальная образовательная политика и реформирование системы образования в России: общее и особенное / Н.Ю. Жуковская // Правовые и педагогические аспекты управления системой образования и науки: Материалы Всерос. научно-метод. круглого стола, Липецк, 19 апреля 2023 г. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 53-59.

5. Насонкин В.В. Общая характеристика систем образовательного законодательства зарубежных стран на современном этапе // В.В. Насонкин, Г.Ф. Ткач / Научный вестник МГТУ ГА. – 2007. – № 116. – С. 1-4.

6. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. − М.: Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. − 340 с.

7. Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов. − М.: НОРМА. – 2001. − 688 с.

СЕКЦИЯ 4
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ, МЕТОДЫ

Бакаева О.Н., канд. пед. наук, доцент
Елецкий филиал АНО ВО «Российский новый университет,
г. Елец

УСЛОВИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация

В статье рассматриваются условия реализации задач духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Его невозможно обеспечить посредством проведения отдельных мероприятий или формально заявленных программных целей. Результативность работы образовательной организации в области духовно-нравственного развития определяется согласованностью целей, ее уклада жизни, предметно-пространственной среды, характера взаимодействия взрослых с детьми и сотрудничеством с семьей.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, образовательная среда, ценностные ориентиры, ценностное поле, педагогическое взаимодействие, сотрудничество с семьей.

Современные образовательные организации решают не только задачи обучения, развития и социализации подрастающего поколения, но и вопросы их духовно-нравственного становления. Однако сама по себе фиксация данных задач в программе еще не гарантирует их реального воплощения. Воспитание остается формальным, если провозглашаемые ценности не становятся нормой жизни педагогического коллектива и всего уклада учреждения. Именно поэтому в центре внимания оказывается вопрос об условиях, при которых духовно-нравственное воспитание приобретает системный и действенный характер [5].

Духовно-нравственное развитие детей не может сводиться лишь к циклу бесед, праздников или разовых акций. Оно требует целостной воспитательной системы, в которой обучающиеся постоянно встречаются с примерами уважения, ответственности, милосердия, взаимопомощи и видят подтверждение этих ценностей в реальном поведении взрослых [4]. С этой точки зрения духовно-нравственное воспитание должно быть встроено в повседневную жизнь

образовательной организации, в ее традиции, содержание совместной деятельности, стиль общения и предметно-пространственную среду [2].

Согласно культурно-историческому подходу Л.С. Выготского, развитие ребенка представляет собой процесс присвоения культурных способов действия, норм и смыслов, возникающий в специально организованной социальной среде [3]. Следовательно, нравственные ценности усваиваются не через абстрактные объяснения, а через проживание детьми определенного опыта отношений. Если они ежедневно включены в ситуацию сотрудничества, заботы, справедливого взаимодействия, уважительного общения и общих полезных дел, то именно этот опыт становится основой интериоризации их нравственных норм и ценностных ориентиров.

Одним из важнейших условий духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения выступает создание в образовательной организации единого ценностного поля, т.е. внутренней согласованности целей воспитания, реальной практики общения, оформлением пространства, содержанием деятельности и ожиданиями, предъявляемыми к ребенку.

В.А. Ясвин справедливо отмечает, что развивающей и воспитывающей является такая образовательная среда, в которой декларируемые ценности не расходятся с повседневной жизнью учреждения [6]. Если детям говорят о доброте и уважении, но при этом и сталкиваются с раздражением, грубостью, несправедливостью или безразличием, то усваиваются не провозглашенные нормы, а фактически наблюдаемая модель отношений.

Не менее значимым условием является ценностно насыщенная предметно-пространственная среда. Она должна быть не декоративным фоном, а носителем духовно-нравственных смыслов. Подбор книг, иллюстраций, игровых материалов, символики, фотографий, семейных и краеведческих мини-экспозиций и пр. позволяет сделать нравственные ценности видимыми и эмоционально значимыми для ребенка. Когда в пространстве помещения находят отражение темы семьи, труда, добрых поступков, уважения к старшим, любви к родному краю и стране, то он получает возможность соприкасаться ежедневно с этими смыслами. Однако сама по себе среда не обладает воспитательной силой автоматически. Ее потенциал раскрывается только в том случае, если педагог помогает детям увидеть смысл стоящих за ней образов, связывает наблюдаемое с конкретными поступками, обсуждает, объясняет, побуждает к соучастию [2; 6].

Особая роль в воспитании подрастающего поколения отводится личности педагога. Именно его позиция делает духовно-нравственное воспитание убедительным или формальным. Дети воспринимают не столько словесные наставления, сколько его интонацию, способ обращения, справедливость требований, реакцию на ошибки, отношение к слабому и обиженному. Поэтому уважение к личности каждого ребенка, диалогичность общения, признание их права на мнение, отказ от унижения и психологического давления должны рассматриваться как обязательное условие духовно-нравственного развития. А.Г. Асмолов подчеркивает, что образовательная организация должна выступать пространством доверия, солидарности и уважения достоинства личности [1]. Для образовательной практики это означает, что педагог не только говорит о нравственных ценностях, а демонстрирует их в собственном поведении.

Большое значение имеет включение духовно-нравственного содержания во всю деятельность образовательной организации. Если ценности актуализируются только в рамках специальных занятий, они воспринимаются детьми как внешняя учебная тема. Напротив, когда нормы доброжелательности, ответственности, аккуратности, благодарности и заботы закрепляются в игре, труде, проектной деятельности, совместных поручениях и традициях учебного заведения, они становятся естественной частью детского опыта. Помощь друг другу, обсуждение конфликтных ситуаций, подготовка поздравлений, забота о младших, участие в делах образовательной организации создают реальные ситуации нравственного выбора. В таком случае ребенок не просто узнает, что хорошо, а получает возможность действовать в соответствии с этим знанием [3; 4].

Важным условием духовно-нравственного развития является и системность воспитательной работы. В.А. Сластенин указывал, что воспитание становится действенным лишь тогда, когда оно пронизывает весь уклад образовательной организации и поддерживается коллективом педагогов как единая норма профессиональной и человеческой позиции [5]. Это означает, что духовно-нравственная направленность должна проявляться не эпизодически, а на уровне общих требований, традиций, правил, характера взаимодействия членов педагогического коллектива между собой и с детьми. Если педагог, педагог-психолог, дефектолог, социальный педагог, педагог дополнительного образования и администрация придерживаются разных ценностных ориентиров и предъявляют детям противоречивые требования, единое воспитательное пространство разрушается.

Существенным условием духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения является партнерство с семьей. Именно семья остается первичной воспитательной средой, поэтому усилия образовательной организации не могут быть полноценными без согласования базовых воспитательных ориентиров с родителями (законными представителями). Взаимодействие с семьей должно строиться не только на информировании, а на ее включении в совместные проекты, обсуждение семейных традиций, организацию общих дел, поддержку позитивного опыта воспитания. Такой подход позволяет детям видеть непрерывность нравственных норм в разных пространствах их жизни. Когда ценности уважения, заботы, благодарности, любви к близким, труду и родному краю подтверждаются в образовательной организации и дома, то можно получить более прочное личностное основание [2; 5].

Таким образом, духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения в образовательной организации возможно только при наличии комплекса взаимосвязанных условий, а именно: создание единого ценностного поля, организация содержательной предметно-пространственной среды, личностно ориентированное и нравственно выверенное взаимодействие педагога с ребенком, включение ценностей в повседневную деятельность и устойчивое сотрудничество с семьей. Их значение состоит в том, что они обеспечивают переход от внешнего предъявления нравственных норм к их внутреннему присвоению ребенком. В этом случае духовно-нравственные ценности перестают быть декларацией и становятся естественными ориентирами поведения детей, определяющими их отношение к людям, труду, семье, малой родине и самому себе.

Список цитируемой литературы:

1. Асмолов, А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2007. – 243 с.

2. Бондаревская, Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е.В. Бондаревская. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. – 351 с.

3. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005. – 671 с.

4. Лихачев, Б.Т. Педагогика: курс лекций / Б.Т. Лихачев. – М.: Юрайт, 2001. – 607 с.

5. Сластенин, В.А. Педагогика / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов и др. – М.: Юрайт, 2026. – 227 с.

6. Ясвин, В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

Билалова А.Р., студентка группы 25ФиК1
Гарифова А.Р., канд. соц. наук, доцент
КФ «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Казанский филиал, г. Казань

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье исследуется многогранное воздействие цифровой среды на становление личности в эпоху глобальной цифровизации. Раскрываются позитивные эффекты (доступ к знаниям, развитие креативности, расширение социальных связей) и риски (информационная перегрузка, цифровая зависимость, кибербуллинг). Предложены стратегии адаптации образовательных и воспитательных практик, включая формирование цифровой грамотности и критического мышления. Обоснована ключевая роль семьи и школы в создании безопасной цифровой социализации. Объём: 598 знаков с пробелами.

Ключевые слова: цифровая среда; развитие личности; цифровая грамотность; социальные сети; критическое мышление; цифровая социализация; информационное общество; новая реальность.

Современный этап развития общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизни. Цифровая среда перестала быть вспомогательным инструментом — она превратилась в пространство повседневного существования, оказывающее глубокое влияние на формирование личности, особенно в подростковом и юношеском возрасте. Цель статьи — комплексно проанализировать вызовы и возможности цифровой среды для становления личности и предложить практические решения для минимизации рисков цифровой социализации.

Позитивные аспекты влияния цифровой среды. Цифровая среда создаёт принципиально новые условия для личностного роста:

- Неограниченный доступ к знаниям. Онлайн-курсы, электронные библиотеки и образовательные платформы позволяют осваивать компетенции в любом возрасте и темпе.
- Развитие метанавыков. Интерактивные инструменты стимулируют креативность, умение работать с большими данными, гибкость мышления и проектное управление.
- Глобальная коммуникация. Социальные сети и мессенджеры стирают географические границы, позволяя выстраивать профессиональные и дружеские связи по всему миру.
- Пространство для самореализации. Блоги, видеохостинги и творческие сообщества дают возможность демонстрировать таланты широкой аудитории и получать обратную связь.

Вызовы цифровой среды. Параллельно с возможностями цифровая среда порождает системные риски:

- Информационный шум. Алгоритмы рекомендаций создают «пузыри фильтров», ограничивая кругозор и усиливая когнитивную усталость от избытка данных.
- Цифровая зависимость. Нейрофизиологические механизмы подкрепления (лайки, уведомления) формируют привычку к постоянному онлайн-присутствию, снижая концентрацию и продуктивность.
- Кибербуллинги токсичность. Анонимность провоцирует агрессивное поведение, а травля в сети может привести к депрессии и социальной изоляции.
- Искажение самооценки. Культивирование «идеальных» образов в соцсетях провоцирует синдром FOMO (страх упустить что-то важное) и неудовлетворённость реальной жизнью.
- Угрозы приватности. Сбор и монетизация персональных данных без согласия пользователя создают риски для личной безопасности и автономии.

Роль семьи и школы. Институты социализации должны стать «буфером» между личностью и цифровыми рисками. Ключевые направления их деятельности:

1. Формирование цифровой гигиены. Обучение правилам безопасного поведения в сети: защита данных, распознавание фишинга, управление цифровым следом.
2. Развитие критического мышления. Навыки верификации информации, анализ источников, выявление манипуляций и фейков.
3. Баланс онлайн- и офлайн-активностей. Внедрение «цифрового детокса», поощрение живого общения, спортивных и творческих занятий вне сети.

4. Эмоциональная поддержка. Открытые дискуссии о рисках цифровой среды, профилактика кибербуллинга, развитие устойчивости к негативному контенту.

Таблица 1

Методы формирования цифровой грамотности в образовательном процессе

Метод	Описание	Ожидаемый результат
Интерактивные тренинги	Практические занятия с моделированием реальных цифровых сценариев (работа с поисковиками, анализ сайтов)	Овладение базовыми навыками безопасного использования технологий
Кейс-анализ	Разбор кейсов: кибербуллинг, мошенничество, распространение фейков	Развитие критического мышления и навыков принятия решений
Ролевые игры	Симуляция общения в соцсетях с акцентом на этику и безопасность	Формирование навыков конструктивного взаимодействия в цифровой среде
Проектная деятельность	Создание цифровых проектов (подкасты, блоги, инфографика) с элементами командной работы	Развитие креативности, ответственности и навыков сотрудничества

Примечание. Таблица демонстрирует педагогические стратегии, направленные на интеграцию цифровой грамотности в образовательный процесс.

Практические рекомендации

Для эффективной адаптации личности к цифровой реальности целесообразно:

- Внедрить в школьную программу курс «Цифровая грамотность» с модулями по кибербезопасности и медиаграмотности.
- Организовать просветительские семинары для родителей по вопросам цифровой социализации детей.
- Разработать школьные регламенты использования гаджетов, сочетающие гибкость и чёткие границы.
- Поддерживать инициативы по созданию позитивного цифрового контента силами учащихся (школьные медиа, волонтёрские проекты).

Цифровая среда выступает одновременно катализатором развития и источником серьёзных вызовов для личности. Её потенциал раскрывается только при условии системной работы семьи, школы и общества по формированию цифровой грамотности, критического мышления и эмоциональной устойчивости. Ключевой задачей

становится создание экосистемы, где технологии служат инструментом самореализации, а не фактором дезадаптации.

Список цитируемой литературы:

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. — М.: Смысл, 2007. — 528 с.
2. Каракозов С. Д., Усова Н. Н. Цифровая грамотность как компонент функциональной грамотности современного человека // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. — 2020. — № 2. — С. 104–115.
3. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.
4. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. — URL: https://edu.gov.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).
5. UNESCO. Digital Literacy: A Primer for Educators. — Paris: UNESCO Publishing, 2021. — 80 p.
6. Шнейдер Л. Б. Личность в эпоху инфосферы: вызовы цифровой социализации // Психологическая наука и образование. — 2022. — Т. 27, № 3. — С. 5–16.
7. Livingstone S., Helsper E. Gradations in digital inclusion: Children, young people and the digital divide // New Media & Society. — 2007. — Vol. 9(4). — P. 671–696.

Болгова М.Ю., старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

Аннотация

В статье исследуется трансформация процессов формирования личности под влиянием цифровых медиакоммуникаций, ставших средой обитания современного человека. На основе синтеза философской антропологии, социальной философии и медиатеории утверждается, что медиареальность выступает не просто инструментом передачи информации, но и онтологическим пространством, в котором

конституируются новые формы идентичности, целеполагания и ценностных ориентаций.

Ключевые слова: личность, медиакоммуникации, цифровая идентичность, новая реальность, целеполагание, ценностные ориентации, самоформирование, дигитальная антропология.

От античности до экзистенциализма классическая философия рассматривала формирование личности как процесс, который разворачивается в пространстве непосредственного человеческого общения, труда, творчества и рефлексии, при этом среда формирования личности мыслилась как «естественная» – природа, полис, семья, сообщество [1]. Современная эпоха, называемая цифровой, постиндустриальной или эпохой медиакоммуникаций, радикально трансформирует эту среду. Медиа уже перестали быть каналами передачи информации, став онтологической средой обитания человека. Как отмечает М. Маклюэн, «средство коммуникации есть само сообщение», поскольку изменяет сам способ восприятия и бытия человека, а не просто передаёт содержание [5]. Поэтому прежде чем анализировать изменения в личности, необходимо описать среду, в которой эта личность формируется. Современная медиареальность обладает рядом специфических характеристик:

1. Гибридность и онтологическая нестабильность. Медиареальность не «виртуальна» и «нереальна», она представляет гибридное пространство, когда физическое и цифровое, реальное и симулированное, присутствие и представленность переплетены неразрывно. Как утверждает Н. Болц, мы живём не в «киберпространстве» и не в «реальном мире», а в их неразличимом единстве [1]. Сегодня границы между «онлайн» и «офлайн» стираются: социальные сети влияют на реальные поступки, а реальные события мгновенно становятся цифровым контентом. Эта гибридность порождает онтологическую нестабильность, потому что человек перестает однозначно определять, «где он находится» и «кто он есть» в каждый момент времени.

2. Фрагментарность и многозадачность. Классическая культура предполагает линейное, последовательное восприятие (книга, лекция, театральный спектакль), а медиасреда, наоборот, фрагментарна: пользователь одновременно ведет переписку, просматривает ленту новостей, слушает подкаст и делает покупки. Из-за этого внимание становится «клиповым», а восприятие – мозаичным. Как отмечает Н. Карр, сеть «Интернет» перепрограммирует мозг на поверхностное, сканирующее чтение, подрывая тем самым способность к глубокой,

сосредоточенной рефлексии [3]. Соответственно, личность в такой среде формируется не через последовательное развертывание внутреннего мира, а через сборку фрагментов из разных контекстов.

3. Алгоритмичность и предсказуемость. Сама медиасреда управляется алгоритмами, персонализирующими контент, предсказывающими поведение и формирующими «фильтрующие пузыри» (Э. Паризер) [6]. Человек оказывается уже объектом алгоритмического воздействия, а не субъектом выбора, и его цели, интересы, даже желания могут быть «рекомендованными» на основе анализа его цифрового следа, а не его собственными. Это порождает, в свою очередь, фундаментальный вопрос о свободе воли в условиях, когда среда «знает» пользователя лучше, чем он знает сам себя.

4. Перформативность и «публичность по умолчанию». Современная медиасреда предполагает публичность по умолчанию, в отличие от классической приватности, когда личность имела «заднюю сцену» (тыл, дом, одиночество). Поэтому человек вынужден постоянно «исполнять» свою идентичность и конструировать образ «Я» для неопределенной аудитории. Как отмечает И. Гоффман, «задняя сцена» становится местом, которое стремительно исчезает, а вся жизнь – «представлением» [2].

Классическая антропология определяла цель формирования личности как достижение аутентичности, то есть обретения «подлинного Я», которое противостоит «ложным» социальным ролям но в медийную эпоху эта цель трансформируется. В условиях, когда социальное признание все чаще опосредовано цифровыми платформами (подписчики, просмотры, лайки, репосты), целью личности становится не столько «быть кем-то», сколько «быть представленным как кто-то». Получается, что онтологический акцент смещается с бытия на репрезентацию, и человек формирует не «себя», а «свой профиль» [4].

Если классическая философия рассматривала цель личностного развития как обретение единой, интегрированной идентичности, то медиасреда, наоборот, поощряет множественность. И целью становится уже не интеграция, а способность к переключению между разными версиями «Я» без разрушительного внутреннего конфликта. Следовательно, личность формируется как «мультиперсонажная система», где каждый образ имеет свои правила, язык и аудиторию [5].

В классическом понимании личность «формируется» в молодости, а затем «реализуется» в зрелости, а динамичная и нестабильная медиасреда требует непрерывного переформирования. Личность становится не результатом, а процессом, и даже «проектом», который никогда не завершен [4]. Человек постоянно как бы «собирает

себя» из доступных фрагментов: трендов, дискурсов, мемов, образцов поведения. И его целью является не достижение «окончательной версии», а сохранение адаптивности и способности к обновлению.

Ядром личности являются ценностные ориентации, поэтому их трансформация под воздействием медиасреды, пожалуй, наиболее драматична. Классическая культура ставила во главу угла *истину* как соответствие знания реальности. Медиасреда, когда информация мгновенно распространяется и опровергается, смещает акцент с истины на *достоверность* и *верифицируемость*. И критерием истинности становится не соответствие реальности, а согласованность с моим «фильтрующим пузырем» и доверие к транслятору [6].

Классическая этика (от Аристотеля до Канта) предполагала существование абсолютных ценностей (добро, справедливость, красота), которые не зависят от контекста, а медиасреда со своей фрагментарностью и скоростью порождает ситуативные ценности, то есть всё то, что «актуально здесь и сейчас» [4]. Возникает феномен «актуальности» как новой формы ценности, когда ценность поступка, высказывания, даже личности определяется не его соответствием вечным идеалам, а способностью привлечь внимание и быть вписанным в текущий информационный поток.

Классические модели формирования личности (стоицизм, христианская аскеза, протестантская этика) предполагали ограничение желаний, дисциплину, самоконтроль, а медиасреда, основанная на рекламе и потребительской культуре, поощряет удовлетворение желаний и непрерывное потребление [5]. Поэтому формирование личности понимается не как «обуздание» низших инстинктов, а как эстетизация себя, то есть создание привлекательного образа, который потребляется другими. Ценность личности измеряется ее «лайкабельностью» и «подписываемостью».

Классическая этика, особенно в русской традиции, подчеркивала социальную ответственность личности, ее связь с обществом, народом, соборностью, а медиасреда культивирует индивидуальную аутентичность, право быть собой, даже если это противоречит общественным нормам [3]. Однако эта «аутентичность» парадоксальным образом оказывается социально сконструированной: человек искренне верит, что следует своим желаниям, но эти желания уже запрограммированы алгоритмами и трендами.

Анализ трансформации целей личностного развития позволяет сделать вывод, что медийная эпоха определяет ключевые характеристики и методы формирования личности в новой реальности:

● *Нарративное конструирование вместо рефлексии.* Вместо классического метода рефлексия, когда происходит диалог с собой, самонаблюдение, анализ поступков и дневников, медиасреда выдвигает новый метод – нарративное конструирование. Человек рассказывает историю о себе (в постах, сторис, видео, подкастах) и через это рассказывание создаёт себя. Как отмечает П. Рикёр, «идентичность – это нарративная идентичность» [7]. Но в медиасреде этот нарратив становится публичным, интерактивным, подверженным обратной связи, получается, что человек не просто рассказывает историю о себе, а договаривает её с аудиторией.

● *Алгоритмическая оптимизация вместо волевого усилия.* Взамен классическому методу волевого усилия, где происходит преодоление себя и отказ от удовольствий ради высокой цели, медиасреда предлагает алгоритмическую оптимизацию, когда человек настраивает свои цифровые среды так, чтобы они автоматически подталкивали его к желаемому поведению, при этом приложения для продуктивности, трекеры привычек, рекомендательные системы замещают волевой акт технологическим дизайном [3].

● *Сетевая социализация вместо «значимых других».* На смену классическому методу подражания значимым другим (родителям, учителям, героям) медиасреда предлагает сетевую социализацию, когда человек выбирает себе образцы для подражания из глобального пула блогеров, инфлюенсеров, «лидеров мнений» [2]. Эти образцы не обязательно связаны с ним лично, но их влияние на формирование ценностей, вкусов, поведения может быть сильнее, чем влияние ближайшего окружения.

● *Цифровая аскеза как контр-метод.* Парадоксально, но именно в условиях тотальной медиатизации возникает и противоположный метод – цифровая аскеза, характеризующаяся сознательным ограничением контактов с медиасредой, практиками «инфодетокса», отказом от смартфона, медитациями, уединением [4]. Этот метод является попыткой вернуться к классической модели формирования личности через самоконтроль и отказ, но он возможен только в качестве сознательного выбора внутри медийной среды, как ее внутреннее отрицание.

Синтез описанных трансформаций позволяет говорить о возникновении нового антропологического феномена – «дигитальной личности», обладающей следующими характеристиками [6]:

1. Гибридность: она существует одновременно в физическом и цифровом пространствах, причем цифровая «копия» может быть более значимой, чем «оригинал».

2. Распределённость: идентичность распределена между образами, профилями, платформами, не всегда согласованными друг с другом.

3. Алгоритмическая зависимость: желания, интересы, эмоции формируются алгоритмами, предсказывающими и формирующими поведение.

4. Нарративная текучесть: она непрерывно переписывает историю о себе, адаптируя ее к изменяющейся аудитории и контексту.

5. Перформативная аутентичность: она стремится быть «искренней» и «настоящей», но эта искренность всегда является представлением перед невидимым зрителем.

Проведенный анализ переосмысления классических представлений о свободе, подлинности и ответственности личности в условиях перманентной цифровой связанности позволяет сформулировать следующие выводы:

► Среда формирует личность: современные медиакоммуникации не просто «влияют» на личность, а конституируют новые формы субъективности. Если игнорировать этот факт, можно остаться в рамках устаревшей антропологической модели.

► Цели трансформируются от интегрированной идентичности к множественной и адаптивной, от завершенного проекта к непрерывному процессу.

► Ценности смещаются от истины к достоверности, от абсолютных ценностей к ситуативной значимости, от аскетики к эстетике потребления.

► Методы меняются от рефлексии к нарративному конструированию, от волевого усилия к алгоритмической оптимизации, от подражания «значимым другим» к сетевой социализации.

Таким образом, возникновение феномена дигитальной личности как продукта гибридизации биологического, социального и технологического ставит перед гуманитарными науками задачу выработки новой антропологической модели, адекватной медийной эпохе. Эта модель должна [5]:

- признать гибридность человеческого существования, не сводя его ни к «чисто биологическому», ни к «чисто цифровому».

- переосмыслить понятия свободы, автономии и ответственности в условиях алгоритмического управления.

- разработать этику цифровой личности, учитывающую новые формы уязвимости и новые возможности для самореализации.

- сохранить гуманистический пафос классической антропологии (ценность каждого человека, его достоинство, право на самоопределение), но перевести его в контекст новой реальности.

Подводя итог, можно сделать заключение, что формирование личности в условиях медиакоммуникаций является не «деградаций» и не «прогрессом», а трансформацией. Задача гуманитарных наук заключается не в оплакивании утраченного «подлинного Я» и не в воспевании «цифрового будущего», а в том, чтобы понять эту трансформацию и предложить человеку ориентиры для осознанного, ответственного самоформирования в новом, гибридном мире.

Список цитируемой литературы:

1. Болц, Н. Азбука медиа / Н. Болц. – Москва : Европа, 2019. – 136 с.

2. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Санкт-Петербург : Питер, 2023. – 304 с.

3. Карр, Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами / Н. Карр. – Москва : BestBusinessBooks, 2012. – 256 с.

4. Качалова, С. М. Система повышения эффективности рекламного процесса : научная монография / Е. В. Бурлакова, М. Ю. Болгова, С. М. Качалова. – Липецк : ЛГТУ, 2025. – 124 с.

5. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – Москва : Кучково поле, 2018. – 461 с.

6. Паризер, Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас / Эли Паризер ; перевод с английского А. Ширикова. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

7. Рикёр, П. Я-сам как другой / П. Рикёр. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

Буев А.К., преподаватель СПО
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРЫ В КОЛЛЕДЖЕ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНОДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Аннотация

В России растет число студентов колледжей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА), что требует адаптации

программ физкультуры для их реабилитации и интеграции. Адаптивная физическая культура (АФК) помогает улучшить здоровье, работоспособность и психоэмоциональное состояние таких студентов.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, нарушения ОДА, студенты колледжа, реабилитация, комплексы упражнений, специальная медицинская группа.

Похожие проблемы исследовали Е.Г. Ермакова, изучая физическую подготовку студентов специальной медицинской группы (СМГ) с заболеваниями ОДА; И.Г. Калинцева, анализируя методику занятий в СМГ; а также авторы работ по АФК в профессиональных образовательных организациях. Эти исследования подчеркивают необходимость индивидуальных комплексов упражнений для коррекции нарушений. Цель статьи — описать особенности методики преподавания физкультуры таким студентам в колледжах. [1][2] [4][5]

Гипотеза: Специальные комплексы упражнений АФК с контролируемой нагрузкой (субмаксимальной, без максимальных) повышают функциональные возможности студентов с ОДА, укрепляя мышечный корсет и улучшая осанку.

Адаптивная физическая культура (АФК) представляет собой систему специально подобранных физических упражнений, направленных на коррекцию и компенсацию нарушений функций организма, в том числе опорно-двигательного аппарата (ОДА). Согласно определению, данному в работах по адаптивной физкультуре, АФК ориентирована на лиц с ограниченными возможностями здоровья, включая студентов специальной медицинской группы (СМГ), и сочетает элементы лечебной физической культуры (ЛФК), спортивной подготовки и рекреационной деятельности. Это позволяет не только реабилитировать, но и социализировать студентов колледжей, способствуя их интеграции в образовательную среду.

Нарушения ОДА у студентов колледжей — это широкий спектр патологий, таких как сколиоз, остеохондроз, артроз, артриты и посттравматические состояния. По данным исследований, в России их распространённость среди молодёжи в профессиональном образовании достигает 15–20%, что обусловлено малоподвижным образом жизни, учебными перегрузками и недостатком профилактики. Физиологическая основа АФК в работе с такими студентами опирается на принципы ЛФК: постепенное повышение нагрузки, индивидуализацию и контроль за состоянием организма. Упражнения субмаксимальной интенсивности (повышение ЧСС на 25–30% от исходного уровня) стимулируют трофику

мышц, улучшают кровообращение, способствуют регенерации хрящевой ткани и корректируют биомеханику движений без риска перегрузки.

Задачи: разработать адаптированные занятия; подобрать упражнения с учетом диагнозов (сколиоз, артроз); обеспечить безопасность и контроль интенсивности (повышение ЧСС на 25–30%). Обоснование — физиологическое воздействие на ОДА через ЛФК, способствующее реабилитации без перегрузок.

Методологические особенности преподавания физкультуры студентам СМГ в колледжах определяются Федеральным государственным образовательным стандартом среднего профессионального образования (ФГОС СПО), который требует адаптации программ для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В соответствии с Приказом Минпросвещения РФ № 831 от 2021 г., физическое воспитание в СМГ должно включать индивидуальные программы с акцентом на профилактику, коррекцию и развитие компенсаторных механизмов. Исследования Е.Г. Ермаковой подчёркивают роль укрепления мышечного корсета: при сколиозе I–II степени упражнения на растяжку и стабилизацию снижают угол искривления на 5–10° за семестр. Аналогично, И.Г. Калинцева акцентирует внимание на групповых формах занятий с элементами самоконтроля, что повышает мотивацию и посещаемость.

Дополнительно, теоретическая база опирается на принципы дифференциации нагрузки по В.В. Пузу: для студентов с ОДА используются статические упражнения (изометрия) для укрепления связок и динамические — для подвижности суставов. Контроль эффективности достигается через мониторинг показателей: индекс Ромберга для осанки, тест Шобера для подвижности позвоночника и динамику ЧСС по формуле Карвонена. Это позволяет корректировать комплексы в реальном времени, минимизируя риски. В итоге, АФК не только улучшает физическое здоровье, но и способствует психоэмоциональной адаптации, снижая уровень тревожности на 20–30% по шкале Спилбергера.

Комплекс упражнений для позвоночника (сколиоз, остеохондроз):

- И.п. лежа на спине, руки вдоль туловища: тянуть носки на себя и от себя (10 раз). Влияние: укрепляет мышцы стопы, улучшает кровообращение, профилактика плоскостопия [2], [4].
- И.п. лежа: «Велосипед» (сгибание-разгибание ног, 50–100 раз). Влияние: развивает мышцы живота и спины, корректирует осанку, снижает нагрузку на позвоночник [5].
- И.п. стоя за стулом: наклоны в стороны с рукой вверх (6–8 раз). Влияние: растяжка боковых мышц, коррекция сколиоза [8].

Комплекс для суставов (артроз):

- И.п. лежа: подъем таза с упором на пятки (10 раз, фиксация 5–7 сек). Влияние: укрепляет ягодицы и поясницу, стабилизирует таз [6].
- И.п. сидя: круговые движения ногами (8–10 раз). Влияние: улучшает подвижность коленных суставов, снижает боль [8].
- И.п. стоя: ходьба с высоким подниманием бедра (3–5 мин). Влияние: активизирует кровоток, профилактика атрофии мышц [9].

Занятия проводятся 2 раза в неделю по 35 мин на матах, с учетом возраста и инвентаря (мячи, палки) [3], [4], [5].

Предлагаемые результаты: внедрение спецгрупп АФК в колледжах России с расписанием внеурочных занятий (2 раза/неделю), вводный контроль физподготовки и мониторинг (ЧСС, осанка). Ожидаемые эффекты — 100% посещаемость, рост реабилитационного потенциала, интеграция в спортивные мероприятия («Дни здоровья»). Рекомендации: обучение преподавателей, оснащение тренажерных залов, интеграция в ФГОС СПО. Это повысит доступность образования для студентов с ОВЗ [3], [5].

Список цитируемой литературы:

1. Ермакова Е.Г. Особенности физической подготовки студентов, имеющих заболевания опорно-двигательного аппарата // CyberLeninka. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-fizicheskoy-podgotovki-studentov-imeyuschih-zabolevaniya-oporno-dvigatelnogo-appar (дата обращения: 20.02.2026).

2. Методические основы проведения занятий по адаптивной физической культуре с обучающимися, имеющими нарушения ОДА // Infourok. 2022. URL: https://infourok.ru/metodicheskie-osnovy-provedeniya-zanyatij-po-adaptivnoj-fizicheskoj-kulture-s-obuchayushimisya-imeyushimi-na (дата обращения: 20.02.2026).

3. ЛФК для опорно-двигательного аппарата // Uvildy.ru. 2025. URL: https://www.uvildy.ru/stati/lfk-dlya-oporno-dvigatelnogo-apparata-vosstanovlenie-dvizheniya-i-sily/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Реабилитация средствами физической культуры и спорта лиц с инвалидностью // Informio.ru. 2024. URL: https://www.informio.ru/publications/id8440/Reabilitacija-sredstvami-fizicheskoi-kultury-i-sporta-lic-s-invalidnostyu (дата обращения: 20.02.2026).

5. Калинцева И.Г. Организация занятий со студентами специальной медицинской группы // VLsu.ru. 2019. URL: https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/7887/1/01841.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

Зайцева О.А., преподаватель СПО
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКОГО ТЕХНИКУМА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В условиях цифровизации образования в России студенты техникумов сталкиваются с проблемами формирования личности: снижением социальных навыков, компьютерной зависимостью, фрагментацией внимания из-за сетевой среды.

Ключевые слова: формирование личности, студенты техникума, цифровая реальность, цифровизация образования, педагогические практики

Похожие проблемы исследовались в работах Арташкиной Т. А., в сборнике материалов конференции ВШЭ, Лысак Н. В., Косенчук Ю. В., а также в проекте концепции воспитания. Исследования показывают, что цифровая среда усиливает риски деформации личности студентов СПО, снижая мотивацию к реальному взаимодействию и способствуя формированию клипового мышления студентов [1], [3]. В России цифровизация образования по ФГОС СПО привела к росту онлайн-ресурсов, но без адекватной поддержки методики воспитания студентов.

Гипотеза: Интеграция цифровых технологий в педагогические практики техникумов позволит преодолеть проблемы формирования личности, развивая эмоциональный интеллект и социальные компетенции.

Задачи: 1) Выявить негативные эффекты цифровизации (зависимость, снижение эмпатии); 2) Разработать гибридные модели обучения; 3) Обосновать роль педагога как фасилитатора в цифровой среде. Теоретическая база опирается на концепцию цифровой грамотности как фактора устойчивого развития личности.

Примеры педагогических практик: интерактивные платформы для командных проектов повышают мотивацию и адаптацию студентов. Использование виртуальной реальности и облачных технологий для

развития навыков самообучения. Внедрение тренингов эмоционального интеллекта в смешанном формате (онлайн+оффлайн) для преодоления социальной изоляции. Дополнительно, платформизация учительских практик позволяет масштабировать опыт через цифровые экосистемы.

Предлагаемые результаты для внедрения в России: разработка федеральных программ, методик для техникумов с модулями по цифровой гигиене и сетевой социализации; пилотные проекты по гибридному обучению с мониторингом эмоционального благополучия; интеграция в ФГОС СПО блоков по развитию толерантности к неопределенности. Ожидаемые эффекты: рост социальной активности на 20–30% по диагностике. Рекомендуется создание центров цифрового воспитания в техникумах студентов, методических центров по изучению и внедрению методик персонализации обучения в цифровой среде.

В заключение, проблемы формирования личности в цифровой реальности требуют системного подхода: с целью внедрения передовых педагогических практик в решении проблем адаптации личности студента к новым цифровым условиям. Необходимы междисциплинарные исследования и государственная поддержка для гармоничного развития студентов техникумов. Перспективы: мониторинг результатов внедрения в 2026–2027 гг.

Список цитируемой литературы:

1. Арташкина Т. А. Проблема сохранения личности в информационном обществе как педагогическая проблема // Философия образования. 2013. № 3(48). С. 134–143. URL: https://www.sibran.ru/upload/iblock/903/903b48ef6ac53de692f6868582175d1a.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

2. Сборник материалов конференции «Личность и семья в условиях новой нормальности». М.: Московский институт психоанализа, 2025. URL: https://www.hse.ru/data/2025/11/09/135193265/2025%20Сборник%20материалов%20конференции.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

3. Лысак Н. В., Косенчук Ю. В. Personal Identity. URL: https://iues.sfedu.ru/wp-content/uploads/2016/10/Lysak_Kosenchuk_Personal-Identity.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

4. Концепция воспитания и развития личности гражданина России в системе образования. Проект. URL: https://институтвоспитания.рф/upload/iblock/c63/h9nuxx7no9vq6hytw9fgg1sy2qr1jgts/Проект%20%20концепция%20воспитания.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Киреева Н.В., канд. пед. наук, доцент кафедры «Гуманитарные и естественно-научные дисциплины»,
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОПЫТ АССЕССМЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЛЯ ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ В УПРАВЛЕНИИ

Аннотация

В статье рассматривается интеграция результатов ассессмента компетенций в проектирование курсов повышения квалификации для управленцев. Представлена модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти (РАНХиГС под ред. И.Б. Шебуракова). Обосновывается необходимость смещения акцента с дисциплинарного содержания на учет уровневой модели компетенций.

Ключевые слова: ассессмент, модель компетенций, повышение квалификации, управленческие кадры, командная работа, курсы ПК для людей, занятых в управлении

В современной системе управления кадрами органов публичной власти все большее значение приобретает компетентностный подход, позволяющий не только оценить актуальный уровень развития профессионально важных качеств сотрудников, но и выстроить эффективные траектории их личностно-профессионального развития. Одним из наиболее валидных инструментов такой оценки выступает ассессмент-центр (Assessment-Center) метод комплексной диагностики, суть которого заключается в моделировании ключевых элементов профессиональной деятельности и наблюдении за поведением участников в типовых проблемных ситуациях. Данный метод позволяет оценить не столько правильность решения задачи, сколько конкретные поведенческие проявления, свидетельствующие о наличии или отсутствии требуемых компетенций. Основная цель проведения ассессмента – принятие обоснованных кадровых решений (отбор, подбор, формирование резерва), а также стимулирование сотрудников к рефлексии и саморазвитию [1, с. 4].

Методологической основой для разработки оценочных процедур и, что особенно важно, для последующего проектирования образовательных программ повышения квалификации выступает модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти (модель ключевых компетенций РС ОПВ). Данная модель разработана коллективом авторов под общей редакцией И.Б. Шебуракова на базе теоретической модели управленческой готовности «Лидер, Менеджер, Эксперт», включающей девять метакомпетенций. При этом, авторы модели под компетенцией понимают «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), необходимых для качественной продуктивной деятельности». Авторы подчеркивают, что компетенция всегда «привязана» к специфике конкретной деятельности (а лучше - к конкретному рабочему месту в конкретной организации) и обязательно проявляется в поведении «здесь и сейчас». Если сотрудник не демонстрирует требуемое поведение, значит, у него нет данной компетенции [1. стр. 8–9]. Под метакомпетенцией понимается комплексное метакачество, которое шире понятия компетенции и ближе к понятию профессионально важных качеств (ПВК). Ее определяют как «комплекс личностно-профессиональных качеств/характеристик, необходимых для успеха в управленческой деятельности вне конкретного организационного контекста» [1. стр.9] Если компетенция ориентирована на типовые задачи в локальных условиях, то метакомпетенция направлена на решение задач в меняющихся условиях и носит обобщенный, системный характер.

В отличие от большинства существующих моделей, построенных на экспертных опросах, представленная модель прошла эмпирическую валидизацию на значительных выборках (в том числе с использованием классификатора управленческих должностей) и доказала свою внешнюю валидность. Ключевой особенностью модели является выделение как сквозных компетенций, значимых для всех уровней управления (например, «Коммуникация и влияние», «Готовность к изменениям и развитию»), так и дифференцирующих, содержание которых специфицируется для руководителей первичного, среднего и высшего звеньев (например, «Лидерство», «Управленческая компетентность», «Экспертно-аналитическая компетентность») [1, с. 26, 32–35].

Разработанная модель ассессмента опирается не на единичный метод, а на комплексную батарею инструментов, что обеспечивает высокую точность диагностики. В рамках модели ключевых компетенций РС ОПВ используется полуструктурированное интервью

по компетенциям, вопросы которого адаптированы под каждый уровень управления и направлены не только на анализ поведенческих примеров (ситуация – задача – действие – результат), но и на прояснение ценностно-смысловой сферы респондента [1, с. 69]. Дополнительно применяются стандартизированные опросники (например, «Оценка управленческого потенциала»), проблемно-аналитическая деловая игра (ПАДИ) и кейсы, моделирующие реальные управленческие ситуации. Важной особенностью является отказ от сугубо бихевиористского подхода: компетенция подтверждается не только наблюдаемыми индикаторами, но и наличием соответствующего опыта и достижений, что фиксируется в паспортах компетенций [1, с. 30–31]. Такой комплексный ресурсный анализ позволяет не просто констатировать уровень развития метакомпетенций, но и выявлять уникальные личностно-профессиональные ресурсы, что критически важно при проектировании индивидуальных траекторий обучения.

Традиционно при разработке курсов повышения квалификации для управленцев методический отбор материалов опирается в первую очередь на содержание конкретных управленческих дисциплин. Фокус делается на знаниях и умениях, а также на том, как они воплощаются в практику. Безусловно, владение теорией менеджмента, понимание принципов, функций и подходов является необходимым условием эффективной управленческой деятельности. Однако, как показывают исследования авторов модели ключевых компетенций РС ОПВ, успешность руководителя далеко не исчерпывается его предметной эрудицией. Ключевую роль играют метакомпетенции – комплексные личностно-профессиональные качества, необходимые для успеха в управленческой деятельности вне конкретного организационного контекста [1, с. 9]. Именно эти метакомпетенции (стратегическое лидерство, управленческая компетентность, готовность к командной работе, коммуникация и влияние и др.) являются целью ассессмента и выступают доказательством профессиональной пригодности специалиста, занимающего ту или иную должность.

В связи с этим возникает необходимость пересмотра методических подходов к проектированию программ повышения квалификации. Целесообразно сместить акцент с исключительно дисциплинарного содержания на учет уровневой модели компетенций, разработанной в РАНХиГС. Иными словами, каждое учебное задание, каждый кейс или деловая игра должны быть спроектированы таким образом, чтобы, во-первых, обеспечивать приращение знаний и умений в конкретной управленческой области, а во-вторых, создавать

условия для проявления, диагностики и развития одной или нескольких целевых компетенций из модели РС ОПВ.

Практическим примером реализации такого подхода может служить упражнение «Управленческий брейн-ринг», которое неоднократно использовалось на курсах повышения квалификации для лиц, занятых в управлении, а также при проведении оценочных процедур для формирования кадрового резерва в Липецком филиале РАНХиГС. Суть упражнения заключается в следующем: группа слушателей делится на несколько команд, каждая из которых получает серию управленческих кейсов, требующих коллективного решения. Кейсы охватывают такие темы, как постановка целей по SMART, распределение ресурсов, разрешение конфликтов, мотивация подчиненных, принятие решений в условиях неопределенности и др.

С одной стороны, в ходе «Управленческого брейн-ринга» происходит активная «прокачка» знаний по управленческим дисциплинам. Участники вынуждены актуализировать и применять на практике управленческие принципы, функции, подходы, что способствует закреплению теоретического материала и формированию соответствующих умений.

С другой стороны, преподаватель, знакомый с моделью ключевых компетенций для руководителей, на основе наблюдения за взаимодействием участников в процессе игры может дать им обратную связь не только относительно уровня их знаний теории менеджмента, но и относительно уровня развития конкретных компетенций. В частности, наиболее ярко в этом упражнении проявляется компетенция «Работа в команде» (в модели РС ОПВ для руководителей первичного звена – «Работа в функциональной/проектной команде», для среднего звена – «Работа в управленческой команде и командная интеграция») [1, с. 34]. Поведенческие индикаторы, на которые следует обратить внимание:

- готовность распределять роли в команде и принимать свою роль;
- умение слушать и учитывать мнение других участников;
- способность интегрировать собственные результаты в общий командный результат;
- конструктивное разрешение межфункциональных противоречий в процессе обсуждения;
- ориентация на общую цель, а не на личное первенство.

Кроме того, в ходе брейн-ринга могут оцениваться такие компетенции, как «Коммуникация и влияние» (насколько убедительно участник аргументирует свою позицию перед командой),

«Управленческая компетентность» (как принимается решение в команде – хаотично или организованно), «Настойчивость и целеустремленность» (удерживает ли команда цель до получения результата).

Таким образом, «Управленческий брейн-ринг» выступает не просто игровым методом обучения, но и мини-ассессмент-процедурой, встроенной в образовательный процесс. Преподаватель получает возможность дать слушателям персонализированную обратную связь, указав не только на пробелы в теоретической подготовке, но и на сильные стороны и зоны развития в части ключевых управленческих компетенций. Это повышает рефлексивность обучения, стимулирует слушателей к целенаправленному саморазвитию, что полностью соответствует второй цели оценки по компетенциям, выделенной авторами модели: «стимулирование к личностно-профессиональному развитию» [1, с. 4].

Предлагаемый подход требует от преподавателя не только предметного мастерства, но и владения методологией компетентностного подхода, знания паспортов компетенций и поведенческих индикаторов. Однако, как показывает опыт Липецкого филиала РАНХиГС, такая переподготовка преподавателей окупается многократно за счет повышения практической значимости курсов и удовлетворенности слушателей.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Ассессмент профессиональных компетенций, реализуемый на основе модели ключевых компетенций РС ОПВ, дает не только оценочный, но и глубокий диагностический материал, который может быть эффективно использован при проектировании курсов повышения квалификации управленческих кадров.

2. Традиционная ориентация методических разработок исключительно на дисциплинарное содержание (знания, умения, практики) является недостаточной для формирования готовности руководителя к эффективной деятельности в изменяющихся условиях. Необходим переход к компетентностно-ресурсному дизайну программ, где каждое учебное задание одновременно нацелено на развитие одной или нескольких целевых компетенций из научно обоснованной модели.

3. Практическое упражнение «Управленческий брейн-ринг», апробированное в Липецком филиале РАНХиГС, демонстрирует возможность органичного совмещения задач предметного обучения и компетентностной диагностики. Данное упражнение позволяет

преподавателю давать слушателям обратную связь не только по знанию управленческих дисциплин, но и по таким ключевым компетенциям, как «Работа в команде», «Коммуникация и влияние», «Управленческая компетентность» и др.

Список цитируемой литературы:

1. Переверзина О.Ю., Рожок А.В., Татаринова Л.Н., Чирковская Е.Г., Шебураков И.Б. Модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти: исследование и обоснование применения / под общ. ред. И.Б. Шебуракова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 81 с.

Коновалова И.Н., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ОТ ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЙ К НАСТАВНИЧЕСТВУ: РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС ВО 3++

Аннотация

В статье исследуется трансформация роли преподавателя в условиях ФГОС ВО 3++. Автор обосновывает необходимость перехода от репродуктивной трансляции знаний к модели наставничества, требующей качественного изменения профессионального самосознания и психологической культуры педагога. Предложен инструмент роста — персональные траектории развития через участие в федеральных проектах («Голос поколения», «ДНК России», «Цифровые кафедры», «Сириус»). Сделан вывод, что самоактуализация педагога — ключевое условие формирования ценностно-ориентированной личности студента.

Ключевые слова: ФГОС ВО 3++; наставничество в высшей школе; персональная траектория развития преподавателя; профессиональная самоактуализация; преподавание математических дисциплин; Цифровые кафедры; проект «ДНК России»; психологическая культура педагога.

ФГОС ВО 3++ ориентирует высшую школу на формирование проактивной личности. Достижение этой цели невозможно без параллельной трансформации личности самого педагога.

Традиционный шаблонный подход, основанный на репродуктивных методах (лекции-монологи, работа строго по методическим инструкциям, игнорирование индивидуальных интересов студентов), вступает в противоречие с требованиями стандарта. Такой подход ограничивает развитие критического мышления обучающихся и формирует привычку к следованию алгоритмам в ущерб поиску нестандартных решений.

В новой реальности профессионализм преподавателя определяется интеграцией предметной экспертизы, креативности (способности проектировать междисциплинарные образовательные сценарии) и психологической культуры (навыков управления групповой динамикой и снижения академической тревожности).

Исследование базируется на анализе внедрения персональных траекторий развития преподавателя (ПТРП) — гибких планов профессионального роста. Согласно данным Центра развития высшего образования (2024 г.), системное использование креативных и психологически обоснованных методик повышает вовлеченность студентов на 40%.

Для верификации эффективности ПТРП был изучен кейс кафедры математических дисциплин за 2024–2025 гг. Динамика ключевых показателей деятельности преподавателя представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика показателей после реализации ПТРП

Показатель	2024 г. (до ПТРП)	2025 г. (после ПТРП)	Изменение
Оценка преподавания студентами (1–10)	6,8	8,4	+23 %
Доля студентов в олимпиадах и хакатонах	12 %	35 %	+192 %
Количество публикаций в РИНЦ	1	4	+300 %
Внедрённые цифровые инструменты	2	7	+250 %

Результаты доказывают, что осознанное развитие личности педагога выступает драйвером качества подготовки студентов.

Трансформация компетенций затруднена рядом барьеров: нехваткой времени, сопротивлением изменениям и недостатком ресурсов. Преодоление данных факторов требует внедрения инновационного инструментария.

Для гуманитарных дисциплин приоритетом становится использование облачных сервисов и визуализаторов (Moodle, Padlet, Trello) для организации проектной деятельности. Для математических дисциплин — интеграция систем компьютерной алгебры (Wolfram

Alpha, GeoGebra) и сред для вычислительных экспериментов (Jupyter Notebook).

Важнейшим ресурсом реализации ПТРП являются федеральные проекты: «ДНК России» (методология интеграции ценностно-мировоззренческих компонентов в обучение); экосистема «Сириус» (освоение инновационных методик междисциплинарного наставничества); «Цифровые кафедры» (актуализация курсов через взаимодействие с индустриальными партнёрами в области анализа данных и ИИ).

Реализация ФГОС ВО 3++ требует отказа от модели преподавателя как «транслятора информации» в пользу модели «наставника-модератора». Инвестиции в профессиональную самоактуализацию педагога через индивидуальные траектории роста и участие в государственных образовательных инициативах являются необходимым условием формирования конкурентоспособного специалиста в эпоху цифровой трансформации.

Список цитируемой литературы:

1. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2024 год / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. — 2024. — URL: https://fgosvo.ru/support/index/9?searchword=Доклад+о+реализации+государственной+политики+в+сфере+высшего+образования+и+соответствующего+дополнительного+профессионального+образования+за+2024+год (дата обращения: 17.04.2026).

2. Ильина, И.Ю. Трансформация профессиональной деятельности преподавателей вузов в условиях цифровизации образования: тенденции и риски / И.Ю. Ильина // Вестник Мининского университета. – 2024. – Т. 12, № 4(49). – DOI 10.26795/2307-1281-2024-12-4-7.

3. Основы российской государственности: учебное пособие / А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева. — Москва : РАНХиГС, 2024. — 448 с.

4. Повышение компетентности преподавателя вуза как условие успешной реализации ФГОС ВО поколения 3++ / И.Н. Коновалова, Е.Г. Копосова (и др.) // Современный ученый. — 2026. — № 4. — С. 330–336.

5. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО 3++). — URL: fgosvo.ru (дата обращения: 17.04.2026).
6. Чернышева, Н.И. Психологическая культура преподавателя вуза в системе профессиональной культуры образовательного социума / Н.И. Чернышева // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). – 2019. – № 3. – С. 7.

Мещеряков В.Д., канд. пед. наук, доцент,
Дьякова Л. А., преподаватель (СПО)
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, Россия, г. Липецк

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы семейного благополучия через призму семейных трудовых традиций. Показан мониторинг ценностей молодёжи по вопросам отношения к семье, браку и рождению детей. Показана важность взаимосвязи профессионального, трудового и семейного благополучия. Даны главные характеристики трудовых династий.

Ключевые слова: традиции, трудовые династии, семейные ценности, пример родителей.

Для каждого человека семья главная ценность в жизни, а в российских традициях, крепкая семья есть главная духовно-нравственная ценность. Два любящих сердца соединились, прошло 9 месяцев, и случилось величайшее чудо: появился на свет новый человек – новая жизнь, новая судьба. Первый вздох – глоток воздуха, первый звук, и, конечно, самое главное – руки матери, самого родного и близкого человека на этой планете. Мама будет рядом, учить ходить, говорить и всему, что первый раз придется познавать этому новому человеку на этой Земле. Очень важное значение имеет семья для маленького человека и та среда, в которую он попадает, где будет расти, развиваться и воспитываться. От духовно-нравственного климата в семье зависит жизнь нового человека – кем станет, а главное каким. Если отношения в семье между мамой и папой держатся на

чистой, безупречной нравственности, если родители не позволяют себе эмоциональных срывов, не накапливают обиды, то это будет являться лучшим ориентиром для ребёнка в будущем. Моральные правила и принципы должны быть источником энергии и силы для каждого члена семьи. В своих работах В. А. Сухомлинский писал: «Ребёнок — это зеркало семьи; как в капле воды отражается солнце, так в детях отражается нравственная чистота матери и отца».

Традиции мы создаём сами, своими руками. Начинаются традиции с рождения ребёнка. Чтение сказки на ночь или поцелуй перед сном отличная традиция. Можно придумать и создать такую традицию, которой нет ни у кого, но при этом надо помнить, она должна быть с большим удовольствием воспринята всеми членами семьи. Традиция будет поддерживаться постоянно в рамках данной семьи. В ней не будет принуждения и пафосных сюжетов. Она будет сформирована с любовью и без всяких строгих воспитательных правил. Пусть ребёнок сам придумает действие, которое будет делать вся семья. Даже если это будет обычное чаепитие всё равно это даст ребёнку силу и веру в своё влияние на окружающий мир. Л.Н. Толстой говорил: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома».

Личный пример родителей может лечь в основу и в выборе профессии ребёнка, его профессионального самоопределения. Появляются трудовые династии врачей, учителей, военных, строителей. В этих семьях из поколения в поколение передаётся опыт, профессиональные знания.

Что же такое трудовая династия? Означает ли это, что все трудятся в одной сфере? Трудовые династии — это настоящий символ преемственности поколений в верности своему любимому делу! Чтобы называться трудовой династией, семья должна соответствовать нескольким важным критериям

- во-первых, в ней должно быть не менее трех поколений родственников, объединенных общим призванием;
- во-вторых, все они должны трудиться в одной профессиональной области.

Это может быть медицина, образование, строительство, сельское хозяйство или любая другая сфера деятельности. Важно отметить, что в состав трудовой династии входят не только члены одной семьи, но и их близкие родственники. Это могут быть, например, дяди, тети, племянники. Главное — чтобы все они разделяли общую любовь и полезность в выбранной профессии, а также передавали свой опыт и знания из поколения в поколение.

Трудовые династии — это гордость нашей страны! Они являются примером трудолюбия, преданности своему делу и семейным ценностям.

Трудовые династии — это важный социальный феномен, который, а не просто строчка в трудовой книжке

Трудовые династии:

- сохраняют традиции и мастерство, передавая их из поколения в поколение, передавая уникальные знания, секреты мастерства и профессиональный опыт;

- обеспечивают преемственность поколений: Молодые специалисты получают бесценную поддержку и наставничество от старших членов семьи;

- формируют главные ценности: любовь к труду, ответственность, преданность профессии — все это передается вместе с семейными традициями.

- способствуют развитию общества.

Трудовые династии зачастую становятся носителями лучших профессиональных качеств, внося весомый вклад в развитие той отрасли, в которой много лет трудятся их предки. А существует ли разница между трудовой династия и профессиональной династией? Иногда эти понятия путают, но между ними есть отличия.

Трудовая династия — это более широкое понятие, которое объединяет семьи, работающие в одной сфере. Профессиональная династия — это более узкий термин, который подразумевает преемственность не только сферы деятельности, но и конкретной профессии. Например, династия врачей — это трудовая династия. А вот династия хирургов, где из поколения в поколение передаются навыки проведения сложнейших операций, — это уже профессиональная династия.

В Указе Президента РФ «Об Утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно— нравственных ценностей» говорится, что крепкая семья является традиционной ценностью наряду с жизнью, патриотизмом, высокими нравственными идеалами. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Вне всякого сомнения, основой крепкой семьи являются взаимоотношения людей,

основанные на уважении, интересе друг к другу, поддержке, сопереживании.

2024 год в России был объявлен Годом семьи. Президент России Владимир Владимирович на открытии года семьи в рамках форума «Родные—любимые» сказал: «Семья даёт нам понимание многих простых, но важных истин. Они в советах и напутствиях отца, во всепоглощающей любви матери, в заботе сестер и братьев друг о друге, в тех семейных ценностях, которые можно глубоко осознать, впитать только в семье».

По словам А. С. Макаренко: «Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их замечаете».

Передавая из рода в род мастерство в отдельной сфере деятельности, семьи образуют трудовые династия. Свой профессиональный и жизненный опыт они передают из поколеня в поколение. Такие династия уникальны.

Россия славится своими династиями промышленников:

- Строгановы

С XV в. занимались солеварением. Колонизировали Приуралье и Прикамье. Финансировали первые экспедиции Ермака в Сибирь. С их участием создавалась новая школа иконописи — Строгановская.

- Третьяковы

Родоначальник династии Елисей Третьяков торговал пуговицами. Его дети — льном, холстом и олифой. А внук, Павел Третьяков, подарил России художественную галерею, ныне один из лучших музеев мира.

- Абрикосовы

В начале XIX в. торговали цукатами. В конце создали могучую «империю сласти». В 1918 г. торговый дом «Абрикосов и сыновья» был национализирован. Сейчас это знаменитый Бабаевский кондитерский концерн.

- Морозовы

Когда Наполеон закрыл в Россию путь английскому сукну, крепостной Савва Морозов наладил импортозамещение. Через 100 лет его внук стал «королём текстиля» и владельцем химических предприятий.

«Династия» — ряд поколений, передающих из рода в род профессиональное мастерство, традиции и т.д. Когда человек увлечён своей профессией, он непременно будет успешен, и ему захочется, чтобы его мастерство, знания и опыт приносили как можно дольше пользу обществу. Идеальный вариант создать профессиональную

семейную династию и передать свой опыт родному, близкому человеку, в котором ты уверен. Добиться этого можно, лишь передав тонкости и секреты такому же фанату своего дела.

Л. Н. Толстой писал: «У каждой семьи есть своя "живая душа", в которой есть и цветущий райский сад, и родники "живой" воды, и могучие дерева, уходящие ветвями высоко в небо, а корнями — глубоко в землю. Добрые традиции подобно этим родникам укрепляют, животворят семью»?

Список цитируемой литературы:

1. Петрякова, О. Л. Роль статистики в оценке эффективности семейной политики / О. Л. Петрякова // Системное управление. – 2016. – № 1(30). – С. 27.

2. Карачарова, Л. Е. Культура родительства и семейные ценности в современном мире / Л. Е. Карачарова, Л. В. Беликова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 28 (527). — С. 235-237. — URL: https://moluch.ru/archive/527/116511/ (дата обращения: 26.11.2024).

3. Всероссийская научно-практическая конференция (Сыктывкар, 3 октября 2017 года): Формирование семейных ценностей как основа социального благополучия детей и подростков / сост.: Н. Г. Торлопова; Мин-во образования, науки и молодеж. политики Респ. Коми, Коми республик. ин-т развития образования. – Сыктывкар: КРИРО, 2017. — 287 с.

Мещеряков В.Д., кандидат наук, доцент кафедры ГиЕД
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА ВУЗА В РОССИИ В НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

В условиях активного внедрения цифровых технологий и массового перехода части образовательного процесса в онлайн-формат меняются не только учебные траектории, но и физиологические характеристики студентов вузов. В статье анализируются физиологические и психофизиологические особенности студенческой

молодежи в информационно-технологической среде, выявляются изменения в деятельности сердечно-сосудистой системы, мозговой активности и гормонального фона, а также рассматриваются педагогические практики, позволяющие смягчить негативное влияние новых технологических условий и способствовать формированию здоровой, устойчивой личности. Предлагается система организационно-педагогических мер для внедрения в российских вузах, ориентированная на поддержание физиологического и психоэмоционального баланса студентов.

Ключевые слова: физиологические особенности личности, студент вуза, цифровая образовательная среда, онлайн-обучение, психофизиология, технологическая нагрузка, адаптация, Россия.

В последние годы в системе высшего образования России активно расширяется использование цифровых технологий: дистанционные курсы, онлайн-лекции, цифровые ресурсы, мобильные приложения и платформы LMS становятся не дополнительным элементом, а устойчивой частью учебного процесса [5; 7]. Параллельно нарастает число исследований, посвященных влиянию формата обучения и характера образовательной среды на физиологическое и психоэмоциональное состояние студентов [1; 8].

Изучение физиологических особенностей личности студента как интегрального показателя его адаптационных ресурсов и устойчивости в новых образовательных условиях ведется в работах по психофизиологии и возрастной психологии [1; 4; 9]. Отдельное внимание приобретают исследования, в которых анализируются изменения физиологических показателей при обучении в технизированной и онлайн-среде [3; 6; 10]. В частности, ученые Томского государственного университета отмечают, что длительное онлайн-обучение приводит к изменениям в работе мозга, сердечно-сосудистой системы, уровню гормонов стресса и другим физиологическим параметрам студентов [2; 6; 10].

Проблематика формирования физиологических особенностей личности студента вузов в России в новых технологических условиях остается недостаточно разработанной с точки зрения педагогической интервенции: мало систематизированы практики, позволяющие корректировать негативные физиологические сдвиги и направлять их в русло развития личности и профессиональной компетентности [3; 5; 7].

Физиологические особенности личности в контексте студенческого возраста рассматриваются как индивидуальные характеристики функционирования нервной, сердечно-сосудистой, эндокринной и мышечной систем, которые определяют уровень

адаптационных ресурсов, устойчивость к стрессу и способность к познавательной активности [1; 4]. В работах по психофизиологии студентов показано, что у значительной части обучающихся вузов отмечается повышенное психоэмоциональное напряжение, сенсорная перегрузка и нарушение режима дня, что фиксируется по изменениям гормонального, биохимического и психофизиологического статуса [1; 8].

В диссертации «Психофизиологические и физиологические особенности студентов вузов уроженцев различных климато-географических зон» подчеркивается, что при разработке и использовании информационных технологий обучения необходимо учитывать индивидуальные психофизиологические характеристики студентов, уровень их устойчивости к нагрузке и особенности нервной и сердечно-сосудистой систем. [1]

В статье «Особенности развития личности студента в технизированной образовательной среде» обосновывается, что технизированная (цифровая) образовательная среда вуза выступает особой детерминантой развития личности, сочетающей как возможности расширения социальных контактов, круга общения и психологической культуры, так и риски дезадаптации и дистанцирования от реальных социальных взаимодействий [3; 5]. Авторы указывают, что в условиях технологизированной среды формируются новые модели поведения, особенности мотивации и отношение к личной ответственности, что требует изменения педагогических стратегий [3; 7].

При этом подчеркивается двойственный потенциал цифровой среды: с одной стороны — повышение эффективности обучения, расширение доступа к ресурсам; с другой — риск усиления сенсорной и когнитивной перегрузки, снижения двигательной активности и формирования зависимого поведения (например, цифровой гиперактивности, прокрастинации) [3; 5].

Новейшие исследования, проводимые учеными Томского государственного университета, фиксируют конкретные физиологические сдвиги у студентов, обучающихся преимущественно в онлайн-режиме [2; 6; 10]. Показано, что длительные видеосессии, работа за экраном, ограничение мобильности и снижение физической активности сопровождаются изменениями в деятельности сердечно-сосудистой системы (растут показатели напряжения адаптационных систем), а также нарушениями в режиме выработки гормонов стресса и циркадных ритмов [2; 6].

Таким образом, формирование физиологических особенностей личности студента вуза в современных технологических условиях требует не только психологопедагогической, но и физиолого-гигиенической рефлексии: необходимо учитывать как когнитивные, так и вегетативные и эндокринные параметры, определяющие адаптацию к цифровой среде [1; 6; 8].

В основу предлагаемых практик положены данные по психофизиологическим особенностям студентов и особенностям их личностного развития в технизированной и онлайн-образовательной среде [3; 4; 6; 8].

1. Интеграция «физиологически адаптированного» цифрового сценария обучения

В диссертации, посвященной психофизиологическим особенностям студентов, отмечается, что современные информационные технологии позволяют учитывать индивидуальные психофизиологические характеристики обучающегося (темп работы, устойчивость к нагрузке, уровень саморегуляции) при построении дистанционного курса. В российских вузах можно внедрять следующее [1]:

- дифференциация учебных модулей по уровню нагрузки (минимальный, оптимальный, максимальный) с учетом психологопрофилактического и психофизиологического скрининга;
- использование адаптивных платформ, которые автоматически регулируют сложность заданий и объем экранного времени в зависимости от показателей самочувствия и спонтанных жалоб студентов (анкеты-самонаблюдения) [4; 8].

Такой подход позволяет снизить риск хронической утомляемости и эмоционального выгорания, сохраняя при этом развивающий потенциал цифровой среды.

2. Педагогика микропауз и физиологической разгрузки в онлайн-занятиях

Работы по физиологическим аспектам адаптации студенческой молодежи подчеркивают значимость режима дня, физической активности и регулярных перерывов для сохранения устойчивости нервно-психической и сердечно-сосудистой систем [1; 6]. В условиях онлайн-обучения российские преподаватели могут внедрять:

- обязательные 5–10-минутные перерывы каждые 45–60 минут занятия с элементами физкультминутки или дыхательных упражнений;
- модульные блоки, структурированные по принципу «15–20 минут активной работы + 5 минут отдых/освобождения от экрана»;

- задания, предполагающие выполнение физической активности (например, «пройти 10 минут пешком во время дискуссии по теме» через голосовую платформу).

Такие практики, как показывают исследования по физиологическим изменениям при онлайн-обучении, помогают снизить уровень стресс-гормонов и уменьшить выраженность вегетативных нарушений [6; 10].

3. Интерактивная и совместная работа в цифровой среде

В статье «Особенности развития личности студента в технизированной образовательной среде» подчеркивается, что интерактивная цифровая среда способна расширять социальные контакты и повышать психологическую культуру личности. В российских вузах можно развивать [2]:

- цифровые учебные проекты с совместной работой в онлайн-командах (скоуп-проекты, кейс-стади, кросс-дисциплинарные исследования);
- дискуссионные модули с обязательным участием студентов в обсуждении, включая ролевые игры и симуляции;
- использование платформ обратной связи (анонимные опросы, рефлексивные дневники), позволяющих студентам осознавать свои физиологические и эмоциональные реакции на нагрузку.

Такие практики способствуют формированию у студентов ответственности, самоконтроля и социальной активности, что, как показывают исследования по личностным особенностям российских студентов, положительно сказывается на развитии личности в новых образовательных условиях [5; 7].

4. Формирование «цифровой гигиены» через образовательные программы

Статьи о влиянии психофизиологических характеристик студентов на дистанционный формат обучения указывают, что культура самонаблюдения и внимания к собственному состоянию играет ключевую роль. В российских вузах целесообразно внедрение [3]:

- обучающих модулей по цифровой гигиене (гигиена сна, режим экранного времени, эргономика рабочего места);
- курсов по регуляции стресса и саморегуляции (техники дыхания, медитации, планирования задач, работы с цифровой зависимостью);
- промежуточных анкетных и физиологических мониторингов (самооценка усталости, исследование сна, частоты сердечных сокращений во время учебы) для выявления студентов с высоким риском физиологической дезадаптации [1; 6; 8].

На основе анализа вышеуказанных источников предлагается разработать и внедрить в российских вузах комплексную модель «Физиология + цифра», нацеленную на формирование личности студента с учетом его физиологических особенностей в новых технологических условиях.

1. Структура модели «Физиология + цифра»

- Стадия диагностики:

○ профильное изучение психофизиологических особенностей студентов (анкетирование, самонаблюдение, физиологический мониторинг) при поступлении и в процессе обучения [1; 4; 8].

- Стадия проектирования обучения:

○ адаптация формата и нагрузки онлайн-и дистанционных курсов с учетом выявленных физиологических рисков (например, ограничение длительности сплошных видеосессий, перерывы, динамическая структура модулей) [3; 6].

- Стадия педагогической работы:

○ внедрение практик физиологической разгрузки, цифровой гигиены, интерактивных проектов и совместного обучения, направленных на развитие личности и снижение физиологического напряжения [3; 5; 7].

- Стадия мониторинга и коррекции:

○ регулярный сбор обратной связи от студентов и преподавателей, фиксация изменений в самочувствии, сне, уровне работоспособности для коррекции образовательных программ [1; 8; 10].

2. Ожидаемые результаты внедрения

- снижение уровня хронической утомляемости и физиологических нарушений у студентов;
- повышение устойчивости к учебной нагрузке и снижение числа жалоб на головную боль, зрительное и психоэмоциональное перенапряжение;
- формирование у студентов навыков саморегуляции, ответственности и цифровой гигиены, что способствует развитию зрелой, социально ориентированной личности [3; 5; 7].

Эти результаты могут быть интегрированы в российские программы обеспечения здоровья студентов, стандарты высшего образования и рекомендации по созданию здоровьесберегающей цифровой образовательной среды вузов.

Список цитируемой литературы:

1. Анисимова А. С., Анисимова Л. В. Физиологические аспекты адаптации студенческой молодежи // Вестник СУРГУ. – 2025. – № 1. – С. 45–52.
2. Учёные ТГУ: онлайн-обучение изменяет физиологию человека [Электронный ресурс] // Новости Томского государственного университета. – 2025. – URL: https://news.tsu.ru/news/uchyenye-tgu-onlayn-obuchenie-izmenyaet-fiziologiyu-cheloveka/ (дата обращения: 20.04.2026).
3. Особенности развития личности студента в технизированной образовательной среде [Электронный ресурс] // dslib.net. – URL: http://www.dslib.net/psixologia-vozrasta/osobennosti-razvitija-lichnosti-studenta-v-tehnizirovannoj-obrazovatelnoj-srede.html (дата обращения: 20.04.2026).
4. Носырева С. В. Психофизиологические особенности студентов и их учет при разработке и использовании информационных технологий обучения // Электронный научный журнал «Русская наука». – 2008. – № 8. – URL: https://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Pedagogica/27828.doc.htm (дата обращения: 20.04.2026).

Тонких А.Г., преподаватель СПО
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦПРОЕКТА «СЕМЬЯ»: ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Аннотация

В статье приводится детальный анализ национального проекта «Семья» в 2026 году через призму укрепления института семьи в современной России. Приводятся меры поддержки российских семей и их влияние на повышения общего уровня жизни граждан.

Ключевые слова: семья, национальный проект, материнский капитал, льготная ипотека, социальные инициативы.

Развитие и реализация национальных проектов в нашей стране началась относительно недавно, в начале 2000-х годов. Именно тогда в России был дан старт разработке ряда концепций и программ

стратегического развития страны. Важнейшим инструментом комплексного решения целевых задач стали принятые в 2002 году федеральные целевые программы (ФЦП). Проекты представляли собой социальные инициативы, определенные президентом страны В.В. Путиным в 2004-2005 годах как ключевые направления внутренней политики государства в области демографии и экономики.

Социальные инициативы главы государства легли в основу приоритетных национальных проектов во многих областях общественной жизни: образование, здравоохранение, обеспечение населения жильем, развитие сельскохозяйственного комплекса страны и других [2].

Основные приоритеты государственной политики Российской Федерации лежат в основе целей и задач национальных проектов. Они характеризуются социальной направленностью и отвечают важнейшим потребностям населения. В определении целей и задач указанных программ нередко обращаются к мониторингу общественного мнения, а также привлекают к этому процессу экспертов.

На основании Указа Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 предполагается достижение национальных целей, таких как:

1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей, поддержка семьи;
2. Возможности для самореализации и развития талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
3. Комфортная и безопасная среда для жизни;
4. Устойчивая и динамичная экономика;
5. Технологическое лидерство;
6. Экологическое благополучие;
7. Технологическая и цифровая трансформация [4].

Исходя из общеизвестных целей национальных проектов, Россия стремится войти в первую пятерку стран, ведущих разработки в приоритетных областях.

В 2026 году в нашей стране проводится реализация следующих национальных проектов: Семья, Молодежь и дети, Кадры, Продолжительная и активная жизнь, Технологии здоровья, Инфраструктура для жизни, Экологическое благополучие, Эффективная и конкурентная экономика, Экономика данных, Туризм и гостеприимство, Спорт России и др. [1].

В числе перечисленных нацпроектов отдельно следует выделить национальный проект «Семья». Нацпроект «Семья» был разработан в 2024 году. Он включил в себя масштабные планы действий, и стал

целеполагающим в укреплении семейных духовно-нравственных ценностей [5, с. 52].

На сегодняшний день в основу проекта положен ряд задач:

– увеличение количества семей с детьми;

– поддержка многодетных семей;

– сокращение числа домохозяйств с низкими доходами и значительное снижение общего уровня бедности в стране.

Стоит заметить, что основное направление проекта касается создания благоприятных условий, направленных на укрепление и развитие института семьи, что, в свою очередь, имеет большое влияние на демографическую обстановку в стране. Данный нацпроект базируется на пяти федеральных проектах: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры» [4].

Курирующий заместитель председателя Правительства Российской Федерации Татьяна Голикова сформулировала ключевые направления работы в рамках нацпроекта «Семья»: организация условий для совмещения роли родителя с профессиональной деятельностью; предоставление дополнительной поддержки многодетным семьям, а также стимулирование рождения второго, третьего и последующих детей; осуществление мероприятий по охране здоровья матерей и детей, укрепление репродуктивного здоровья нации; улучшение жилищных условий для семей; предоставление широкого спектра социальных услуг для населения пожилого возраста; организация и проведение мероприятий, направленных на популяризацию семейных ценностей, института семьи и брака; региональная поддержка и проведение демографической политики в соответствие с региональными особенностями.

Важным моментом реализации рассматриваемого нацпроекта является расширение программы материнского капитала, действие которой продлено до 2030 года.

В текущем 2026 году произошла индексация выплат по материнскому капиталу. На первого ребенка он составил 728 921,90 рублей, если ребенка родили (усыновили) с 1 января 2020 года. Если второй ребенок был рожден или усыновлен с этой же даты, предполагается увеличение маткапитала на 234 321,27 рублей, что составит 963 243,17 рублей. На второго ребенка положена выплата в размере 963 243,17 рублей, если его родили (усыновили) с 1 января 2020 года. При этом важно, чтобы первый ребенок родился или был усыновлен до этой даты. На третьего ребенка или последующих детей

полагается выплата в размере 963 243,17 рублей в случае рождения или усыновления детей так же с 1 января 2020 года.

Стоит также заметить, что расходование средств, полученных в качестве материнского капитала, возможно только по ряду направлений. Так, например, их можно вложить в приобретение или строительство жилья, оплатить обучение детей, направить на формирование накопительной пенсии матери или компенсировать за счет материнского капитала затраты на товары и услуги для детей с ограниченными возможностями здоровья [1].

Нем менее важным направлением рассматриваемого нацпроекта является реализация льготной семейной ипотеки, размер которой составляет 6%. Действие этой программы рассчитано до 31 декабря 2030 года включительно [1]. Данным инструментом могут воспользоваться семьи с детьми младшего школьного возраста, которым предоставляется возможность приобрести жилье на льготных условиях, в числе которых:

– годовая процентная ставка до 6% для всех регионов и видов жилья;

– первоначальный взнос от 20 % от стоимости объекта;

– максимальная сумма кредита составляет 12 млн рублей в крупных городах (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область) и 6 млн рублей в других региона;

– срок кредита до 30 лет;

– с 1 февраля 2026 года для заёмщиков, которые состоят в браке, введено обязательное условие включения супруга или супруги в состав солидарных заёмщиков по кредитному договору;

– возможность рефинансирования кредита на новостройку для семей с ребёнком до 6 лет или с ребёнком-инвалидом.

Стоит заметить, что в рамках осуществления рассматриваемого нацпроекта нуждающиеся семьи, то есть семьи, чей среднедушевой доход ниже прожиточного минимума в регионе, имею право на получение единого пособия. В 2026 году на такое пособие могут претендовать: беременные женщины, вставшие на учёт в поликлинике до 12 недель беременности; один из родителей ребёнка до 17 лет, а также один из опекунов или усыновителей несовершеннолетнего ребёнка.

Кроме того, проектом предусмотрена семейная налоговая выплата. Так, с 2026 года официально трудоустроенные работающие родители двух и более детей при условии, если средний доход семьи меньше 1,5 региональных прожиточных минимумов на человека, имеют право на получение выплаты. В таком случае НДФЛ за

предыдущий год пересчитывается по ставке 6%, а разница возвращается семье.

В контексте реализации нацпроекта «Семья» многодетные семьи и семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, получили приоритетное право на заключение социального контракта. В 2026 году эта форма поддержки охватит более 600 тысяч человек.

Забота о здоровье населения стала еще одной приоритетной задачей рассматриваемого национального проекта. Так, например, важнейшим направлением стала охрана репродуктивного здоровья, что выразилось в предоставлении бесплатного обследования и диспансеризации граждан, планирующих стать родителями, в возрасте 18–49 лет.

В 2026 году продолжается активное развитие детского здравоохранения. Медицинские учреждения (перинатальные центры, детские больницы) оснащаются новейшим медицинским оборудованием, мобильными медицинскими комплексами, проводят процедуру ЭКО.

Для поддержки пожилых людей проект предусматривает развитую систему долговременного ухода (СДУ). Особую важность эта программа имеет для граждан старшего возраста и инвалидов, нуждающихся в постоянной помощи [5, с. 55].

Положения нацпроекта предусматривают развитие инфраструктуры для комфортной жизни российских семей: создаются комнаты матери и ребёнка, группы кратковременного пребывания детей в вузах, строятся и модернизируются детские сады и школы, совершенствуется культурно-просветительская инфраструктура (театры, музеи, библиотеки, кинозалы, школы искусств). Так, в 2026 году планируется открыть 300 таких центров в 75 регионах.

Ряд мер, предусмотренных нацпроектом, ориентированы на укрепление семейных ценностей и культурного развития, а именно:

– проведение семейных конкурсов (например, конкурс «Это у нас семейное»),

– предоставление молодым людям 14–22 лет права посещать культурные мероприятия по «Пушкинской карте»,

– реализация во всех регионах страны программ активного долголетия, которые предполагают занятие физкультурой, творчеством и обучение в «университетах третьего возраста».

– поддержка НКО, а также финансирование творческих проектов, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей.

Помимо вышеупомянутых мер в рамках национального проекта возможно оказание психологической поддержки семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Для бизнеса предусмотрены поощрения за участие в реализации демографических инициатив.

Таким образом, национальный проект «Семья» представляет собой важный механизм государства. Его реализации сопутствуют высокие перспективы развития разных сфер общества и государства. Он представляет собой комплексную инициативу, не ограниченную финансовой поддержкой. В рамках реализации нацпроекта «Семья» уже заложен фундамент для демографического благополучия, повышения качества жизни и укрепления социальной стабильности в России. Формирование ценностных ориентиров, развитие инфраструктуры для жизни являются неотъемлемыми условиями для устойчивого развития института семьи как основы общества.

Список цитируемой литературы:

1. Национальный проект «Семья» : официальный интернет-портал. — URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/ (дата обращения: 13.04.2026). — Текст : электронный.

2. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 5 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – Текст : непосредственный.

3. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : принят Гос. Думой 20 июня 2014 г. : одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г. : [ред. от 13 июля 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26(I). – Ст. 3378. – Текст : непосредственный.

4. Российская Федерация. Законы. Российская Федерация. Президент (В. В. Путин). О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 11 мая 2024 г. // Российская газета. – 2024 г. – № 100. – Текст: непосредственный.

5. Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья» / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева // Женщина в российском обществе. – 2025. – № 1. – С. 49-61.

Усачева Е.А., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, Липецк
Щегольков И.М., студент 3 курса ИФ
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П.Семенова-тян-Шанского»

ВЛИЯНИЕ ЧРЕЗМЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИИ НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация

Данная статья рассматривает факторы, влияющие на когнитивные способности студентов, использующих искусственный интеллект в качестве основного инструмента обучения, а также, этические и эстетические составляющие, необходимые для корректного применения студентами технологий искусственного интеллекта во избежание деградации когнитивных функций.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта (ТИИ), этические и эстетические проблемы, когнитивные способности, инструмент обучения, генеративные системы, негативные последствия использования ТИИ

В современном мире сфера искусственного интеллекта является одной из самых быстрорастущих и развивающихся. По данным AI Index 2025 в 2024 году ИИ использовали 78% организаций, а объем частных инвестиций в генеративные ИИ-модели составил почти 34 млрд долларов. Данные технологии вносят масштабные изменения во все сферы жизни общества, и сфера образования не является исключением. Многие ученые уже озаботились последствиями данного процесса.

Так, например, в исследованиях С.П. Кирильчук, Е.В. Наливайченко, Н. Косьминой и др. отмечаются такие негативные последствия использования технологий искусственного интеллекта студентами как ухудшение способности к глубокому анализу информации, сокращение объема рабочей памяти (эффект «цифровой амнезии»), ухудшение креативного и критического мышления (эффект когнитивного протезирования), эффект «цифрового слабоумия», трудности, связанные с аргументацией, синтезом и анализом гипотез,

убежденность в отсутствии и необходимости формирования навыков обобщения и систематизации. Кроме того, отмечаются негативные тенденции, связанные с дискредитацией академической среды, образовательного процесса и научной деятельности, обусловленные повсеместным использованием студентами технологий искусственного интеллекта [1, 2].

С целью проведения эмпирической проверки последствий использования ИИ среди студентов 1-5 курсов (110 человек) института филологии ФГБОУ ВО «Липецкого государственного педагогического университета имени П.П.Семенова-Тян-Шанского», был проведен опрос, размещенный в Google Forms. Анкетирование выявляло различные виды воздействия ИИ на когнитивные способности студентов.

На вопрос о частотности использования студентами технологий искусственного интеллекта (ТИИ), большинство респондентов (82,1%) оценивают взаимодействие с ТИИ в диапазоне от «очень часто» до «постоянно». Доля людей, не прибегающих к ТИИ, составляет 1%.

Отвечая на вопрос о доверии к ТИИ, подавляющее большинство респондентов оценивают его как высокий (76,2%) или средний (15,%), и только незначительное число респондентов (8,6%) не склонны доверять ТИИ.

На вопрос, касающийся сложностей с созданием промпта, большинство респондентов (81%) утверждают, что им всегда удается правильно сформулировать запрос.

Вопрос «Сложно ли вам определить структуру вашей академической работы и без использования ТИИ найти нужный материал» показал, что, несмотря на отсутствие сложностей с формулирование промпта, большинство респондентов (60,7%) испытывают трудности со структурированием и поиском нужной информации для выполнения академической работы.

Следующий блок вопросов касался этических вопросов, связанных с ТИИ.

На вопрос «Испытываете ли вы стресс из-за обнаруженного преподавателями сгенерированного контента», большинство (71,4%) ответили отрицательно, и лишь 28,6% испытывают переживания, связанные использованием ТИИ.

Очевидно, что студенты в большинстве своем не проводят связь между выполнением заданий через ТИИ и нарушением академической этики. Кроме того, данный вопрос выявил такой аспект, как способность и готовность преподавательского состава указать на использование студентами нейросетей в процессе

обучения. Почти 22% опрошенных считают, что преподаватели не способны увидеть и проконтролировать данный аспект академического процесса, что указывает на необходимость централизованного регулирования данной проблемы на уровне системы высшего образования в целом и вузов, в частности. Так, например, необходимо организовывать курсы повышения квалификации для преподавателей для работы с ТИИ, создавать локальные акты на уровне университетов, регламентирующих использование нейросетей, а также, формировать всестороннее понимание негативных последствий перехода обучающихся на использование ТИИ.

Вопрос об этичности использования ТИИ в качестве единственного инструмента при написании академических работ вызвал единодушие респондентов – 79% не считают использование ТИИ инструментом, противоречащим этическим соображениям, при условии, цели, задачи, контекст и ситуативность являются важным фактором для оценки этичности подобных опор при выполнении эссе, рефератов и т.д. Всего 19% опрошенных считают ТИИ нарушением академической этики, и только 2% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Следующие два вопроса касались роли преподавателя и ТИИ в образовательном процессе. Превалирующим мнением (80%) является ответ «поддержка преподавателя нужна», в то время как число респондентов, которым в той или иной мере требуется поддержка ТИИ на 2,8% выше, чем помощь со стороны преподавателя. Незначительное число опрошенных (12,9%) не нуждаются ни в поддержке ТИИ, ни в поддержке преподавателя.

Анализируя полученные результаты исследования, можно говорить о наметившейся тенденции, противоречащей общепринятым ценностям гуманизма и умаляющих значимость преподавателя в образовательном процессе, что, несомненно, не имеет ничего общего с академической этикой.

Перейдем в поле когнитивных проблем, возникающих на почве чрезмерного увлечения студентами ТИИ. Следующий блок вопросов касался мнений респондентов о влиянии ТИИ на их когнитивные способности и личностные качества.

Примечательно, что большинство респондентов (41,9%) описывает данное влияние как отрицательное. Второй по популярности ответ (25,7%) отражает мнения об отсутствии воздействия ТИИ на обозначенные категории, и всего лишь один процент опрошенных выразил точку зрения, характеризующую

влияние нейросетей как ситуативное и зависящее от путей их использования.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что у многих студентов уже сформировалось негативное мнение по отношению к обозначенному вопросу, что говорит о том, что они уже ощутили губительные последствия использования ТИИ в обучении и повседневной жизни. Однако, процент тех, кто не отмечает данную связь, или, наоборот, заявляет о положительных изменениях в себе после взаимодействия с ТИИ, все еще остается высоким.

Следующий вопрос «Сложно ли вам определить структуру вашей академической работы и без использования ТИИ найти нужный материал», вызвал неоднозначную реакцию. Так, например, 43,8% заявили, что никогда не испытывают трудностей с поиском информации и всегда хорошо понимают структуру работы, 45,7% отметили, что иногда такие трудности возникают, и только 10,5% респондентов признали наличие такого рода трудностей.

Подобные результаты не могут не вызывать опасений, т.к.они свидетельствуют о достаточно высокой степени проявленности проблем, связанных с использованием ТИИ, описанных в многочисленных исследованиях, о которых мы говорили выше.

Реакция респондентов на следующий вопрос о том, как именно применение ТИИ влияет на познавательную активность мозга, показывает на то, что студенты предпочитает результативность эффективности. Большинство опрошенных (85%) считают, что ТИИ ускоряют выполнение домашних заданий и освобождают время для решения других задач, и только 15% студентов считают, что ТИИ делают задания творческими, уникальными, не шаблонными. Здесь очевидно стремление студентов получить готовый продукт быстрее, с меньшим количеством усилий, игнорируя фундаментальные принципы обучения, заложенные в сам процесс, лишая мозг возможности на развитие через последовательную, рутинную обработку информации.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что решение проблемы мы, вслед за Б.Оркли и Т.Сейновски, видим в использовании в образовании рутинных подходов – заучивание предметной базы до автоматизма и отработку навыков без подсказок со стороны ТИИ, недопущения использования генеративных систем без их последующего критического осмысления. Следует также дозировать доступ к цифровым ресурсам [3].

Кроме того, считаем необходимым создание кодекса этики использования ТИИ для образовательных учреждений, позволяющий регламентировать использование такого рода технологий на уровне

вузов и школ для сохранения атмосферы развития, просвещения и академических достижений.

Список цитируемой литературы:

1. Кирильчук С.П., Наливайченко Е.В.// Влияние нейросетей на деградацию когнитивных способностей учащихся // https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec5/Kirilchuk_Nalivaychenko.pdf

2. Your brain on ChatGPT: accumulation of cognitive debt when using AI Assistant for essay writing task N.Kosmyna, Eugene Haugmann, Ye Tong Yuan, Jessica Sita, Xian-Hao Liao, Ashly Vivian Beresnitsky, Iris Braunstein, Pattie Maes// Cognitive Science, Dec.2025, Cornwell University https://www.researchgate.net/publication/392560878_Your_Brain_on_ChatGPT_Accumulation_of_Cognitive_Debt_when_Using_an_AI_Assistant_for_Essay_Writing_Task

3. The memory paradox: why our brain needs knowledge in an age of AI Barbara Oakley, Terry Sejnowski https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5250447&__cf_chl_rt_tk=rvh4T5VPFMQzBJfliJohG6KAoNnnzhhrOiuXEPSj8dc-1776858009-1.0.1.1-GgL3TnFVfMhuROoHOrWrnIP2sumzGH0VxO9i9Lf7GWc

Ханыкин А.Ю., аспирант
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец

РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУДО И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ В ТРУДАХ ИММАНУИЛА КАНТА, ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье анализируются идеи Иммануила Канта и его исследование сверхъестественного и религиозных чудес на основе концепции моральной религии. Основное внимание уделяется его трактовке сверхъестественного, границ человеческого разума и взаимосвязи морали с религией. Кант, признавая принципиальную непознаваемость Бога и души через рациональные методы, рассматривает их как ключевые элементы нравственного закона, где Бог выступает «законодателем морали», а религиозные нормы становятся формой этического императива.

Ключевые слова: Философия религии, моральная вера, Иммануил Кант, Кант, философия канта, сверхъестественное, религиозное чудо

Иммануил Кант является одним их самых значимых представителей протестантского богословия. Его многочисленные труды, известные на весь мир, неоднократно затрагивают вопрос бытия, вечной души и другие религиозные темы. В его трудах можно заметить такую особенность, что человеческий разум не в силах в полной мере познать сущность окружающих его вещей. К тем непостижимым аспектам как раз и относится познание души и Бога как наиболее явный пример непостижимого. В то же время он рассматривает эти вопросы с разных сторон, предлагая различные рассуждения на тему необходимости стремления к познанию непознаваемого, задается вопросом, имеет ли место поиск сверхъестественного, и в каких вариациях это неописуемое чудо может существовать. Бог, а равно с этим все исходящие от него непознаваемые деяния у Канта представлены в виде законодателя нравственности. Его заповеди же — это закон, который, соблюдая, формирует религию.

Соблюдение этого закона, то есть обращаясь к религии человек чаще всего ожидает обнаружить нечто сверхъестественное, что может показать предрасположенность высшей силы к лицу. Таким образом, идеи Канта отмечают равное значение религиозных и моральных норм, отмечая их единственное отличие в формальности.

Помимо этого, Кант отмечает возможность и другой формы чуда, которое исходит не от самого Бога, а является результатом ангельских чудес. Однако последние всё-таки сильнее подвергаются сомнению в силу того, что они не так обнаруживаются в силу различных факторов.

Общее понимание события, которое можно отнести к сверхъестественному, по Канту это такое действие, основанное на причине и законе, в настоящее время неизвестное человечеству. Либо такое действие, которое в принципе не может быть известно. Таким образом Кант очень осторожно исследует вопрос теоретического и практического допущения существования церковных чудес. Чудесные события по Канту могут быть результатом различных причин, и в своем исследовании он дает два общих варианта действий чуда. В первом случае он предлагает, как теистическое чудо, то есть такое сверхъестественное событие, причиной которого является Бог; и демоническое сверхъестественное событие. Последнее, в свою очередь, также имеет два подвида, то есть чудеса, которые совершаются по воле духов, направленных на злые свершения и добрые.

Вера в необъяснимое расслабляет разум, ослабляя не только стремление к постижению истины, но и интерес к исследованию

неизученных областей знания. В определённых случаях это порождает более серьёзную проблему — попытки заслужить благосклонность высших сил через избегание «опасных» действий. Парадокс заключается в том, что чем активнее человек ограничивает себя, тем выше вероятность, что его поведение будет воспринято как негативное в рамках религиозно-этической системы.

Кант в своих размышлениях акцентирует приоритет нравственного познания над иррациональным. По его мнению, достижение таких целей возможно лишь при условии, что человечество признает чувственно-этические принципы основой рационального мышления.

В ходе исследования были использованы методы историко-философской реконструкции, для исследования трудов Канта, гипотетико-дедуктивный, герменевтический методы и компаративного анализа.

Философия Иммануила Канта изучала различные концепции, развивая, в том числе идеи моральной религии. Его мысли в трудах представляются как идеи стремления преобразования действительности на рациональной основе – и это отмечают как ученые философы, так и другие авторы, изучающие данный вопрос. Однако также стоит обратить внимание на тот факт, что Кант религию представляет как нечто тождественное рациональной морали. Отсюда можно прийти к заключению, что нравственная судьба как всего человечества, так и какого-либо конкретного его индивида заключается в активности и самого человека, и в целом человечества, поскольку нравственность трактуется самой природой, и это в своем существе не позволяет обращаться ни к чему, кроме как к результатам собственного труда.

Таким образом философия Канта в той или иной мере представляется как попытка демифологизации. «На помощь сверхъестественных сил надеяться непозволительно. Нет ни чудес, выходящих за пределы объективных законов опыта, нет божественной тайны, превышающей возможности нашего духа, нет благодати, силой божественного авторитета просветляющей нашу нравственность» [2].

Обращение к изучению религии и ее чудесах в трудах Канта видится малоизученным. Во многом причиной тому видится несколько факторов. Одной из причин видится то, что сам автор изучает данную тему не так часто и так открыто, а зачастую вовсе находит своё отражение и рассуждение в примечаниях, которые уже не так активно привлекают к себе внимание, как другие части его трактатов и писем. Другой причиной, о которой нельзя не упомянуть, видится то, что сам

Кант представляется критиком религии. Если же сравнивать труды Канта с другими современниками, с которыми он часто вступал в споры, то можно обнаружить как местами согласие в позициях, так и частичную критику идей.

Так, например, современники Канта придерживались мнения, что чудо это такое сверхъестественное влияние, которое самим своим существованием нарушает сами законы природы. Кант, как и ряд его современников также опирается на возможность ошибочного восприятия человеком каких-либо действий и явлений, что в своем существе допускает ошибки. Используя подобные доводы, они категорически отрицают саму возможность реального существования чудес. Критика чудес Кантом, в свою очередь, основывается на его концепции и изучении вопросов пространства и времени чему он также уделял много внимания в своих трудах, в то время как присутствовало распространенное мнение о том, что чудо не имеет права на существование опираясь на законы физической действительности.

В то же время, если более детально изучить труды Канта, можно заметить, что он не в полном представлении отрицает чудеса. Он допускает их существование в том обличии, в котором они не смогут нарушить законы природы. Такая позиция отличает его от ряда современников, придерживающихся аналогичной позиции критики религиозного чуда, и дает больше возможности представления события, которое можно именовать чудом.

Более того, многие указывают, что Кант допускает в равном вопрос критики существования чуда и то, что какое-либо уже совершенное событие (где предполагают свидетельство сверхъестественных событий, не поддающихся объяснению) может быть чудом.

Таким образом многие исследователи приходят к мнению, что Кант, благодаря разграничению им опыта, полученного на основе реального факта и трансцендентность, одновременно является как и скептиком, так и трансцендентальным философом, поскольку таким образом в позиции Канта можно найти допущение присутствия теоретической возможности чудеса.

Несмотря на то, что Кант не признает сотворение целого природы как некое чудо, обращаясь к вопросу бессмертия души и бытия высших сил, которые могут быть представлены в образе Бога, не дает такого прямого заключения, вследствие чего до сих пор эта тема вызывает споры и является предметом многочисленных исследований.

Если допускать веру в чудеса, то сами чудеса теряют своё понимание недоступности понимания, основанного на логике и суждении, поскольку сама по себе вера является рациональной. Однако, чтобы сама по себе вера могла быть рациональность, ее объект должен поддаваться возможности решать при помощи мышления вопрос своих действий. Таким образом, на что также обращают внимание авторы, Кант одновременно критикует чудеса с точки зрения реального существования, но не исключает их с точки зрения логики.

Кант не допускает, что в прошлом существовало нечто, что можно отнести к сверхъестественному. Можно утверждать, что феномен чуда обретает принципиальную значимость именно через призму человеческого опыта. Иными словами, вера в чудо представляет собой не столько убеждённость в существовании сверхъестественного явления, сколько ожидание того, что некое неописуемое — то есть выходящее за границы рационального — событие может произойти в рамках нашего восприятия действительности. Как указывает Кант, вера в чудо есть не что иное, как «вера в познание через опыт чего-то такого, что мы, однако, сами никак не можем допускать как совершающееся по объективным законам опыта» [4]. Сама вера в сверхъестественное подразумевает признание опыта, который, как предполагается, не поддаётся объяснению через призму привычных закономерностей, поскольку он нарушает устоявшиеся нормы реальности, признаваемые в текущий период времени обыденными. Подобные события чаще всего характеризуются как непостижимые, бросающие вызов фундаментальным законам мироустройства и повседневного опыта, то есть следующие человеку незнакомым, иным принципам.

Такой сверхъестественный опыт является необыкновенными вследствие иного ожидания результата опыта, что в принципе может быть отнесено к эмпирическому результату.

Результатом опыта принято считать то, что может поддаваться

Кант даёт название Wahnglauben, что можно перевести как ложное, или бредовое убеждение результату, находящемуся за пределами понимания разума в обычном ключе (то есть является сверхмерным), и к пониманию которого и происходит стремление. Такое ложное убеждение мало того, что не помогает разуму в его стремлении к познанию истины, более того, снижает фактический результат его трудовой деятельности. Поскольку с точки зрения познания в результате обычного опыта познать истину не удается, то теряется и сама необходимость стремления в познании и поиске ответа на вопрос с помощью эмпирических законов. «Если разум лишается

эмпирических законов, то в подобном заколдованном мире он ни на что уже больше не нужен, не нужен даже и для морального употребления в этом мире, для исполнения своего долга» [3]

Если допустить, что законы мироздания доступны для исследования как в теоретическом, так и в практическом аспектах, то их изучение способно приблизить нас к пониманию законов мира природы. По сути, это открывает возможность осознанного применения данных законов в реальных ситуациях, трансформируя их из абстрактных концепций в инструменты, которые на практике помогают в понимании ранее неизведанного.

Таким образом, хоть и частично, но появляется возможность сформировать понятия действия причины исследуемого чуда. Однако стоит отметить, что чудо здесь возникает именно тогда, когда эти самые законы нарушаются. То есть, когда Бог использует возможность пренебрежения этими, казалось бы, нерушимыми законами, он использует эту возможность для личного влияния.

Однако это приводит к еще одной условности, на которую обращает внимание Кант. Он отмечает, что в таком случае «мы уже не имеем и даже не можем надеяться получить никакого понятия о законе, которым руководится Бог при осуществлении подобного события» [5]

Изучение такого аспекта как сверхъестественное в трудах Иммануила Канта является достаточно объемным, и для того, чтобы в полной мере изучить этот вопрос, требуется высокое внимание как к трудам самого Канта, так и к дискуссиям, в которых он принимал участие. Многие его современники придерживались схожей точки зрения, но, в то же время некоторые более узкие аспекты этой темы могли различаться, что и приводила к дискуссиям и спорам. В силу того, что самим автором вопрос чуда и сверхъестественного в целом затрагивался не так открыто, и чаще всего находил своё отражение в примечаниях, то и внимание изучению данного вопроса представлялось не так масштабно. Тем не менее активное внимание по настоящее время позволяет надеяться, что и этот момент в обозримом будущем также получит внимание со стороны авторов, и многочисленные исследования приведут к более детальному и всеобъемлющему изучению данного вопроса.

Список цитируемой литературы:

1. Думов А. В. «Научный теизм» Ф. Э. Эббота и критика кантианской философии / А. В. Думов // Трансцендентальный журнал. – 2023. – Т. 4, № 3 (12). – С. (указать страницы статьи, если известны).

2. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Кант И. Трактаты и письма. – Москва : Наука, 1980. – С. 78–278.

3. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант ; отв. ред. и авт. вступ. ст. А. В. Гулыга ; пер. с нем.: Н. Вальденберг [и др.] ; АН СССР, Ин-т философии. – Москва : Наука, 1980. – 709 с.

4. Кант И. Кант — Фихте. 2 февраля 1792 г. / И. Кант // Кант И. Трактаты и письма. – Москва : Наука, 1980. – С. 580–581.

5. Круглов А. Н. О новом переводе трактата И. Канта «Религия в границах одного только разума» / А. Н. Круглов, Л. Э. Крыштоп // Философические письма. Русско-европейский диалог. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 38–70.

6. Кучугура Н. М. Наследие И. Канта и современная философия религии / Н. М. Кучугура // Acta Eruditorum. – 2024. – № 45. – С. 30–33.

7. Нарский И. С. Кант и религия / И. С. Нарский // Кантовский сборник : межвузовский тематический сборник научных трудов. – 1983. – № 1 (8). – С. 3–12.

8. Никонович Н. От Канта до Фейербаха. Проблема религии в структуре немецкой классической философии / Н. Никонович // Наука и инновации. – 2023. – № 7 (245). – С. 61–64.

Чудинова Е.В., канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, Липецк

КРИЗИС СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

В статье рассмотрена проблема кризиса семьи в современном обществе, проанализированы особенности отражения кризиса семейных ценностей в российской культуре на примере отечественного кинематографа, предложена модель элективного курса «Жена, муж, мама, папа, дети», целью которого является подготовка к семейной жизни для студентов вузов.

Ключевые слова: семья, брак, традиционные ценности, семейные ценности, общество, кризис, идентичность.

Проблема кризиса семьи и семейных ценностей является одной из наиболее актуальных для российского общества. Так, например, А.Б.

Синельников указывает в своей статье, что «если люди все чаще разводятся и все реже вообще вступают в законный брак, …этот путь …ведет не к модернизации семьи и брака, а к разрушению семьи как социального института» [2]. Среди причин кризиса – «интенсификация социальной жизни, большая доступность информации, переориентация на индивидуальные достижения во внесемейной сфере жизнедеятельности» [3]. Рост числа разводов, снижение рождаемости - все это указывает на актуальность и сложность проблемы преодоления кризиса семьи и семейных ценностей. Важной задачей вузов является помощь в преодолении этого кризиса и «воспитание в духе уважения к традиционным ценностям» [1].

Цель статьи заключается в том, чтобы рассмотреть проблему кризиса семьи в современном обществе, проанализировать особенности отражения кризиса семейных ценностей в российской культуре на примере отечественного кинематографа, предложить модель элективного курса «Жена, муж, мама, папа, дети», целью которого является подготовка к семейной жизни для студентов вузов.

Использованные методы: анализ источников, опрос, моделирование.

Изучением проблем семьи занимался ряд российских ученых, среди них – М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, А.М. Коллонтай, А.Г. Харчев, В.А. Сысенко, С.И. Голод, А.И. Шипилов и другие. Исследователи трактуют понятие «семейные ценности» по-разному – более узко «как совокупность представлений о семье и браке» [5] или более широко, как «совокупность ценностей этического, правового значения», играющих большую роль для семьи [6]. Большое внимание в работах социологов и психологов уделяется причинам семейных конфликтов, разводов, путям преодоления семейных кризисов. Большой интерес представляет исследование белорусских ученых, которые указывают, что «каждый третий старшеклассник имеет опыт переживания кризиса родительской семьи, чаще всего это развод родителей, алкогольная/наркотическая зависимость члена семьи, подверженность психологическому насилию» [4]. Этот негативный опыт приводит к фиксации в будущем на материальных ценностях, достижение которых создает иллюзию безопасности и благополучия. Ряд ученых указывает на трансформацию семьи и семейных ценностей, при этом для современного поколения ключевыми моментами являются «любовь, уважение, доверие, поддержка, взаимопонимание, свобода выбора, эмоциональная защита, благополучие и развитие семьи» [7].

Кризис семейных ценностей отражается и в отечественной культуре, в том числе и в кинематографе. Так, среди советских

отечественных фильмов очень многие посвящены теме любви, что отражено даже в их названиях: «Человек, которого я люблю», «Алешкина любовь», «Повесть о первой любви», «Еще раз про любовь», «Любовь и голуби» и многие другие. Хотя современный кинематограф продолжает тему любви, следует заметить, что в отечественном кино отражается также и кризис семьи - например, в двух современных фильмах – «Нелюбовь» Андрея Звягинцева и сериале «Черное облако» Карена Оганесяна. Поразительно, что в центре обоих фильмов находятся благополучные, достаточно обеспеченные семьи, так называемый средний класс. Тяжелые отношения с матерью, замужество с нелюбимым человеком, неспособность любить приводят главную героиню фильма Женю к тому, что она воспринимает как ошибку и помеху не только свой брак, но и своего сына, что приводит к трагическим последствиям. Ее муж Борис, находясь в отношениях с другой женщиной, также равнодушен к своему сыну и заботится только о своем внешнем имидже благополучного семьянина. И Женя, и Борис мечтают о том, чтобы исправить ошибку и начать новую жизнь с другими партнерами. Однако даже гибель сына не заставляет их измениться. По мнению драматурга Е.В. Носиковой, режиссер использует брехтовский прием «отчуждения», чтобы заставить зрителей не сопереживать главным героям, а размышлять и оценивать [8]. Герои фильма или бездумно, механистически воспроизводят поведенческие стереотипы прошлого (Борис) или подражают героям блогов и соцсетей, мечтая об идеальном будущем (Женя) [9].

Название сериала «Черное облако» является метафорой для чувства, которую испытывает главная героиня Оксана, да и другие герои, к своим близким. Холодная, равнодушная нелюбовь здесь трансформируется в тяжелое, убивающее, всепоглощающее чувство ненависти. Причина – брак без любви, без понимания и поддержки. Лейтмотивом истории можно назвать размышления Оксаны о том, как было бы хорошо, если бы члены ее семьи исчезли. Подобно Медее, она вымещает свою ненависть к мужу на детях, подсознательно желая их смерти. Так российский кинематограф ставит диагноз современному обществу, заостряя проблему и представляя ее в крайнем, трагическом проявлении.

Нами был проведен небольшой социологический опрос студентов-будущих юристов, обучающихся на заочной форме обучения. Из 110 опрошенных 98 (89 %) человек ответили, что семья – это важная цель и жизненная ценность. Были приведены следующие мнения: «Семья – это самое главное в жизни», «Семья – это твоя жизнь и опора», «Семья объединяет людей», «Семья важна, потому

что от родных мы получаем и даём поддержку, мы можем поделиться тем, что не расскажем друзьям. В семье мы дарим и получаем любовь». «Семья – это источник поддержки, любви и смысла в жизни».

Из 110 опрошенных 82 (74,5%) человека отметили, что решили создать семью, потому что это важно для лично для них. 12 человек ответили, что это было желанием родителей (11%), 16 человек (14,5%) – что так принято в обществе.

При этом 8 человек (7%) считают, что семья мешает карьере, 13 человек (11,8%) – что условием создания семьи является материальная обеспеченность. Все это говорит о том, что при кажущихся внешних положительных результатах проблема кризиса семейных ценностей проявляется на разных уровнях.

Основываясь на проанализированных материалах, предлагаем следующую модель элективного курса «Жена, муж, мама, папа, дети» для студентов старших курсов с применением интерактивных методов обучения:

Модуль 1. Введение. Дискуссия студентов о семейных ценностях и роли семьи в современном обществе.

Модуль 2. Семейная конфликтология.

Студенты анализируют предложенные им художественные тексты и видеофрагменты, характеризуют участников ситуаций, выявляют их ошибки, причины, методы разрешения семейных конфликтов и методы профилактики.

Модуль 3. Встречи с известными людьми и знакомство с их семейным опытом.

Модуль 4. Проект «Моя будущая семья». В рамках проекта студенты конструируют образ своей будущей семьи, осознают свои семейные ценности и цели.

Таким образом, включение в учебные планы элективного курса, посвященного семье, может способствовать формированию положительного образа семьи и усвоению традиционных ценностей студентами.

Список цитируемой литературы:

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". — Собрание законодательства Российской Федерации. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения — 07.12.2025).

2. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 95-113. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715

3. Носакова, Т. В. Причины кризиса семьи в современном обществе и пути его преодоления / Т. В. Носакова // Акмеология профессионального образования: материалы 15-й Всероссийской научно-практической конференции, 13–14 марта 2019 г., Екатеринбург. - Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2019. - С. 183-187.

4. Человеческий капитал, 2025. №04 (196). Новак Н.Г., Захарова А.Н. Метелица Л.Д. Содержательная структура ценностно-смысловой сферы старшеклассников, переживших семейный кризис. С. 145-155.

5. Трошкина И.Н. Семейные ценности: категория, структура // Философская мысль. 2022. № 12. С. 1-9. DOI: 10.25136/2409-8728.2022.12.39219 EDN: PQQYMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39219

6. Ковалева А.В. Интерпретация системы семейных ценностей и ее компонентов в современном обществе // Ученые заметки ТГУ. 2011. Т.2. № 1. С. 29-36.

7. Селезнева Е.А. Анализ понятий «семья» и «семейные ценности». // Проблемы современного образования. 2021. №5. С. 270-279.

8. Носикова Е.В. Диалектическая драматургия Б. Брехта в фильме «Нелюбовь» А. Звягинцева. Вестник ВГИК. Том 16, №3 (61). Сентябрь 2024. С. 58-65.

9. Колотаев В.А., Улыбина В.Е. Художественное пространство фильма Андрея Звягинцева «Нелюбовь» как среда формирования идентичности. Артикульт. №28 (4-2017). Научный электронный журнал. Факультет истории искусства РГГУ.

Чурсина Ю.Е., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПИТЧ-СЕССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОТИВАЦИОННО-ЛИЧНОСТНОЙ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В данной работе показано, как образовательная питч-сессия может помочь студентам улучшить свои основные навыки: мотивацию и личностные качества, исследовательские и коммуникативные способности. Грамотно выстроенный процесс подготовки и самого проведения питч-сессии выступает методом развития самосознания, навыков самостоятельного поиска и анализа данных, а также учит ясно и убедительно доносить свои мысли до слушателей.

Ключевые слова: образовательная питч-сессия, мотивация, исследовательская компетенция, коммуникативная компетенция.

В списке значимых требований, которые предъявляют работодатели к выпускникам вузов, сегодня на первом месте стоят не столько глубокие теоретические знания, но и развитые практические навыки. С внедрением искусственного интеллекта умение самостоятельно искать информацию и критически осмысливать ее получает особую значимость. Не менее востребованным оказывается способность эффективно взаимодействовать и доносить мысли до собеседника. В этом контексте пассивное усвоение учебного материала, составляющее основу традиционного обучения, явно недостаточно. Сформировать необходимые для работы и жизни навыки, раскрыть потенциал будущих специалистов возможно, только активно вовлекая их в учебную деятельность, моделирующую реальные деловые ситуации.

Одним из таких деятельностных подходов является образовательная питч-сессия. Само понятие «питч» (от англ. Pitch - «подача») использовали первоначально в бизнесе и стартап-среде. Здесь оно обозначало краткую и, вместе с тем, структурно проработанную и убедительную презентацию идей, которую использовали для привлечения инвестиций и партнеров. Главная цель - за несколько минут заинтересовать аудиторию, объяснить суть проекта и побудить к встрече или сотрудничеству. Этот формат теперь

становится всё более востребованным и в образовании. Используя его для учебных целей, мы можем изменить процесс обучения, сделать его живым, более интерактивным и практикоориентированным.

Итак, что мы будем понимать под термином "образовательные питч-сессии"? Это такой вид учебной деятельности, в ходе которой учащиеся представляют свои концепции, исследовательские проекты либо альтернативные подходы к решению учебных задач в сжатом и организованном виде. Целевая аудитория представлена другими студентами, преподавателями, специалистами. Главная цель питч-сессии в образовании заключается в демонстрации понимания материала, отработки навыков презентации и получении обратной связи для дальнейшей доработки.

Два главных элемента любой образовательной питч-сессии - это продолжительность и содержание. Типичные презентации длятся от 3 до 5 минут и требуют от выступающего сосредоточиться на наиболее важных моментах и идеях своей презентации. Во-вторых, четко определенная структура. Презентация состоит из нескольких частей, расположенных в определенной последовательности: она начинается с формулировки проблемы, затем следует предложение её решения, раскрываются все ключевые преимущества. Авторы проекта предоставляют информацию о том, для кого это предназначено, а также, если это уместно, мотивируют к определённым шагам - скажем, к обсуждению или подробному дальнейшему изучению. Ключевой элемент питча - живое общение после выступления. Оно заставляет уйти от заученного текста и реально включиться в тему. В результате участник учится не просто говорить, а мыслить аналитически и ставить под сомнение очевидное. Студенты приходят на питч-сессию не только с целью отчитаться. Им нужна живая обратная связь: и похвала, и честная критика. Такие замечания становятся для них точкой опоры: на их основе они дорабатывают проекты, исправляют слабые места и двигаются дальше.

Теперь о том, как питч-сессия влияет на развитие мотивационно-личностной компетенции. Что сюда входит? Внутренний интерес к учёбе, самоанализ, чувство ответственности, инициативность, уверенность в себе, умение себя контролировать. Все эти качества, если разобраться, составляют ту самую базу, без которой ни успешная учёба, ни профессиональная карьера вряд ли сложатся.

Преимущество питч-сессии в том, что, в отличие от обычного семинара, она заставляет студента проявлять инициативу, вникать и отвечать за результат. Приходится многое продумывать, так как выступление публичное и требуется убедить слушателей за короткое

время. Формальный подход уже не работает, и нужные качества начинают проявляться.

Как отмечается в исследованиях по педагогической психологии, «в ситуации временного дефицита и высокой внешней оценки наиболее полно проявляются такие характеристики субъекта деятельности, как внутренняя мотивация, саморегуляция, способность к импровизации» [1, 72]. То есть питч-сессия задаёт именно те условия, в которых студент вынужден проявлять инициативу, брать на себя ответственность и, главное, видеть практическую ценность собственной работы.

Отдельно хочется сказать о влиянии питч-сессии на развитие коммуникативной компетенции. В современной научной литературе под последней понимается способность субъекта выстраивать диалог с учётом социокультурных и ситуативных факторов (Н.И. Гез, И.А. Зимняя, Дж. Равен). Студент учится «держаться перед аудиторией» и реагировать на контраргументы, перестраивать стратегию убеждения, распознавать скрытые запросы слушателей. Как точно сформулировал В. фон Гумбольдт, «язык есть не продукт деятельности, а сама деятельность» [3, 70]. В контексте питч-сессии эта деятельность приобретает особую интенсивность, становясь, по сути, тренингом «живого» профессионального общения.

Подготовка к питчу устроена так, что здесь нужно представить свою идею или проект в выгодном свете, заинтересовать слушателей, получить обратную связь. И всё это, согласитесь, становится внутренним, а не внешним стимулом. Студент начинает видеть: его знания и исследования могут быть кому-то полезны. Понимает, как его работа пригодится другим. В результате пассивное усвоение информации превращается в активный поиск и осмысление. Именно так, на наш взгляд, и рождается подлинная вовлечённость.

Инициативность и ответственность развиваются во многом благодаря самой процедуре подготовки. Студент сам выбирает тему, ищет источники, продумывает решения - и всё это без указаний со стороны. Вообще, ответственность увеличиывается ещё и потому, что выступать приходится не только перед преподавателем. Однокурсники, эксперты - их внимание дисциплинирует иначе.

Процесс подготовки и проведения питч-сессии выступает своего рода «тренировочной площадкой» для развития самосознания и уверенности в себе. Работая над проектом, студентам приходится анализировать свои идеи с точки зрения их жизнеспособности, понятности для других, наличия слабых мест. Этот процесс самоанализа помогает им лучше понять свои преимущества и

недостатки, свои интересы и склонности. Обратная связь в процессе предъявления проекта может быть не всегда положительная, но и критическая. Это помогает участникам скорректировать своё видение, понять, что нужно улучшить в их осмыслении и подаче материала. Особенно стоит сказать о страхе сцены. Он никуда не исчезает, но сам факт публичного выступления, пусть даже далёкого от идеала, работает как лекарство. Каждый состоявшийся питч укрепляет самооценку. Студент убеждается: он способен справиться с этой задачей. Питч-сессия позволяет студенту формировать свой «личный образ», то есть то, как он показывает себя миру. Умение кратко и ёмко изложить мысли, продемонстрировать компетентность и энтузиазм - это, согласитесь, ценные навыки. И не только для будущей карьеры.

Стрессоустойчивость - ещё одно из личностных качеств, которое, на наш взгляд, эффективно развивается посредством питч-сессии. Подготовка к выступлению, особенно если сроки ограничены, требует от студента саморегуляции, умения распределять время, ставить промежуточные задачи и соблюдать собственный график. Без этого, согласитесь, в условиях жёсткого регламента ничего не получится. Успешная презентация проекта перед аудиторией возможна только при условии, если студенты умеют контролировать эмоции, справляться с чрезмерным волнением и концентрироваться на своей задаче. Участие в питче дает им ценный опыт адаптации к быстро меняющимся условиям, развивает умение находить решения в стрессовых ситуациях.

В условиях постоянно меняющейся информации умение проводить качественные исследования выходит на первый план. Питч-сессия здесь не исключение. Подготовка к ней требует от студента не репродукции изученного, а именно глубокого погружения в тему. Говоря о формировании исследовательской компетенции с помощью питча, нельзя не отметить развитие и совершенствование таких навыков, как самостоятельный поиск актуальной информации, ее критический анализ и проектное мышление. Исследовательская деятельность складывается из нескольких вещей. Студент учится формулировать проблему, критически разбирать готовые решения, собирать данные. Как именно собирать? Через опросы, эксперименты, анализ уже имеющихся сведений. В результате он осваивает работу с информацией: выявлять закономерности, делать выводы.

Питч-сессия - это не пересказ фактов, а убеждение. Значит, студенту нужно научиться приводить доводы в пользу своей идеи, подкреплять их данными и логикой. На этапе подготовки участники стараются продумать возможные вопросы слушателей, представить контраргументы и заранее подготовить ответы. Что это даёт?

Способность прогнозировать и мыслить стратегически. Студент сравнивает собственное решение с другими возможными вариантами. Объясняет, почему именно его подход эффективнее, не голословно, а с опорой на аргументы. В результате развиваются способности к сравнительному анализу и принятию обоснованных решений. Формат питч-сессии позволяет выявить слабые стороны проекта, его ограничения. Это, заметим, формирует не просто навык самокритики, а зрелость мышления как таковую. Готовность к объективной оценке возникает не на пустом месте.

В питч-сессии идея часто перерастает в проект. Не просто набросок, а проработанный план. И здесь студент волей-неволей учится планировать, ставить цели, формулировать задачи. Проектное и инновационное мышление оказываются задействованы, не по отдельности, а в связке. Обучение становится другим: глубже, осмысленнее и главное -нацеленным не на абстрактные задачи, а на реальные.

Коммуникативные навыки питч-сессия оттачивает едва ли не в первую очередь. Коммуникативная компетенция - это умение эффективно общаться: ясно выражать мысли, убеждать, слушать собеседника, подстраиваться под разную аудиторию и ситуацию. Успех сегодня во многом зависит от того, насколько человек способен выстраивать отношения и доносить свои идеи. Развитие этих навыков - не роскошь, а необходимость. Питч-сессия даёт для этого уникальную возможность.

Питч-сессия -это, по сути, публичное выступление. В ходе подготовки и самого питча студент учится структурировать речь, выделять ключевые моменты, выстраивать логичные переходы. Одновременно отрабатываются вербальные и невербальные средства общения. Студент управляет голосом, использует жесты - не хаотично, а для выделения важного. Поддерживает зрительный контакт, чтобы усилить воздействие речи и сохранить взаимодействие с аудиторией. Преодоление волнения является тоже частью этой работы. «Ораторская лихорадка» никуда не исчезает, но студент учится с ней справляться: концентрироваться на задаче, выступать уверенно, несмотря на внутреннее напряжение.

Цель питча - не информирование, а убеждение. Форма и содержание выступления подчинены этой задаче. Студент обозначает пользу своей идеи, решаемые проблемы, возможные выгоды. Аргументация строится на фактах, статистике, примерах - и логике, разумеется.

Аудиторию нельзя не учитывать: её интересы и потребности задают параметры выступления. Заинтересованность слушателей, пожалуй, главный критерий успеха. Ориентация на положительный эмоциональный отклик достигается через разнообразные приёмы подачи материала.

Питч-сессия редко заканчивается простым выступлением. Этап вопросов и ответов -неотъемлемая часть процесса. И именно он даёт возможности для развития навыков взаимодействия. Студенты учатся внимательно слушать вопросы, вникать в их суть, правильно истолковывать - даже если те сформулированы не совсем чётко. И, что немаловажно, давать ответы лаконичные и по существу. Участие в питч-сессии оттачивает у студентов навыки ведения дискуссии: конструктивно обсуждать, отстаивать свою точку зрения, быть открытым к другим мнениям и аргументам. Вопросы и комментарии слушателей дают ценную обратную связь. Это важный элемент улучшения своей работы посредством правильного восприятия критики и её анализа .

Во многих случаях питч-сессии проводятся в группах. Это ещё один аспект развития коммуникативных навыков. Студенты получают ценный опыт распределения ответственности, совместной разработки идеи и выступления. Командная работа предполагает постоянный обмен мнениями, согласование позиций и стилей выступления. Всё это - ради создания единого целого. Члены команды учатся поддерживать друг друга во время питча, помогать в случае затруднений. Образовательная питч-сессия - это уникальный формат для развития коммуникативных навыков. Она даёт ценный опыт публичного выступления, развивает способность убеждать, вести диалог, слушать и понимать других. А также - работать в команде. Без этого успешное взаимодействие в любой сфере жизни вряд ли возможно.

Мы убедились, что образовательная питч-сессия меняет процесс обучения: делает его более осмысленным, динамичным, интерактивным, ориентированным на результат. Она комплексно развивает ключевые компетенции студентов, которые соответствуют запросам современного мира. Грамотная организация: тщательная подготовка, конструктивная обратная связь, анализ результатов - открывает новые горизонты для личностного и профессионального роста. Питч-сессия - не форма контроля, а педагогический инструмент, катализатор развития и важный элемент современной образовательной системы.

Список цитируемой литературы:

1. Rensh, M. A., Leontev, M. G., Chernyshev, V. P., et al. Motivation and self-regulation research: Historical background, methodological considerations, and future prospects/ M. A. Rensh, M. G. Leontev, V. P. Chernyshev // Psychology and Education. - 2020. - Vol. 57. - Iss. 1. – P. 70-74.

2. Гез, Н.И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований / Н.И. Гез // Иностранные языки в школе. - 1985. - № 2. - С. 17-24.

3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984.

4. Зимняя, И. А., Мазаева, И. А., Лаптева, М. Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение / под ред. И. А. Зимней. - М.: Аспект-пресс, 2020. - 395 с.

5. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: Выявление, развитие и реализация / пер. с англ. под общ. ред. В.И. Белопольского. - М.: Когито-центр, 2002. - 394 с.

СЕКЦИЯ 5 «ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»

Алихаджиева А.С., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Саратовский филиал, г. Саратов

«ЗЕЛЁНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ», КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация

«Зелёное» финансирование становится всё более популярным в свете повсеместной популяризации экологического образа жизни, развития безотходного производства, новейших технологий, достижения экологического имиджа производителя и в рамках государственной концепции построения экологического государства – это относительно новое явление, которому придаётся существенное значение. Налаживание экономических и экологических связей по замыслу многочисленных проектов, программ, положений, вытекающих из договоров должно осуществляться во исполнении базовых положений национального и международного законодательства, регламентирующего защиту окружающей среды и обеспечивающего эффективную реализацию права каждого на благоприятную окружающую среду. Очень сложно достичь консенсуса между потребностями в природных ресурсах, получении прибыли и сохранением природной системы. Внедрение финансовых инструментов в производственную деятельность, и в целом в повседневную жизнь каждого поможет реанимировать ситуацию в сфере окружающей среды, и достичь неплохих экономических показателей.

Цель работы – охарактеризовать современное состояние «зелёного» финансирования в Российской Федерации, определить его правовые основы и предопределить пути развития данного направления. Автор приходит к выводу о том, что меры, направленные на развитие зелёного стимулирования, предусмотренные действующим законодательством не совершенны, находятся в стадии своего формирования. Для улучшения системы финансового стимулирования необходимо разработать специализированную методику создания финансовых «зелёных» инструментов, оказывать

инвестиционную поддержку экологориентированному производству, поддерживать любые экологические инициативы финансово, дополнительно предоставлять налоговые вычеты при приобретении энергоэффективного оборудования и проч.

Ключевые слова: государство, законодательство, устойчивое развитие, «зелёное» финансирование, зелёные инвестиции.

О создании зелёного финансирования на всех уровнях власти в нашей стране говорят на протяжении нескольких лет. Президент Российской Федерации обозначил амбициозные задачи по созданию рациональной системы экологопользования, указал на целесообразность модернизации отраслей энергетики, строительства, промышленности. Так, на создание к 2030 году в России 400 новых объектов обращения с отходами планируется выделить более 300 млрд. рублей. Зелёные инвестиции должны создать прочную базу для формирования в России экономики замкнутого цикла.

Кроме того, пути экологизации обсуждаются и представителями экономического сектора, и бизнес-сообществом, государственные структуры занимаются поиском компромиссных вариантов безвредной коммуникации экономики и экологии, нынешние реалии вынудили государство актуализировать данный тренд. В сложившихся условиях финансирование экологических мероприятий уже не просто предложение, и даже не инструмент решения накопившихся экологических проблем, а объективная надобность, обязанность, ответственность.

Экологическая повестка должна быть экономически выгодной, а реализация национальных проектов и программ в сфере оздоровления окружающей среды давать положительные результаты, удовлетворяя при этом потребности общества в природных ресурсах и одновременно, оправдывать все затраты, не причиняя ущерба естественным системам. Как отмечает Л.И. Брославский «с технико-экономической точки зрения качество окружающей среды рассматривается исходя из степени полезности каждого природного объекта. Это позволяет определить уровень его качества, который общество в данный момент в состоянии обеспечить с учетом технических возможностей и экономической целесообразности, т.е. соотношения затрат и получаемых выгод»[5, с.13].

Устойчивое финансирование стало частью принятия финансовых решений на уровне государства, равно как и на уровне российского бизнеса. Приоритетные направления, задачи, цели, принципы для обеспечения социальной и экологической устойчивости содержатся в

нормативных правовых документах, принятых Правительством Российской Федерации. Так, к примеру, Постановлением Правительства РФ от 21.09.2021 года № 1587 определены критерии проектов устойчивого (в том числе зелёного) развития в Российской Федерации и требования к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации [2]. Правовые основы развития зелёной экономики, а равно перспективы развития экономических мер воздействия на субъектов экологических отношений предусмотрены абз. «в», «е», «з» п. 17 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [4]. В рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» по направлению «Климатическая повестка» реализовываются мероприятия по созданию и развитию инструмента «зелёного» финансирования, формированию системы ограничения выбросов парниковых газов и реализации климатических проектов [3]. Поддержать рынок зелёного финансирования призван и Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. В проекте федерального бюджета 2025 года и на плановый период 2026 и 2027 годов на «зелёные» цели выделено порядка 803 млрд. рублей. Таким образом, государство формирует условия для создания зелёного финансирования через законодательные основы и концепцию долгосрочного развития, принимает меры стимулирования зелёных инвесторов, мобилизует необходимые ресурсы для поддержания экономических преобразований и сохранения конкурентоспособности.

Стоит отметить, что в России с зелёными инициативами всё больше выступает банковский сектор, готовый способствовать развитию и финансировать экологические проекты. Кроме того, с 2023 года часть средств взимаемого экологического сбора направляется на содействие компаниям и индивидуальным предпринимателям, которые изготавливают продукцию из вторсырья. Сегодня список компаний и производителей известных на территории нашей страны и даже за её пределами активно спонсирующих и поддерживающих экологию значительно вырос. Каждый из них стремится улучшать систему экологического мониторинга, состояние промышленной безопасности, внедрять новые технологии и автоматизированные противоаварийные системы, увеличивать выпуск экологичных товаров, при чём данная продукция максимально безопасна для окружающей среды, применять наилучшие энергосберегающие технологии, инвестировать в

интересные проекты по сокращению отходов и получать прибыль от их переработки либо сдачи.

«Зелёное» финансирование в России стало развиваться значительно позже, чем в других странах, но уже сейчас наша страна выполняет роль координатора по разработке стандартов и национального руководства по «зелёным» финансам и дорожным картам. Оздоровление экологии и поддержка бизнеса – это вопросы, которые обсуждаются на заседании кабинета министров и содержатся в отчётах руководителей экономических, финансовых, кредитных и экологических ведомств. Помощь малому и среднему бизнесу, деятельность которых связана с производством оказывается на федеральном, региональном и местном уровнях и связана с предоставлением налоговой помощи и низкопроцентных кредитов. Кроме того, в целях реализации федеральных программ и проектов со стороны государства предусмотрены иные преференции, направленные на защиту таких секторов экономики, как сельское хозяйство, мусоропереработка, развитие рекреационной ёмкости и т.д.

Экологическое финансирование – это совершенно новый сегмент рынка, поэтому отличается некоторыми недостатками. Обеспечение системной финансовой стабильности в условиях перехода к устойчивому развитию возможно только при консолидации усилий государства и всех участников экологических правоотношений. Не стоит полагать, что только стабильное финансовое развитие гарантирует социальное и экологическое благополучие. При любом раскладе человек возьмёт от природы намного больше нежели отдаст ей взамен. Интенсивный сценарий минимизации экологических рисков, разработанный Правительством Российской Федерации нацелен, как на устойчивую экономику в санкционном режиме, так и на устойчивую экологию. При этом, стоит помнить, что современные геополитические и глобализационные процессы, происходящие во всём мире, могут отрицательно повлиять на ход событий и воспрепятствовать развитию рынка константного «зелёного» финансирования, а равно ухудшить экономические показатели. Для страхования всевозможных рисков необходимо создать и эффективно развивать систему так называемых экологических финансовых инструментов, как-то: зелёные, социальные облигации устойчивого развития, эколого-социальные кредиты, и в целом, поддерживать экологическое корпоративное управление, создавать новые «зелёные» отрасли, способствующие обеспечению устойчивого экономического роста. Только посредством проведения грамотной политики реализации «зелёного» финансирования можно достигнуть целей

стабильного экономического и технологического развития. Данное направление жизненно важно для государства, у которого в приоритете защита права каждого на здоровую окружающую среду. Вложения в зелёную инфраструктуру городов, использование экологического транспорта, инвестиции в развитие возобновляемых энергоисточников, расширение спектра экологических услуг, борьба с изменением климата, финансирование проектов по сохранению биологического разнообразия, водных объектов и растительного мира – это самый незначительный перечень мероприятий, который охватывает понятие эколого-экономическое устойчивое состояние.

Перспективы развития «зелёного» финансирования в России видятся в следующем, целесообразно: расширять перечень природоохранных инициатив с помощью льготного финансирования, льготной ипотеки, снижения тарифных ставок; предусмотреть на законодательном уровне потенциальные риски и угрозы, препятствующие развитию зелёной экономики; сформулировать определение и критерии информации об использовании финансовых средств, направленных на экологическое оздоровление, природоохранные мероприятия (прозрачность сведений, и форм отчётности, оценка результатов деятельности, ответственность); разработать методику привлечения инвесторов (бизнес-идеи, расчёты,оценка рисков, использование краудфандинга); внедрять новейшие экологически чистые финансовые инструменты, учитывая положительный зарубежный опыт природоохранительного финансирования.

Резюмируя изложенное выше, хотелось отметить, зелёный рост экономики в состоянии обеспечить любое государство, даже если оно находится в самом затруднительном экономическом положении. Желание финансировать природу, забирая от неё самое ценное, безусловно принесёт свои плоды. Устойчивое развитие – это состояние в котором заинтересовано как государство, так и все члены общества. Рациональная экономика и экология возможны при условии их объединения и создания «добровольного союза». Такое единение предполагает, что компании и предприятия действуют в целях прибыли, но и сокращают антропогенную нагрузку, компенсируют экологический вред. Государство со своей стороны обеспечивает материальную поддержку, стимулирует, мотивирует, координирует усилия всех заинтересованных сторон в экономически выгодном и экологически устойчивом будущем.

Список цитируемой литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
2. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 года № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6818; 2024. № 1. Ст. 274.
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 года № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // СЗ РФ. 2014. № 18. Ст. 2162; 2025. № 18. Ст. 2253.
4. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Президентом РФ 30.04.2012 // Документ опубликован не был. СПСКонсультант (дата обращения: 22.05.2025).
5. Брославский, Л.И. Благоприятная окружающая среда как правовая категория // Экологическое право. – 2021. – № 2. – С. 11 – 17.

Барашков С.А.[1] канд. пед наук, доцент
Панина Н.Г.[2] канд. мед наук
Володина И.А.[3]
[2, 3] – Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград
[1] – Волгоградский государственный институт искусств и культуры, г. Волгоград

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы экологической культуры и её роль в устойчивом развитии общества. Раскрываются задачи экологического воспитания, пути и механизмы формирования экологической ответственности. Подчёркивается значение образования, просвещения и государственной политики в развитии

экологического сознания как необходимого условия для гармонии человека и природы.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическое воспитание, устойчивое развитие, экологическое образование, эко просвещение, экологическая ответственность, зеленая экономика, природоохранное поведение, экология общества, экологическая политика

В условиях усиливающегося экологического кризиса, вызванного глобальным потеплением, загрязнением окружающей среды и нарушением экологического равновесия, вопросы экологической безопасности и её развития выходят на первый план на международной, государственной и региональной аренах. Одной из ключевых задач современности становится формирование ответственного отношения человека к окружающей среде, что невозможно без целенаправленного экологического образования и развития экологической культуры общества.

Цель данной статьи — проанализировать значимость экологического образования в развитии экологической культуры как важнейшего условия устойчивого и гармоничного развития общества. Задачи исследования включают: рассмотрение теоретических основ понятий «экологическое образование» и «экологическая культура»; анализ взаимосвязи между уровнем экологического сознания населения и социальным прогрессом; определение ключевых барьеров и механизмов эффективного экологического просвещения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью перехода от декларативной экологической риторики к практическому внедрению экологических норм в повседневную жизнь, образование, производство и политику. Без внутренне принятой и осмысленной экологической культуры невозможен устойчивый путь развития, при котором удовлетворяются потребности настоящего поколения без ущерба для будущего.

Понятие экологической культуры является междисциплинарным и охватывает философские, педагогические, социологические и экологические аспекты. Так, в научной литературе экологическая культура рассматривается как форма проявления культуры в системе отношений человека с природой, основанная на понимании её ценности, умении взаимодействовать с ней без нанесения вреда и стремлении к гармонии с окружающей средой.

Исследователи выделяют в структуре экологической культуры следующие ключевые компоненты: экологическое сознание –

осознание значения природы для жизни человека, понимание последствий хозяйственной деятельности; экологические ценности – внутренние установки, формирующие ответственное отношение к природе (бережное потребление ресурсов, минимизация отходов, участие в природоохранных акциях); экологическое поведение – реальные действия и образ жизни, направленные на сохранение окружающей среды.

Первые идеи экологической ответственности можно обнаружить ещё в античной философии (например, у стоиков и Платона), где подчёркивалась гармония между природой и человеком. В XX веке экологическая культура становится самостоятельным направлением в науке, особенно после осознания масштабов экологического кризиса (после 1960-х годов) и предметом отдельного изучения. Советский учёный В.И. Вернадский ввёл понятие ноосферы - по словам ученого, это «область жизни(биосфера), управляемая коллективным разумом человечества» [5, с. 2-3]. Его идеи легли в основу концепции устойчивого развития, закреплённой в международных экологических документах.

Экологическое воспитание представляет собой организованный педагогический процесс, направленный на формирование у личности экологического сознания, ценностного отношения к природе и готовности к экологически ответственному поведению. Это целенаправленная деятельность, способствующая развитию у человека способности видеть и понимать экологические взаимосвязи в природе и обществе, а также активно участвовать в охране окружающей среды. Так, кандидат педагогических наук Маркова Т.А. утверждает, что «экологическая воспитанность выражается в гуманно-ценностном отношении ребенка к природе как качественном преобразовании освоенных им экологических представлений, умений осуществления деятельности в природе, отношения к ней» [3, с. 123].

Основные задачи экологического воспитания включают формирование экологического мировоззрения, которое представляет собой систему взглядов, направленных на бережное отношение к окружающей среде и принципов, тесно связанных с экологической культурой. Важными аспектами являются воспитание чувства личной ответственности за состояние окружающей среды, развитие навыков экологически грамотного поведения и стимулирование активности в решении экологических проблем на личном и общественном уровнях.

Экологическое воспитание должно быть непрерывным и поэтапным, охватывая все стадии социализации личности. Основные этапы, которые необходимо учитывать:

● семья – это первый и важнейший этап, где закладываются базовые привычки: бережное отношение к природе, экономное потребление и соблюдение чистоты;

● дошкольные учреждения и школы – здесь формируются начальные знания об экосистемах, связи человека с природой, учат наблюдательности, ответственности и заботе о живом;

● среднее и высшее образование – углубляют экологические знания, развивают критическое мышление и способность к принятию экологически оправданных решений;

● неформальное воспитание – включает деятельность в рамках волонтерства, экологических движений, участия в акциях и проектах.

Одним из эффективных направлений является интеграция экологического компонента в различные дисциплины. Например, в курсе географии можно изучать климатические изменения; в химии – анализировать загрязняющие вещества и их воздействие; в литературе – осмысливать образы природы и её разрушения.

Также широко применяются интерактивные формы экологического воспитания, такие как экологические квесты, природоохранительные акции (субботники, посадка деревьев), проекты в рамках школьных и студенческих инициатив или участие в международных программах, например, «Зелёная школа». На официальном сайте «Зеленой школы» рассказывается о проекте, как об «интерактивных курсах для учеников 1-11 классов. Они дадут знания на всю жизнь: чем мусор отличается от отходов, что нужно делать, чтобы они превращались во что-то полезное, и как жить, чтобы не загрязнять планету» [1].

Особую роль в экологическом воспитании играет педагог, который должен обладать высоким уровнем экологической культуры, быть примером экологически ответственного поведения и уметь вдохновлять обучающихся. Например, в России существуют успешные практики экологического воспитания: проект «Экокласс» – онлайн-платформа для учителей, включающая интерактивные уроки и методические материалы [6]; движение «РазДельный Сбор» – просветительская и волонтёрская деятельность по распространению культуры раздельного сбора отходов [4].

Современное общество находится на этапе, когда экологические вызовы напрямую угрожают его устойчивому развитию. В этих условиях экологическая культура становится не просто нравственным ориентиром, а необходимым условием сохранения жизнеспособности человечества. Устойчивое развитие предполагает сбалансированное взаимодействие трёх составляющих: экономической, социальной и

экологической. Экологическая культура выступает связующим звеном между ними, так как именно она формирует экологически ориентированное потребление и производство, ответственное поведение населения и экологическое мышление в управлении.

Одним из ключевых путей интеграции экологической культуры в процесс устойчивого развития является экологическое образование и просвещение. В стратегических документах ЮНЕСКО подчёркивается важность формирования у всех граждан знаний, умений и ценностей, необходимых для устойчивого образа жизни. В частности, Программа ЮНЕСКО по образованию в интересах устойчивого развития (ESD for 2030) подчёркивает необходимость подготовки «экологически грамотного гражданина». В России принята Концепция непрерывного экологического образования, в которой утверждается, что устойчивое развитие невозможно без глубокой трансформации образовательной политики, ориентированной на воспитание экологической ответственности и критического мышления [2].

Экологическая культура оказывает влияние не только на повседневное поведение людей, но и на социальную справедливость, так как экологические привычки, доступ к чистым ресурсам и устойчивым технологиям должны быть доступны каждому. Это требует включения экологического просвещения в программы социальной поддержки, работы с уязвимыми группами населения, развития инфраструктуры (например, системы раздельного сбора отходов) и стимулирования зелёного предпринимательства.

Формирование экологической культуры требует системного подхода и опоры на множество взаимосвязанных механизмов, охватывающих сферу образования, социального взаимодействия, государственной политики и личной ответственности. Наиболее эффективным и устойчивым путём формирования экологической культуры является непрерывное экологическое образование. Оно должно охватывать дошкольный уровень – через игры, наблюдения за природой, сказки о животных и растениях; школу – с внедрением экологического компонента во все предметы, проведением тематических мероприятий, экскурсионной деятельности; высшее образование – через экологизацию содержания профессиональных программ, независимо от профиля подготовки; дополнительное и неформальное образование – кружки, экологические клубы, массовые акции, конкурсы.

Средства массовой информации, интернет-платформы, блогосфера и социальные сети оказывают мощное влияние на формирование общественного мнения. Поэтому важно развивать

экологическое просвещение через медиа – программы, документальные фильмы, социальную рекламу; поддерживать и продвигать экологические инициативы граждан, благотворительные и добровольческие проекты; вовлекать людей в социально-экологические движения (субботники, акции по посадке деревьев, раздельный сбор мусора и др.).

Государство играет ключевую роль в создании условий для формирования экологической культуры. Основные обязанности государства для поддержания экологического настроения населения и развития экологической культуры включают принятие нормативных актов, стимулирующих экологическое просвещение, финансовую поддержку экологических проектов, внедрение «зелёных стандартов» в строительстве, транспорте, энергетике, а также развитие инфраструктуры для экологичного поведения (пункты приёма вторсырья, чистый общественный транспорт и др.).

Также нельзя забывать про индивидуальный подход к формированию экологичного образа жизни, ведь любое глобальное изменение всегда зависит от каждого человека, прикладывающего руку к улучшению экологической ситуации в мире. Такие привычки, как экономия воды и энергии, осознанное потребление, участие в экологических мероприятиях и воспитание детей в духе уважения к природе значительно повлияют на подрастающее поколение и на нынешнее. Вследствие правильного воспитания и формирования привычек такое поведение войдет в норму, следовательно, изменения распространятся на более глобальные масштабы.

Таким образом, экологическая культура – это неотъемлемая часть общего культурного развития личности и важнейшее условие устойчивого развития общества. Она отражает уровень осознания человеком своей ответственности перед природой, понимания взаимосвязей в экосистемах и готовности к действиям, направленным на сохранение окружающей среды. Формирование этой культуры требует системного подхода, начиная с раннего возраста и охватывая все сферы общественной жизни. По огромному множеству причин проблема экологического кризиса комплексна и требует серьезного и глубокого анализа, а также тщательной проработки для улучшения ситуации в мире.

Список цитируемой литературы:

1. Зеленая школа ППК РЭО / ППК «Российский экологический оператор» – от 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://school.reo.ru/

2. Концепция экологического образования в системе общего образования / Банк документов – Минпросвещения России [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/3da3f2dbd81de632a44729cf4fc40ea9/

3. Маркова, Т.А. Педагогические условия формирования экологической воспитанности детей старшего дошкольного возраста / Т. А. Маркова. – 1999 – с. 123.

4. РазДельный Сбор – экологическое движение / Фонд президентских грантов. – от 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rsbor.ru/

5. Шепелёв, В. В. НООСФЕРА ВЕРНАДСКОГО / В. В. Шепелёв. Наука и техника в Якутии №1 (24). – 2013. – с. 2-3.

6. Экокласс – общероссийские и международные просветительские уроки/ МЭОО «ЭКА», 2017 – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://экокласс.рф/

Белоусов И.В., магистрант 2 курс
ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", УРГЭУ, г. Екатеринбург

УСИЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЕМЬИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

В статье представлен анализ влияния семьи как ключевого института на формирование личности ребенка. Рассмотрены теоретические подходы к личностному развитию в контексте семейного воспитания, выявлены основные аспекты влияния семьи на эмоциональное, социальное и когнитивное развитие ребенка. Определены ключевые факторы семейного влияния. Проанализированы как положительные, так и отрицательные аспекты влияния семьи на личность ребенка. Сформулированы рекомендации по оптимизации семейного воспитания для гармоничного развития личности ребенка.

Ключевые слова: семья; ребенок; личность; развитие; воспитание; социализация; родители; психологический климат; детско-родительские отношения; семейное воспитание.

Роль семьи в формировании личности ребенка невозможно переоценить. Семья выступает первичным и основным институтом социализации, в рамках которого закладываются фундаментальные основы личности, мировоззрение, ценности и поведенческие модели. Актуальность изучения значения семьи при формировании личности ребенка обусловлена трансформациями института семьи в последние десятилетия, изменением семейных ценностей и моделей воспитания, а также растущим пониманием важности гармоничного развития личности для будущего благополучия ребенка и его успешной интеграции в общество.

Понятие личности в психолого-педагогической науке рассматривается как интегративное образование, включающее совокупность социально значимых качеств, приобретенных индивидом в процессе социализации. Формирование личности происходит постепенно и проходит через ряд возрастных этапов, каждый из которых характеризуется специфическими задачами развития.

В современной науке существует несколько теоретических подходов к пониманию развития личности ребенка. Согласно психоаналитической теории З. Фрейда и Э. Эриксона, развитие личности связано с прохождением определенных стадий психосексуального и психосоциального развития. При этом особое значение придается раннему опыту семейного общения. Так, Э. Эриксон выделяет восемь стадий психосоциального развития, на каждой из которых человек испытывает специфический кризис, разрешение которого зависит от характера взаимоотношений с ближайшим окружением, прежде всего – с семьей [1, с. 86].

Эмоциональное развитие ребенка во многом определяется характером его взаимоотношений с родителями. Позитивные детско-родительские отношения, характеризующиеся высоким уровнем вербального общения, включенностью детей в обсуждение семейных проблем, готовностью родителей прийти на помощь, верой в успех самостоятельной деятельности ребенка, создают благоприятные условия для формирования эмоционально устойчивой, уверенной в себе личности.

Социальное развитие ребенка в семье связано с усвоением норм поведения, формированием навыков общения, ценностей и установок. В семье ребенок усваивает основные социальные роли, учится взаимодействовать с другими людьми, разрешать конфликты, сотрудничать. Правильный эмоциональный контакт между детьми и родителями, доверительные отношения, взаимное уважение, ненавязчивая демонстрация детям своих умений и навыков

способствуют формированию у молодого поколения оптимального стиля общения с окружающими и положительных отношений в целом.

Когнитивное развитие ребенка в семье осуществляется через создание стимулирующей познавательной среды, поддержку исследовательской активности, развитие любознательности и интеллектуальных интересов. Родители, передавая ребёнку определённые знания, организуя его жизнь и деятельность, развивают его психику, формируют его способности. Особое значение имеют такие формы взаимодействия родителей с детьми, как совместное чтение, обсуждение прочитанного, познавательные игры, совместные исследовательские проекты.

Формирование самооценки и самоотношения ребенка также во многом зависит от семейного воспитания [4, с. 27]. Формирование адекватной самооценки во многом зависит от отношений ребенка с родителями. В процессе положительного взаимодействия ребенка с родителями формируется адекватное оценочное отношение к себе, к своим поступкам. Родители, которые проявляют уважение к личности ребенка, признают его право на самостоятельность, поддерживают его инициативу, адекватно оценивают его достижения, способствуют формированию позитивной, но реалистичной самооценки.

Структура семьи оказывает значительное влияние на формирование личности ребенка. Дети, растущие в полных семьях, имеют возможность усваивать модели женского и мужского поведения, взаимоотношений между полами, получают более разнообразный социальный опыт [5, с. 321]. Отсутствие одного из родителей, как показывают исследования, может затруднять процесс гендерной идентификации, формирования адекватных представлений о семейных ролях. Однако следует отметить, что более важным для развития личности ребенка является не столько структура семьи, сколько качество взаимоотношений между членами семьи, эмоциональный климат, характер детско-родительских отношений.

Социально-экономический статус семьи и уровень образования родителей также оказывают влияние на формирование личности ребенка [3]. Исследования показывают, что дети из семей с высоким социально-экономическим статусом и высоким уровнем образования родителей имеют более широкие возможности для развития, доступ к качественному образованию, разнообразным культурным и развивающим мероприятиям. Однако эмоциональная поддержка, любовь, внимание к ребенку, адекватный стиль воспитания могут в значительной степени компенсировать недостаток материальных ресурсов.

Положительное влияние семьи на формирование личности ребенка проявляется в создании атмосферы любви, принятия, поддержки, уважения. В такой среде у ребенка формируется базовое доверие к миру, уверенность в себе, позитивная самооценка, эмоциональная устойчивость, социальная компетентность. Дети, выросшие в семьях с благоприятным психологическим климатом, демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия, лучшую адаптацию к школе, более успешную социализацию.

Отрицательное влияние семьи может проявляться в разных формах: гиперопека, подавляющая самостоятельность и инициативу ребенка; агрессия, порождающая страх, тревожность, агрессивность; эмоциональная холодность, приводящая к эмоциональной неустойчивости, трудностям в установлении близких отношений; отсутствие поддержки, снижающее самооценку и уверенность в себе; конфликтные отношения, нарушающие чувство безопасности и доверия к миру.

Неблагополучная семейная среда может приводить к серьезным нарушениям в развитии личности ребенка [2, с. 891]. При воспитании молодежи родители часто не учитывают реальные потребности своих детей. В условиях эмоциональной депривации стили семейного воспитания оказывают значительное влияние на склонность и возникновение делинквентного поведения несовершеннолетних. Делинквентное поведение несовершеннолетних в первую очередь связано с патологическими семейными условиями и неконструктивными стилями воспитания, которые представляют собой условия почти постоянной депривации.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что семья играет ключевую роль в формировании личности ребенка. Именно в семье закладываются основы эмоционального, социального и когнитивного развития, формируются базовые ценности, модели поведения, представления о себе и окружающем мире. Воспитание в семье оказывает первостепенное влияние на развитие самосознания ребенка, а в будущем на его успеваемость, нравственный облик, эмоциональное развитие, активность, будущую жизненную позицию и развитие в целом.

Основными факторами семейного влияния на личность ребенка являются: структура семьи, характер внутрисемейных отношений, эмоциональный климат, стиль воспитания, семейные традиции, социально-экономический статус семьи. При этом наибольшее значение имеет качество детско-родительских отношений,

эмоциональная атмосфера в семье, адекватность воспитательных воздействий.

Для эффективного развития ребенка в семье рекомендуется: создание позитивной атмосферы в семье; установление демократического стиля воспитания, основанного на уважении к личности ребенка, поддержке его инициативы, разумной требовательности; развитие семейных традиций, способствующих укреплению семейных связей, передаче культурного опыта; обеспечение сотрудничества семьи и образовательных учреждений; помощь детям в критическом осмыслении медиаконтента.

Список цитируемой литературы:

1. Закирьянова И. А. Проблема этнокультурной идентичности в теории психосоциального развития Э. Эриксона // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №. 66-1. – С. 86-89.

2. Комкова А. Р., Крапивина И. В. КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕВОЖНО-ФОБИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У СИРОТ // Вестник науки. – 2025. – Т. 2. – №. 1 (82). – С. 891-898.

3. Котомина О. В., Сажина А. И. Влияние семейных факторов на академическую успеваемость обучающихся // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – Т. 1. – №. 1.

4. Купченко В. Е. ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА САМООТНОШЕНИЕ РЕБЕНКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2025. – №. 1. – С. 26-36.

5. Шевченко И. О. Авторитет отца в современной российской семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2012. – №. 2 (82). – С. 321-343.

Биткина И.К., канд экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Волгоградский институту правления - филиал, г. Волгоград

ФИНАНСОВАЯ СЛУЖБА ОРГАНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТКИ ESG: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД

Аннотация

Представленная статья содержит рекомендации по развитию финансовой службы организации, функционирующей на принципах устойчивого развития в рамках «зеленой экономики». Показаны этапы эволюции и особенности структуры финансовой службы организации при классической, неоклассической парадигм менеджмента, а также концепции устойчивого развития. Цель настоящей статьи состоит в разработке модели финансовой службы организации, функционирующей на принципах ESG-экономики.

Ключевые слова: финансовая служба организации; архитектура финансовой службы организации; парадигма устойчивого развития организации.

Ключевым элементом экономической системы являются предприятия. Экономические решения, принимаемые на уровне хозяйствующих субъектов данного типа, во многом реализуются финансовой службы организации [1,2, 3, 4, 5]. Одновременно выступая элементом финансового и организационного механизма, финансовая служба организации функционирует в рамках доминирующей управленческой парадигмы.

На данный момент представляется целесообразным выделить следующие этапы эволюции парадигмы управленческой науки, оказавшие влияние на подходы к формированию структуры финансовой службы хозяйствующих субъектов:

1. Классическая школа менеджмента, основная на жесткой иерархии, стандартизацию хозяйственных процедур, формализацию управления посредством чёткого определения должностных обязанностей и ответственности работников, выделение функций менеджмента организации, непрерывность производственного процесса, разработанную систему мотивации персонала, включающую системы как поощрения, так и наказания.

Данные особенности оказали влияние на типовую структуру финансовой службы организаций. В основе данной структуры лежит жесткая централизация принимаемых решений, выделение

структурных подразделений исключительно на функциональных принципах, формализованный характер взаимодействия между отдельными подразделениями. Как следствие, данный тип финансовой службы характеризовался относительно низкой адаптивностью к внешним условиям. Основным критерием эффективности в данной модели финансовой службы организации являлось повышение прибыли организации.

Отметим, что, несмотря на последующие этапы эволюции, данный тип функционального разделения в рамках финансовой службы организации используется на предприятиях.

2. Школа человеческих отношений (неоклассическая концепция менеджмента). Для данных концепции характерна ориентация на межличностное взаимодействие между сотрудниками, неформальные отношения и связи, гибкость в системы мотивации с ориентацией на позитивные инструменты мотивации, вовлечение работников в процесс принятия решения и децентрализацию управления. В тоже время повысилась значимость ответственности как каждого отдельного подразделения, так и работника. Это привело к появлению новой модели финансовой службы, основанной на центрах финансовой ответственности, в основе которых лежит не только функциональное разделение между подразделениями, но и оценки возможности влияния данных подразделений на финансовые результаты компании.

К основному показателю эффективности здесь может выступать рост удовлетворённости потребителей и прочих стейкхолдеров организации.

3. Концепция устойчивого развития и ответственного бизнеса - «зеленая экономика». Теоретические основы данной концепции возникли в 1972 году в рамках исследования «Пределы роста», в которой были показаны пределы ответственности отдельных сотрудников и подразделений. Практическое распространение данная концепция получила в 90-е годы 20 века. В данный период были разработаны цели устойчивого развития, которые в обобщенном варианте в 2004 году привели к появлению термина “Environmental, Social, and Governance”. Институционализация принципов устойчивого развития и ответственного бизнеса привела к появлению нового этапа управленческой науки и возникновению нового типа архитектуры финансовой службы организации. В качестве критерия эффективности при данной модели финансовой службы может выступать повышение качества продукции.

В рамках настоящего исследования большее внимание будет уделено заключительному этапу, связанному с внедрением принципов

ответственного инвестирования, либо ESG-принципов. Необходимость их более подобного исследования связана как с относительной новизной и практической значимостью для современных организаций, так и с неполной изученностью аспектов, применительно к структуре финансовой службы организации, применяющей данные принципы. В частности, пока не существует единых требований к структуре финансовой службы организации, применяющей в своей деятельности принципы Концепция устойчивого развития и ответственного бизнеса.

Исходя из вышеизложенного, цель настоящей статьи состоит в разработке модели финансовой службы организации, функционирующей на принципах ESG – экономики. Основная проблематика исследования состоит в представлении архитектуры финансовой службы организации, функционирующей на принципах ESG – экономики.

Представляется целесообразным включение в структуру финансовой службы организации, функционирующей на принципах ESG – экономики, следующих подразделени1:

1) отдел по раскрытию нефинансовой информации;

2) отдел по составлению нефинансовой отчётности;

3) отдел управленческого учета;

4) отдел по внедрению инноваций и повышения качеств работы организации;

5) отдел по взаимодействию со стейкхолдерами организации;

6) проектный отдел.

Представленный финансовый отдел может находиться как в непосредственном подчинении руководителю организации, так и относится к подразделениям, внедряющим принципы устойчивого развития в деятельность хозяйствующего субъекта. Предполагается, что с течением времени представленные подразделения могут функционировать на принципах ЦФО.

Основные отличия представленной структуры финансовой службы состоят в том, что она в лучше степени ориентирована на выполнение функций хозяйствующего субъекта в условиях «зеленой» экономики.

Список цитируемой литературы:

1. Аренков И.А., Смирнов С.А., Шарафутдинов Д.Р., Ябурова Д.В. Трансформация системы управления предприятием при переходе к цифровой экономике // Российское предпринимательство. — 2018. — Т. 19. — № 5. — С. 1711–1722.

2. Благов Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции / Ю. Е. Благов; Высшая школа менеджмента СПбГУ. — СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2010. 272 с.

3. Морозова И. А., Сметанина А. И., Сметанин А. С. ESG-менеджмент качества: роль цифровой трансформации бизнеса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2023. – №4. – С. 530–555.

4. Тен Д. Е., Покушалов А. В. ESG критерии в инвестировании: мировые тенденции и перспективы развития российского рынка «социально ответственных» инвестиций// Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 7. – С. 44–49.

5. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стешенко В.И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, фактор влияния и модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36. – № 3. – С. 390–420.

Бородина П.О., магистрант
Уварова Л.А., канд. экон. наук, ассистент
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева», г. Самара

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация

В статье изучается особая роль российских университетов в реализации целей устойчивого развития России. Подробно анализируются образовательные, научные, инновационные и социальные направления деятельности вузов, приведены конкретные примеры успешных практик и предложены пути дальнейшего усиления вклада высшего образования в устойчивое развитие страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие, университеты, высшее образование, экология, инновации, социальная ответственность, Россия.

В современном мире устойчивое развитие стало приоритетом международной повестки. Для России, обладающей обширными природными ресурсами и сложной социальной структурой, вопросы устойчивого развития имеют принципиальное значение [1]. Неотъемлемой частью разработки и реализации принципов устойчивости социально-экономического развития страны являются университеты, которые формируют не только профессиональные компетенции будущих специалистов, но и их мировоззрение, ориентированное на ответственное отношение к природе, ресурсам и

обществу. Высшие учебные заведения становятся теми центрами, где рождаются передовые научные идеи, разрабатываются практические экологические и социальные решения, ведется активная просветительская и воспитательная работа.

Одним из главных направлений деятельности университетов является подготовка кадров для зеленой экономики и устойчивого управления. Во многих университетах открываются новые образовательные программы, посвященные вопросам экологии, энергетики, климатологии, устойчивого строительства и управления природными ресурсами [4]. Так, в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова создан Центр устойчивого развития, где предлагаются межфакультетские курсы, объединяющие знания из разных областей. В Высшей школе экономики разработаны программы по экологическому аудиту и корпоративной социальной ответственности, которые востребованы как среди студентов, так и среди представителей бизнеса.

Университетская наука играет ключевую роль в решении экологических задач, стоящих перед Россией. Исследования охватывают самые разные сферы: от разработки эффективных систем очистки воды и воздуха до создания новых энергоэффективных материалов и технологий переработки отходов. Например, в Уральском федеральном университете ведутся исследования в области снижения выбросов промышленности, а в Санкт-Петербургском государственном университете — в области устойчивого городского планирования и транспортных систем. Данные научные разработки не только повышают уровень фундаментальных знаний, но и находят применение в практической деятельности, что делает университеты важнейшими центрами инновационного развития [2].

Как было отмечено ранее, российские университеты играют активную роль в реализации принципов устойчивого развития, внедряя практические меры по улучшению экологической обстановки, повышению социальной ответственности и участию в международных научных проектах.

В сфере экологической деятельности вузы сосредоточены на создании «зеленой» инфраструктуры путем внедрения инноваций для снижения выбросов углерода и формировании у студентов и сотрудников экологически ответственного поведения [3]. Примерами таких инициатив являются, например, внедрение систем повторного использования воды в Дальневосточном федеральном университете. Цель данного проекта — оптимизировать применение воды,

направляемой на повторное использование с учетом экологических и санитарно-гигиенических требований.

Важное значение имеют решения, направленные на взаимодействие с местными сообществами. Данные сообщества выступают ключевым звеном в достижении устойчивого территориального развития, поскольку именно через расширение их возможностей в управлении территориями увеличивается вероятность достижения социальной справедливости и экологической устойчивости. Эффективное взаимодействие позволяет формировать и реализовывать долгосрочные стратегии устойчивого развития, учитывающие специфику региона и способствующие развитию человеческого потенциала на местах. Так, Казанский федеральный университет, на своей базе, проводит экологические школы для школьников, открытые лекции и мастер-классы для жителей города. Сибирский федеральный университет сотрудничает с промышленными предприятиями, помогая им внедрять экологические стандарты. Данные инициативы демонстрируют потенциал университетов как драйверов социальных изменений в регионах, федеральных округах и стране.

Немаловажным направлением в деятельности современных университетов, как центров достижения целей устойчивого развития, является их активное участие в международных исследовательских сетях, консорциумах и программах академической мобильности, что в свою очередь, способствует обмену передовыми практиками и внесению собственного вклада в глобальные исследования [5]. Ключевым примером из российской практики является МГИМО. Университет сотрудничает с европейскими и азиатскими вузами по программам устойчивого управления. Международное сотрудничество позволяет образовательному учреждению интегрироваться в мировое научное сообщество и усилить свою роль в решении глобальных проблем.

Для наглядного представления данных ниже приведена сравнительная таблица, обобщающая основные направления деятельности нескольких ведущих российских университетов (таблица 1).

Таблица 1

Основные направления деятельности ведущих российских университетов

Университет	**Образование**	**Наука и технологии**	**Социальные проекты**
Московский государственный университет	Центр устойчивого развития	Исследования по снижению углеродного следа	Образовательные программы для школьников

Университет	Образование	Наука и технологии	Социальные проекты
Уральский федеральный университет	Программы по зеленой экономике	Разработка технологий очистки выбросов	Сотрудничество с промышленностью
Санкт-Петербургский государственный университет	Курсы по урбанистике и экологии	Проекты в области устойчивого города	Лекции и мастер-классы для жителей
Дальневосточный федеральный университет	Экологический мониторинг	Внедрение солнечных панелей. Системы повторного использования воды	Волонтерские проекты
МГИМО	Международные магистерские программы	Исследования в области устойчивого управления	Международные проекты

Наряду с этим, несмотря на активное развитие, университеты сталкиваются с рядом проблем, среди которых недостаточное финансирование, нехватка высококвалифицированных специалистов, слабое взаимодействие между вузами и бизнесом, а также недостаточная осведомленность населения о значении устойчивого развития. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку, развитие партнерств, а также создание единой системы оценки эффективности университетских инициатив.

Российские университеты вносят весомый вклад в достижение целей устойчивого развития, охватывая образовательные, научные, технологические и социальные аспекты. Их значение для России невозможно переоценить, поскольку они формируют не только интеллектуальный и профессиональный капитал, но и гражданскую ответственность молодежи, необходимую для построения справедливого и устойчивого общества [1]. В условиях глобальных экологических и экономических вызовов университеты становятся центрами формирования национальной стратегии развития, способными объединить усилия государства, бизнеса и общества.

Для дальнейшего развития и укрепления одной из ведущих ролей университетов в стратегии устойчивого развития страны необходимо:

– создать государственные программы долгосрочной поддержки университетских инициатив в сфере устойчивого развития;

– стимулировать интеграцию университетов в международные исследовательские и образовательные сети;

– развивать межвузовское сотрудничество внутри страны для обмена опытом и лучшими практиками;

– увеличить финансирование научных и образовательных программ, направленных на решение экологических и социальных задач;

– активнее вовлекать студентов в прикладные проекты, чтобы формировать у них навыки лидерства и ответственности за будущее страны.

В заключение отметим, что только в случае комплексного подхода российские университеты смогут реализовать свой огромный потенциал и внести решающий вклад в достижение целей устойчивого развития на национальном и международном уровнях. Положительные изменения в обществе, науке, производстве и управлении возможны только при систематическом участии всех вовлеченных сторон в вопросах формирования программ, инициатив, проектов, стратегий по формированию устойчивости для гармоничного развития личности и социально-экономического развития России.

Список цитируемой литературы:

1. Грачев А.В. Устойчивое развитие: теория и практика. – М.: Академический проект, 2020.

2. Зайцева И.Н. Экологическая модернизация: современные подходы. – СПб.: Питер, 2019.

3. Петрова Л.С. Социальное партнерство в образовании. – Казань: Центр инновационных технологий, 2021.

4. Сидоров В.Ю., Иванова Т.А. Зеленые университеты: опыт и перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2022.

5. Смирнова Е.К. Международное сотрудничество в сфере устойчивого развития. – М.: Наука, 2023.

Горст Н.А., аспирант
Научный руководитель - Круглов В. Н.
д.э.н., профессор кафедры делового администрирования и рыночной аналитики
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Калужский филиал), г. Калуга

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ЗАЛОГ ЭКОЛОГИЧНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье затрагиваются вопросы законодательного обеспечения процессов в сфере образования. Даётся сравнительный анализ с аналогами зарубежных систем. Разрабатывается алгоритм экологизации социального уровня в данном направлении.

Ключевые слова: экологичность; социальная среда; образование; права ребёнка; гражданская ответственность; совершенствование законодательства.

Образовательная услуга, если рассматривать ее в базисной составляющей, отличается от других видов услуг особой социальной ценностью [1].

По мнению законодателя, принятые изменения позволили исключить неоднозначность в толковании законодательства Российской Федерации, в части предъявления требований к понятию «государственная и муниципальная услуга в сфере образования», как услуги, обозначенной гражданским законодательством.

Некоторые авторы склоняются к мнению, что в эту «цепочку» добавляются и законные представителя обучающегося. И, весь этот процесс не является услугой, ни коммерческой, ни социальной, как его изначально определил законодатель. Дополнительно необходимо отметить, что ни «дети», ни «преподаватели», по мнению законодателя, не подпадают под категорию «заказчик» и «исполнитель».

В федеральном законодательстве закреплено право субъектов Российской Федерации принимать нормативные правовые акты [2, с.158].

В Евросоюзе по количеству студентов явно лидирует Германия (17,9% от общего числа), Франция (15,0%), Испания (11,7%), Италия (10,8%), Польша (8,5%), Нидерланды (5,1%). По показателю

количества студентов из одной страны ЕС, обучающихся в другой стране ЕС, в топ-6 входят следующие страны: Германия - 100,36 тыс., Австрия – 63,86 тыс., Франция – 55,46 тыс., Польша – 52,16 тыс., Италия – 44,96 тыс., Чехия – 37,22 тыс. [3, с.311]

Необходимо остановиться на еще одном примере, характеризующем следствие договорных отношений в сфере образовательных услуг. Со стороны обучающегося. «Оценки» не могут в полной мере служить критерием качества образования, ведь оценка может быть завышена/занижена. Учащийся может намеренно пропускать уроки, или из-за болезни не выполнить домашнее задание. Причин может быть много и все они носят эмпирический характер [4, с.149].

Несмотря на различие образовательных обозначений в государственном, или коммерческом секторе, конечный результат в образовательной сфере одинаков.

Вопрос формирования параметров оценивания качества оказания образовательных программ является сложнейшим с точки зрения правоприменительной практики. Ни одна существующая юридическая доктрина страны не предлагает участникам гражданского оборота параметров и критериев надлежащего оценивания образовательных услуг в коммерческом секторе и образовательных программ, в государственном секторе.

Оказание услуг, по структуре своей, имеет творческий характер и оценивается, фактически, только ее потребителем. Стоит отметить, что уникальность процедуры состоит в том, что и оказание, и потребление, осуществляется одновременно. Многообразие требований потребителя зачастую нарушает возможность стандартизации процессов.

В настоящее время, в сфере образования в большей степени применяется компетентностный подход. Он достаточно практичен, так как позволяет частично обозначить параметры качества полученного образования. В пределах Единого Государственного Экзамена, компетентностный подход создает возможность/невозможность поступления в организацию высшего профессионального образования, но, вместе с тем, не позволяет в полной мере оценить уровень образования конкретного обучающегося.

Оценивая весь спектр образовательной услуги/программы, необходимо оценивать каждое ее свойство и здесь крайне необходим системный подход и внимание к деталям, ведь качество – понятие многомерное [5, с.73].

Необходимо отметить, что положение образовательного сектора именно Калужского региона находится на достаточно высоком уровне

и продолжает динамично развиваться. Также, необходимо отметить, что образовательные услуги, предоставляемые на территории Калужской области как государственными, так и коммерческими образовательными организациями предоставляются в полном объеме, однако существующие проблемные вопросы данного направления находятся под пристальным контролем детского правозащитника.

На рассмотрение поступило обращение по вопросу организации доставки несовершеннолетнего ребенка из д. Башкардово Боровского района до школы и обратно школьным автобусом.

Согласно поступившей от администрации муниципального района «Боровский район» информации по результатам комиссионного обследования от 18.08.2022 маршрута до д. Башкардово, движение автобуса «Школьный» не разрешено по причине отсутствия необходимых технических условий, а именно:

- недостаточная ширина дороги (необходимо обустроить разъездные «карманы»);
- отсутствует обустроенная разворотная площадка;
- отсутствует автопавильон и освещение.

В результате мероприятий средства на создание условий для организации подвоза школьным автобусом в соответствии с техническим заданием запланированы бюджетом сельского поселения на следующий год.

Внесение изменений в действующий школьный маршрут будет возможно после завершения работ по устранению замечаний согласно акту обследования маршрута в д. Башкардово.

Как видим. сам алгоритм принятия решений диктует совершенствование системы программно-целевого обеспечения для экологизации социальной среди территориального уровня.

Список цитируемой литературы:

1. Женевская декларация прав ребенка от 26.11.1924 принята пятой Ассамблеей Лиги наций в Женеве [Электронный ресурс] Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 25.02.2025).

2. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Мотивационный аспект социально-экономической деятельности региона как индикатор качества жизни. "Управленческий учет", №5 – 2024, стр. 155-162. – ISSN 1814-8476.

3. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Совершенствование управления социально-экономическими параметрами территориального развития (на примере Калужской области). "Управленческий учет", №8 – 2023, стр. 309-316. – ISSN 1814-8476.

4. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Качество жизни как императив современного экономического развития. Modern Economy Success. – №2, – 2020, – с. 145-151, – http://mes-journal.ru.

5. Мигел А.А., Трутнева Н.Ю. Анализ благосостояния населения России. Сборник. Экономика региона: новые вызовы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – 2018. – с.71-76.

Дальман А.С., студент
Научный руководитель - Степаненкова Н. М., канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И. А. Бунина», г. Елец

ВЛИЯНИЕ ESG-СТАНДАРТОВ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация

В статье рассматривается влияние ESG-стандартов на инвестиционную привлекательность предприятий в условиях перехода к устойчивому развитию. Анализируется значимость экологических, социальных и управленческих критериев для инвесторов и компаний.

Ключевые слова: ESG, инвестиции, устойчивое развитие, экология, социальная ответственность, корпоративное управление.

На сегодняшний день, тема влияния ESG-стандартов на инвестиционную привлекательность предприятий является очень важной в условиях современного перехода к устойчивому развитию и «зеленой» экономике.

ESG (Environmental, Social, Governance) – это комплекс социальных, экологических и различных управленческих критериев, которые используются для того, чтобы оценивать деятельность предприятий с точки зрения их ответственности перед всем обществом, окружающей средой и различными акционерами. Рост значения данных стандартов в мире инвестиций связан с тем, что инвесторы все чаще стали рассматривать не только финансовые показатели, но и те риски и возможности, которые связаны с экологической устойчивостью, социальной ответственностью и качеством корпоративного управления. Компании, которые демонстрируют высокие ESG-показатели, привлекают в свое развитие большее количество инвестиций, чаще получают доступ к льготному

финансированию и снижают стоимость заемных средств, что повышает их конкурентоспособность на рынке.

ESG (от английского Environmental, Social, Governance) – экология, социальная политика и корпоративное управление. Это набор критериев, по которым оценивается устойчивое развитие и ответственность предприятия:

✓ Экологические (E). То, как предприятия влияют на окружающую среду. Имеются в виду различные выбросы, утилизация отходов производства и использование ресурсов.

✓ Социальные (S). Отношение к сотрудникам, клиентам, обществу в целом, условия труда на производстве, защита прав человека и вклад в развитие общества.

✓ Управленческие (G). Качество корпоративного управления, прозрачность, этика, защита прав акционеров, антикоррупционная политика [4].

Для инвесторов значение ESG обусловлено рядом фактором. Компании, которые последовательно внедряют принципы экологической, социальной ответственности и эффективного управления, как правило, сталкиваются с меньшим количеством рисков, социальных конфликтов и внутренних управленческих сбоях. Такая позиция в управлении предприятием снижает вероятность штрафов, судебных разбирательств и ущерба репутации компании, что, в конце концов, делает инвестиции в такие предприятия более надежными защищенными.

Так же, такие организации часто демонстрируют более устойчивую и предсказуемую динамику финансовых показателей в течении длительного времени. Это связано с их способностью гибко реагировать на изменения в экономической сфере и с высоким уровнем доверия со стороны клиентов, партнеров. Именно поэтому спрос на акции таких компаний стабильно растет, что приводит к увеличению их рыночной привлекательности для долгосрочных инвестиций.

В условиях растущего общественного внимания к вопросам экологии и социальной справедливости все больше инвесторов выбирают ESG-критерии, как ориентир при инвестировании. Такой подход позволяет достигать высоких финансовых результатов, а также вносить вклад в устойчивое развитие общества и повышения качества жизни людей.

Эмпирические данные и примеры успешных компаний, активно внедряющих ESG-стандарты, подтверждают положительное влияние этих практик на ключевые показатели эффективности бизнеса. Научные

исследования, на примере итальянской нефтегазовой компании Eni, показывают, что применение этих стандартов способствует улучшению финансовых результатов и стратегической конкурентоспособности. Анализ имеющихся данных о компании выявил положительную динамику между внедрением мер по сокращению выбросов парниковых газов и ростом выручки. В то же время внедрение ESG требует дополнительных финансовых вложений, связанных с освоением новых эффективных технологий и адаптацией производственных и операционных процессов. Именно поэтому существует две основные концепции, объясняющие то, как ESG влияет на бизнес. Первая – теория заинтересованных сторон – предполагает, что такие стандарты способствуют формированию устойчивой модели развития и стимулируют рост. Вторая – теория компромисса – рассматривает внедрение таких стандартов как дополнительную статью расходов, которая вполне может ограничивать, или даже снижать, прибыльность компаний. Тем не менее, анализ более 2000 исследований показывает, что в большинстве случаев интеграция ESG-критериев несет за собой улучшение большинства экономических показателей и укрепляет репутацию организаций.

В мировом масштабе примерами успешных ESG-компаний являются такие лидеры, как American Water Works, Microsoft, Cisco Systems, Schneider Electric и Hewlett-Packard. American Water Works – крупнейшая компания по водоснабжению в США. Она ежегодно снабжает 15 миллионов жителей, при этом экономит 12,5 литров воды каждый год благодаря эффективной инфраструктуре, а к 2025 году планирует сократить выбросы парниковых газов на 40% [3]. Microsoft и Cisco активно внедряют принципы устойчивого развития в свою деятельность, последовательно сокращают углеродный след и повышают эффективность всех своих операций. Компания Schneider Electric считается одной из самых прогрессивных компаний в области устойчивого бизнеса благодаря своей стратегии, которая направлена на сокращение выбросов и повышение стандартов ESG не только внутри компании, но и среди всех своих партнеров. Компания Hewlett-Packard, один из ведущих мировых производителей IT-оборудования, демонстрирует впечатляющие результаты в области экологической и социальной ответственности, подтверждая свою приверженность высоким показателям ESG.

В России процессы ESG-трансформации особенно заметны в строительном секторе и девелопменте. Компании «Самолет», ГК ФСК, «Группа ЛСР» и «Эталон» входят в число лидеров по внедрению ESG-стандартов, демонстрируют системный подход к экологической

устойчивости, социальной ответственности и прозрачному корпоративному управлению. Их проекты выходят далеко за рамки традиционного строительства. Они включают в себя цифровизацию процессов, создание комфортной и безопасной городской среды, а также развитие инфраструктуры.

Перспективы развития ESG-инвестирования как в России, так и в мире выглядят весьма многообещающе, хотя и сопровождаются рядом специфических вызовов. На глобальном уровне рынок устойчивых инвестиций продолжает стремительно расширяться. В 2024 году в мире было размещено ESG-облигаций на 800 миллиардов долларов, их общий объем достиг 5 триллионов [5]. Это отражает растущий интерес инвесторов к проектам, ориентированным на долгосрочную устойчивость и социальную ответственность, а также признание ESG-факторов важнейшими для стабильного развития бизнеса и экономики в целом.

В российской практике внедрение принципов ESG происходит постепенно, но с заметной динамикой. Стратегия низкоуглеродного развития была утверждена в России в 2020 году и предусматривает снижение выбросов парниковых газов на 30% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года. [2]. Тем не менее объёмы ESG-инвестиций в России пока остаются сравнительно небольшими, а рынок в основном представлен государственными институтами развития и крупными финансовыми игроками. Среди основных препятствий — недостаточная мотивация инвесторов и эмитентов, а также отсутствие единой системы проверки и прозрачных стандартов отчётности по ESG. В ближайшем будущем ожидается усиление нормативного регулирования со стороны Банка России и других органов, что поможет выработать национальные стандарты и повысить качество нефинансовой отчётности.

Особое внимание в российском ESG-сегменте уделяется экологической составляющей, что связано с ресурсной направленностью экономики. Компании сосредоточены на сокращении выбросов парниковых газов, повышении энергоэффективности и развитии возобновляемых источников энергии. Социальная составляющая также приобретает всё большее значение: растёт интерес к вопросам многообразия, инклюзивности, развития человеческого капитала и корпоративной социальной ответственности. В сфере управления наблюдается тенденция к повышению прозрачности и совершенствованию систем управления рисками.

Ключевым фактором развития ESG-инвестирования в России станет формирование нового класса инвесторов, ориентированных на

устойчивые проекты, а также введение налоговых льгот и других стимулов для таких вложений. Планируемые меры Центрального банка, в том числе снижение коэффициентов риска для ESG-активов, могут существенно оживить рынок и привлечь дополнительные финансовые потоки. Банк России делает акцент на востребованности в настоящее время новых инструментов и формирования соответствующей инфраструктуры рынка финансирования устойчивого развития. [1].

В среднесрочной перспективе, к 2026–2027 годам, при условии стабилизации геополитической ситуации и создания благоприятных институциональных условий, российский ESG-сектор может значительно вырасти. К 2030 году инвестиции в устойчивое развитие могут стать неотъемлемой частью экономической модели страны, способствуя переходу к низкоуглеродной экономике, развитию циркулярных моделей и внедрению инновационных технологий.

Таким образом, можно сказать, что учёт ESG-факторов становится важным элементом для повышения инвестиционной привлекательности предприятий, поскольку инвесторы всё больше внимания уделяют экологическим, социальным и управленческим аспектам деятельности компаний. Внедрение ESG-стандартов способствует устойчивому развитию бизнеса, снижению рисков и улучшению финансовых показателей, что особенно актуально в условиях перехода к «зелёной» экономике и повышенного общественного внимания к вопросам устойчивого развития.

Список цитируемой литературы:

1. Белоусов А.Л. Вопросы реализации ESG-принципов в инвестиционной сфере // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2023. – № 1. – С. 14-20.

2. Мантаева Э.И., Голденова В.С., Слободчикова И.В. Стандарты ESG-концепции устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 242, № 4. – С. 93-104.

3. Топ-10 ESG-компаний 2024 года // Sigma Earth. – 2024. – Режим доступа: https://sigmaearth.com/ru/топ-10-ESG-компаний-2024-года/ (дата обращения: 27.04.2025).

4. Экологическая, социальная и корпоративная ответственность: основы ESG // CRM Group. – 2023. – 14 апреля. – URL: https://crmgroup.ru/glossary/esg/ (дата обращения: 27.04.2025).

5. Эксперт ДОМ.РФ оценила перспективы рынка ESG-финансирования // Lenta.ru. – 2025. – 26 февр. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2025/02/26/ekspert-dom-rf-otsenila-perspektivy-rynka-esg-finansirovaniya/ (дата обращения: 27.04.2025).

Долматова А.Д., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – Коротаева Е.Ю., канд. экон. наук, доц.

ОПТИМИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРОТНЫХ АКТИВОВ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕДРЕНИЯ ЗЕЛЕНЫХ ФИНАНСОВ

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимосвязи оптимизации управления оборотными активами предприятия и внедрения принципов зеленых финансов. Рассматриваются методы повышения эффективности использования оборотных средств. Автор доказывает, что высвобождение ресурсов за счет грамотного управления оборотными активами создает финансовую базу для инвестиций в экологические проекты, соответствующие критериям устойчивого развития.

Ключевые слова: оборотные активы, оптимизация управления, зеленые финансы, устойчивое развитие, ресурсосбережение, финансовая устойчивость, рационализация запасов.

В условиях глобальной трансформации экономических систем, ориентированных на устойчивое развитие, предприятия сталкиваются с двойным вызовом: необходимостью сохранения финансовой стабильности и одновременного снижения экологической нагрузки. Рост регуляторных требований и ужесточение экологических стандартов делают интеграцию ESG-принципов в бизнес-стратегии не просто трендом, а императивом долгосрочной конкурентоспособности.

Одним из ключевых резервов для финансирования экологических инициатив выступает оптимизация управления оборотными активами — областью, традиционно направленной на повышение ликвидности и рентабельности. Однако потенциал ее синергии с «зелеными» финансами остается недооцененным.

Оборотные активы представляют собой ресурсы предприятия, которые обеспечивают непрерывность производственного цикла и формируют основу для текущей деятельности [2, С. 870]. К ним относятся денежные средства, запасы сырья и готовой продукции, дебиторская

задолженность, краткосрочные финансовые вложения и другие ликвидные элементы, способные трансформироваться в денежную форму в течение одного операционного цикла. Их ключевая роль заключается в поддержании ликвидности — способности компании своевременно выполнять краткосрочные обязательства перед поставщиками, кредиторами и сотрудниками. Например, недостаток денежных средств или избыток «замороженных» запасов может привести к кассовым разрывам, нарушению договорных обязательств и, как следствие, к потере деловой репутации.

Финансовая устойчивость напрямую зависит от рационального управления оборотными активами: их структура и объем должны соответствовать производственным потребностям, но при этом минимизировать риски избыточного отвлечения капитала. Ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности за счет внедрения гибких систем оплаты или факторинга снижает зависимость от внешнего финансирования, а оптимизация товарно-материальных запасов предотвращает «омертвление» средств в неликвидных активах. При этом важно соблюдать баланс между рентабельностью и ликвидностью: агрессивные стратегии, направленные на максимизацию прибыли за счет сокращения оборотного капитала, могут повысить доходность, но увеличить риск неплатежеспособности, тогда как консервативный подход, хотя и обеспечивает стабильность, часто приводит к неэффективному использованию ресурсов.

Зелёные финансы представляют собой механизм мобилизации капитала для проектов, направленных на достижение экологических целей [1, С. 18]. Основными инструментами в этой сфере выступают зелёные облигации, кредиты, инвестиционные фонды и венчурное финансирование, которые обеспечивают целевое использование средств на климатические инициативы. Например, зелёные облигации, выпускаемые корпорациями или государствами, позволяют привлекать инвестиции для модернизации энергосетей или развития экологичного транспорта. В России за 2018–2021 годы объём таких выпусков превысил 418 млрд рублей, причём лидирующими отраслями стали транспорт и энергетика. Ключевыми критериями зелёных финансов являются прозрачность, верификация независимыми экспертами и регулярная отчётность о достигнутом экологическом эффекте.

Оптимизация использования оборотных активов предприятия играет ключевую роль в интеграции принципов зеленых финансов, способствуя не только повышению экономической эффективности, но и достижению экологических целей. Оборотные активы формируют основу операционной деятельности, а их рациональное управление

позволяет сократить издержки и минимизировать экологический след. Например, внедрение методов рационализации запасов снижает объемы избыточных материальных ресурсов, что уменьшает отходы и энергопотребление, соответствуя принципам устойчивого развития.

Эффективное управление оборотным капиталом также создает предпосылки для привлечения зеленых инвестиций. Финансовые институты и инвесторы, ориентированные на ESG-критерии, оценивают не только текущую прибыльность компании, но и ее способность минимизировать негативное воздействие на окружающую среду. Сокращение периода оборачиваемости дебиторской задолженности и оптимизация денежных потоков позволяют высвободить ресурсы для внедрения энергоэффективных технологий или модернизации производственных процессов, что повышает привлекательность предприятия для зеленых облигаций и кредитов.

Важным аспектом является интеграция экологических показателей в систему управления оборотными активами. Например, нормирование запасов с учетом снижения углеродного следа или переход на сырье из возобновляемых источников напрямую влияет на выполнение целей устойчивого развития. Такие меры не только сокращают риски, связанные с изменением климатического регулирования, но и открывают доступ к льготным финансовым инструментам.

Однако внедрение зеленых финансов требует преодоления институциональных барьеров. Недостаток стандартизированных методик оценки экологического воздействия оборотных активов и нехватка прозрачности данных могут затруднить получение зеленого финансирования. Решением становится развитие системы отчетности в соответствии с международными стандартами, что повышает доверие инвесторов и упрощает доступ к целевым ресурсам.

Таким образом, оптимизация оборотных активов становится не только инструментом финансовой стабилизации, но и мостом к переходу на устойчивые бизнес-модели. Синергия между эффективным управлением ресурсами и зелеными финансами создает основу для долгосрочной конкурентоспособности предприятий в условиях глобальной трансформации экономики.

Список цитируемой литературы:

1. Кандрашина Е. А. «Зеленые» финансовые инструменты в управлении устойчивым развитием бизнеса / Е. А. Кандрашина, А. П. Жабин // Фундаментальные исследования. 2024. № 8. С. 15-21.

2. Кузьмина А. А. Роль оборотных активов в функционировании современных организаций / А. А. Кузьмина, И. В. Стефанович // Экономика и социум. 2021. №1-2 (80). – С. 870-872.

3. Лукьянова А. Д. Зеленый менеджмент и цифровизация: ключевые факторы конкурентноспособности компании и финансовая стратегия / А. Д. Лукьянова, Е. С. Тынянкина // Форум молодых ученых. 2024. №12 (100). – С. 143-150.

4. Нормова Т. А. Оптимизация оборотных активов и финансовое состояние организации / Т. А. Нормова, А. А. Рассолова, А. А. Лесняк // ЕГИ. 2021. №2 (34). – С. 170-173.

5. Халяпин А. А. Оценка формирования и управления оборотными активами организации / А. А. Халяпин, К. А. Шешунова, А. В. Дерипаско// ЕГИ. 2022. №3 (41). – С. 346-352.

Зеленькевич П.А., студент
Юшкевич А.Н., старший преподаватель
Международный университет «МИТСО»
Республика Беларусь, г. Минск

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЗЕЛЁНОЙ ЭКОНОМИКЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

В работе рассматриваются вопросы юридической ответственности за нарушения экологического законодательства в контексте перехода к зелёной экономике. Анализируются основные виды ответственности — административная, уголовная и гражданско-правовая. Особое внимание уделяется современным проблемам правоприменения, таким как недостаточная эффективность санкций, пробелы в нормативной базе и сложности доказывания экологического вреда. Также затрагиваются перспективы совершенствования законодательства с учётом задач устойчивого развития и экологической модернизации экономики.

Ключевые слова: зелёная экономика; экологическое правонарушение; юридическая ответственность; устойчивое развитие; охрана окружающей среды.

В современных условиях перехода Республики Беларусь к зелёной экономике усиление правового регулирования охраны окружающей среды

становится неотъемлемой частью государственной политики, а юридическая ответственность за экологические правонарушения выступает ключевым механизмом защиты природных ресурсов и обеспечения устойчивого развития. Экологическим правонарушением в белорусском законодательстве признаётся любое действие или бездействие, нарушающее установленные законом требования по охране окружающей среды, будь то самовольная вырубка леса, несоблюдение норм выбросов в атмосферу или сброс сточных вод без надлежащей очистки. С учётом характера и последствий таких деяний законодатель различает три формы ответственности: административную, уголовную и гражданско-правовую.

Уголовная ответственность закреплена в главе 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь и применяется в случаях, когда деяние причиняет существенный вред окружающей среде или создаёт реальную угрозу его наступления. Составы преступлений охватывают загрязнение вод и атмосферы, незаконную порубку леса, нарушение режима особо охраняемых природных территорий. Наказания варьируются от значительных штрафов до лишения свободы на срок до пяти лет и лишения права занимать определённые должности. Тем не менее на практике возбуждение уголовных дел осложняется необходимостью проведения сложных экологических экспертиз и чёткого доказательства причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившим ущербом [1].

Гражданско-правовой механизм ответственности предусматривает полное возмещение вреда окружающей среде в пользу государства или местных органов управления независимо от вины причинителя. Статья 933 Гражданского кодекса обязывает субъекта хозяйственной деятельности компенсировать затраты на восстановление природных ресурсов и устранение последствий загрязнения. На деле же отсутствие методик расчёта экологического ущерба и сложности в сборе доказательств приводят к редкому возбуждению исков, а суммы взысканий далеко не всегда покрывают реальные затраты на природоохранные мероприятия [2].

К числу наиболее острых проблем правоприменения в сфере экологической ответственности в Республике Беларусь относится, прежде всего, фрагментарность и дублирование функций между основными контролирующими и надзорными органами — Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды, Белгосприроднадзором, органами внутренних дел и прокуратурой. Министерство несёт общую ответственность за реализацию государственной экологической политики, однако в реальной практике

его функции часто пересекаются с задачами Белгосприроднадзора, который, несмотря на наличие самостоятельных контрольных полномочий, ограничен как в оперативном реагировании, так и в возможности возбуждения дел о правонарушениях. Органы внутренних дел, в свою очередь, зачастую не располагают достаточной подготовкой для выявления и расследования сложных экологических преступлений, особенно когда речь идёт о загрязнении водоёмов, почв или атмосферы промышленными выбросами, требующими специальных знаний и экспертных заключений. Прокуратура, осуществляя общий надзор за законностью, сталкивается с тем, что материалы дел об экологических правонарушениях часто носят фрагментарный и неполный характер, что затрудняет направление их в суд и последующее привлечение виновных лиц к ответственности [3, с.18-21].

Кроме того, отсутствие централизованной цифровой инфраструктуры, объединяющей данные о проверках, мониторинговых показателях, результатах административных и уголовных производств, серьёзно тормозит эффективность правоприменения. Действующая Национальная система экологического мониторинга охватывает только ограниченное количество индикаторов и зачастую не интегрирована с системами МВД и прокуратуры. Это приводит к затруднённому обмену информацией между ведомствами, невозможности комплексного анализа экологической обстановки и замедлению реагирования на факты нарушений [4, с.36]

Серьёзной проблемой остаётся слабая правовая культура хозяйствующих субъектов, многие из которых не считают охрану окружающей среды приоритетом в своей деятельности. Отсутствие системного экологического аудита, недооценка риска причинения экологического вреда, формальный подход к получению разрешений на выбросы и сбросы создают условия для массовых нарушений. Часто предприятия ограничиваются уплатой штрафов как элементом допустимого финансового риска, игнорируя долгосрочные последствия для экосистем и здоровья населения [5].

Отдельного внимания заслуживает дефицит профильных знаний у судей, следователей и дознавателей, которые рассматривают дела об экологических правонарушениях. Отсутствие специализированной подготовки и устойчивой судебной практики по данной категории дел приводит к неправильной квалификации деяний, снижению санкций или прекращению дел в связи с недостаточностью доказательств. Как следствие, правоприменение утрачивает свой превентивный характер, а нарушители чувствуют фактическую безнаказанность.

Для устранения обозначенных проблем предлагаются следующие направления совершенствования. Необходимым шагом является создание единой государственной автоматизированной информационной системы экологического контроля, объединяющей все источники данных о состоянии окружающей среды, действиях контролирующих органов, экологических экспертизах и правонарушениях. Такая система должна включать в себя как результаты мониторинга, так и механизмы фиксации нарушений с использованием спутниковых данных, беспилотников и автоматизированных датчиков.

Также целесообразно ввести обязательное экологическое страхование деятельности хозяйствующих субъектов, связанной с потенциальным вредом окружающей среде, а также распространить механизм экологических платежей, основанных на принципе «загрязнитель платит», с расчётом ставок в зависимости от степени риска и экологического следа предприятия. Это обеспечит финансовую базу для восстановления окружающей среды и станет экономическим стимулом к соблюдению норм.

Следующим направлением должно стать расширение полномочий общественных инспекций и восстановление механизмов общественного экологического контроля, включая участие общественных организаций в экологической экспертизе, рассмотрении проектов, мониторинге нарушений. Такой подход позволит повысить прозрачность и подотчётность бизнеса и государства в вопросах охраны природы.

Наконец, следует рассмотреть возможность создания специализированных судебных органов или внедрения особых процедур в рамках действующей судебной системы для рассмотрения экологических дел. Это позволит формировать устойчивую судебную практику, сократить сроки рассмотрения споров и повысить компетентность судей и других участников процесса в вопросах экологического права. В совокупности эти меры позволят усилить правовую защиту окружающей среды, обеспечить реальную экологическую ответственность и способствовать формированию устойчивой «зелёной» экономики в Беларуси.

Таким образом, эффективное правоприменение в сфере экологической ответственности в Республике Беларусь требует системного и межведомственного подхода, основанного на чётком разграничении функций контролирующих органов, цифровизации экологического надзора, повышении правосознания субъектов хозяйствования и развитии компетенций представителей судебной и

правоохранительной систем. Современные вызовы, связанные с необходимостью устойчивого экологического развития и перехода к «зелёной» экономике, диктуют необходимость пересмотра существующих механизмов ответственности, внедрения превентивных инструментов — таких как экологическое страхование и экономическое стимулирование соблюдения природоохранных норм, а также усиления роли общественности в контроле за состоянием окружающей среды. Лишь при условии комплексной модернизации институциональной и правовой инфраструктуры экологической политики можно добиться надлежащей защиты природы и формирования экологически ориентированной модели развития в Беларуси.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : pravo.by. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2025. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 07.05.2025).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : pravo.by. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2025. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=gk9800218 (дата обращения: 07.05.2025).

3. Современные тенденции правового регулирования экологических отношений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апреля 2013 г. / редкол. : С. А. Балашен-ко (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. — 264 с.

4. Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025 : сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва : Евразийская экономическая комиссия, 2019. – 199 с.

5. Правовые формы (виды) экологического аудита в Республике Беларусь : cyberleninka.ru. – CyberLeninka, 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-formy-vidy-ekologicheskogo-audita-v-respublike-belarus/pdf (дата обращения: 07.05.2025).

Колобков Д.О., магистрант факультета экономики и управления
по программе магистратуры «Корпоративные финансы»
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический
университет», г. Волгоград

ЗЕЛЕНЫЕ ПЕНСИИ: ESG-ПОДХОД КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО ПЕНСИОННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается концепция «зеленых пенсий» – инновационного подхода к формированию пенсионного капитала, основанного на принципах устойчивого инвестирования и интеграции ESG-факторов (экологических, социальных и управленческих). Анализируются основные преимущества ESG-инвестиций, включая снижение волатильности портфелей, повышение долгосрочной доходности и устойчивость к рыночным и регуляторным факторам. Исследуется международный опыт внедрения зеленых пенсионных стратегий, включая примеры Канады, Великобритании, Японии и США, где пенсионные фонды играют активную роль в финансировании «зеленой» экономики. Определяется необходимость трансформации нормативной базы и развития инвестиционной культуры населения как ключевых условий успешного перехода к зеленым пенсиям в России.

Ключевые слова: зеленые пенсии; ESG; устойчивое инвестирование; пенсионные фонды; инвестиционные стратегии.

Традиционные пенсионные фонды, ориентированные преимущественно на краткосрочную доходность, всё чаще подвергаются критике из-за неустойчивости и вероятности долгосрочных рисков, связанных с изменением климата и социальной нестабильностью. В связи с этим в последние годы концепция устойчивого финансирования активно развивается во всем мире. Особое внимание уделяется пенсионным фондам, которые начинают интегрировать принципы ESG (экологическое, социальное и корпоративное управление) в свои инвестиционные стратегии. В этом контексте зеленые пенсии, основанные на принципах ESG (экологические, социальные и управленческие факторы), представляют собой инновационную модель, которая не только способствует устойчивому развитию, но и обеспечивает более стабильные финансовые результаты будущим пенсионерам [4]. Рассмотрим концепцию "зеленых пенсий", ее преимущества перед традиционной

системой пенсионного обеспечения в России, а также международный опыт внедрения устойчивых пенсионных стратегий.

Традиционные пенсионные фонды на протяжении десятилетий действуют в логике максимизации краткосрочной доходности, инвестируя в высокодоходные, но зачастую рискованные и неустойчивые сектора экономики, к которым относятся отрасли, тесно связанные с негативным воздействием на окружающую среду, такие как добыча и переработка ископаемого топлива (нефть, уголь, газ), тяжелая металлургия, химическая промышленность и агробизнес с высоким уровнем выбросов парниковых газов [3]. Эти инвестиции приносят доход в краткосрочной перспективе, но сопровождаются серьезными долгосрочными рисками, включая регулирование выбросов CO_2, судебные иски, ужесточение экологических норм, репутационные издержки, а также структурные изменения в экономике, ориентированной на декарбонизацию.

В противоположность этому, зеленые пенсионные фонды фокусируются не только на финансовой доходности, но и на экологической, социальной и управленческой устойчивости своих вложений. Они используют ESG-критерии (Environmental, Social, Governance) для оценки компаний и проектов, что позволяет учитывать нефинансовые риски и возможности, связанные с изменением климата, социальной ответственностью и корпоративным управлением. Такие фонды стремятся инвестировать в «чистые» и перспективные отрасли: возобновляемую энергетику, устойчивую инфраструктуру, социальное жилье, энергоэффективные технологии, переработку отходов и компании с прозрачной корпоративной политикой.

Согласно исследованию Morningstar [1], фонды, интегрирующие ESG-факторы, показывают более стабильную доходность в долгосрочной перспективе. Например, в период с 2015 по 2021 год среднегодовая доходность ESG-фондов в Японии составила 6,5%, в то время как традиционные фонды в среднем показывали 5,8%. Более того, уровень волатильности ESG-фондов оказался на 15-20% ниже, особенно в период экономических потрясений, связанных с пандемией COVID-19. Это говорит о более высокой устойчивости портфеля и меньшей зависимости от кризисных факторов.

Кроме того, зеленые пенсионные фонды лучше подготовлены к рискам, связанным с декарбонизацией глобальной экономики, в том числе введением углеродного налога, трансграничного углеродного регулирования (CBAM в ЕС), и снижением спроса на ископаемое топливо. В отличие от традиционных фондов, которые рискуют столкнуться с обесценением "грязных" активов, зеленые фонды уже

сейчас переводят средства в активы будущего. Отчет BlackRock [4] подчеркивает, что в странах с более высоким уровнем ESG-регулирования, пенсионные фонды, использующие устойчивые стратегии, смогли не только сохранить доходность, но и получить доступ к новым формам поддержки со стороны государства, включая налоговые льготы, участие в «зеленых» государственных облигациях и субсидируемых инфраструктурных проектах.

Более того, исследование Harvard Business School [3] показало, что компании с высокими ESG-оценками чаще демонстрируют лучшие финансовые результаты, более низкие затраты на привлечение капитала и высокую операционную эффективность. Таким образом, инвестирование пенсионных средств в такие компании имеет не только морально-этическое, но и экономически обоснованное значение.

Согласно отчету OECD [3], к концу 2022 года более 30% институциональных инвесторов в странах-членах организации экономического сотрудничества и развития учитывали ESG-факторы при формировании пенсионных портфелей. В Нидерландах и Швеции этот показатель превышает 50%, а в Канаде и Великобритании активно реализуются программы обязательной оценки климатических рисков для пенсионных активов.

Одним из ярких примеров внедрения зеленых пенсий является Канада. В 2020 году восемь крупнейших канадских пенсионных фондов, известных как «Maple 8», публично заявили о своей приверженности ESG-инвестированию, подчеркивая, что устойчивые инвестиции обеспечат долгосрочную финансовую стабильность [1]. Канадский пенсионный план (CPP) в 2021 году объявил о выделении $10 млрд на проекты, связанные с возобновляемой энергией и устойчивой инфраструктурой, т.е. проекты предусматривали инвестиции в солнечные и ветровые электростанции, а также в технологии снижения выбросов углекислого газа. С похожей инициативой выступили три крупнейших пенсионных фонда мира – CalSTRS (США), GPIF (Япония) и USS (Великобритания), они отметили, что фокус только на краткосрочной прибыли игнорирует системные риски для портфеля (GPIF, 2020). В 2020 году CalPERS в США поставил цель достичь нулевых выбросов к 2050 году и уже инвестировал более $20 млрд в зеленые технологии и устойчивые проекты. В Великобритании в 2021 году был принят закон "Pension Schemes Act 2021", который обязал пенсионные фонды раскрывать информацию о климатических рисках в соответствии с рекомендациями Рабочей группы по климатической отчетности [1]. Согласно данным Mercer UK [1], 88% европейских пенсионных

фондов уже интегрировали ESG-факторы в свои инвестиционные стратегии. Фонд Nest, один из крупнейших пенсионных фондов Великобритании, предлагает уже в настоящее время своим участникам возможность инвестировать в "зеленый" портфель, который включает компании, занимающиеся возобновляемой энергией, энергоэффективными технологиями и устойчивым сельским хозяйством. С 2019 года Nest увеличил долю ESG-инвестиций до 30% от общего портфеля.

Зеленые пенсии, или пенсионные фонды, интегрирующие принципы устойчивого инвестирования ESG представляют собой инновационную и перспективную модель накопления пенсионного капитала, направленную не только на получение стабильной доходности, но и на содействие устойчивому развитию экономики и общества в целом. Их ключевым преимуществом является долгосрочная финансовая устойчивость, основанная на диверсификации активов и снижении вероятности климатических, регуляторных и репутационных рисков [2]. Согласно исследованию MSCI [3], ESG-фонды демонстрируют в среднем на 6% меньшую волатильность по сравнению с традиционными фондами, что говорит о более стабильной доходности при сниженных рисках в условиях рыночной нестабильности. Эта устойчивость особенно важна для пенсионных систем, нацеленных на многолетние инвестиции и сохранение капитала.

Дополнительным преимуществом зеленых пенсий является существенное снижение инвестиционных рисков за счёт интеграции ESG-факторов в процесс оценки активов. По данным аналитиков Schroders [1], компании с высокими ESG-рейтингами реже становятся участниками судебных разбирательств, реже подвергаются санкциям со стороны регуляторов и в целом меньше страдают от репутационных кризисов. Ярким примером служит ситуация с Volkswagen в 2015 году, когда из-за дизельного скандала стоимость акций компании упала более чем на 40%, что стало ударом для фондов, не учитывавших ESG-риски. Схожие последствия наблюдались в 2010-х и у других компаний, включая BP, Boeing и Facebook, попавших в кризисные ситуации из-за нарушений экологических или социальных норм. ESG-подход позволяет заранее выявлять такие потенциальные угрозы и корректировать инвестиционные портфели в соответствии с принципами ответственного инвестирования.

Помимо финансовой стабильности, зеленые пенсионные фонды вносят прямой вклад в устойчивое развитие. Их инвестиции направляются в «зеленую экономику» – отрасли, способствующие снижению выбросов парниковых газов, развитию возобновляемых

источников энергии, экологически чистого транспорта, энергоэффективных технологий и устойчивой инфраструктуры. По данным Climate Bonds Initiative [1], в 2021 году объем глобального рынка «зеленых облигаций» превысил $517 млрд, при этом значительная часть выпуска была приобретена именно пенсионными фондами и другими институциональными инвесторами, стремящимися выполнить как инвестиционные, так и социально-экологические обязательства. Более того, в 2022 году совокупный объем устойчивых инвестиций в мире превысил $35 трлн, что составляет около 36% всех управляемых активов по данным Global Sustainable Investment Alliance [4].

Однако, несмотря на все преимущества, зеленые инвестиции сопряжены и с определенными рисками. Во-первых, это технологические риски, особенно в проектах, связанных с новыми или экспериментальными «чистыми» технологиями, такими как водородная энергетика или технологии улавливания углерода. Во-вторых, это регуляторные риски, особенно в развивающихся странах, где политика в области устойчивого развития может быть нестабильной или зависеть от политической конъюнктуры. Тем не менее, данные за последние годы свидетельствуют о большей устойчивости ESG-фондов в периоды экономических потрясений. Например, в период пандемии COVID-19 в 2020 году ESG-фонды в среднем потеряли около 12% стоимости, тогда как традиционные – до 18%, что демонстрирует их способность лучше справляться с внешними негативными факторами.

Еще одним важным аспектом является эффект диверсификации. Включение в портфель активов, не зависящих от колебаний цен на традиционные сырьевые товары (такие как нефть и газ), позволяет снизить общую волатильность [5]. Например, инвестиции в солнечную и ветровую энергетику, а также в инфраструктурные проекты, демонстрируют устойчивый рост даже в условиях нестабильной макроэкономической ситуации. Помимо прочего, зеленые пенсионные фонды играют ключевую роль в продвижении ответственного корпоративного управления и усилении прозрачности компаний, требуя от руководства компаний раскрытия информации о климатических рисках, мерах по сокращению выбросов, гендерном равенстве и борьбе с коррупцией, тем самым повышая общий уровень устойчивости корпоративного сектора.

Российская пенсионная система пока не учитывает ESG-факторы в инвестициях. Государственный Пенсионный фонд России (ПФР) инвестирует преимущественно в государственные облигации и

традиционные активы, не ориентируясь на экологические и социальные аспекты. При этом в 2022 году дефицит ПФР составил 2,6 трлн рублей, что указывает на необходимость реформ (Минфин РФ, 2022). В 2023 году средневзвешенная доходность пенсионных накоплений НПФ составила 9,9%, а пенсионных резервов – 8,8%. За семилетний период с 2017 по 2023 год накопленная доходность по пенсионным резервам составила 51,6%, что сопоставимо с инфляцией за тот же период (50,5%)

Однако растущий интерес к ESG-принципам со стороны крупных компаний и государства создает благоприятные условия для их внедрения. Несмотря на законодательные ограничения, наложенные на НПФ, появляются инициативы по внедрению ESG-принципов в инвестиционные стратегии. Некоторые управляющие компании, такие как УК «Первая», УК «ВИМ Инвестиции», УК «Система Капитал» и УК «РСХБ Управление Активами», запустили ESG-фонды, ориентированные на устойчивое развитие и к ним уже имеется интерес со стороны инвесторов.

Перспективы внедрения зеленых пенсий в России напрямую связаны с необходимостью трансформации нормативной среды, а также с развитием инвестиционной культуры и повышением осведомленности населения о важности устойчивого развития [2]. На сегодняшний день интерес к ESG-инвестициям в России растет, однако в пенсионном секторе этот процесс все еще находится на начальном этапе. Для эффективного перехода к зеленым пенсиям требуется формирование комплексной нормативно-правовой базы, охватывающей аспекты оценки, мониторинга и отчетности по ESG-критериям. В 2021 году Банк России опубликовал концепцию развития устойчивого финансирования, в которой впервые были обозначены основные принципы регулирования «зеленых» инструментов и необходимость включения ESG-рисков в стратегическое планирование институциональных инвесторов. Тем не менее, этих шагов недостаточно для широкого внедрения зеленых пенсий в систему обязательного пенсионного страхования. Одним из важнейших условий развития устойчивых пенсионных инвестиций в России является внедрение стимулов для негосударственных пенсионных фондов (НПФ), включая налоговые льготы и преференции при инвестировании в проекты, соответствующие целям устойчивого развития [5]. Уже сейчас в России осуществляется выпуск зеленых облигаций, например, РЖД и Сбербанк в 2021-2023 годах разместили долговые бумаги на сумму более 100 млрд рублей, направленные на финансирование экологически значимых проектов. Однако участие

пенсионных фондов в этом процессе остается ограниченным из-за отсутствия четких регуляторных механизмов и стандартов.

Для повышения доверия к зеленым пенсиям критически важно обеспечить высокий уровень прозрачности и отчетности со стороны НПФ по вопросам устойчивого инвестирования. Необходимо ввести единые стандарты ESG-отчетности, адаптированные к российской практике, это позволит пенсионерам и вкладчикам получать достоверную информацию о том, каким образом управляются их средства, в какие секторы они направляются и какое воздействие оказывают на окружающую среду и общество. В настоящее время отдельные российские НПФ начинают публиковать нефинансовую отчетность, однако практика остается фрагментарной.

Еще одним важным элементом перехода к зеленым пенсиям является повышение уровня финансовой и экологической грамотности населения. Согласно исследованиям РАНХиГС и ВШЭ [1], большинство россиян плохо осведомлены о принципах ESG и практически не включают экологические и социальные факторы в свою инвестиционную стратегию. В то же время опросы показывают, что более 60% граждан готовы поддерживать инициативы, направленные на защиту окружающей среды, если они понимают их суть и долгосрочные выгоды. В этой связи необходимо внедрение образовательных программ, направленных на разъяснение сути зеленых пенсий, принципов устойчивого инвестирования и возможных выгод для будущих пенсионеров. Такие программы могут быть реализованы на базе государственных платформ, в рамках обучения сотрудников НПФ, а также через сотрудничество с университетами, школами и некоммерческими организациями.

Таким образом, зеленые пенсии представляют собой перспективную модель пенсионного обеспечения, обеспечивающую финансовую устойчивость, снижение рисков и поддержку экологических инициатив. Опыт западных стран показывает, что интеграция ESG-факторов положительно влияет на долгосрочную доходность пенсионных фондов. Внедрение подобных механизмов в России позволит повысить эффективность пенсионной системы, обеспечивая надежное будущее для граждан. Необходимо учитывать, что внедрение зеленых пенсий в России представляет собой сложную, но стратегически важную задачу, решение которой требует координации усилий со стороны государства, финансовых институтов и гражданского общества. Без комплексной нормативной базы, экономических стимулов, прозрачных стандартов отчетности и повышения инвестиционной культуры населения устойчивый переход будет невозможен. Однако

потенциал для развития в России значителен, учитывая наличие крупных институциональных инвесторов, активный рынок облигаций, научно-технический потенциал в сфере устойчивых технологий и социальный запрос на справедливую и ответственную пенсионную систему. В долгосрочной перспективе зеленые пенсии могут не только повысить стабильность пенсионных накоплений, но и способствовать трансформации российской экономики в сторону экологически и социально ориентированной модели роста.

Список цитируемой литературы:

1. Грязнов, С. А. Перспективы зеленого финансирования в России / С. А. Грязнов, Н. С. Грязнов // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 22 августа 2024 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2024.

2. Курина, Е. В. Проблемы и перспективы развития российского рынка ESG-финансов / Е. В. Курина, Д. А. Вартанова, Е. Е. Харламова // Менеджмент и финансы производственных систем : Сборник научно-практических статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Волгоград, 12 декабря 2024 года. – Волгоград: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 178-182.

3. Петренко, Л. Д. Финансовые аспекты реализации ESG-повестки в России / Л. Д. Петренко // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2024. – № 10. – С. 211-214.

4. Пинаева, М. К. Влияние факторов ESG на финансовую устойчивость негосударственных пенсионных фондов / М. К. Пинаева // Новый смысл развития предпринимательства: модель опережения, технологии, кадры : Материалы XI Международного научного конгресса, Москва, 19–20 мая 2023 года. – Москва: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2023. – С. 96-101.

5. Роль современных финансовых технологий в устойчивом развитии банковской сферы региона / Е. Е. Харламова, И. А. Езангина, И. А. Чеховская [и др.]. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. – 179 с. – ISBN 978-5-907884-88-5.

Коломийцев С. В., студент,
Печерская Е. А., студент
Научный руководитель: Круглов В. Н., д.э.н., профессор
кафедры делового администрирования и рыночной аналитики
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Калужский филиал), г. Калуга

ДИНАМИКА РОСТА КАЛУЖСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИ СБАЛАНСИРОВАННОГО ТРЕНДА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

В статье рассматривается развитие экономики Калужской области в условиях санкций иностранных государств (с учётом баланса экологичности существующих параметров). Проведен анализ отраслей промышленности и сельского хозяйства Калужской области.

Ключевые слова: Калужская область; динамика развития; промышленность; программа; сельское хозяйство; экологичность балансов экономики.

Экономика Калужской области занимает ведущие позиции в Российской Федерации по доле высоких технологий и наукоемкой продукции в валовом региональном продукте. В прошлом году в регионе было запущено шесть крупных производств и восстановлено два предприятия. Отрасли приборостроения и радиоэлектроники, фармацевтики и медицинского оборудования развиваются равномерно. Кроме того, создаются условия для формирования новой отрасли – производства беспилотных авиационных систем. Эти направления помогают достичь полного технологического суверенитета нашей страны и ее независимости от вынужденного экспорта технологий [1, с.57].

Особая экономическая зона «Калуга» включает в себя 30 резидентов, из которых 12 компаний присоединились всего за два последних года. Общий объем инвестиций составляет около 108 миллиардов рублей. В настоящее время 95% территорий Людиновской и Боровской площадок уже переданы инвесторам.

После введения санкций и ухода множества автопроизводителей в 2022 году восстановление машиностроения стало нелегкой задачей [2, с.68].

После закрытия заводов, автосалонов и ухода из России таких крупных автопроизводителей, как: BMW, Mercedes Benz, Volkswagen и Volvo. В городе Калуга открылись новые автосалоны с иностранными брендами, включая: Bestune Центр, Exceed Центр Корс, Changan Центр Калуга, Gelly Автоград Калуга, ORA КорсГрупп, GAC Корс Калуга, TANK КорсГрупп, KAIYI КорсКалуга, Jet our Корс Калуга, WEY КорсГрупп, АВТОГРАД JAECOO, KNEWSTAR Автоград, АВТОГРАД JAC, OMODA АвтоГрад Калуга, Haval КорсГрупп, VOYAH Корс Калуга и XCITE КорсГрупп Калуга.

14 декабря 2023 года на территории Калужской области возобновил работу бывший завод Volvo. Владельцем данного предприятия является российская ГК «Промышленные инвестиции». На данном заводе будут производить грузовики «Урал». К концу декабря 2023 года уже было произведено 50 грузовиков. В 2024 году запланирован выпуск 2000 грузовых автомобилей, и такой темп производства будет поддерживаться до 2026 года. К 2027 году ожидается выпуск 10 000 машин. На начало 2025 года запланирован старт выпуска новой линейки автомобилей, которая будет состоять из: седельных тягачей с колесными формулами 4х2, 6х4, 6х2; тяжелых самосвалов с колесными формулами 6х4 и 8х4; среднетоннажных грузовиков с колесными формулами 4х2 и 6х2.

8 июля 2024 года было объявлено о возобновлении автопроизводства в Калуге. Ранее бывший российский автозавод немецкого Volkswagen, теперь входящий в автомобильную группу AGR, начал серийную сборку автомобилей после переговоров с новым партнером [3, с.352].

Автомобильный завод «ПСМА Рус» в Калуге, принадлежащий концерну Stellantis через альянс Peugeot-Citroen, планирует значительно расширить производство китайских автомобилей. В 2025 году предприятие намерено выпустить 50 тысяч автомобилей бренда Great Wall, а в дальнейшем увеличить производственную мощность до 100 тысяч машин в год. Предприятие уже провело все необходимые подготовительные работы, включая организацию логистических цепочек и создание складских помещений для хранения комплектующих.

На калужском заводе планируется наладить сборку нескольких моделей бренда Haval, принадлежащего концерну Great Wall. Среди них появятся как уже знакомые российским покупателям автомобили, так и совершенно новые модели. По информации источников, одной из первых новинок станет кроссовер Haval M6, который должен занять ключевую позицию в модельном ряду марки в России [4, с.159].

Стоит отметить, что китайская компания Great Wall серьезно подошла к организации своего производства. Уже сейчас зарезервированы необходимые складские площади, и установлены логистические маршруты, рассчитанные на поставку 50 тысяч машинокомплектов. Такой подход свидетельствует о долгосрочных планах компании на российском рынке и о серьезности ее намерений по локализации производства в нашей стране. Запуск сборки автомобилей Great Wall на мощностях завода «ПСМА Рус» станет важным шагом в развитии автомобильной отрасли Калужской области [5, с.257].

Также стоить отметить сельскохозяйственную деятельность региона. В 2023 году объем производства сельскохозяйственной продукции в Калужской области вырос на 5,2% по сравнению с 2022 годом, достигнув 83,073 млрд рублей.

При этом продукции животноводства выпущено на 46,331 млрд рублей (рост на 6,1%), растениеводства - на 36,741 млрд рублей (рост на 4,1%).

Калужские хозяйства всех категорий за 2023 год произвели зерна (в весе после доработки) - 261 тыс. тонн (снижение на 0,1%), картофеля - 151,6 тыс. тонн (рост на 2%), овощей открытого и закрытого грунта - 116,3 тыс. тонн (снижение на 6%), скота и птицы на убой (в живом весе) - 129,1 тыс. тонн (рост на 2,8%), молока - 522,6 тыс. тонн (рост на 6,7%), яиц - 172,9 млн штук (рост на 0, 1%).

По состоянию на 31 декабря 2023 года поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах региона достигло 241,8 тыс. голов (рост на 4% по сравнению с аналогичной датой 2022 года), в том числе коров – 110,9 тыс. (снижение на 1,9%). Свиней насчитывалось 91,3 тыс. (увеличение на 17%), овец и коз - 31,4 тыс. (снижение на 13,5%), птицы - 5,2 млн голов (без изменений).

За январь-ноябрь 2024 года производство молока в Калужской области возросло на 10% по сравнению с 2023 годом. По прогнозам, в 2024 году животноводы смогут получить более 570 тысяч тонн молока. Все отрасли, связанные производством мяса, работают стабильно и к концу года ожидается прирост не менее 10 % по сравнению с 2023 годом [6, с.184].

Министр сельского хозяйства Калужской области Александр Ефремов сообщил, что в середине 2025 года в особой экономической зоне «Калуга-Боровск» начнет функционировать новый молочный завод, способный перерабатывать около 500 тонн молока в сутки. Сырье для завода будут поставлять как местные фермы, так и производители из Московской области [7].

Александр Ефремов отметил, что в настоящее время ежедневные надои молока составляют 1500 тонн, что на 150 тонн больше по сравнению с прошлым годом. В связи с этим возникает необходимость в создании новых перерабатывающих мощностей, так как в настоящее время значительная часть молока из Калужской области перерабатывается в других регионах.

Поддержка сельского производства получила новый импульс благодаря инициативам программы комплексного развития сельских территорий. В 2024 году на строительство сельских дорог было выделено около 600 миллионов рублей [8].

В 2025 году на развитие сельских территорий Калужской области будет направлено 1,5 миллиарда рублей. Регион вошел в тройку лидеров по объему финансирования программы «Комплексное развитие сельских территорий». Благодаря этому в Людинове, Медыни, Юхнове, Хвастовичах и Малоярославце планируется реализация масштабных проектов, включая реконструкцию и строительство школ, детских садов, спортивных и культурных объектов, а также модернизацию коммунальной инфраструктуры. В Медынском районе построят жилой комплекс из 32 домов, а в Людиново–из 10 домов.

22 декабря 2023 года на территории Людиновской площадки ОЭЗ «Калуга» была запущена вторая производственная очередь завода «УльтраДекорРус». Открытие новых линий по декорированию и импрегнированию бумаги-основы, а также производству CPL-пластиков способствовало импортозамещению и фактически заменило импорт декоративной бумаги.

Компания «Kronospan» производит 40 тысяч тонн бумаги-основы в год на Людиновской площадке ОЭЗ «Калуга». Эта бумага служит сырьем для изготовления декоративной и импрегнированной бумаги, а также ламинированных плит ДСП и МДФ. Это предприятие стало первым в России, которое организовало производство декоративной бумаги-основы полного цикла. Для производства было вложено 9,3 миллиарда рублей. Компания «УльтраДекорРус» является вторым инвестиционным проектом компании «Kronospan», успешно осуществленным в Калужской области.

В августе 2024 года в Калужской области был создан новый промышленный кластер, состоящий из шести предприятий. Заводы, занимающиеся производством микрофильтрационного оборудования и пористых полимерных материалов, были внесены в федеральный реестр Минпромторга России. Одним из участников кластера стал ГК «Обнинские Фильтры». Эти заводы начали выпуск стерилизующих

фильтров, которые применяются в фармацевтической и биотехнологической отраслях.

Список цитируемой литературы:

1. Лазарева Н.В. Социально-экономическое положение регионов России в условиях санкционной войны// Индустриальная экономика. – 2022. - №7. – С.56-59.

2. Корнеев Е.Д. Направление поддержки малого и среднего предпринимательства в Калужской области в условиях санкций// CETERIS PARIBUS. – 2022. - №6. – С.67-69.

3. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Особенности дисбаланса пространственного развития региона (на примере Калужской области). "Управленческий учет", №4 – 2024, стр. 350-356. – ISSN 1814-8476.

4. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Мотивационный аспект социально-экономической деятельности региона как индикатор качества жизни. "Управленческий учет", №5 – 2024, стр. 155-162. – ISSN 1814-8476.

5. Круглов В.Н., Харчикова Н.В. Векторы и тенденции развития Калужского региона на среднесрочную перспективу с учётом экономических санкций со стороны недружественных государств. Вестник академии знаний, №3 (62), 2024, стр. 251-255. – ISSN 2304-6139 (print); ISSN 2687-0983 (online).

6. Круглов В.Н. Черты и особенности проектного менеджмента на современном этапе развития. "Управленческий учет", №6 – 2024, стр. 183-190. – ISSN 1814-8476.

7. Официальный сайт Министерства экономического развития Калужской области. Основные показатели социально-экономического развития Калужской области [Электронный ресурс] URL - https://minek.admoblkaluga.ru/upload/oiv/min-ek/ekonomika/ekonomtsifra/BTsait.pdf (дата обращения 10.11.2024)

8. Официальный сайт Министерства экономического развития Калужской области. Калужская область в январе-марте 2023 года: тенденции экономического развития [Электронный ресурс] URL - https://minek.admoblkaluga.ru/upload/oiv/minek/ekonomika/2023%20СЭР_КО_январь_март.pdf (дата обращения 10.11.2024)

Макаров О.В., канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрены концептуальные основы создания эколого-правового регулирования строительства и его реализации в различных организационно-правовых формах охраны окружающей среды. Отстаивается идея эколого-правового обеспечения гарантированного завершения объектов строительства.

Ключевые слова: экологическое право, строительство, эколого-правовые требования, формы охраны окружающей среды при осуществлении строительства.

Структурно-логический и содержательный анализ источников позитивного права позволяет выделить общие и специальные эколого-правовые требования к строительству. Если общие эколого-правовые требования носят родовой характер и относятся ко всем случаях строительства, то специальные эколого-правовые требования появляются в результате учета разнообразных предпосылок, факторов и форм строительно-монтажного процесса: вида строительства; вида объекта, в отношении которого осуществляются строительно-монтажные и реставрационные операции; вида территории, на которой осуществляется строительство, реконструкция, воссоздание, реставрация объекта; вида или формы предполагаемой хозяйственной деятельности на строящемся, реконструируемом, ремонтируемом, воссоздаваемым или реставрируемым объектом Таким образом, в области установления и реализации эколого-правовых требований сложился и действует приличный нормативно-правовой массив, стержневая роль в котором принадлежит Федеральному закону от 10.01.2002. - № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" [1].

Статья 751 Гражданского кодекса РФ безнадежно устарела как с точки зрения существа, так и формы. Изложенные в ней правовые нормы носят не частно-правовой, а публично-правовой характер, поскольку регулирование осуществляется в императивной форме, по отношению ко всем субъектам деятельности и направлено на

обеспечение обязательных требований. Хотя в самой ст.751 Гражданского кодекса РФ отсутствует ссылка на Федеральный закон от 31.07.2020. № 247-ФЗ "Об обязательных требованиях в Российской Федерации" [2], его действие в данном случае подразумевается, поскольку строительство не подпадает под случаи исключения действия Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ "Об обязательных требованиях в Российской Федерации".

Согласно п.1 ст.751 Гражданского кодекса РФ подрядчик обязан при осуществлении строительства и связанных с ним работ соблюдать требования закона и иных правовых актов об охране окружающей среды и о безопасности строительных работ. Подрядчик несет ответственность за нарушение указанных требований. Субъекты договора строительного подряда, как известно, - заказчик и подрядчик. Для подрядчика обязанность по охране окружающей среды и безопасности работ почему-то устанавливается, а для заказчика – нет. Кроме подрядчика и заказчика, в строительно-монтажном процессе либо в предшествующих строительно-монтажному процессу формах участвуют и другие субъекты: изыскатели и проектировщики, технические заказчики и поставщики материально-технических ресурсов, - однако, в ст.751 Гражданского кодекса РФ об их обязанностях и ответственности в области охраны окружающей среды и безопасности строительных работ. Требования в области охраны окружающей среды и безопасности строительных работ лишь частично представляют собой обязательные требования: естественно, что существуют и иные обязательные требования, отражающие особенности производства различных видов строительно-монтажных, реставрационных и иных работ.

Далее в соответствии с п. 2. ст.751 Гражданского кодекса РФ подрядчик не вправе использовать в ходе осуществления работ материалы и оборудование, предоставленные заказчиком, или выполнять его указания, если это может привести к нарушению обязательных для сторон требований к охране окружающей среды и безопасности строительных работ. Содержание и объем критики в адрес данной правовой нормы, по сути, дела совпадает с объемом и критикой в адрес п.1 той же статьи Гражданского кодекса РФ: почему-то не указаны иные субъекты предоставлений, например, поставщики материально-технических ресурсов и изготовители различной применяемой в строительстве технической документации. Нарушения со стороны субъектов инвестиционно-строительного процесса могут касаться не только требований в области охраны окружающей среды и

безопасности строительных работ, но и любых обязательных требований.

Естественно, что в параграфе 3 главы 37 Гражданского кодекса РФ эти взаимосвязи должны быть надлежаще отражены.

Собственно эколого-правовое регулирование строительства содержится в ст. ст. 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды", начиная от стадии территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий и заканчивая вводом в эксплуатацию и выводом из эксплуатации различных объектов. Анализируемую группу статей Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" нельзя назвать ни нормой права, ни группой взаимосвязанных норм. В теории права предлагается и обосновывается различная классификация норм права: исходные (отправные, учредительные), бланкетные, отсылочные правовые нормы [3]. Однако, структурно-логический и содержательный анализ ст. ст. 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" не позволяет отнести их ни к одному из перечисленных видов. В сущности, анализируемые статьи Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" (или нормы, если статьи нормативно-правового акта считать совпадающими с правовыми нормами), повторяют имеющееся общее эколого-правового регулирование отношений, складывающимся в сфере организации, планирования и осуществления строительства. В системе эколого-правового регулирования известны формы охраны окружающей среды: восстановление природной среды, рациональное использование природных ресурсов, недопущение негативного воздействия. Статьи 35-41 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред.26.12.2024) "Об охране окружающей среды" к этим формам охраны окружающей среды ничего не добавляют и никак их не раскрывают применительно к строительству.

Определенные критические замечания вызывает и теоретический уровень разработки эколого-правовых проблем строительства.

Известна, например, научная работа, посвященная эколого-правовым основам регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России [4]. Изучение структуры и содержания данной научной работы показывает, что собственно эколого-правовому регулированию строительства посвящена лишь одна, четвертая глава, что доказывает объективные трудности в выявлении и исследовании эколого-правового регулирования строительства.

Примерно такая же картина наблюдается в учебно-методических изданиях. Имеются такие, в которых эколого-правовые проблемы строительства вообще не выделяются и не освещаются [5]. В других при освещении и раскрытии эколого-правового регулирования строительства повторяется гражданское и градостроительное законодательство[6], что явно недостаточно для эколого-правовых исследований и экологического образования.

Таким образом, основной вывод состоит в признании отсутствия надлежащего эколого-правового регулирования строительства, в необходимости поиска и установления критериев и механизмов эколого-правового режима создания объектов недвижимости и их развития и совершенствования.

Список цитируемой литературы:

1. Собрание законодательства РФ - 2002. - № 2. - Ст. 133; 2024. Часть 1. - № 53. - Ст. 8507.

2. Собрание законодательства РФ. – 2020. - № 31. – Часть 1. - Ст. 5006.

3. См.: Теория государства и права, Курс лекций. Под ред. Н.И.Матузова и А.В.Малько // М.: Юристъ, 2001. – С.369-372.

4. См.: Болтанова, Е.С. Эколого-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России / Е.С.Болтанова. – Дисс. на соискание ученой степени доктора юрид. наук.- Томск, 2014.

5. См.: Саркисов, О.Р. Экологическое право. Учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / О.Р.Саркисов, Е.Л.Любарский. – Казань, Центр инновационных технологий, 2014.

6. См.: Экологическое право. Учебник для вузов. Под ред. С.А.Боголюбова. Восьмое издание / М.: Юрайт,, 2025. – С. 146-151, 156-159.

Минакова Е. И. канд. экон. наук, доцент
Думнова Н.А. канд. экон. наук, доцент
ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Орел

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ЗЕЛЕНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности государственной поддержки зеленого бизнеса в Российской Федерации. Анализируются ключевые направления государственной политики, законодательные и нормативные акты, основные инструменты поддержки, включая субсидии, налоговые льготы, образовательные программы и государственно-частное партнерство. Выявляются основные проблемы, сдерживающие развитие зеленого бизнеса, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию системы государственной поддержки в контексте устойчивого развития и внедрения инновационных экологических технологий.

Ключевые слова: зеленый бизнес; государственная поддержка; устойчивое развитие; экологические инновации; Россия; экологическая политика; государственно-частное партнерство.

В условиях обострения экологических вызовов и глобального изменения климата вопросы развития зеленого бизнеса, ориентированного на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, становятся актуальными для всех государств, включая Россию. Переход к устойчивой экономике невозможен без поддержки со стороны государства, направленной на стимулирование внедрения экологичных технологий, развитие энергосбережения, экологической модернизации промышленности и сферы услуг. Анализ российского опыта государственной поддержки зеленого бизнеса, выявление его сильных и слабых сторон, а также разработка предложений по дальнейшему совершенствованию становятся важными задачами современной науки и практики [4].

Зеленый бизнес (или экологически ориентированное предпринимательство) — это совокупность видов деятельности, направленных на получение прибыли при одновременном снижении вредного воздействия на окружающую среду и рациональном использовании ресурсов [5]. Основой государственной поддержки такой деятельности выступает концепция устойчивого развития,

определяющая равновесие между экономическими, социальными и экологическими интересами общества [8].

Законодательная основа государственной поддержки зеленого бизнеса в России создается и развивается на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. К числу ключевых нормативных правовых актов относятся:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7ФЗ «Об охране окружающей среды»;
2. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности»;
3. Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «О стратегии развития низкоуглеродной экономики Российской Федерации»;
4. Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года.

Важное место занимают национальные проекты, среди которых «Экология», а также федеральные и региональные программы развития малого и среднего бизнеса с элементами поддержки зеленых инноваций [1,2].

В системе инструментов государственного воздействия выделяют финансовые, административные, информационные и организационные методы [3]. Финансовые формы включают субсидии, гранты, льготное кредитование, налоговые преференции.

Административные меры реализуются через лицензирование, квотирование и обязательные стандарты.

Информационные инструменты — это просвещение, обучение, консультационное сопровождение, а организационные — создание специальных структур, площадок и институтов поддержки, таких как агентства по развитию зеленых технологий [7, 11].

Ключевыми инструментами финансовой поддержки являются предоставление целевых субсидий и грантов на реализацию экопроектов, механизм «зеленого» финансирования через государственные банки (Сбербанк, ВЭБ.РФ). Примером успешного взаимодействия выступает программа поддержки внедрения технологий по переработке отходов на Дальнем Востоке и в Московской области [12].

Организации, занимающиеся возобновляемой энергетикой, переработкой вторсырья и модернизацией производств с целью снижения выбросов, могут претендовать на налоговые льготы, снижение ставок по налогу на прибыль, имущество, земле, а также на ускоренную амортизацию оборудования [10].

Совместные проекты государственного и частного сектора реализуются в сфере строительства и эксплуатации объектов утилизации отходов, объектов солнечной и ветроэнергетики, очистных сооружений [6].

Ведется просветительская работа, проводятся обучающие курсы для предпринимателей и специалистов по вопросам экотехнологий. Пример — Центр поддержки предпринимательства при МГУ, реализующий обучающие программы в области экобизнеса [13].

Несмотря на прогресс, развитие государственного регулирования зеленого бизнеса в России сталкивается с рядом проблем:

1. Недостаточная информированность предпринимателей о доступных мерах.
2. Сложности процедуры получения поддержки и административные барьеры.
3. Ограниченный доступ малого бизнеса к долгосрочному финансированию.
4. Отсутствие единой и всеобъемлющей статистики и мониторинга эффективности поддержки.
5. Недостаточное развитие механизмов «зеленых» госзакупок.

Для повышения эффективности требуется совершенствование законодательства, упрощение процедур, развитие инфраструктуры поддержки, создание прозрачных и предсказуемых механизмов финансирования зеленых инициатив [14].

Перспективными являются цифровизация процедур, внедрение ESG стандартов, расширение партнерств с международными организациями [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в Российской Федерации имеется достаточно широкая законодательная база и целый спектр инструментов поддержки зеленого бизнеса, однако потребности сектора пока удовлетворяются не в полной мере.

Наиболее востребованы прямые финансовые меры поддержки и налоговые льготы, что подтверждается опросами и анализом успешных кейсов (например, в сфере переработки отходов и энергоэффективности).

Перспективным направлением является развитие государственно-частного партнерства и внедрение цифровых платформ для поддержки предпринимателей. Существенный прирост зеленых инвестиций ожидается в случае консолидации усилий государства, бизнеса и научного сообщества.

В заключении необходимо сделать вывод, что проблемы и перспективы государственной поддержки зеленого бизнеса в России

отражают общие тенденции трансформации экономической политики страны в сторону устойчивого развития. Основу для дальнейшего роста экосектора составляют не только уже принятые законы и развитая система субсидий, но и высокий научно-технологический потенциал, наличие успешных пилотных проектов и растущий запрос общества на экологическую ответственность бизнеса.

В число приоритетных задач в ближайшей перспективе следует включить:

1. Повышение эффективности и адресности мер поддержки.
2. Упрощение процедур получения льгот и субсидий.
3. Развитие рыночных стимулов и механизмов финансирования.
4. Обеспечение тесной координации между уровнем государственной администрации, крупным и малым бизнесом, исследовательским и образовательным сообществом.

Реализация этих направлений позволит вывести зеленый бизнес в число драйверов модернизации экономики в России, придать импульс развитию отраслей, обеспечивающих экологическую безопасность и качество жизни страны.

Список цитируемой литературы:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7ФЗ (последняя редакция) «Об охране окружающей среды». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. Дата обращения: 22.04.2025г.

2. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261ФЗ (последняя редакция) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/. Дата обращения: 22.04.2025г.

3. Государственное регулирование экономики / Под ред. А. Х. Ахметова. – М.: ИнфраМ, 2020. – 384 с.

4. Данилов-Данильян, В.И. Экологические проблемы и развитие экономики / В. И. Данилов-Данильян, Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 2001. – 352 с.

5. Колесникова, Ю.В. Зеленый бизнес: теория и практика / Ю. В. Колесников, В. А. Печорин. – СПб.: Питер, 2018. – 288 с.

6. Абдурагимов, Р.Д. Государственно-частное партнерство как инструмент поддержки зеленых инициатив в России / Р. Д. Абдурагимов // Государственная служба. – 2023. – №2. – С. 66–73.

7. Брагин, А.А. Государственная поддержка экобизнеса в условиях цифровой экономики / А. А. Брагин // Экономика и предпринимательство. – 2022. – №3(140). – С. 29–34.

8. Брутенц, А.Н. Устойчивое развитие и государственная политика А.Н. Брутенц // Вопросы экономики. – 2019. – №6. – С. 14–26.

9. Давыдова, Е.Б. ESG подход и его роль в развитии зеленого предпринимательства / Е. Б. Давыдова // Бизнес в законе. – 2023. – №7. – С. 15–21.

10. Ковалева, И.Г. Налоговые льготы для зеленого бизнеса: опыт России и зарубежных стран / И. Г. Ковалева // Налоги и финансовое право. – 2022. – №5. – С. 37–43.

11. Лаппо, Г. М. Зеленые финансы: мировой опыт и российские реалии / Г. М. Лаппо, Е. С. Львова // Финансы и кредит. – 2022. – №8. – С. 44–57.

12. Овчаров, А.П. Зеленые технологии: практика внедрения и роль государства / А. П. Овчаров, О. В. Егорова // Экологический вестник России. – 2021. – №2. – С. 51–58.

13. Программа Центра поддержки предпринимательства МГУ «Экобизнес: новые возможности в условиях экономики знаний». - [Электронный ресурс] // Официальный сайт МГУ. – Режим доступа: https://msu.ru/ecosupport. Дата обращения: 22.04.2025г.

14. Фролова, Е.А., Руденко А.Б. Проблемы и перспективы развития зеленого бизнеса в России / Е. А., А. Б. Руденко // Экономическая теория. – 2021. – №4. – С. 102–109.

Могилевец В.В., студентка 2 курса направление подготовки
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
ГОУ «Тираспольский юридический институт
Министерства внутренних дел
Приднестровской Молдавской Республики им. М.И. Кутузова»,
г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В работе рассматриваются проблемы и перспективы цифровизации как правового инструмента в развитии зелёной экономики. Отмечается значимость современных технологий для повышения экологической

эффективности и устойчивости, а также подчёркивается необходимость правового регулирования для их безопасной и легитимной интеграции.

Ключевые слова: цифровизация**;** мониторинг; зеленая экономика; цифровые технологии.

В условиях нарастающего антропогенного давления на окружающую среду вопросы охраны природы и обеспечения устойчивого развития приобретают первостепенное значение. К числу ключевых экологических вызовов современности относятся изменение климата, деградация экосистем, загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов. Решение данных проблем требует комплексного подхода, предполагающего гармоничное сочетание экономического роста с мерами по сохранению и восстановлению природного потенциала.

В ответ на указанные вызовы сформировалась концепция зелёной экономики, ориентированная на построение устойчивых экономических моделей, минимизирующих негативное воздействие на окружающую среду. Реализация данной стратегии предполагает активное внедрение современных технологий, способствующих не только повышению эффективности процессов, но и существенному снижению экологической нагрузки.

В данном контексте мощным инструментом, способствующим достижению целей зелёной экономики, выступает цифровизация. Инновационные цифровые технологии — искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные, блокчейн — открывают принципиально новые возможности для мониторинга, управления и оптимизации экологических процессов, обеспечивая их прозрачность, эффективность и адаптивность.

Вместе с тем, успешная интеграция цифровых решений в сферу охраны окружающей среды невозможна без соответствующего правового регулирования, способного гарантировать соблюдение установленных стандартов и минимизацию потенциальных рисков.

Так, актуальность темы состоит в необходимости правового обеспечения процессов цифровизации, которая сегодня становится ключевым инструментом реализации задач зелёной экономики. Для достижения устойчивого развития требуется нормативное закрепление цифровых технологий, обеспечивающее их эффективное и безопасное применение в экологической сфере.

Практическое применение цифровых технологий в сфере охраны окружающей среды уже демонстрирует высокий потенциал для трансформации традиционных подходов к экологическому

управлению. Рассмотрим ключевые направления, в которых цифровизация способствует развитию зелёной экономики.

1. Умные города (Smart City) — развитие данной концепции представляет собой важное направление цифровизации в рамках зелёной экономики. Интеграция цифровых решений — таких как автоматизированные системы управления энергопотреблением, интеллектуальные транспортные сети, сенсоры качества воздуха и цифровые платформы для анализа экологических данных — способствует сокращению выбросов и повышению экологической устойчивости.

Ярким примером является Сингапур, где в рамках инициативы Smart Nation внедрение сенсоров мониторинга качества воздуха и систем энергоэффективного управления зданиями способствовало снижению выбросов CO_2 на 15 % за последнее десятилетие. [4] В Амстердаме, благодаря платформе Amsterdam Smart City, цифровое управление транспортными потоками и освещением привело к сокращению парниковых газов и улучшению качества воздуха в отдельных районах города. [5]

2. Цифровой контроль за выбросами активно используется в странах Европы. Так, в Германии с 2015 года действует система MRV, отслеживающая выбросы CO_2 в реальном времени на уровне предприятий с помощью датчиков и аналитических платформ. Также, в Дании функционирует аналогичная система — Danish CO2 Emissions Monitoring System, интегрированная в национальную экологическую политику и способствующая снижению углеродного следа и улучшению соблюдения экологических стандартов.

3. Зелёный блокчейн обеспечивает прозрачность в управлении углеродными кредитами и зелёными инвестициями. Примером является платформа VeChain, использующая блокчейн для отслеживания углеродных выбросов и углеродных кредитов, что способствует повышению прозрачности в углеродном регулировании. В свою очередь, IBM Food Trust применяет блокчейн для отслеживания цепочек поставок в агропромышленности, позволяя минимизировать углеродный след и повысить устойчивость производства. Эти проекты демонстрируют возможности блокчейна для повышения эффективности и прозрачности в сфере зелёной экономики.

4. Искусственный интеллект (ИИ) находит широкое применение для повышения эффективности зелёной экономики, в том числе для мониторинга экологических рисков и оптимизации энергетических систем. Например, в Австралии используются ИИ-системы для

раннего выявления лесных пожаров, что позволяет оперативно реагировать на угрозы и минимизировать ущерб экосистемам. В сфере возобновляемой энергетики ИИ применяют для оптимизации работы солнечных и ветряных электростанций, прогнозируя выработку энергии в зависимости от погодных условий, что повышает эффективность и снижает затраты на производство энергии

Таким образом, цифровые технологии демонстрируют значительный потенциал в решении экологических задач, обеспечивая более точное, прозрачное и эффективное управление природными ресурсами. Однако для их устойчивого внедрения и масштабирования необходимо создание надёжной нормативно-правовой базы, обеспечивающей правовую определенность, соблюдение экологических стандартов и стимулирование устойчивых инноваций.

На международном уровне формирование нормативной базы цифровизации экологической сферы осуществляется через комплексные инициативы, направленные на обеспечение устойчивого развития и адаптацию к климатическим изменениям.

Одним из ключевых акторов в данной сфере является Программа ООН по окружающей среде (UNEP), реализующая инициативу «Digital Transformation of Environmental Governance». Она направлена на интеграцию ИИ, блокчейна, Интернета вещей и больших данных в международную систему экологического управления, а также на разработку принципов цифровой устойчивости и этического использования технологий в природоохранных целях.

Существенную роль играют Цели устойчивого развития ООН (SDGs), в частности: Цель 13 (борьба с изменением климата), Цель 12 (рациональное потребление и производство) и Цель 9 (устойчивая инфраструктура и инновации). Эти направления ориентированы на цифровую трансформацию экологически значимых секторов и способствуют формированию правовых механизмов поддержки экологических инноваций.

Кроме того, Международная организация по стандартизации (ISO) разрабатывает нормы, обеспечивающие правовую определенность при применении цифровых технологий в экологической сфере. В частности, стандарты ISO 14064 и ISO 14067 регулируют верификацию и отчётность по выбросам парниковых газов с применением цифровых платформ.

В Европейском Союзе ключевыми правовыми инициативами в сфере экологической цифровизации являются Зеленая сделка ЕС (Green Deal) и Регламент по управлению Энергетическим Союзом. Зеленая сделка (2019) направлена на достижение углеродной нейтральности к 2050 году и предусматривает использование

цифровых технологий для мониторинга выбросов и управления природными ресурсами. Регламент по управлению Энергетическим Союзом способствует цифровой трансформации энергетического сектора, повышая энергоэффективность и контроль над выбросами.

На российском уровне экологическое регулирование также активно интегрирует цифровые технологии. В рамках государственной программы «Цифровая экономика РФ» разрабатываются цифровые платформы для мониторинга окружающей среды, управления природными ресурсами и оценки экологических рисков. Законодательные инициативы, такие как Федеральный закон «О защите окружающей среды» и программа «Цифровая экология», способствуют использованию технологий для контроля выбросов и минимизации воздействия на природу.

Процесс цифровизации как правовой инструмент развития зеленой экономики сталкивается с рядом актуальных проблем:

1. Отсутствие единой нормативной базы. Несмотря на рост интереса к цифровым решениям в экологической сфере, законодательство во многих странах отстаёт от темпов технологического прогресса. В результате отсутствует целостный правовой механизм, обеспечивающий легитимность и эффективность применения цифровых инструментов. Например, в Индии данные цифрового мониторинга качества воздуха используются ограниченно из-за правовой неопределённости, что снижает их влияние на принятие решений и ограничивает возможность их использования в судебной практике. [1]

2. Фрагментарность цифровых систем и отсутствие стандартов. Разрозненность цифровых платформ, используемых для экологического мониторинга, препятствует интеграции данных между государственными структурами, бизнесом и международными организациями. До внедрения общеевропейской системы пространственных данных INSPIRE, страны ЕС сталкивались с трудностями при реализации трансграничных природоохранных проектов из-за несовместимости цифровых протоколов и форматов хранения информации. [3]

3. Дефицит квалифицированных кадров. Успешное внедрение цифровых технологий требует специалистов, обладающих знаниями в сфере экологии, программирования, анализа данных и правового регулирования. Однако текущая система образования и профессиональной подготовки не обеспечивает достаточного количества таких кадров. Особенно это заметно в развивающихся

странах, где нехватка экспертов ограничивает развитие цифровых экопроектов, несмотря на наличие потребности и финансирования.

4. Зеленый хайп (greenwashing). Цифровые инструменты часто используются компаниями для создания видимости экологической ответственности без реального вклада в устойчивое развитие. Так, компания H&M продвигает «зелёные» коллекции одежды, используя цифровые платформы для маркетинга, однако подвергается критике за непрозрачность в процессе переработки текстиля и массовое перепроизводство. [2] Это подрывает доверие потребителей и требует ужесточения правового контроля за экологическими заявлениями бизнеса.

5. Отсутствие ответственности за цифровые решения в экосфере. С применением цифровых технологий в управлении природными ресурсами возрастает потребность в закреплении юридической ответственности за результаты решений, принимаемых на основе алгоритмов и данных. В отсутствие чётких механизмов ответственность может быть размыта между разработчиками, операторами и государственными органами. Прецедентом стала ситуация в Нидерландах, где автоматизированная система оценки экологического воздействия дала сбой, что повлияло на выдачу разрешений и вызвало общественные протесты.

Преодоление существующих барьеров возможно при условии развития определённых направлений, которые способны обеспечить устойчивое и правомерное применение цифровых инструментов в сфере зелёной экономики.

1. Разработка и принятие единой нормативной базы. Принятие единых правовых норм и стандартов на национальном и международном уровнях для регулирования цифровых технологий в экосфере позволит обеспечить правовую легитимность применения цифровых инструментов в экологическом мониторинге и управлении. Важно создать юридическую основу для использования технологий для оценки воздействия на окружающую среду, прозрачности в отчетности и сертификации экологических технологий. Для этого необходимо адаптировать существующие директивы и законы, такие как директивы ЕС о защите данных, к специфике экологического мониторинга и устойчивого развития. Особое внимание следует уделить адаптации таких норм в национальные правовые системы, например, в рамках законодательства Российской Федерации — включая законы «Об охране окружающей среды» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации

2. Интеграция цифровых систем и стандартизация данных. Создание международных и национальных стандартов для сбора, хранения и обработки экологических данных с использованием цифровых технологий позволит улучшить интеграцию и координацию между государственными структурами, частным сектором и международными организациями. Внедрение искусственного интеллекта и блокчейна для повышения прозрачности и достоверности данных, а также создание открытых платформ для обмена экологической информацией, позволит значительно улучшить доступ к данным и их использование для экологического управления. Важно ввести законодательные акты, которые обязывают государственные органы и компании публиковать данные в открытых реестрах, обеспечивая доступ к ним для всех заинтересованных сторон. В российской практике наглядным примером служит система мониторинга окружающей среды, внедряемая в рамках национального проекта «Экология», а также цифровые решения, реализуемые Росприроднадзором.

3. Образование и подготовка кадров. Создание образовательных программ и курсов для подготовки специалистов в области цифровых технологий и экологии обеспечит потребности в квалифицированных кадрах. Включение в учебные планы новых дисциплин, таких как "цифровая экология", "зеленые технологии", а также повышение квалификации специалистов через различные курсы и тренинги поможет ускорить процесс адаптации кадров к требованиям зеленой экономики. Также необходимо внедрить систему сертификации и аккредитации специалистов, работающих в области цифровых экологических технологий, что позволит повысить квалификацию действующих специалистов и обеспечить качественное внедрение цифровых решений.

4. Правовая ответственность за цифровые решения. Введение понятия "цифровая экология" и закрепление ответственности за экологические последствия применения цифровых технологий станет важным шагом в правовом регулировании этой сферы. Разработка механизмов правовой ответственности за сбои в автоматизированных системах и результаты их воздействия на экологию обеспечит стабильность и прогнозируемость применения цифровых технологий в сфере экологии. Важно создать правовую основу для учета алгоритмов и решений, принимаемых на основе данных, и обеспечить юридическую ответственность за экологический ущерб, возникающий из-за цифровых решений.

5. Контроль за зелёным хайпом (greenwashing). Введение строгих стандартов для экологической маркировки и заявлений, которые должны

быть подтверждены не только декларативно, но и с помощью цифровых данных, поможет предотвратить нечестные практики в бизнесе. Для этого необходимо внедрить системы проверки экологических заявлений на основе независимых экологических аудитов и сертификаций, что обеспечит достоверность заявлений компаний. Ужесточение нормативов по защите потребителей от ложных экологических заявлений, включая обязательство для всех компаний публиковать цифровые отчеты, подтверждающие экологические данные, поможет восстановить доверие потребителей и обеспечить устойчивое развитие. В условиях России важно учитывать и адаптировать зарубежный опыт борьбы с greenwashing, одновременно развивая национальные механизмы экологической сертификации, например, через систему ГОСТ Р или Роскачество.

Цифровизация становится ключевым элементом современного экологического управления, требующим разработки комплексной и эффективной правовой базы. Создание устойчивых правовых механизмов для регулирования цифровых технологий позволит не только значительно повысить экологическую эффективность, но и обеспечить прозрачность, подотчётность и инновационное развитие в рамках глобальной зелёной повестки. Это станет важным шагом на пути к достижению устойчивого развития, обеспечивая гармоничное взаимодействие технологий и экологии на международной арене.

Список цитируемой литературы:

1. Актуальные вопросы мониторинга качества воздуха в реальном времени в Индии: выявление решений и последствия для политики и здравоохранения, 2024 год. URL: https://doi.org/10.1016/j.aeaoa.2024.100308

2. «Гринвошинг H&M: недальновидно и неэтично». Brandingmag, 12 декабря 2019 года. URL: https://www.brandingmag.com/2019/12/12/hms-greenwashing-short-sighted-and-unethical/

3. Европейская комиссия. Директива INSPIRE – Инфраструктура пространственной информации в Европе. URL: https://knowledgebase.inspire.ec.europa.eu/legislation/inspire-directive_en

4. План действий Сингапура в области климата: «Действуйте сегодня ради устойчивого будущего». Национальный секретариат по изменению климата, Канцелярия Премьер-министра Сингапура, 2016 год. URL:https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1545Climate_Action_Plan_Publication_Part_1.pdf

5. Умный город и устойчивый город: пример Амстердама. Citego, 2015 год. URL: https://www.citego.org/bdf_fiche-document-2429_en.html

Смыслова О.Ю., доктор экон. наук, доцент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Сергеева А.В., канд. экон. наук, доцент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Тульский филиал г. Тула

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В РАЗВИТИИ АПК

Аннотация

В статье обосновывается значимость экологического фактора в развитии АПК. Описаны глобальные вызовы мирового АПК. Приведены направления решения экологических проблем АПК. Описаны примеры включения экологического фактора в модели развития АПК, методику оценки инвестиционной привлекательности АПК. Дано авторское определение понятия «экологический потенциал».

Ключевые слова: агробизнес, экологический потенциал, инвестиционная привлекательность АПК

Среди элементарных потребностей человека потребности в пище и безопасности. Эти потребности тесно связаны с результатами деятельности агропромышленного комплекса и получили отражение в Доктрине продовольственной безопасности РФ, в которой продовольственная безопасность определяется продовольственной независимостью страны, доступностью пищевой продукции (физической и экономической) в необходимом количестве, соответствующего качества и безопасности. [2]

В прогнозе научно-технического развития агропромышленного комплекса до 2030 г. определены основные глобальные вызовы развития мирового АПК, среди которых рассмотрены и экологические вызовы (рис. 1).

Снизить выделенные риски можно за счет следующих мер:

- расширение научных исследований климата и экосистем для формирования адаптированных к изменяющейся среде условий хозяйствования, выведения устойчивых сортов растений и пород животных;
- активизация деятельности в области защиты природы;
- рациональный рост объема вносимых удобрений;
- интенсификация деятельности по поддержанию потенциала сельскохозяйственных земель;

- дальнейшее развитие международного сотрудничества в области борьбы с браконьерством. [1]

Рисунок 1 – Экологические вызовы мирового АПК

Многие исследователи среди основных факторов, влияющих на развитие АПК, отмечают экологические факторы. В частности, Щеткин Б. Н. предлагает модель развития АПК на основе трех взаимосвязанных факторов: технология, экология и экономика. «Одновременный учет указанных факторов позволит сельскому хозяйству более эффективно использовать земельные, водные и лесные ресурсы, что приведет к снижению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду». Предлагаемая модель строится на разработке новых технологических процессов в условиях безотходного производства продукции АПК, что позволит повысить эффективность развития АПК, снизить остроту экологических проблем. [4, С. 235]

Хоружий Л.И., Трясицин Н.А, Джикия М.К., Трясицина Н.Ю. считают, что для реализации государственной задачи по увеличению экспорта продукции АПК, необходимо в стратегическое планирование организаций данной сферы вводить принципы концепции ESG (Environmental, Social, Governance — концепция устойчивого развития бизнеса, основанная на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении). Авторы приводят пример использования данных принципов - «Рейтинг соответствия российских компаний АПК критериям ESG», составленный Россельхозбанком,

Данный подход они предлагают использовать при оценке инвестиционной привлекательности агробизнеса. Авторы отмечают, что при оценке инвестиционной привлекательности предприятий следует учитывать как финансовые (показатели оценки финансового состояния), так и нефинансовые факторы. В качестве нефинансовых факторов они предлагают использовать рыночные факторы (репутационные) и факторы ESG. Пример предлагаемых ими к учету факторов ESG представлен на рис. 2.

Рисунок 2 – Состав группы факторов ESG для оценки инвестиционной привлекательности агробизнеса [3, С. 197]

Приведенные примеры отражают значимость экологического фактора в развитии агробизнеса, в оценке и повышении привлекательности для потенциального инвестора. Решение экологических проблем, стимулирование развития положительных тенденций во взаимосвязи АПК-экология позволит расширить возможности развития АПК. Возможности развития АПК за счет бережного использования природных ресурсов, сохранения и поддержания естественных природных условий, решения экологических проблем, адаптации к изменяющимся природным условиям, формируют экологический инновационный потенциал АПК.

Таким образом, в процессе исследования получены следующие выводы:

1. Развитие мирового АПК сопровождается рядом экологических проблем, среди которых глобальное потепление, сокращение

естественного разнообразия пород животных и сортов растений, ухудшение качества почв и др.;

2. Для решения глобальных экологических проблем АПК требуется дальнейшее развитие научных исследований, природоохранной деятельности, сохранение и расширение потенциала сельскохозяйственных земель и др.;

3. Значимость экологического фактора подтверждается его включением в модели развития агробизнеса;

4. Возможности развития АПК за счет экологического фактора определяют экологический потенциал АПК.

Список цитируемой литературы:

1. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 [Электронный ресурс] URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/264/264dfabe7e526b6a79ffe5697c34ed4f.pdf

2. Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 (ред. от 10.03.2025) «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/?ysclid=maw8zfimsn408329606

3. Хоружий, Л.И. Оценка инвестиционной привлекательности компаний АПК на основе ESG-факторов / Л.И. Хоружий, Н.А. Трясицин, М.К. Джикия, Н.Ю. Трясицина // Известия ТСХА. – 2024. - Выпуск 2. - С. 189-202.

4. Щеткин, Б.Н. Триад системное моделирование в процессе разработки новых технологий в АПК /Б.Н. Щеткин // Вектор научной мысли. - 2023. - №4(4). - С. 232-237.

Стамова К.С., студентка 3 курса очной формы обучения
Научный руководитель: Коваль Е.О. преподаватель кафедры
Гуманитарных дисциплин
ГОУ «Тираспольский юридический институт Министерства внутренних
дел Приднестровской Молдавской Республики им. М.И. Кутузова»,
Приднестровская Молдавская Республика, г. Тирасполь

ЗЕЛЁНЫЕ ФИНАНСЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Аннотация

В статье рассматривается роль зелёных финансов как ключевого фактора повышения инвестиционной привлекательности страны на международной арене. Раскрываются понятие и структура зелёных финансов, включая такие инструменты, как зелёные облигации, устойчивое кредитование и ESG-инвестирование. Особое внимание уделено анализу международного опыта (на примерах Китая, Франции и Колумбии), демонстрирующего, как внедрение зелёных финансовых механизмов способствует привлечению долгосрочного капитала, укреплению репутации страны и соответствию глобальным экологическим трендам. Также обсуждаются существующие вызовы — отсутствие единых стандартов, риск "зелёного камуфляжа" и нехватка прозрачности.

Ключевые слова: зелёные финансы; инвестиционная привлекательность; устойчивое развитие; зелёные облигации; ESG-инвестирование; климатическая политика; международные инвестиции; устойчивое финансирование; зелёная экономика.

В XXI веке устойчивое развитие стало приоритетом глобального экономического и политического повестки. Окружающая среда, изменение климата, декарбонизация — ключевые вызовы, на которые государства и международные корпорации реагируют через формирование новой финансовой архитектуры. Одним из её инструментов стали зелёные финансы — финансовые потоки, направленные на реализацию экологически устойчивых проектов. Развитие зелёных финансов способствует не только охране окружающей среды, но и повышает инвестиционную привлекательность страны на международной арене.

Зеленые финансы — это совокупность финансовых инструментов, стратегий и институтов, направленных на финансирование проектов, способствующих экологической устойчивости. Сюда входят:

1. Зеленые облигации — долговые ценные бумаги, средства от размещения которых направляются на экологические проекты (энергетика, транспорт, водоснабжение и др.)

2. Зелёное кредитование — предоставление кредитов на льготных условиях для реализации проектов в сфере возобновляемой энергетики, энергоэффективности, управления отходами и др.

3. ESG-инвестирование — инвестиции, учитывающие экологические (E), социальные (S) и управленческие (G) критерии.

4. Зелёные фонды — инвестиционные фонды, финансирующие исключительно устойчивые инициативы [3, с.82].

Международные инвесторы всё чаще учитывают ESG-факторы (экологические, социальные и управленческие) при принятии решений. Страны, демонстрирующие развитую систему зеленого финансирования:

1. воспринимаются как более устойчивые к климатическим и регуляторным рискам,

2. демонстрируют прозрачность и зрелость финансовых институтов,

3. соответствуют глобальным стандартам, таким как Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН или Парижское соглашение.

Внедрение и развитие зеленых финансов позволяет стране: повысить доверие со стороны иностранных инвесторов, привлечь «долгие» и «дешевые» деньги, участвовать в международных климатических и финансовых инициативах, улучшить рейтинг по ESG и устойчивому развитию [1, с.72].

Примеры успешных стран:

Китай: в 2016 году КНР стала первой крупной страной, официально принявшей национальную стратегию по развитию зелёных финансов. Создан крупнейший в мире рынок зелёных облигаций — по состоянию на 2024 год объём выпуска превысил $200 млрд. Запущены пилотные зоны зелёного финансирования. В результате Китай вошёл в топ-3 стран по привлечению международных инвестиций в устойчивую инфраструктуру. Улучшение позиций в ESG-рейтингах способствовало росту доверия иностранных инвесторов. Получение доступа к финансированию от таких структур, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (AIIB) и Новый банк развития БРИКС.

Франция: Франция первой в мире ввела обязательное раскрытие ESG-рисков для институциональных инвесторов (закон Article 173-VI, 2015). Активное участие в выпуске суверенных зелёных облигаций (Green OATs) — около €40 млрд с 2017 года. В 2020 году

правительство выпустило зелёные облигации для финансирования экологически устойчивых проектов в энергетике, транспорте и сельском хозяйстве. В результате: привлечение большого объёма международного капитала через Парижскую биржу. Рост доверия к финансовому рынку Франции со стороны устойчивых инвесторов. Развитие репутации Франции как одного из флагманов «зелёной дипломатии» [5, с.68].

Колумбия: в 2021 году Колумбия выпустила свои первые суверенные зелёные облигации на сумму около $750 млн. Средства направлены на: проекты в области устойчивого транспорта, восстановление лесов Амазонии, развитие водоочистных сооружений. Как результат повысилась инвестиционная привлекательность среди международных ESG-фондов. Участие в международных платформах, таких как Green Bond Transparency Platform от IDB. Положительная реакция со стороны рейтинговых агентств на улучшение устойчивого профиля страны.

В процессе реализации программ страны могут столкнуться с препятствиям и вызовами, такими как отсутствие унифицированной таксономии — страны по-разному определяют, что считать "зелёным".

Риски "greenwashing" — под видом экологических могут продвигаться спорные проекты. Низкий уровень осведомлённости в развивающихся странах. Сложность оценки ESG-рисков для инвесторов. Недостаток статистики и прозрачности отчётности [4, с.20].

Рекомендации странам:

1. Разработка и внедрение национальной зелёной таксономии, синхронизированной с международными стандартами (например, EU Taxonomy, ICMA) [2, с.35].

2. Создание правовых и институциональных основ для рынка устойчивого финансирования.

3. Мотивация банков и компаний к раскрытию информации о климатических рисках.

4. Сотрудничество с международными институтами (Мировой банк, EBRD, IFC) в сфере зелёных проектов.

5. Формирование госпрограмм субсидирования и гарантирования зелёных проектов.

Развитие зелёных финансов — это не просто модный тренд, а необходимый компонент современной инвестиционной политики. Страны, активно внедряющие зелёные финансовые механизмы, усиливают свою позицию в международной экономике, демонстрируют ответственность и открытость, формируют

положительный имидж и получают доступ к новым источникам долгосрочного капитала.

Таким образом, зелёные финансы служат мощным инструментом повышения инвестиционной привлекательности страны на международной арене, особенно в условиях глобального климатического кризиса и перехода к экономике устойчивого развития.

Список цитируемой литературы:

1. Европейская Комиссия. "EU Green Deal". https://ec.europa.eu
2. Climate Bonds Initiative. Annual Green Bond Market Report.
3. World Bank Group. "Green Finance and Investment Frameworks".
4. OECD. Green Finance and Investment.
5. ICMA (International Capital Market Association) — Green Bond Principles.

Федотов В.И., Дементьева А.С., бакалавр 3 курса программы «Менеджмент»
Научный руководитель: Угрюмова М.Н., к.э.н., доцент
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ РЕЙТИНГА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация

В данной научной статье рассматривается методология формирования оценки рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России. Исследование направлено на разработку комплексного подхода к оценке инвестиционной привлекательности, который учитывает множество факторов, влияющих на готовность инвесторов вкладывать средства в тот или иной регион.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, регионы России, методология оценки, интегральный индекс.

Оценка инвестиционной привлекательности регионов – это систематизированный процесс выявления потенциала региона привлекать частные и государственные инвестиции посредством комплексного анализа совокупности факторов, характеризующих

инвестиционный климат и перспективы развития конкретной территории.

Актуальность исследования инвестиционной привлекательности регионов обусловлена несколькими важными факторами. Первостепенным следует указать необходимость в эффективном распределении инвестиций, так как они играют ключевую роль в развитии экономики любого региона. Правильно выбранные регионы привлекают инвестиции быстрее и эффективнее обеспечивают экономический рост, создавая рабочие места, развивая инфраструктуру и повышая конкурентоспособность национальной экономики. Вторым важным аспектом является рост конкуренции между регионами, привлекая тем самым частные и государственные инвестиции [1].

Следующий фактор основан на формировании сбалансированной структуры экономики страны, то есть равномерное распределение инвестиций по территории страны способствует снижению территориальных диспропорций, сокращению различий в уровне жизни населения и создает основу для стабильного роста всей экономики. Нельзя также не затронуть факт развития инфраструктуры и повышения уровня жизни населения, как уже было упомянуто, данный уровень привлекает дополнительные ресурсы для модернизации и строительства дорог, энергетических сетей, социальной сферы и жилищно-коммунального хозяйства [2]. Не менее важным составляющим исследования указанной проблематики является усиление роли государственного регулирования.

Государственная политика играет важную роль в формировании благоприятных условий для привлечения инвестиций. Исследования позволяют выявлять недостатки и разрабатывать меры поддержки, направленные на улучшение инвестиционного климата.

Проблематика оценки инвестиционной привлекательности возникла одновременно с развитием капиталистической экономики и получила широкое распространение в XX веке. Изначально акцент ставился преимущественно на экономическом аспекте, но постепенно начали учитываться социальные, экономические и политико-правовые составляющие.

Существует два базовых подхода к пониманию сущности инвестиционной привлекательности. Классический подход основан на рассмотрении привлекательности исключительно с точки зрения возврата вложенного капитала и дохода от инвестиций. Комплексный же подход включает не только финансовую отдачу, но и социальные, экологические, инфраструктурные, политические и культурные аспекты, отражая

широкий спектр факторов, важных для принятия инвестиционных решений [3].

Сегодня применяются разнообразные методы оценки инвестиционной привлекательности, среди которых выделяются:

– индикаторный подход (использование набора численных показателей);

– балльно-рейтинговый подход (оценка компонентов с присвоением баллов);

– комплексный интегрированный подход (объединяющий оба предыдущих подхода).

В настоящее время широко применяется интегральный индекс инвестиционной привлекательности, который характеризуется как комплексный показатель и используется для оценки инвестиционной привлекательности региона или страны. Этот индекс учитывает множество факторов, влияющих на привлекательность региона для инвесторов, и позволяет сравнивать различные регионы по уровню их инвестиционной привлекательности. Основные компоненты интегрального индекса включают в себя следующие факторы:

1. Экономические факторы, в которые входит: экономический рост, темпы увеличения уровня ВВП, промышленного производства, также учитываются показатель инфляции в регионе, стабильность цен и экономической ситуации. В качестве не маловажным фактором следует отметить инвестиционную сферу, заключающуюся в объеме предоставляемых инвестиций территориальному округу.

2. Политические факторы, отталкивающиеся от уровня политической стабильности региона и наличия поддержки со стороны государства в виде программ, направленных на привлечение капиталовложений.

3. Правовые факторы, основанные на политике защиты прав инвесторов, применение четкого, прозрачного законодательства, направленного на защиту интересов субъектов экономических правоотношений. Стоить констатировать, что важным аспектом является простота введения бизнеса в том или ином регионе, уровень бюрократический барьеров и процедур регистрации юридических сделок.

4. Инфраструктурные факторы, которые определяются исходя из оценки разных видов инфраструктуры, поддерживающейся в регионе. Так, оценке подлежат: качество транспортной системы, дорог, аэропортов, железных путей сообщения, энергосберегательный блок, в который входят объекты и системы, обеспечивающие производство,

передачу, распределение и потребление энергии и иные формы жизнеобеспечения округа.

5. Человеческий ресурс, выражающийся в наличии кадров профессиональной направленности и высокого уровня специализации, а также возможность в привлечении новой и перемещении уже имеющейся рабочей силы внутри и за пределами региона.

6. Финансовые факторы, влияющие на развитие сфер банковской среды, кредитных ресурсов для предпринимательства, бизнеса, инвесторов, не менее важным являются налоговые льготы и условия для субъектов экономической деятельности.

7. Социальные факторы, касающиеся оценки уровня жизни населения, развитость социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, культура), показателя преступности и безопасности для жизни и ведения бизнеса.

Исследуя целую совокупность факторов оценки привлекательности регионов, специалисты делают выводы по каждому региону, в соответствии с чем выявляется уровень инвестиционной привлекательности региона и присваивается ему по специальной шкале, разделенной на три большие категории, внутри каждой из которых выделяются три подуровня (рисунок 1).

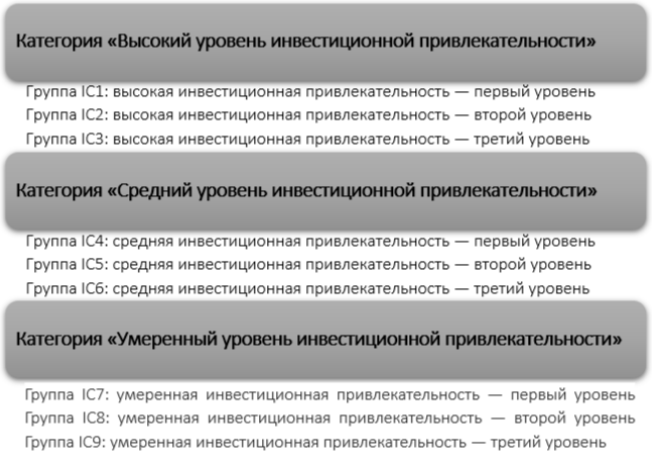

Рисунок 1 – Шкала уровней инвестиционной привлекательности регионов [4]

Стоит констатировать, что шкала уровней инвестиционной привлекательности регионов является важным инструментом для

оценки и сравнения регионов по их способности привлекать инвестиции [5].

Приведем статистику инвестиционной привлекательности регионов, исходя их данных, полученных национальным рейтинговым агентством (НРА) за 2024 год (рисунок 2).

На рисунке представлено распределение регионов России по группам инвестиционной привлекательности в 2024 году. Следует обозначить из приведенной шкалы выше, что группы обозначены как IC1, IC2, IC3 и так далее, где IC1 это регионы с самым высоким уровнем инвестиционной привлекательности, а IC9 – с самым низким.

Из продемонстрированного рисунка складываются следующие выводы:

1. Группы IC1 и IC2: в этих группах находится небольшое количество регионов, что указывает на высокий уровень инвестиционной привлекательности этих регионов. Регионы в этих группах, вероятно, обладают развитой инфраструктурой, стабильной политической ситуацией и благоприятными условиями для ведения бизнеса. В данную группу были отнесены следующие регионы: Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Московская область, Чукотский автономный округ

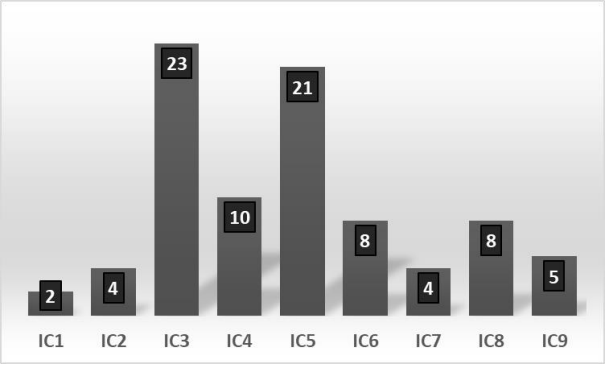

Рисунок 2 – Распределение регионов по группам инвестиционной привлекательности в 2024 году [6]

2. Группа IC3: большая часть регионов сосредоточена в данной группе, что сопровождается умеренным уровнем инвестиционной привлекательности, данных территориальных образования. Стоит говорить об имеющихся некритических проблемах в области

недостаточности инфраструктуры, нехватки ресурсоснабжения, но потенциал для дальнейшего развития имеют высокий. К описываемой группе было отнесено 24 региона: Магаданская область, Белгородская область, Нижегородская область, Ленинградская область, Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Воронежская область, Камчатский край, Свердловская область, Самарская область, Краснодарский край, Хабаровский край, Челябинская область, Калининградская область, Тюменская область, Ростовская область, Приморский край, Новосибирская область, Тульская область, Ненецкий автономный округ, Липецкая область, Мурманская область, Амурская область.

3. Группы IC4 и IC5: в указанной группе также находится большое количество регионов России, но в данном случае они оцениваются как регионы со среднем уровнем инвестиционной привлекательности. Проблемами данной группы являются также недостаток в инфраструктуре и снабжении ресурсами, а также высокий уровень безработицы и нестабильная ситуация в социально-политической сфере. В рейтинг указанной группы вошли: Ярославская область, Республика Саха, Курская область, Пермский край, Калужская область, Республика Башкортостан, Красноярский край, Оренбургская область, Владимирская область, Омская область, Чувашская Республика, Пензенская область, Рязанская область, Саратовская область, Смоленская область, Тамбовская область, Иркутская область, Астраханская область, Республика Мордовия, Республика Адыгея, Ульяновская область, Новгородская область, Ивановская область, Ставропольский край, Алтайский край, Удмуртская Республика, Костромская область, Вологодская область, Орловская область, Волгоградская область, Республика Карелия.

4. Группы IC6, IC7, IC8 и IC9: характеризуется низким уровнем инвестиционной привлекательности и сосредоточиванием наименьшим количеством регионов в данной группе. Территориальные образования, указанные по вышеперечисленным шкалам, имеют серьезные проблемы в области трудоустройства жителей, а также с безработицей, малой оснащенностью в инфраструктуре жизнеобеспечения и также нестабильностью в обществе. В данную группу вошли 25 регионов России: Псковская область, Томская область, Республика Хакасия, Тверская область, Кировская область, Брянская область, Севастополь, Кемеровская область – Кузбасс, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Крым, Архангельская область, Республика Коми, Республика Бурятия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Алтай, Еврейская

автономная область, Забайкальский край, Республика Марий Эл, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Республика Тыва

Из представленного методологического анализа, следует констатировать, что исследования методологических особенностей формирования оценки рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России на основе подбора конкретных инструментов, подходов, выявление факторов экономического развития территориальных округов является актуальным и необходимым аспектом для принятия обоснованных решений в отношении той или иной сложившейся ситуации в регионах. Подробный методологический анализ помогает инвесторам и государственным органам оценивать риски и возможности, связанные с инвестированием в тот или иной регион, и разрабатывать эффективные стратегии по улучшению условий для инвестиций.

Список цитируемой литературы:

1. Куриков, В.М. Методология оценки инвестиционной привлекательности региона / В.М. Куриков, Ю.В. Ташланова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 5-1. – С. 99-103.

2. Будиловская, О.А. Инвестиционная привлекательность региона и методы ее оценки / О.А. Будиловская, Т.Л. Баженова // Вестник ОГУ. – 2011. – № 13 (132). – С. 67-72.

3. Вельгош, Н.З. Инвестиционная привлекательность как фактор динамичного развития региона / Н.З. Вельгош, О.С. Сиваш, С.С. Змияк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2021. – Т. 7. № 4. – С. 3-12.

4. Инвестиционный портал регионов России. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России. – URL: https://www.investinregions.ru/ratings/ra-national/ 1 (дата обращения: 20.05.2025)). – Текст : электронный.

5. Бекетова, А.М. Обзор методов оценки инвестиционной привлекательности региона / А.М. Бекетова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2015. – №4-1 (43). – С. 30-35.

Шабанова А.Д., студент,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Смоленский филиал, г. Смоленск
Научный руководитель-Полякова О. Е., канд. экон. наук, доцент

«ЗЕЛЕНЫЕ СПОСОБЫ» ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

Статья посвящена проблеме повышения уровня и качества жизни населения. Выделяется и описывается к чему может привести неудовлетворенность людей своим качеством жизни. Значительное внимание уделяется национальным проектам Правительства Российской Федерации, целью которых является создание комфортных условий для жизни граждан.

Ключевые слова: уровень и качество жизни, миграция, человеческий капитал, государство, национальные проекты, продолжительность жизни.

Повышения уровня и улучшения качества жизни населения является первостепенной задачей любого государства. В условиях рыночной экономики всегда существует дифференциация населения по уровню доходов и качеству жизни на различные группы.

Определение категории «уровень жизни» до сих пор является темой для дискуссий между ведущими экономистами и статистиками. Многими учеными отмечается, что пока нет общепризнанного понятия данной категории, так как оно должно характеризовать степень удовлетворенности не только материальными благами, но и нематериальными услугами.

Высокий уровень жизни подразумевает под собой такое устойчивое развитие социально-экономической сферы, в котором каждое последующее поколение, по сравнению с предыдущим, живет в более благоприятных и комфортных условиях. Уровень жизни показывает реальную возможность общества и его членов обеспечить себя нужными и необходимыми благами и ценностями.

Понятие уровня жизни тесно связано с понятием качества жизни, но это не одно то же. Качество жизни – это различные (экономические, культурные, социальные, экологические и другие) условия жизни людей, которые характеризуют ее и качественную сторону, в отличии от количественных показателей и уровневых стандартов. Оно

описывается такими понятиями как здоровье человека, окружающая среда, продолжительность жизни и т. д.

Характеризуя качество жизни стоит принимать во внимание, что это многогранное, более широкое понятие, чем «уровень жизни».

Неудовлетворенность качеством и уровнем жизни в первую очередь приводит к активной миграции населения и оттоку высококвалифицированных специалистов в другие страны. За последние 70 лет глобальная миграция экспертов, квалифицированных специалистов и ученых стала острой проблемой многих государств, в том числе и России. [2, с.121] По приблизительным подсчетам около 30 000 российских ученых работают за рубежом. Это достаточно внушительная цифра.

Раньше причиной утечки мозгов была финансовая сторона. Молодые ученые уезжали в другие страны с целью увеличения своей прибыли, так как за рубежом им предлагали более высокую заработную плату и быстрый карьерный рост. Сейчас ситуация изменилась в благоприятную для Российской федерации сторону, так как набирает тенденцию обратное явление – это возвращение эмигрантов на родину.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за период с 2023 по 2024 года чистая миграция положительная. Это означает, что на территорию России въезжает больше людей, чем выезжает. Данное явление представлено на рисунке 1.

Из рисунка 1 можно сделать вывод, что в 2023 году миграционный прирост составил 203 629 человек, а в 2024 году 568 521 человек. Также число выбывших в 2024 году значительно сократилось по сравнению с 2023 годом. Все это связно с тем, что в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий все больше внимания уделяется качеству жизни людей и развитию человеческого капитала.

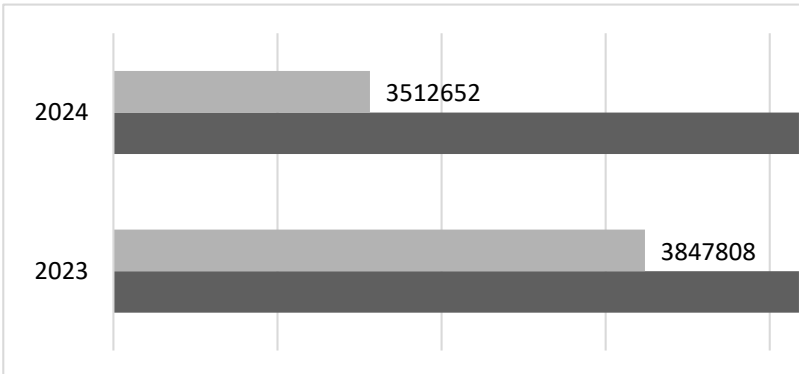

Рис.1 Динамика миграции населения Российской Федерации за 2023-2024 гг., человек

Ярким примером данного события является реализация с 2005 года таких национальных проектов, как «Жилье», «Образование» и «Здоровье». В 2025 году действуют следующие национальные проекты: «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», «Технологии здоровья», «Жилье и городская среда», «Инфраструктура для жизни» и «Экологическое благополучие».

Для более точной и объективной оценке эффективности упомянутых выше национальных проектов обратимся к статистическим данным. На примере проекта «Продолжительная и активная жизнь» возьмем показатель - средняя продолжительность жизни за период с 2015 по 2023 года. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Динамика средней продолжительности жизни в Российской Федерации за 2015-2023 гг., лет

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Лет	71,3	71,9	72,8	72,9	73,1	71,2	69,8	72,5	73,2

По динамике средней продолжительности жизни видно, что показатели с годами постепенно росли. Исключением стал коронавирусный период – 2020 и 2021 года, когда продолжительность жизни значительно упала на 1,4 года. Самое большое значение приходится на 2023 год.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в условиях глобализации экономики и усиления международной

конкуренции только здоровое, образованное и находящееся в комфортных условиях население страны способно гарантировать прогрессивный экономический рост. В России за последние десятилетие рост заинтересованности проблемой повышения уровня и качества жизни населения стал очевиден. Так, начиная с 2005 года и по сегодняшний день государство реализует разнообразные национальные проекты, направленные на улучшение экологии, совершенствования образования, увеличения продолжительности жизни и укрепления института семьи.

Список цитируемой литературы:

1. Колесова, Т. М. Реализация национальных проектов России через призму социологических концепций / Т. М. Колесова, У. С. Борисова // МОДЕЛИ и МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ исследований : сборник статей Международной научно-практической конференции, Киров, 05 июня 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2022. – С. 215-219. – EDN SHGJOW.

2. Легашов, М. А.. « Рост качества жизни населения — приоритетная задача государства» // «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета», 2022, №5 (137), ч. 1, С. 120–124.

3. Полякова, О. Е. Демографическая политика как составляющая комплексной политики региона по улучшению качества жизни населения / О. Е. Полякова // Научные труды Межрегиональной научно-практической конференции "Управление качеством жизни: региональный аспект", 6-7 июня 2007 г.. – Смоленск : [б. и.], 2007. – С. 201-205. – EDN XSPAJT.

4. Скипин, Д. Л. Уровень и качество жизни населения - индикатор экономического роста региона / Д. Л. Скипин, П. Е. Лазарева, Ю. В. Жукова // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности : Материалы V Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, Тюмень, 24–27 апреля 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 175-183. – EDN LGNALC.

5. Социально-экономическое положение России: Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397. (Дата обращения 10.05.2025).

Шибина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ESG-ПРИНЦИПЫ И ИХ ВНЕДРЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Аннотация

В статье анализируются ключевые аспекты концепции ESG. Исследуется предназначение ESG, а также основные нормативы, определяющие эту концепцию. Предлагается руководство по внедрению принципов ESG в деятельность предприятия «АО Избердеевский элеватор».

Ключевые слова: ESG; принципы; основные стандарты; цель; анализ; внедрение; предприятие; модель BIM.

ESG-критерии представляют собой свод ключевых положений, нацеленных на интеграцию экологических, социальных и управленческих факторов в бизнес-процессы предприятий. Они служат для оценки стабильности компаний и их влияния на экологию, социум и внутреннюю систему администрирования. Задача ESG-подхода заключается в обеспечении устойчивого прогресса, оптимизации производительности компаний и формировании благоприятного эффекта для общества и природы. [2]

Основные стандарты в сфере ESG:

1. Руководства и нормативы Global Reporting Initiative (GRI) служат основой для создания корпоративных отчетов, отражающих нефинансовые аспекты деятельности. Эти стандарты были разработаны GRI для мотивации компаний к открытому представлению данных об их воздействии на окружающую среду и общество, а также об их приверженности принципам устойчивого развития. Стандарты GRI являются наиболее востребованными в мире для подготовки отчетности, не связанной с финансами; приблизительно две трети подобных отчетов, как в России, так и в других странах, составляются на их основе.

2. Совет по стандартам учета в области устойчивого развития (SASB) разрабатывает отраслевые стандарты отчетности, которые акцентируют внимание на рисках и возможностях, связанных с устойчивым развитием. Цель этих стандартов - оказать содействие компаниям в определении наиболее значимых факторов устойчивости для их конкретной отрасли и включении их в процесс корпоративной отчетности. Таким образом, SASB стремится предоставить организациям инструменты для более эффективного управления

вопросами устойчивого развития и прозрачного информирования заинтересованных сторон о связанных с этим аспектах.

3. Рекомендации Целевой группы по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом (TCFD): TCFD создала набор руководств для представления отчетности о рисках и перспективах, обусловленных климатическими изменениями. Эти рекомендации призваны помочь организациям в анализе и представлении информации о финансовых, производственных и стратегических аспектах, подверженных влиянию изменений климата.

4. Инициатива Carbon Disclosure Project (CDP) предлагает платформу для отчетности о парниковых выбросах и мерах по управлению климатическими рисками. Организации имеют возможность на добровольной основе публиковать информацию о своей деятельности в сфере климата через CDP. Это дает возможность инвесторам и другим заинтересованным сторонам анализировать климатическую политику и результаты компаний.

5. Международный стандарт ISSB. Ключевая задача совета заключается в построении комплексной и доступной системы, которая поможет компаниям лучше понимать и раскрывать информацию о своей деятельности в области устойчивости. Это также должно облегчить сравнение данных и оценку результативности компаний в этой сфере в международном масштабе. [1]

6. Рекомендация предприятию АО «Избердеевский элеватор» по внедрению ESG-принципов в деятельность может осуществляться следующими этапами:

Этап 1 – данный процесс подразумевает формирование коллектива профессионалов высокого уровня, чья задача заключается в анализе проблемных областей, исходя из ключевых показателей эффективности предприятия, а также в определении стратегических задач для долгосрочного и устойчивого развития.

Этап 2 – производится оценка слабых мест в различных сферах работы (использование ресурсов, утилизация отходов, кадровое администрирование, безопасность на рабочем месте и прочее). Выявляются потенциальные опасности и перспективы, связанные с применением принципов ESG.

Этап 3 – это анализ перспектив развития предпринимательской деятельности, принимающий во внимание экологические, социальные и управленческие аспекты, а также сопоставительный анализ лучших практик. На данном этапе определяются ключевые приоритеты и главные векторы развития, исходя из нужд организации.

Этап 4 – реализация выбранной стратегии достигается посредством реализации разработанных планов, развития профессиональных навыков и обучения персонала. Ключевым фактором успеха является обеспечение согласованности действий и взаимодействия между всеми вовлеченными подразделениями для успешной реализации ESG-стратегии.

Этап 5 – это комплексный анализ как внутренних показателей деятельности, так и внешних факторов воздействия. В рамках внутреннего анализа важно акцентировать внимание на потенциальных трудностях в исполнении ESG-стратегии и препятствиях на этом пути. Внешний анализ предполагает отслеживание трендов в области ESG-регулирования и изменений в нормативно-правовой базе. [3]

Для успешной интеграции принципов ESG требуется активное применение современных IT-решений, включая искусственный интеллект, машинное обучение, компьютерное зрение и технологию информационного моделирования зданий (BIM). BIM представляет собой цифровую модель объекта, где информация о строительстве представлена не в виде разрозненных таблиц и списков, а как взаимосвязанная виртуальная структура с четкими параметрами и геометрической привязкой.

Данный подход подразумевает всестороннее изучение не только внутренних рабочих процессов, но и внешних влияний. При проведении внутреннего анализа необходимо тщательно оценивать возможные проблемы при реализации ESG-стратегии и выявлять потенциальные барьеры.

В современных реалиях, когда экологическая обстановка ухудшается, климатические изменения становятся все более заметными, а концепция «быстрой моды» набирает обороты, равно как и наблюдается дефицит квалифицированных кадров, для руководства предприятия остро встает задача сохранения и укрепления конкурентных позиций. Внедрение принципов ESG (экологического, социального и управленческого развития) становится актуальным инструментом для достижения этой цели, поскольку предполагает использование экологически чистых технологий, привлечение инвестиций в «зеленые» проекты и применение принципов «зеленого» маркетинга.[4]

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что Российская Федерация в настоящий момент ориентирована на экологическую ответственность. Внедрение ESG-принципов активно продвигается в России как правительством, так и отдельными

компаниями. Тем не менее, для адаптации к ESG-стандартам многим российским промышленным предприятиям требуется определенное время, финансовая поддержка и трансформация корпоративного мышления.

Список цитируемой литературы:

1. Корпоративные стратегии и технологии в условиях ESG-трансформации бизнеса. М.: Кнорус, 2023. Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2017. №21(2). С. 6-11.

2. ESG-принципы компании. 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://developers.sber.ru

3. Трофимов, О. В. Внедрение концепции ESG на промышленных предприятиях Российской Федерации (на примере горнодобывающей и металлургической промышленности) / О. В. Трофимов, А. Г. Саакян // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 11. – С. 3121-3134. – DOI 10.18334/ce.18.11.122015

4. Сопилко Н.Ю., Орлова А.Ф., Лисицкая С.М. Теоретические основы экономики устойчивого развития. / Учебное пособие. - Москва: Российский университет дружбы народов, 2017. – 165 с.

Яцкевич А.А., студентка
УО «Белорусский государственный аграрный технический университет», г. Минск, Беларусь

ВНЕДРЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УПАКОВКИ

Аннотация

В настоящее время постоянно возрастает степень заинтересованности населения в экологии, в связи с этим изменяется и поведение потребителей. Людей интересует из чего сделана упаковка, которая в большинстве случаев наносит колоссальный вред здоровью населения и так же окружающей среде. В последние годы наблюдается растущий интерес к устойчивому развитию и защите окружающей среды, что приводит к необходимости внедрения экологической упаковки на предприятиях. Упаковка в значительной степени формирует потребительские предпочтения на рынке.

Ключевые слова. Экологическая упаковка, спрос, экология, мясокомбинат, упаковка, продукция, потребители, биоразлагаемая упаковка.

В настоящее время все больше людей задумывается об экологии, здоровье и об окружающей среде. Современный потребитель уделяет большое внимание экологичности, рациональному потреблению, здоровому образу жизни и безопасности. Тип упаковки является инструментом коммуникации между бизнесом и конечными потребителями и способен привлечь внимание потребителя [1].

Внедрение экологической упаковки может стать частью маркетинговой стратегии компании. Активное продвижение экологичных продуктов через рекламу и социальные сети привлекает внимание человечества, что увеличивает шансы на увеличение спроса.

Рассматриваются этапы перехода: от анализа текущих упаковочных решений до выбора новых материалов и переобучения персонала.

Ожидается, что реализация данной стратегии не только улучшит конкурентоспособность предприятия, но и повысит лояльность потребителей, заинтересованных в экологически чистой продукции.

ОАО «Ошмянский мясокомбинат» — это команда профессионалов своего дела, которым удалось сохранить лучшие национальные традиции приготовления мясных изделий.

На сегодняшний день мясокомбинат производит и предлагает для реализации более 200 видов продукции. Это колбасные изделия, полуфабрикаты, мясо свинины и говядины.

Упаковка в значительной степени формирует потребительские предпочтения на рынке. Исследования свидетельствуют о том, что только 3% покупателей не придают значения упаковке, приобретая товары.

В связи с этим ОАО «Ошмянский мясокомбинат» сделали в 2023 году, ввод новых п/ф в удобной упаковке для запекания, так же в планах выпуск порционных п/ф в удобной яркой упаковке, а также расширение ассортимента продукции в небольшой вакуумной и газовой упаковке с фиксированным весом, и ввод продуктов из дичи [2].

Основные шаги внедрения:

1. Необходимо провести комплексную оценку текущих упаковочных материалов с учетом их воздействия на окружающую среду.

2. Рассмотреть варианты экологически чистых упаковок, таких как биопластик и переработанные бумаги. Важно исследовать поставщиков, которые предлагают надежные и сертифицированные экологичные решения.

3. Инвестиции в новое оборудование, которое поддерживает использование экологической упаковки. Проанализировать стоимость и сроки окупаемости.

4. Проведение курсов для сотрудников, чтобы они понимали преимущества новой упаковки и могли эффективно внедрять изменения. Разработать программу обучения для сотрудников.

5. Разработка рекламной стратегии, акцентирующей внимание на экологичных инициативах, чтобы привлечь сегмент потребителей, заботящихся об экологии.

Ожидаемый эффект от внедрения:

1. Повышение конкурентоспособности.

2. Увеличение лояльности потребителей.

3. Снижение издержек.

Произведем расчёт внедрения на предприятие экологической упаковки для продукции.

1. Покупка сырья для упаковки:

– Переход на экологически чистые материалы (например, крафт-упаковка) может стоить около 3000 бел. руб. за тонну. Если комбинат использует 10 тонн упаковки в месяц, то затраты составят:

1500 * 10 тонн = 15000 бел. руб. в месяц

2. Модернизация оборудования:

– Установка новых линий для упаковки может потребовать 5000 бел. руб. Ожидается, что это оборудование будет служить более 5 лет, что равномерно распределит расходы:

5000 / 60 месяцев = 83.33 бел. руб. в месяц

3. Обучение персонала:

– Расходы на обучение могут составлять около 2000 бел. руб., что делится на количество работников. Если на обучение отправляется 10 человек, то:

2000 / 10 = 200 бел. руб. на работника

4. Маркетинг экологической продукции:

– Ожидаемые затраты на рекламу и продвижение нового продукта — 1500 бел. руб.. Это разовая затратная статья.

Подсчет общего расхода на внедрение:

30000 + 83.33 + 200 + 1500 = 16783.33 бел. руб. в месяц (первый месяц) + последующие 83.33 BYN на модернизацию.

Чистая прибыль с учетом затрат на внедрение:

23822,7 - 16783,33 = 7039,37 тыс. руб.

Теперь посмотрим, как это повысит спрос на продукцию.

1. Тенденции потребления: Анализ показывает, что 70% современных покупателей готовы платить больше за экологически чистые продукты.

2. Разработка уникального предложения: Подчеркивая использование экологической упаковки, мясокомбинат может выделиться на рынке, например, запустив рекламную кампанию «Заботься о Земле».

3. Социальная ответственность: Участие в экологических инициативах и программах может улучшить репутацию компании, привлечь внимание СМИ и увеличить интерес со стороны новых заказчиков.

С увеличением общественной осведомленности о проблемах экологии, потребители становятся более требовательными к упаковке. Они предпочитают товары, которые минимизируют негативное влияние на окружающую среду. Это приводит к увеличению интереса к продукции [3].

Исследования показывают, что многие покупатели готовы платить больше за продукцию с этикетками «экологически чистая упаковка». Это создает возможность для ОАО «Ошмянский мясокомбинат» установить более высокие цены на продукты, что может увеличить прибыль.

Сравнение затрат и доходов показывает, что внедрение экологичной упаковки (крафт-упаковка) не только оправдывает первоначальные инвестиции, но и создает дополнительные возможности для увеличения прибыли за счет роста потребителей.

Таким образом, экологическая упаковка может значительно повлиять на спрос потребителей на ОАО «Ошмянский мясокомбинат», формируя положительный имидж и способствуя росту продаж.

Такое всестороннее внедрение экологической упаковки будет способствовать не только снижению негативного воздействия на окружающую среду, но и потенциальному увеличению продаж.

Список цитируемой литературы:

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2024. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/selskoe-hozyaistvo/selskoe-khozyaystvo/statisticheskie-izdaniya/index_100487/ – Дата доступа: 15.12.2024.

2. Продукция – Ошмянский мясокомбинат [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://oshmiasko.by › catalog Дата доступа 15.12.2024
3. Отраслевые лаборатории / под ред. А.Г. Шумилина. – Минск: БелИСА, 2021. – 430 с.

Пролыгин А. Н., аспирант
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОЛЬ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье анализируется потенциал технологий искусственного интеллекта в активизации познавательного интереса учащихся на уроках истории. Рассматриваются методы интеграции генеративных нейросетей в образовательный процесс для создания иммерсивной среды и персонализации обучения. Обосновывается влияние ИИ-инструментов на формирование критического мышления и ценностных ориентиров личности в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект; историческое образование; познавательный интерес; цифровизация; ценностные ориентиры; нейросети; активные методы обучения.

Современный этап развития системы образования характеризуется глубокой цифровой трансформацией, которая затрагивает не только технические аспекты обучения, но и его методологические основы. Как отмечает А.Ю. Уваров, цифровая трансформация образования создает новые вызовы и возможности, требуя пересмотра традиционных педагогических подходов и интеграции инновационных технологий в учебный процесс [6]. В контексте преподавания истории, дисциплины, формирующей гражданскую идентичность и ценностные ориентиры личности, внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые возможности для активизации познавательного интереса учащихся.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска педагогических условий, при которых использование ИИ способствовало бы не просто механической передаче знаний, а формированию устойчивого познавательного интереса и глубокому

осмыслению исторических процессов. Познавательный интерес, согласно классическому определению Г.И. Щукиной, представляет собой избирательную направленность личности на познание действительности, характеризующуюся положительной эмоциональной окраской и выступающую мощным мотивом учебной деятельности [7]. Интеграция ИИ позволяет перевести ученика из позиции пассивного слушателя в позицию исследователя и соавтора образовательного контента.

Теоретико-методологические основы применения информационных технологий в образовании, включая вопросы психолого-педагогического сопровождения цифровизации, подробно разработаны в трудах И.В. Роберт [5]. Применительно к историческому образованию технологии искусственного интеллекта можно классифицировать по нескольким направлениям: генерация визуального контента, моделирование исторических диалогов (чат-боты), адаптивное тестирование и анализ больших данных исторических источников. Каждое из этих направлений обладает специфическим потенциалом для активизации познавательной активности.

Одним из наиболее эффективных инструментов является использование генеративных нейросетей для визуализации исторических эпох. Как показывает Е.В. Катович, цифровая трансформация исторического образования охватывает широкий спектр практик — от ИИ-помощников до виртуальных архивов, обеспечивая новые форматы визуализации и геймификации учебного процесса [2]. При изучении тем, связанных с материальной культурой прошлого (например, «Быт древних славян» или «Архитектура средневекового города»), учащимся предлагается самостоятельно создать текстовые описания (промпты) на основе анализа исторических источников, а затем сгенерировать изображения с помощью ИИ. Данный процесс требует от школьников тщательной работы с первоисточниками, выделения ключевых деталей и критической оценки полученного результата на предмет исторической достоверности.

Другим значимым аспектом является применение диалоговых ИИ-систем, настроенных на роль конкретных исторических персоналий. Метод «живой истории» позволяет учащимся вести диалог с виртуальными копиями государственных деятелей, полководцев или представителей различных социальных слоев прошлого. Исследования К.А. Курылевой подтверждают, что грамотное внедрение цифровых технологий, включая интерактивные форматы, существенно повышает мотивацию и познавательную

активность учащихся при изучении гуманитарных дисциплин [3]. Такая форма работы развивает эмпатию и способность к историческому сопереживанию, что напрямую связано с формированием ценностных ориентиров.

Важно отметить, что использование ИИ несет в себе определенные риски, связанные с возможностью генерации исторических фейков и искажений. Однако именно эти риски становятся педагогическим ресурсом. Организация дискуссий на тему «Доверять ли нейросети?» и сравнение сгенерированного контента с академическими данными стимулирует развитие критического мышления. Как подчеркивается в коллективной монографии А.А. Байкова и Е.С. Зиновьевой, интеграция ИИ в гуманитарное образование требует особого внимания к вопросам этики, методологии и формирования цифровой грамотности как у преподавателей, так и у обучающихся [1]. Ученики учатся осознавать ответственность за интерпретацию истории, понимать разницу между объективным фактом и субъективной трактовкой, что является фундаментом формирования гражданской позиции.

Аналитические материалы журнала «Историческая информатика» также указывают на необходимость выработки новых критериев достоверности и методологической рефлексии в условиях цифровой трансформации исторической науки [4]. Эмпирические наблюдения показывают, что уроки истории с элементами ИИ-технологий характеризуются более высоким уровнем вовлеченности учащихся: повышается количество вопросов, инициированных самими школьниками, улучшается качество домашних заданий творческого характера.

Таким образом, интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс преподавания истории является эффективным средством активизации познавательного интереса. ИИ-инструменты способствуют трансформации учебного процесса, делая его исследовательским и диалогическим. Это, в свою очередь, создает благоприятные условия для формирования личности, обладающей развитым критическим мышлением, способностью к самостоятельному поиску знаний и четкими ценностными ориентирами, что соответствует вызовам новой социальной реальности.

Список цитируемой литературы:

1. Байков, А. А. Социально-гуманитарное образование перед вызовами искусственной социальности: руководство для преподавателей вузов / А. А. Байков, Е. С. Зиновьева. – Москва : ЛитРес, 2024. – 245 с.

2. Катович, Е. В. Цифровая трансформация исторического образования: от ИИ-помощников до виртуальных архивов [Электронный ресурс] / Е. В. Катович // Инфоурок. – Режим доступа: https://infourok.ru (дата обращения: 01.05.2026).

3. Курылева, К. А. Использование цифровых технологий в образовании на примере преподавания истории [Электронный ресурс] / К. А. Курылева // Электронный архив УрФУ. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru (дата обращения: 01.05.2026).

4. Историческая наука в эпоху цифровой трансформации: анализ современных тенденций // Историческая информатика. – 2024. – № 1. – С. 168–173.

5. Роберт, И. В. Теория и методика информатизации образования / И. В. Роберт. – Москва : Лаборатория знаний, 2022. – 280 с.

6. Уваров, А. Ю. Цифровая трансформация образования: новые вызовы и возможности / А. Ю. Уваров // Вопросы образования. – 2023. – № 1. – С. 8–25.

7. Щукина, Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике / Г. И. Щукина. – Москва : Педагогика, 1971. – 352 с.

Научное издание

Личность. общество. государство:
Проблемы развития и взаимодействия

Материалы XX Всероссийской очной
научно-практической конференции
(29 апреля 2026, г. Липецк)

Зелёная экономика: глобальные вызовы,
национальные интересы и перспективы
устойчивого развития

Материалы международной
научно-практической конференции
(9 июня 2025, г. Липецк)

Под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Е.А. Гончаровой

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,38. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейников Олег Юрьевич
108811, г. Москва, Московский г., Радужная ул., д. 21